

С. Ярославцев

С. Ярославцев

Экспедиция в преисподнюю
Дьявол среди людей
Подробности жизни Никиты Воронцова

С.Ярославцев

С. Ярославцев

Экспедиция в преисподнюю
современная сказка

Дьявол среди людей
повесть

**Подробности
жизни Никиты Воронцова**
повесть

МОСКВА «ТЕКСТ» 1995

ББК 84Р 7-4
Я 71

Художник Владимир Любаров

ISBN 5-7516-047-9

© С.Ярославцев, 1993, 1995

© «Текст», 1995

Краткая история одного псевдонима

Почему, собственно, «С. Ярославцев»?

Не помню. Понятно, почему «С»: все наши псевдонимы начинались с этой буквы — С. Бережков, С. Витин, С. Победин...

Но откуда взялся «Ярославцев»?

Совершенно не помню.

В нашей замечательной стране, где бухгалтерия не выдаст автору ни единого рубля из его гонорара без предъявления самых исчерпывающих сведений о паспорте, месте жительства и о количестве детей, — в этой удивительной стране нашей сохранить тайну псевдонима, казалось бы, совершенно невозможно. И тем не менее следует признать, что «загадка С. Ярославцева» выдержала испытание временем более чем удовлетворительно.

Разумеется, тысячи читателей почти догадывались who is who, сотни были весьма близки к правильному ответу, но только, может быть, десятки знали этот ответ точно. Лично мне приходилось встречаться с четырьмя основными гипотезами по поводу личности С. Ярославцева.

1. С. Ярославцев — это А. и Б. Стругацкие, пытающиеся таким вот образом, с помощью псевдонима, продрасть сквозь цензурно-редакторские рогатки;

2. С. Ярославцев — это А. Стругацкий без какого-либо участия Б. Стругацкого;

3. С. Ярославцев — это Б. Стругацкий без какого-либо участия А. Стругацкого;

4. С. Ярославцев — это молодой начинающий писатель имярек, рукописи которого А. и Б. Стругацкие «причесывают, доводят до кондиции, а затем проталкивают в печать».

Помнится, мне доставляло известное удовольствие с непроищаемым лицом выслушивать

такого рода версии, а потом отвечать в манере Рэдрика Шухарта: «Комментариев не имею...» Это было забавно. Это была такая забавная игра. Но в том, как эта игра начиналась, не было ничего забавного. Все три произведения С. Ярославцева были задуманы и разработаны в исключительно неблагоприятное и тяжелое для нас время — в интервале 1972 — 1975 гг., когда период Уклончивого Поведения Издательств только еще начинался, новые договоры не заключались, а те, что были заключены раньше, не исполнялись, перспективы и горизонты решительно затянуло туманом, и вопрос «Как жить дальше и зачем?» встал перед нами во всей своей неприглядной определенности. В январе 1972 года мы начали писать сценарий мультфильма под названием «Погоня в космосе». Сценарий этот сначала очень понравился Хитруку, через некоторое время — Котеночкину, но потом на него пала начальственная резолюция (в том смысле, что такие мультфильмы советскому народу не нужны), и он перестал нравиться кому бы то ни было. И вот тогда АНС взял сценарий и превратил его в сказку. Так появился С. Ярославцев — девяносто процентов А. Стругацкого и десять процентов А. и Б., вместе взятых. Примерно в то же время мы придумали сюжет про человека, сознание которого крутилось по замкнутому кольцу времени. В этом сюжете изначально было много любопытных позиций — тщетные попытки героя вмешаться в историю... предупредить генералиссимуса насчет войны... Жданова — насчет блокады... ну хотя бы родного отца — насчет ареста! Идея неслучайности, предопределенности, неизбежности истории мучила нас, раздражала и вдохновляла. Но ничего подобного писать было в те времена нельзя, и тогда АНС взял этот сюжет и написал все, что можно было в те времена написать, —

историю Никиты Воронцова. И это было — второе произведение С. Ярославцева.

23 января 1975 года в нашем рабочем дневнике появляется запись: «Человек, которого было опасно обижать», и на другой день: «Имя ему — Кимм». Сюжет был разработан тогда достаточно подробно — хоть садись да пиши. Кроме Кимма, который обладал загадочной способностью помимо воли своей наносить ущерб людям, вознамерившимся нанести ущерб ему, были там у нас: гангстер Шевтц (наемный убийца), некий сенатор, ученый генерал из ВПК («генерал-чума»), священник, культурист-мазохист... Действие, вполне бурное и исполненное захватывающих приключений, должно было протекать в курортном городе некоей маленькой страны — не то Греции, не то Мальты... Сейчас я уже не помню, почему мы тогда стали писать не эту повесть, а сценарий по «Понедельнику...». А уже в мае перед нами предстал вдруг Андрей Тарковский с идеей будущего «Сталкера», и мы отвлеклись от нашего Кимма надолго, — но не навсегда.

Мы вернулись к этому сюжету снова в мае 1990 года. В дневнике записано: «Обсуждали Несчастливого Мстителя». Теперь нашего героя звали Ким Волошин, и главные события повести должны теперь были разворачиваться сегодня, сейчас, и у нас в стране. Никаких Греций, никаких Мальт, никаких сенаторов — заштатный российский городок, обком-райком, милиция, УКГБ... И должно было это все называться теперь «Бич Божий» — мы не знали тогда, что произведение с таким названием уже существует.

Мы обсуждали новый сюжет на протяжении всего 90-го года. Будь на то моя только воля, мы обсуждали бы его и дальше — мне казалось, что времени впереди еще навалом, куда спешить?.. АНС думал иначе. Может быть, он что-то предчувствовал. Может быть, догадывался.

Может быть, знал. Здоровье его уже заметно пошатнулось тогда, но он перемогся и заставил себя работать — сел и к началу лета 1991 года закончил последнее произведение С. Ярославцева — «Дьявол среди людей». Третье и последнее. Вот, по сути, и вся история этого псевдонима — короткая история длиною в двадцать, без малого, лет.
Vita brevis, ars longa.

Борис Стругацкий

Экспедиция в преисподнюю

современная сказка

Часть первая

Погоня в космосе

1

На берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана жили-были три закадычных друга: мастер, спортсмен и ученый. В память о знаменитых мушкетерах мы будем называть их Атосом, Портосом и Арамисом, потому что, во-первых, настоящие их имена большого значения не имеют, а во-вторых, их действительно так всегда и называли, ибо были они неразлучны, готовы были друг для друга на любые подвиги и дружбу свою ставили превыше всего. И если кто-нибудь из их знакомых говорил: «Вчера наши мушкетеры опять отличились», то все сразу понимали, о ком идет речь, и без лишних слов спрашивали: «Что еще они там натворили?» При всем том они довольно разные люди, что, впрочем, неудивительно, принимая во внимание их профессии. Ведь всем известно, что мастера на нашей планете заняты созданием неопределимо прекрасных произведений искусства и конструированием неслыханно могущественных механизмов; спортсмены развивают замечательные возможности человеческого организма и доводят до совершенства красоту человеческого тела; а ученые — они ученые и есть: замышляют дерзкие походы к самым истокам вещества и планируют чудесные превращения живой материи. Поэтому ученые, спортсмены и мастера всегда будут несколько отличаться друг от друга, пока какой-нибудь гений не совместит в одно лабораторию, стадион и мастерскую.

Однако по части досугов вкусы у наших друзей были примерно одинаковые и нередко причиняли беспокойство окружающим. То они заплывали далеко в океан, подкрадывались к пожилому кашалоту, задремавшему под солнцем на ленивой волне, и вдруг принимались с гиканьем его щекотать, так что тот с воем и фырканием мчался жаловаться к подводным пастухам. То они принимались, на ночь глядя, разучивать под гитару новую лирическую песенку, и, поскольку у Портоса был могучий бас и не было практически никакого музыкального слуха, это неизменно приводило людей, зверей, птиц и

роботов, застигнутых врасплох на ближайших гектарах, в необычайное возбуждение. А однажды они тайком сконструировали безобразный механизм, который среди бела дня прошел по центральной улице, играя на черной дудочке, и все роботы-няни, роботы-дворники, роботы-садовники в поселке бросили свои дела, устремились за ним в степь и вернулись только через неделю. Словом, это были порядочные шалопаи, и, хотя многим их знакомым подобные выходки очень нравились, все вокруг вздыхало с облегчением, когда на неразлучных мушкетеров напал тихий стих и они часами валялись где-нибудь в тени на травке, погрузившись в чтение старинных книг о великих революциях и гигантских битвах народов за свободу и независимость. (Нет, все-таки они были очень разные люди. Как-то каждому из них задали один и тот же вопрос: «Что тебе интереснее всего, когда перед тобой поставлена цель?» Мастер Атос пожал плечами и небрежно ответил: «Пожалуй, искать средства для достижения этой цели». Спортсмен Портос воскликнул не задумываясь: «Конечно, добиваться этой цели во что бы то ни стало!» А ученый Арамис произнес своим обычным тихим голосом: «Наверное, узнать, что будет после того, как я достигну этой цели». Может быть, поэтому они и были друзьями?)

Следует тут же сказать, что в повседневной деятельности нашей тройки большое участие принимала некая Галя, весьма юное и миловидное существо, обитавшее в хорошеньком домике неподалеку. Была она не то двоюродной сестрой, не то троюродной теткой Арамиса и на правах родственницы охотно соглашалась, в зависимости от настроения, либо устраивать мушкетерам выволочку от имени и по поручению возмущенной общественности, либо умиротворять возмущенную общественность от имени и по поручению мушкетеров. В промежутках она выводила на опытном участке за поселком новые сорта винограда, заставляла Атоса мастерить механические игрушки для соседских ребятишек («Ты когда-нибудь оставишь меня в покое со своими сопляками, капустная кочерыжка?»), занималась под руководством Портоса художественной гимнастикой («Носок! Тяни носок, малышка!») и запускала Арамису за шиворот больших жуков-олений, которых он боялся хуже погребели («Уоу! Я разорву тебя на части, наглая девчонка!»). В общем, Галю почти всегда можно было найти где-нибудь неподалеку от мушкетеров (или мушкетеров неподалеку от Гали), так что их знакомые частенько называли ее «д'Артаньяном в юбке», хотя Галя по некоторым соображениям нипочем не желала

откликаться на это во всех отношениях лестное прозвище. И когда Галя по субботам отправлялась верхом в Зеленую долину на блины к свосму любимому дедушке, бывшему коку Северного подводного флота, ее почти всегда сопровождали мушкетеры — то ли из дружеской привязанности, то ли в предвкушении великолепных блинов, до которых все они были великие охотники. И надо было видеть, как они летят галопом по обочине шоссе, выпятив поджарые зады и пригнувшись к гривам, пронзительно свистя и подбадривая друг друга удалыми возгласами!

Собственно, эта история началась именно в одну из таких суббот, только в тот день Атос и Арамис были заняты, и сопровождать Галю к деду отправился один Портос. День был отличный, солнечный, в бездонном синем небе важно плыли пухлые, как сбитые сливки, бело-желтые облака. Галя и Портос галопом скакали вдоль шоссе, а вокруг простиралась Зеленая долина: цветущие сады, изумрудные луга, уютные домики и ажурные павильоны, прозрачные ручьи и синие, как небо, реки под горбатыми мостиками, и весело уносились назад километровые столбы с цифрами: 110... 111... 112... Бил в горящие лица свежий ветер, яростно фыркали могучие кони, роняя с серых губ плотную пену, потешная лохматая собачонка кинулась вслед и отстала... И все было просто замечательно, особенно если принять во внимание, что на финише их ждали горы раскаленных золотистых блинов со всеми онерами и причиндалами и запотевшие с холода кувшины с благородным светлым сидром, от которого щиплет язык и слезы навертываются на глаза.

Вдруг Галя на всем скаку так резко осадила коня, что тот взвился на дыбы. Портос проскакал с разгона еще десяток шагов и тоже остановился.

— В чем дело? — осведомился он, поворачиваясь в седле.

Галя не ответила. Сдвинув брови, она озадаченно разглядывала километровый столб. Портос подъехал к ней.

— Ну? — спросил он. — Что случилось?

— Гляди... — шепотом сказала Галя. — Что это?

Он поглядел. Столб как столб. На белой эмалированной дощечке черные цифры: 160.

— Сто шестьдесят, — нетерпеливо произнес он. — Круглое число. Ну?

— И лес впереди, — прошептала Галя.

Действительно, шоссе впереди уходило в дремучий лес. Что-то забрезжило в сознании Портоса сквозь сладостные видения дымящихся блинов и запотевших стаканов. Галя, не

говоря больше ни слова, развернула коня и помчалась назад. Портос пустился за нею. Они остановились у предыдущего столба. На белой эмалированной дощечке чернели цифры: 120.

— Сто двадцать... — по-прежнему шепотом проговорила Галя. — И сразу — сто шестьдесят... и сразу лес...

— Это что же такое происходит? — недоуменно сказал Портос. — Это, значит, выходит, что куда-то запропастились сорок километров шоссе!

— Не просто шоссе, глупый! — закричала Галя, и ее прекрасные зеленые глаза налились слезами. — Пропала половина Зеленой долины, пропал дедушкин дом, понимаешь?

— Ты не расстраивайся, — пробормотал Портос. — Может, все не так страшно...

Они снова развернули коней и вернулись к столбу на опушке леса.

— Сто шестьдесят, — сказал Портос. — Какая глупая шутка!

— Это не шутка. Это тебе не китов щекотать. Здесь произошло что-то очень страшное! Что же теперь делать?

Портос подумал.

— Надо рассказать Атосу и Арамису, — решительно произнес он. — Едем назад.

— Нет, — сказала Галя. — Едем вперед.

— Но впереди же просто лес...

— Вот и посмотрим, что там.

Они с места пустили коней в галоп и влетели в лес. В лесу царили душноватые сумерки, звонко стучали копыта по бетонке, и уносились назад километровые столбы с цифрами: 161... 162... 163... 164... «Лес и лес, — с досадой думал Портос, вглядываясь в черно-зеленую тьму по сторонам шоссе. — Обыкновенный смешанный лес. Только время зря теряем. Нам бы скорее домой и сообщить обо всем Атосу и Арамису, это же такие головы, что поискать, а мы скачем куда глаза глядят». Но он по опыту знал, что упрямая девочка в спорах непобедима. Ладно, снизойдем... И тут он обнаружил странную вещь. Кони с галопа незаметно перешли на рысь, затем пошли шагом, и не успел он поделиться этим ценным открытием с Галей, как его могучий жеребец повернулся боком и встал поперек шоссе словно вкопанный.

— Ну? — удивленно спросил его Портос. — Ты что это? В чем дело?

Жеребец молча помотал головой.

— Может быть, ты устал?

Жеребец понюхал бетонку и фыркнул.

— Что с конями? — встревоженно спросила Галя.

Ее конь пятился, задирая голову, его сотрясала крупная дрожь.

— Так-так-так! — сказал Портос, нахмурясь. — А кони-то не хотят идти дальше, боятся. Выходит, ты была права, малышка: впереди что-то есть.

Они поглядели друг на друга, потом на своих коней.

— Ну как, поворачиваем? — спросил Портос.

Он спросил просто так, на всякий случай. Он отлично знал, что будет дальше. И верно: Галя соскочила с коня и сказала:

— Мы не кони. Мы пойдем дальше.

Разговаривать было бесполезно. Портос со вздохом спешился, привязал коней к ближайшей сосне и тоном, не допускающим возражений, произнес:

— Я иду впереди, ты в десяти шагах позади меня.

Так они и пошли, держась середины шоссе, то и дело оглядываясь по сторонам. За километровым столбом с цифрой 168 лес внезапно расступился, и перед ними открылась просторная поляна, на которой возвышался крутой, поросший жухлой травой курган с плоской вершиной.

2

Некоторое время Портос и Галя стояли, держась за руки, настороженно вглядываясь и прислушиваясь. На вершине кургана обширной зеленой тучей громоздился гигантский приземистый дуб, похожий больше на баобаб, а в его тени виднелось ветхое строение с провалившейся крышей и черными прямоугольниками пустых окон. Было очень тихо, не слышно было ни обычного жужжания шмелей, ни стрекота кузнечиков. И ярко сияло в синем небе над головой полуденное солнце. Потом налетел порыв ветра, зашелестела, зашумела, засверкала серебристыми искрами дубовая листва, и длинно и тоскливо заскрипело что-то — то ли наполовину сорванная ставня, то ли ржавые дверные петли. Галя вздрогнула и прижалась к Портосу. Но востер пролетел, и все снова стихло. Портос мужественно откашлялся.

— Я схожу посмотрю, а ты подожди здесь, — предложил он.

— Нет уж! — сказала Галя решительно. — Я уж лучше с тобой.

По колено в густой траве они пошли через поляну. Белый пушистый комочек с тихим писком выскочил из-под ног Портоса и скрылся. «Кролик», — машинально подумал Портос. Солнце припекало. Они подошли к подножию кургана и стали подниматься по крутому склону. С каждым шагом развесистая крона дуба все дальше надвигалась на небо. Наконец она надвинулась на солнце, и сразу сделалось прохладно. Даже как-то зябко, с удивлением отметил про себя Портос.

— Слушай, ты не боишься? — шепотом спросила Галя.

— Еще чего! — громовым басом отозвался он.

Она изо всех сил вцепилась пальчиками в его ладонь, и он ободряюще улыбнулся ей, стараясь показать как можно больше своих превосходных зубов. Увидеть такие зубы будет бесполезно и неведомому чудовищу, если оно сейчас тайком наблюдает за ними. Портос был великий стратег.

Вблизи заброшенный дом оказался именно тем, чем казался издали: заброшенным домом. Бревенчатые стены почернели и покрылись зеленовато-голубым лишайником, окна с выбитыми стеклами были затянuty пыльной паутиной, покосившиеся и насквозь прогнившие доски крыльца вели к отверстому дверному проему, а дверь косо висела на одной ржавой петле. Портос легко сорвал ее, отшвырнул в сторону и, пригнувшись под низкой притолокой, вошел в дом. Галя следовала за ним по пятам.

— Так-так-так! — произнес Портос, осматриваясь. — Мерзость запустения...

Весь дом состоял из одной-единственной и совершенно пустой комнаты. Щелястый пол был покрыт густым слоем пыли, со стен свисали обрывки обоев неопределенной расцветки, потолок просел и наполовину обрушился, сквозь проломы видны были балки, подпирающие крышу, а сквозь дыры в крыше виднелась зеленая листва дуба. Портос шумно принюхался.

— И воняет здесь как-то скверно, — сказал он. — Кислотой воняет...

Галя вдруг отпустила его руку и присела на корточки.

— Портос! — тихо проговорила она. — Портос, гляди! Следы!

— Где следы? — живо спросил Портос, шаря глазами по стенам вокруг себя.

— Ну куда ты смотришь? Смотри сюда!

Портос нагнулся. Он едва успел отыскать взглядом странные вмятины в пыли на полу, словно здесь топтался

слон на своих ногах-гумбах, и в то же мгновение жуткий протяжный вопль разорвал тишину, на чердаке захлопали могучие крылья, и с потолка посыпался потоками мусор. Это произошло так неожиданно, что Портос и Галя целые три секунды оставались в прежних позах, не в состоянии пошевелиться, прикрыть головы, крикнуть. А странное нападение продолжалось.

«Уху-у-у-у! Уху-у-у-у!...» — вопил нечеловеческий голос, бились о чердачные балки невидимые крылья, валился сверху мусор, и весь дом заполнился плотными клубами удушливой пыли. Портос наконец опомнился.

— Эй, там! — взревел он. — Наверху! Шею сверну мрзавцу!

— Бежим! — отчаянно крикнула Галя.

Легко сказать — бежим. С большим трудом, чихая, кашля и отплевываясь, они ощупью добрались до двери и вывалились наружу. Суматоха на чердаке сейчас же прекратилась, снова наступила тишина. Портос и Галя медленно поднялись на ноги, поглядели друг на друга и сейчас же принялись молча чиститься. Из окон и двери дома ползли и оседали на траву прозрачные серые облака пыли.

— Чтоб ты сдохла, окаянная! — прорычал Портос, ожесточенно выскребая пятерней мусор из волос.

— Ты это про кого? — спросила Галя.

— Про птицу эту, про кого же еще? Ты не заметила? Громадная такая белая птица, похожая на филина...

— Птица, — повторила Галя. — Ладно, пусть птица. Пойдем.

Лицо ее, измазанное пылью, было бледно, губы плотно сжаты, зеленые глаза горели. Они молча, изо всех сил стараясь не оглядываться, спустились с кургана, молча пересекли поляну, вернулись на шоссе и молча дошли до того места, где оставили коней. Только когда копыта снова застучали по бетонке, Галя сказала:

— Я убеждена, что все дело в этом кургане и в этой развалине. Здесь кроется какая-то страшная тайна, и, если мы ее на раскроем, нам никогда не узнать, что случилось с половиной Зеленой долины и с дедушкой.

— Ага... — глубокомысленно отозвался Портос. — Значит, ты считаешь, что птица обо всем догадалась и потому напала на нас?

— А ты как считаешь?

— Признаться, я думал... она могла просто испугаться, если у нее там, скажем, гнездо или еще что-нибудь. Мы там

кричали, шумели, она завозилась, заорала, забила крыльями...

Галя с состраданием поглядела на него:

— Милый Портосик, ты помнишь, в какой момент все это началось?

— Началось это... Да, конечно! Как только ты показала мне следы... Странные, признаться, следы...

— Вот именно. Когда она увидела, что мы обнаружили следы, она завалила их всякой дрянью, а нас попросту выгнала.

— Ага... — произнес Портос. Он весь даже покраснел от умственного напряжения. — Значит, ты считаешь, что эта птица причастна к исчезновению половины долины и... Э... дедушки? Что же это за птица?

Галя не ответила. Они выехали из леса и снова пустили коней по обочине. В эту минуту над их головами раздался жалобный писк. Портос взглянул на небо и изумленно ахнул:

— Да это же она, собственной персоной!

Огромная белая птица с круглой кошачьей головой и огромными глазами парила над ними, сжимая в когтях маленького пушистого зверька.

— Смотри, она схватила кого-то! — закричала Галя. — Она его съест!

Портос мигом слетел с седла, нагнулся, пошарил под ногами и выпрямился, подбрасывая на ладони увесистый булыжник. Птица холодно и равнодушно разглядывала его сверху, покачиваясь на неподвижно распростертых крыльях. Портос размахнулся. Р-р-раз! Булыжник ударил птицу под левое крыло. Знакомый жуткий вопль прозвучал над долиной. Птица разжала когти и, сильно кренясь на левый бок, исчезла за верхушками деревьев, а белый пушистый комочек упал к ногам Портоса.

— Дай его сюда, — сказала Галя. — Да осторожней, не сделай ему больно!..

Это был странный зверек: настоящий Чебурашка, только белый как снег и с красными глазами. Он трясся в Галиных ладонях, и сквозь пушистый мех она отчетливо ощущала, как бешено стучит его крошечное сердце.

— Бедненький... — проговорила Галя. — Напугался...

— Еще бы! — сказал Портос. — А кто это? Котенок?

— Да нет. Видишь, хвостик какой короткий.

— Значит, крольчонок?

— Тоже нет. Ушки маленькис... Ладно, садись на коня. Едем прямо к Атосу, надо спешить.

Не умывшись, не переодевшись, бросив коней прямо на улице, Галя и Портос вбежали в дом Атоса, втиснулись в кабину лифта, похожую на стакан из цветного стекла, и спустились в его обширную мастерскую. Здесь пол дрожал под ногами, низко гудели замысловатые механизмы в округлых сетчатых кожухах, стремительные сквозняки разносили запахи раскаленного металла и нагретой пластмассы, вспыхивали и гасли ослепительные лиловые огни, отбрасывая на стены зыбкие тени, и десятки больших и маленьких роботов-крабов, роботов-пауков, роботов-сколопендр деловито сновали, позвякивая сочленениями, из конца в конец этого огромного подземного зала, выполняя какие-то им самим неведомые операции. Сам Атос в белом комбинезоне стоял перед пультом управления на плоской круглой платформе, подвешенной к большому решетчатому крану.

— Эгей! — громовым голосом рявкнул Портос.

Атос мельком взглянул на них и досадливо отмахнулся.

— Я занят! — раздраженно произнес он. — Что за манера...

Но тут до него дошло, что его друзья выглядят, мягко выражаясь, не совсем обычно. Он снова взглянул на них, уже более внимательно, присвистнул и ткнул пальцем в какую-то кнопку на пульте. Платформа плавно тронулась с места, снизилась и опустилась рядом с Галей и Портосом. Атос соскочил на пол.

— Ну и ну! — сказал он. — Где это вы так извозились? Как вам не стыдно появляться у меня в мастерской в таком виде?

— Пропала половина Зеленой долины! — торопливо заговорил Портос.

— Пропал дедушка! — заговорила одновременно Галя.

— Сорок километров шоссе...

— Сначала мы скакали верхом, а потом кони испугались...

— Все дело в этом кургане с дубом и старым домом...

— Как только мы нашли следы, она заорала и засыпала нас...

— Огромная белая птица, вроде филина...

— Здесь какая-то опасная тайна...

— Я подбил ее камнем, но она улетела...

Атос легонько похлопал их по губам ладонью, и они послушно замолчали. Атос поглядел на ладонь, вытер ее бело-

снежным носовым платком и бросил платок на пол. Немедленно расторопный робот-краб подхватил платок и куда-то унес.

— Разберемся, — произнес Атос и сел на край платформы. — Вы чудовишно, до отвращения грязны, но, судя по всему, дело не терпит отлагательства. Поэтому садитесь на пол, потом за вами приберут.

Галя и Портос сконфуженно сели на пол, скрестив ноги по-турецки, а Атос достал из нагрудного кармана радиотелефон и нажал кнопку вызова.

— Слушаю, — отозвался тихий, как всегда, голос Арамиса.

— Говорит Атос. Прости, что отрываю тебя от дела, но тут ко мне явился наш спортсмен в паре с капустной кочерыжкой, они очень возбуждены и жаждут сообщить нечто весьма любопытное и, боюсь, весьма трагическое. Выслушаем их.

— Слушаю, — повторил голос Арамиса.

— Рассказывайте, — приказал Атос.

Торопливо и сбивчиво, то и дело перебивая друг друга и ссорясь из-за подробностей, Галя и Портос рассказали друзьям о своих приключениях и переживаниях. Когда они замолчали, Атос подождал немного и спросил:

— Всё?

Галя и Портос кивнули.

— Что скажешь, Арамис?

— Странно и опасно. Через минуту буду у вас. Я слушал на ходу.

— Я за дедушку боюсь... — всхлипнула вдруг Галя и судорожно погладила зверька, устроившегося у нее на плече. Зверек прижался к ее щеке и заморгал красными глазками.

— Я бы что сделал? — солидно кашлянув, произнес Портос. — Я бы прямо туда пошел, к этим шутникам, и все бы у них разнес вдребезги, чтобы неповадно было...

Негромко звякнул лифт, и из кабины вышел Арамис, на ходу засовывая свой радиотелефон в карман ослепительно белого халата. Присев на край платформы рядом с Атосом, он внимательно оглядел Галю и Портоса и улыбнулся — чуть-чуть, едва заметно, уголками губ.

— Итак? — проговорил он.

— Ты слышал их, — сказал Атос. — Выкладывай, что ты об этом думаешь.

— Давайте еще раз посмотрим, что нам известно, — начал Арамис своим тихим, спокойным голосом. — Во-первых,

исчезла полоса территории шириной в сорок километров вместе с населением, растительностью и животными. Теоретически можно себе представить — а значит, и воспроизвести — условия, при которых подобная акция осуществима. В субэйнштейнианской физической геометрии она известна и носит название трехмерной контракции...

— Закрой рот, — строго сказал Атос Портосу.

— Во-вторых, — продолжал Арамис, — в дремучем лесу рядом с шоссе за сто шестьдесят восьмым километром появились поляна и курган с вековым дубом на вершине. Я говорю «появились», потому что на аэрофотографиях, снятых всего год назад, ничего подобного не наблюдается. Я сам проверил это перед тем как отправился сюда. В сочетании с фактом трехмерной контракции, имевшей место между сто двадцатым и сто шестидесятым километром, внезапное появление этой поляны и кургана с дубом и древним строением выглядит крайне подозрительно и наводит на мысль о маскировке. В-третьих, я совершенно согласен со своей дорогой родственницей, что действия так называемой большой белой птицы имели целью запугать и обратить в бегство непрошенных свидетелей.

— Вывод? — спросил Атос.

Арамис пожал плечами:

— Логический вывод полностью совпадает с интуитивным, к которому вы пришли и без моей помощи. Мы имеем дело с преступлением.

Воцарилось молчание. Потом Портос спросил:

— С чем?

— С преступлением, — повторил Арамис.

— Ага... — глубокомысленно произнес Портос.

— Ну как тебе не стыдно! — нетерпеливо сказала Галья. — Ты же читал... Это когда открывали без спроса сундуки с сокровищами, отбирали у голодных последний кусок, убивали без причин...

— Да, — сказал Портос. — Правда. Я вспомнил. Значит, мы имеем дело с преступлением. Очень хорошо. А то я думал, что это просто дурацкая шутка.

— О шутках лучше пока забыть, — сказал ему Атос и повернулся к Арамису: — Давай нам последнее звено, старина. Кто преступники?

— Люди не совершали преступлений уже лет сто, — тихо ответил Арамис. — А преступлений, связанных с применением громадных энергий и мощной техники, на нашей планете и в ее окрестностях не случалось уже лет двести.

Сам собой напрашивается вывод, что преступники... — Он замолчал и поднял кверху указательный палец.

Портос поглядел на потолок.

— Неужели соседи? — испуганно спросил он.

— Ну что ты с ним будешь делать! — возмущенно воскликнул Атос и хлопнул себя по коленям.

— Нет, — сказал Арамис, — преступники — пришельцы из Глубокого космоса. Мы еще не знаем, что у них на уме и каковы их возможности, но мы должны быть готовы к самому худшему.

— К войне! — жестко сказал Атос.

Портос вскочил и стал засучивать рукава.

— Мы их расшибем! — объявил он. — Мы им накостыляем! Мы им покажем, этим космическим нахалам! Пошли, ребята!

— Сядь, — приказал Атос. — Да, война. Мы очень давно не воевали, но мы вспомним, как это делается. Вот что я предлагаю. Прежде всего, конечно, надо оповестить Всемирный совет. Там сидят умные люди, и они, несомненно, придумают что-нибудь солидно. Но мы не будем их дожидаться. Как солдаты мы не хуже и не лучше любого из десяти миллиардов людей, населяющих планету. Но мы первыми обнаружили преступников, и мы первыми примем бой. Ясно, что преступники, совершив диверсию между сто двадцатым и сто шестидесятым километрами, на этом не успокоятся. Если бы мы знали, где и когда они совершат следующую, мы бы встретили их именно там и именно в то время. Но мы этого не знаем. Я предлагаю пойти на риск: ударить прямо по гнезду, по поляне с курганом. Если мы победим, все в порядке. Если мы погибнем, это будет добрая разведка босм. И мы сделаем это завтра же утром. Согласны?

— Согласны! — хором ответили Галя, Портос и Арамис.

Галя ответила громче всех, громче даже Портоса, и мушкетеры разом замолчали и в замешательстве уставились на нее. Измазанное лицо ее пылало, глаза метали зеленые молнии, кулачки были сжаты так, что побелели косточки. Она была уже не в мастерской, она была уже не с друзьями, она мчалась на лихом коне через зловещую поляну, размахивая кривой саблей, и врубалась в ряды коварных космических преступников. Разумеется, эти сладостные иллюзии были немедленно и грубо разрушены. Мушкетеры пустили в ход все средства: логику, шантаж, угрозы, лесть, обещания — и в конце концов взяли верх. Было решено, что во время завтрашней операции Галя расположится в лаборатории Ара-

миса и будет выполнять ответственнейшее задание по поддержанию непосредственной связи с уполномоченными Всемирного совета.

Галя еще всхлипывала и размазывала по румяным щекам слезы и грязь, а Портос и Атос отдувались и утирали потные лица, когда Арамис вдруг спросил:

— А где же этот Галин зверек?

Все хлопотливо заерзали, озираясь.

— Вот он! — в изумлении вскричал Портос, вскакивая на ноги.

Белый пушистый комочек стремительно катился к лифту.

— Стой! — заревел Портос и первым бросился в погоню. — Стой, тебе говорят!

Атос и Арамис отстали от него всего на пять шагов, но странный зверек уже нырнул в прозрачную кабину, похожую на стакан из цветного стекла, ловко, словно муха, взбежал по ее стенке и ткнул лапкой в кнопку подъема. Когда Портос добежал до лифта, кабина уже уносилась вверх.

Лишь через несколько минут ошеломленные и взволнованные друзья выбежали на улицу из дома Атоса. И они сразу увидели: в темно-синем предвечернем небе, мерно размахивая крыльями, улетает в сторону Зеленой долины, в сторону дремучего леса, в сторону поляны с курганом большая белая птица, сжимающая в когтях пушистый комочек. Она улетала все дальше, превратилась в белую точку и исчезла. Тогда они переглянулись. У Атоса глаза были, как темные щели, лицо Арамиса окаменело, Портос шумно дышал, сжимая и разжимая огромные кулаки, у Гали дрожали губы.

— Мы еще не знаем, что представляет собой противник, — медленно произнес Атос, — но мы можем считать, что война нам объявлена. И выше носы! — прикрикнул он. — Слушай мою команду! Галя, немедленно отправляйся домой, приведи себя в порядок и ложись спать. Никаких возражений, это приказ! Завтра у тебя будет трудный день, это я тебе обещаю... (Он и не подозревал, насколько был прав, когда давал это обещание.) Портос, ступай в ванную, переодейся и возвращайся ко мне в кабинет. Мы с Арамисом тем временем свяжемся с Всемирным советом...

Когда весь красный, распаренный и чрезвычайно чистый Портос в одних трусах вывалился из ванной, его друзья ползали по огромной аэрофотокарте, разостланной прямо на полу.

— Ну, стратеги, как дела? — осведомился он, плотно усаживаясь на пустынное плоскогорье к западу от поселка. — Связались с советом?

— Связались, — рассеянно ответил Атос.

— И что они вам сказали?

— По-моему, они не очень нам поверили. Да этого и следовало ожидать. Я бы на их месте тоже не поверил. Но обещали принять соответствующие меры.

— Какие меры?

— Соответствующие.

— Ага... — глубокомысленно сказал Портос. — А как Галя?

— Только что звонила. По-моему, из постели. Зевала так, что едва могла говорить.

— Умаялась малышка, — сказал Портос с нежностью.

Атос бросил циркуль, выпрямился и поглядел Портосу в глаза.

— Слушай, спортсмен, — произнес он, понизив голос, — ты сейчас как, в форме?

— Вполне.

— Мы здесь с Арамисом посоветовались, и у нас возникла одна идея. (Портос кашлянул и приосанился: идеями с ним делились редко.) Дело в том, что противнику теперь известен наш план утреннего нападения. По всем правилам нам следовало бы напасть немедленно, пока он не подготовился. Но мы еще не вооружены. Мы с Арамисом еще только собираемся в Музей истории оружия...

— А я? — обиженно спросил Портос.

— Дойдет и до тебя, погоди. Мы с Арамисом выберем самое могучее, что там есть, но нам понадобится время, чтобы подготовиться, освоиться и так далее. Одним словом, вооружение мы с Арамисом берем на себя. Тебе же предстоит не менее важное, но гораздо более опасное дело. Ты не знаешь, у кого в поселке есть летающая лодка с бесшумным ходом?

4

Портос был классным водителем всех колесных, гусеничных, летающих и плавающих механизмов, и посадку на краю поляны он совершил в полной тишине. Ночь была безлунная, хотя и ясная, глаза Портоса давно уже привыкли к темноте, и он отчетливо различал неподалеку светлую полосу шоссе, а за нею, на фоне звездного неба, — черный

силуэт кургана с дубом и развалиной на вершине. Выждав несколько минут и убедившись, что все спокойно, Портос выскользнул из лодки в пахучую траву и совершенно беззвучно, как только он мог это делать, пополз к шоссе. Он полз легко, без всяких усилий, переливаясь в траве словно ртуть, он не поднимал головы, но не сбивался с направления, все мускулы его работали в лад и совершенно автоматически. Сказывался богатый опыт бессчетных тренировок, сотен озорных проделок, десятков ответственных соревнований на земле и под землей, на воде и под водой, в воздухе и в космическом пространстве. Портос был хорошим спортсменом, и этим все сказано.

Добравшись до шоссе, он остановился. До подножия кургана оставалось шагов пятьдесят — шестьдесят, можно было бы, пожалуй, подползти еще ближе, но его могли засечь на светлой бетонке, а увидеть или по крайней мере услышать, что здесь произойдет, нелегко было и отсюда. Портос расслабился, распластавшись в траве громадной лягушкой. Теперь оставалось только ждать. Медленно тянулись минуты, медленно двигались созвездия над черной кроной дуба, медленно и ровно стучало сердце. Время от времени над поляной проносился тепловатый ветер, и тогда глухо шумела дубовая листва и что-то длинно и тоскливо скрипело — конечно же, не дверные петли, ведь дверь Портос оторвал и бросил в сторону... Экая незадача — захотелось спать! Портос крепко зажмурился и снова раскрыл глаза. И в ту же секунду начались события.

Сначала послышался глухой рокот и легонько вздрогнула земля. Пустые окна заброшенного дома на вершине кургана медленно налились жутким сиреневым светом. Какие-то неясные, но очень уродливые тени задвигались там, и слышались торопливые шаги, а затем знакомое хлопанье могучих крыльев. Портос весь напрягся, обратившись в зрение и слух. Снова шаги — на этот раз тяжелые, уверенные, и звуки как бы астматического, с присвистом, дыхания, и жестяной скрежет... Сиреневый свет в окнах развалюхи медленно померк. Что-то звонко щелкнуло, как будто захлопнулась дверца автомобиля, и вдруг у подножия кургана вспыхнули три яркие фары.

Глухой свирепый голос произнес:

— Ка!

— Здесь, Двуглавый! — отозвался другой голос, высокий и резкий.

— Ты все понял, Ка?

— Все понял, Двуглавый...

— Исходный рубеж — сто двадцатый километр. Рубеж задачи — восьмидесятый километр. По исполнению немедленно возвращаться.

— Ясно, Двуглавый.

— Ки!

— Здесь, Двуглавый! — проревел басом третий голос.

— Ку!

— На месте, Двуглавый!.. — хриплым шепотом произнес четвертый.

— Ятуркенженсирхив!

— У тебя в кармане, Двуглавый! — тихонько пропищал пятый.

— Отлично. Ка, светает рано, постарайся управиться за три часа. Не забывай, завтра утром нам предстоит сражение. Ну, а я пока обеспечу заложника. Вперед!

Послышался низкий гул, яркие фары закачались, пришли в движение и поползли к шоссе. Портос не стал больше ждать: теперь он знал все, что нужно. Едва неведомая машина с тремя фарами выбралась на бетонку, он, теперь уже почти не скрываясь, бросился к своей летающей лодке. Через полминуты лодка на бешеной скорости зачертила днищем по верхушкам сосен, а еще через три минуты Портос посадил ее в заросли акаций напротив километрового столба с цифрой 120 и выхватил из кармана радиотелефон.

Атос и Арамис выслушали его не перебивая. Затем Атос прокричал сквозь железный лязг и рев мощных двигателей:

— Выходит, их машина будет на сто двадцатом самое большее через десять — двенадцать минут?..

— То-то и оно, — уныло сказал Портос. — А вас когда мне ждать?

— Мы делаем все, что можем! Идем на полной скорости, зубы от тряски шатаются... Будем у тебя к рассвету!

— Поздновато.

— Ты там смотри мне, спортсмен! Никаких лишних движений! Помни: ты в разведке... И не забывай, что они готовы к сражению!

— И даже намерены взять заложника... — едва слышно добавил Арамис.

— Что это такое, кстати, — заложник? — спросил Портос.

— Долго объяснять... Ну, ладно, будь осторожен!

— Отключаюсь.

Портос выключил радиотелефон и вылез из лодки. Он

взглянул на небо. В небе спокойно мерцали яркие звезды. Он посмотрел направо. Справа зловеще чернел дремучий лес. Он посмотрел налево. Слева расстилалась уцелевшая половина Зеленой долины: неоглядное пространство, покрытое спящими садами, среди которых раскинулись спящие селения, смутно белевшие стенами уютных домиков, извивались реки и ручейки, отражавшие в своих водах звездные небеса, лежали луга, по которым сонно бродили выпущенные в ночное кони. Где-то лениво тьякала собака. Сонно щебетали птицы. Слышалось пение — то ли кто-то не выключил радио, то ли подружки загулялись, возвращаясь из клуба. И неутомимо звенела вода в невидимом ручье неподалеку.

Все дышало таким спокойствием, такой безопасностью. И над всем этим нависла ужасная угроза, а друзья были еще далеко, и он был один и ничего не мог сделать. Впервые в жизни Портос ощутил душевную боль. Она была такой острой, что у него перехватило дыхание и он в испуге и удивлении схватился за грудь обеими руками. И тогда, как будто пробудившись от этой боли, какое-то смутное воспоминание шевельнулось в его памяти, воспоминание о чем-то великом и светлом... что-то из старинных летописей, которые рассказывали наполовину непонятным языком о грозных событиях и об удивительных людях. Потом он вспомнил, и боль исчезла. Он вернулся в лодку, подвигался, усаживаясь поудобнее, и огляделся. Отсюда все было прекрасно видно. Он пошевелил рычаг управления, и лодка послушно приподняла острый нос.

— Я готов! — громко сказал Портос.

Словно в ответ на его слова где-то в глубине леса возникло низкое гудение. Он замер, прислушиваясь, а гудение приближалось, и вот уже свет мощных фар озарил верхушки деревьев, замелькал между стволами и побежал по серым плитам бетонки. Когда в этом свете засверкала эмалированная дощечка с цифрой 120, машина космических преступников остановилась — грузный горбатый силуэт, едва различимый в ночи. Послышался звонкий щелчок, тонкое монотонное жужжание. По сторонам фар, словно водяные «усы» у поливальной машины, возникли полосы странного сиреневого света. Они протягивались в обе стороны все дальше и дальше, пока не достигли горизонта, и Портосу показалось, будто эта светящаяся сиреневая полоса разделила весь мир пополам: по одну сторону был километровый столб с цифрой 120, Зеленая долина, друзья, а по другую — он

сам со своей лодкой, машина космических негодяев, черный в ночи дремучий лес.

Он приподнялся, чтобы лучше видеть. Он никогда не был трусом, спортсмен Портос, но он почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове.

Грузный горбатый силуэт одновременно двигался и... стоял на месте. Он неподвижно чернел на светлой полосе шоссе, но Зеленая долина медленно ползла под него, исчезая под фарами, под светящейся сиреневой полосой, протянувшейся от горизонта к горизонту. Машина преступников пожирала Зеленую долину. Первым исчез километровый столб — тонким белым призраком вплыл в сиреневый туман и исчез, будто его и не было. Один за другим гасли ночные звуки. Смолк звон близкого ручейка. Резко, как обрубленный, стих лай собаки. Оборвалась на полуслове далекая песня... И только негромко, зловеще ровно гудел чудовищный механизм на дороге.

Портос пришел в себя. Он снова опустился на сиденье и спокойным, даже ленивым движением руки, лежащей на рычаге, поднял лодку на высоту тридцати метров. Затем он опустил нос лодки, нацелившись сверху в черную горбатую массу, и до отказа надавил педаль акселератора.

Был страшный удар. Была ослепительная вспышка. Чудовищная сила сорвала Портоса с сиденья, смяла и швырнула в темноту. Что-то трещало, скрежетало, рвалось, а тела не было, и не было сил приподнять веки.

«Уху-у-у-у! Уху-у-у-у! Уху-у-у-у!» — вопила большая белая птица, хлопая могучими крыльями.

— Проклятая красная кровь! — визжал кто-то высоким резким голосом. — Они разбили контрактор!

— Они за это поплатятся! — ревел кто-то низким басом.

— Они напали! — астматически сипел кто-то. — Скорее назад! Скорее на «Пирайю»!

Все-таки Портосу удалось на секунду открыть глаза, и он успел увидеть высоко над собой уродливую крылатую тень, заслонившую звезды. Затем глаза его сами собой закрылись снова.

Он уже не видел, как из-за невидимой черты поползла обратно Зеленая долина. Разбитая машина космических преступников возвращала сожранное. Один за другим возникали прерванные звуки. Полилась с полуслова прерванная песня. Лениво затыкала собака. Зазвенел близкий ручеек. Наконец появился из пустоты и километровый столб с

цифрой 120, и все опять стало так, как было четверть часа назад. Только дымилась посередине шоссе гряда искореженного металла, а на обочине, раскинув руки и подставив звездному свету бескровное лицо, лежал мертвый Портос.

5

С лязгом и скрежетом двигался по шоссе огромный танк, последнее слово земной истребительной техники. Это слово было сказано триста лет назад, но, к счастью, оно запоздало и уже не понадобилось людям, и все триста лет танк простоял в одном из залов Музея истории оружия. Там его нашли Атос и Арамис, хороший мастер и хороший ученый, быстро освоились с ним, отладили, снарядили и вывели на первое боевое дело. Гремели гусеницы, мерно и мощно ревели двигатели, грозно поворачивалась вправо и влево приземистая орудийная башня, и словно щетина дикобраза торчали во все стороны ракетные установки. А по сторонам шоссе уходил назад дремучий лес, затянутый голубоватым утренним туманом, и уползали назад километровые столбы: 161... 162... 163...

Танк вел Атос, а Арамис сидел у орудия и поворачивался вместе с башней, а у кормовой переборки лежало тело Портоса, завернутое в серый брезент. Друзья с первого же взгляда поняли, что произошло у сто двадцатого километра, и все-таки Атос спросил сдавленным голосом: «Таран?» — «Таран», — тихо ответил Арамис. Лодка угодила носом в рабочий отсек гнусного механизма и полностью разрушила его, но преступники уцелели и скрылись, и надо было настигнуть их и покарать, и даже не столько покарать, сколько обезвредить, вырвать у мерзавцев зубы раз и навсегда! «Может быть, нам это не удастся, — думал Атос, — может быть, они прихлопнут наш танк, как муху, но попытаться необходимо. Мы ведем разведку боем, а за нашей спиной уже поднимаются такие силы, о которых даже мы не имеем представления, и как же худо им придется, этим космическим вора, бандитам, убийцам...» — «Галя, наверное, еще спит, — думал Арамис. — Перед выходом мы забежали попрощаться (в это время Портос был еще жив), но она спала как сурок, засунув голову под подушку и выставив из-под простыни голые ноги. Бедная девчонка, будет очень много горя, очень много слез, она так любила спортсмена, и мы тоже его любили, но нам легче, мы-то будем драться...»

— Гляди в оба! — гаркнул Атос и с лязгом захлопнул смотровой люк.

Лес вокруг разом вспыхнул. В одно мгновение танк оказался в бушующем море багрово-оранжевого пламени. Деревья по сторонам шоссе превратились в столбы ревушего огня. Но танк даже не замедлил хода. Окутываясь тучами черного дыма, осыпаясь фонтанами оранжевых искр, заметая падающие поперек дороги пылающие стволы, он продолжал невозмутимо двигаться вперед. Возникла в дыму и скрылась эмалированная дощечка с цифрой 164. Вперед, вперед!

— Кусайся, гадина! — рычал Атос. — Кусайся, пока есть зубы!

Но положение с каждой минутой ухудшалось. Другим не пришло в голову позаботиться о запасе кислорода, и в машине становилось душно. Нестерпимый жар медленно, но верно проникал сквозь термоизоляцию. От пляски огненных языков ломило глаза, а светофильтров не было... И тут шагах в двадцати впереди с раздирающим треском лопнула земля. Шоссе расколосось. Трещина стремительно ширилась, в раскрывшуюся пропасть полетели горящие деревья и камни. Атос едва успел затормозить.

— Молодец, — прозвучал в наушниках шлемофона тихий голос.

Атос растянул в улыбке запекшиеся губы. Похвала Арамиса стоила дорого. Он прикинул к перископу. По эту сторону пропасти бушевало пламя. На той стороне лес был цел и невредим. Еще километр, не больше. Пустыки... Он старательно, как делал это всегда, когда имел дело с малознакомыми механизмами, повернул рычаг до упора вправо и затем на себя. Послышался пронзительный свист. Разметаемые воздушным вихрем, выше пылающих вершин взлетели клочья горящей травы и тлеющие сучья. Танк поднялся над шоссе на воздушной подушке, на секунду замер, как бы примериваясь, потом медленно и плавно перенесся через бездну и, лязгнув гусеницами, мягко встал на шоссе на той стороне.

— Кусайся, гадина!.. — прорычал Атос и дал полный ход.

Он выдвинул танк на поляну ровно настолько, чтобы дать Арамису возможность нацелить пушку в курган. Наступило утро. Розовые лучи невидимого солнца осветили верхушки деревьев, но поляна пока оставалась в тени, и над травой висели плотные и пушистые, как вата, клочья тумана. Кругом царил тишина, и не было заметно никаких признаков жизни.

— Дай предупредительный! — сказал Атос сквозь зубы.

Длинный тонкий ствол пушки шевельнулся и чуть приподнялся. Грохнул и прокатился эхом выстрел, и сейчас же левее кроны дуба возникла мгновенная вспышка. Дуб облысел, над поляной взметнулась туча сорванной ударом листьев, и клубы черно-красного дыма затянули голые ветви.

— Хорошо, — сказал Атос. — Теперь еще раз — пониже. Целься прямо в развалюху... Что за чертовщина! — вырвалось у него. Он оторвался от перископа, протер уставшие от огня глаза и снова приник к окулярам.

Но это был не обман зрения. Вершина кургана действительно поворачивалась вокруг оси. Движение это, вначале медленное, едва заметное, становилось все быстрее, и вот уже между вершиной и подножием возникла ровная темная щель. Еще поворот, еще — и вершина вместе с дубом и ветхим домиком откинулась в сторону, словно крышка гигантской чернильницы. Затрещали, ломаясь, толстенные сучья дуба, полетели во все стороны трухлявые бревна и доски распадающегося на лету дома. А из недр кургана неторопливо выплыло и повисло в воздухе огромное аспидно-черное яйцо — невиданный космический корабль неведомого мира.

Мушкетеры в танке оправились от первого изумления.

— Второй предупредительный! — скомандовал Атос.

Пушка грянула второй раз, и снаряд разорвался чуть выше округлого носа космического корабля. Огромное черное яйцо качнулось и затанцевало на месте, словно на невидимых пружинах, и вдруг, зарокотав двигателями, начало подниматься.

— Экий наглец, — процедил сквозь зубы Атос. — Целься в корму, Арамис! Три снаряда беглым — огонь!

Но стрелять больше не пришлось. Рокоча двигателями, черный космический корабль продолжал набирать высоту, а в его носовой части открылся люк, и из него выдвинулся длинный гибкий шест, на конце которого болталась и крутилась маленькая человеческая фигурка.

— Галя... — ошеломленно пробормотал Арамис.

— Галя! — с ужасом крикнул Атос.

Они не верили своим глазам, но это была Галя, их Галя, «капустная кочерыжка», малышка, родственница, в цветастом ночном халатике, связанная по рукам и ногам, беспомощная и недостижимая. Ветер безжалостно мотал и раскачивал ее, прижимал растрепанные волосы к ее лицу, мешая смотреть, но она все же заметила их танк и тоненько закричала задыхающимся голоском:

— Что же вы смотрите?! Атос! Портос! Арамис! Стреляйте! Бейте их! Бейте!

Высунувшись из люков, онемевшие от горя и ужаса, они смотрели, как черный космический корабль поднимается все выше и выше, превращается в черное пятнышко и, наконец, растворяется в розовом утреннем небе...

Атос все стоял в своем люке, бессмысленно уставившись в розовую пустоту над собой, когда сильная рука больно сжала его плечо.

— Очнись, — жестко сказал Арамис. — Надо действовать.

— Но как же она...

— Это потом. А сейчас — на космодром, быстро!

Они нырнули в люки и захлопнули над собой тяжелые крышки. С громким лязгающим звуком из-под бортовых плит выдвинулись крылья. Секунда — и реактивный самолет с коротким фюзеляжем и скошенными назад крыльями взлетел над дымящимися после пожара верхушками деревьев. На шоссе, как пустая скорлупа, остались гусеничные шасси и броневой остов, увенчанный приземистой башней. И остался Портос...

6

А произошло все так. Среди ночи Галю разбудил скрипучий, какой-то спотыкающийся голос, напевавший странную песенку:

Тетка, тетка Лиза-вета!
Я люблю тебя за это,
И за это, и за то...
Во, и боле ниче-го!

Сначала ей показалось, будто это сон, но она тут же сообразила, что лежит с открытыми глазами. Тогда она села и спустила ноги с кровати. Скрипучий голос продолжал петь, старательно выговаривая слова:

Соловей, соловей, пта-шеч-ка,
Канаре-сч-ка
Жалобно поет!

Ничего не понимая, она оглядела комнату и удивилась. Она отлично помнила, что выключила телевизор, но вот подожди ж ты — экран был освещен и на нем с комической важ-

ностью и очень неуклюже отплясывал забавный рисованный утенок. Он плясал, переставляя голенастые лапки в такт музыке и помахивая тощими крылышками, и Галя, несмотря на все свое удивление, рассмеялась. Сунув ноги в туфли, она подбежала к телевизору и ощупала верньеры. Да, телевизор был выключен. Но она уже не успела подумать об этом... Сквозь изображение на экране в комнату просунулись огромные руки в черных перчатках. Галя ахнуть не успела, не то чтобы подумать о чем-то: руки цепко ухватили ее за плечи и потянули к экрану.

— Помогите! — отчаянно закричала она. — Мама! Портос!

Экран надвинулся вплотную, и она вся сжалась, ожидая, что ударится головой о стекло, но ничего подобного не случилось, ее протащили сквозь экран в ледяную тьму, бросили на что-то гладкое и осклизлое, и глухой свирепый голос произнес:

— Дело сделано.

Послышались тяжелые удаляющиеся шаги, раздался металлический щелчок, и Галя поняла, что осталась одна.

Все произошло очень стремительно, но у Гали был ясный и рациональный ум, и она быстро сообразила, что находится в плену у космических преступников. Как ей было известно из книг, плен — это самое страшное, что может случиться с бойцом на войне. В плен попадали в беспомощном или бессознательном состоянии, в плен сдавались отчаявшиеся и потерявшие веру в себя. В плену оказывались захваченные врасплох и безоружные. Гале никогда не приходилось читать, чтобы в плен брали через экран телевизора, но, в конце концов, сейчас иные времена. Она была уверена в одном: в плену надо держаться с достоинством и непреклонно.

Она исследовала свою тюрьму. Помещение оказалось странное, похожес на спичечный коробок — довольно длинное и очень узкое. Стены и пол были из гладкого материала и покрыты какой-то противной сыростью, до потолка Галя не доставала. Вскоре ей стало холодно, потом нестерпимо холодно, она сжалась в комок, кутаясь в свой халатик и стуча зубами, и думала, что вот скоро подоспют наши, вздуют преступников и освободят ее. Но, подумав об этом, она почему-то заплакала. Так в слезах она и заснула прямо на осклизлом полу, а проснулась оттого, что чьи-то руки бесцеремонно подняли ее и в два счета крепко связали. Она попробовала было сопротивляться, но руки были гораздо сильнее, к тому же вокруг по-прежнему была полная темнота, и ей было страшно.

Вдруг ее подняли и понесли, неожиданно просунули в какую-то круглую дыру, и она повисла высоко над землей. Она увидела в отдалении горящий лес, а под собой — знакомую поляну со светлой полоской шоссе, и на шоссе крошечный, словно игрушечный танк с задранной пушкой. И она поняла, что было сражение, что наши победили и изгнали космических негодяев, но те, удирая, захватили ее с собой, и тогда она храбро закричала своим мушкетерам, чтобы они стреляли, не стеснялись. Но они так и не выстрелили ни разу, а земля проваливалась все глубже, ледяной востер жгт тело под халатиком, и, когда над горизонтом всплыло кровавое солнце, она потеряла сознание.

Очнувшись, Галя обнаружила, что лежит ничком, уткнувшись лицом в грязный вонючий ковер. Надо подняться сейчас же, подумала она, но полежала еще немного, прислушиваясь к своим ощущениям. Ощущения были неважны. Все тело болело, как избитое, в ушах стоял звон, голова была словно ватой набита. Но с третьей или четвертой попытки ей удалось принять сидячее положение. Сначала все перед ней расплывалось, как в тумане, однако постепенно туман рассеялся, и она сфокусировала глаза на белом кубическом ящике, стоявшем у стены напротив.

— Ага! — произнесла Галя вслух. — Это, по-видимому, холодильник.

Очень осторожно, чтобы не закружилась голова, она оглядела помещениe. Это была шестигранная комната с круглыми слепыми окнами в каждой грани, с потолком, расписанным в красно-зеленую шахматную клетку, с низким овальным столом посередине, за которым стояло кресло с изрядно обшарпанной обивкой и с непомерно широкой спинкой. Помещение было озарено мертвенным, зеленоватым светом. «Очень странная комната, — подумала Галя. — Где же это я нахожусь и как я сюда попала?» Тут она вспомнила все, а когда вспомнила, то торопливо поднялась на ноги.

— Очнулась? — произнес за ее спиной глухой свирепый голос. — А я уж боялся, что ты сдохнешь.

Галя обернулась так стремительно, что чуть не потеряла равновесие. Повернулась и сейчас же попятилась.

Перед ней стоял огромный, вероятно, вдвое выше ее ростом человек, весь, от шеи до ступней, затянутый в черное. От шеи... Не от шеи, а от двух шей, ибо над широченными его плечами торчали две головы. На мгновение Гале показалось, что у нее двоится в глазах. Она потрясла головой, зажмурилась и взглянула снова. Точно: голов было две, обе

начисто обритые, ушастые, продолговатые, только правая голова с черной повязкой через правый глаз курила сигарету и смотрела единственным глазом куда-то в сторону, а левая холодно и бесстрастно разглядывала Галю.

— Мы не успели познакомиться, — глухим свирепым голосом произнесла левая голова. — Все не до того было. То ты в обмороке валялась, то мне пришлось сражаться с твоими соплеменниками... Так вот, я — Двуглавый Юл, известный вольный пират.

Он стоял, расставив длинные тощие ноги и привычно положив на кобуры пистолетов, свисающих на бедра, огромные руки в черных перчатках, те самые руки, которые так ловко выкрали Галю через экран телевизора. Галя смерила его презрительным взглядом с обеих голов до ног (у нее даже хрустнули шейные позвонки при этом) и сказала:

— Свинья ты, а не пират. Испугался драться в открытую, спрятался за слабую девушку... Что же это ты так?

Правая голова выплюнула окурочек сигареты прямо на ковер и негромко рассмеялась.

— Девчонка с гонором, — сипло произнесла она. — Трусит, но не сдастся...

— С чего ты взяла, что я испугался? — возразила левая голова. — Чушь! Я никогда не пугаюсь. Пусть пугаются другие. Я просто защищал себя и свой корабль всеми доступными мне средствами. И впредь буду так поступать, имей в виду...

— Немедленно верни меня на Землю! — выпалила Галя.

Двуглавый Юл протянул к стене длинную руку и нажал неприметную кнопку. Круглое окно-иллюминатор под кнопкой сделалось прозрачным.

— Гляди сюда, дура, — сказала левая голова.

Галя подошла к иллюминатору и поглядела. Зеленый диск Земли, затуманенный белесыми пятнами облаков, уменьшаясь на глазах, проваливался в черную пропасть, усыпанную яркими неподвижными звездами. Палец Двуглавого Юла снова нажал на кнопку, и иллюминатор опять ослеп.

— Про Землю свою забудь, — внушительно и свирепо произнесла левая голова. — Земли тебе больше не видать!

— Неправда! — вскричала Галя, борясь со слезами, подступившими к горлу. — Неправда! Неправда! Меня будут искать и найдут! А тебя повесят за обе твои шеи!

Правая голова сипло расхохоталась, но на этот раз не произнесла ни слова. Видимо, она была не такая разговорчивая, как левая.

— Земли тебе больше не видать, — повторила левая голова. — Не стану же я из-за тебя снова тащиться в такую даль... Но ты не горюй. Ты увидишь такие миры, что забудешь про свою жалкую планетку. Я решил оставить тебя при себе, будешь меня развлекать. Я буду тебя баловать, мы будем играть. К примеру, я привяжу на веревку крупный брильянт, а ты будешь гоняться за ним. Будет очень весело...

— Глупости! — возмущенно крикнула Галя. — Немедленно верни меня домой, слышишь?

— Не бунтуй, соплячка! — строго сказала левая голова. — А то я тебя выпорю!

Воцарилось молчание, и вдруг где-то под потолком прозвучал высокий резкий голос:

— Внимание, Двуглавый Юл! Сеанс связи с Великим! Великий Спрут вызывает Двуглавого Юла!

— Начинается... — проговорил раздраженно Двуглавый и, оттолкнув Галю, направился к креслу. — Давай! — гаркнул он.

Послышался скрип, шорох, тонкий вибрирующий свист, затем под потолком проскрежетало.

— Великий слушает тебя. Докладывай, Двуглавый!

— Докладываю, — глухим свирепым голосом заговорил Двуглавый Юл, усаживаясь в кресло. — Два часа назад был атакован туземцами, стартовал и лег на обратный курс. В настоящий момент имею в трюме пятнадцать заполненных контейнеров. Взято около восьми тысяч квадратных километров с хорошим содержанием кислорода, воды, хлорофилла и крови. Число кондиционных голов определяю в тысячу.

— Тысяча — это хорошо, — гулко произнес низкий жирный голос, и Гале показалось, что она слышит плеск какой-то жидкости. — Это неплохой улов, Двуглавый. А сколько осталось пустых контейнеров?

— Десять, Великий.

— Тогда почему ты поторопился стартовать?

Двуглавый помолчал. Физиономия его правой головы страшно скривилась.

— Может быть, ты испугался? — осведомился жирный голос.

— Га-га-га! — рассыпался кто-то скрежещущим смехом. — Двуглавый испугался! Ты славно пошутил, Великий! Ты сегодня в ударе! Га-га-га!..

— Наш девиз в этом рейсе — налететь, схватить и исчезнуть без следа, — сурово произнес Двуглавый Юл. — Никто не должен знать в этом секторе Галактики, откуда и кто мы.

Это твой собственный приказ, Великий. Оставаться и продолжать сражение было бесполезно...

— Почему?

— Туземцам удалось выследить в поле и разрушить контрактор. Но если ты прикажешь, я вернусь, вступлю в бой и испепелю эту наглуемую планету...

— Не требуется ни вступать в бой, ни испепелять, — прервал его жирный голос. — Стоимость контрактора будет удержана из твоего гонорара. Продолжай идти обратным курсом. Ты уверен, что за тобой нет погони?

— Пока нет.

— Если заметишь погоню, атакуй и уничтожь атомными торпедами. Следующий сеанс по расписанию «экстра». Будь здоров, Двуглавый.

— Будь здоров, Великий...

Снова послышался вибрирующий свист, и все стихло.

— Как тебе это нравится? — обратилась левая голова к Гале. — Стоимость контрактора будет удержана из моего гонорара... До чего жадный старикашка!

— Зачем ты прилетел к нам? — спросила Галя. — Что тебе у нас было надо? Зачем тебе наши сады?

— Сады? — удивился Двуглавый. — Мне? На что мне нужны ваши сады? Я прилетел за головами, понятно? А сады нужны этим головам, иначе они не смогут работать. Сады, реки, воздух... Хлорофилл, вода, кислород... Тьфу, даже вспомнить противно!..

— Головы... — Галя в ужасе смотрела на него. — А зачем тебе наши головы?

— Это не мне... В общем, это долгая история и не твоего ума дело. Ты глупа, не поймешь. Кроме того, это тайна. Секрет. Так что давай лучше...

Пронзительный вой сирены оборвал его на полуслове, и помещение озарилось вспышками багрового света. Двуглавый с досадой взглянул на потолок и нехотя поднялся.

— Ну вот, — проговорил он, морща обе физиономии, — боевая тревога. Погоня, наверное... — Он зевнул в две зубастые пасти и потянулся, хрустя суставами. — Вечно одно и то же. Надоело... Я пойду в боевую рубку, а ты сиди здесь, поняла? Если захочешь питаться, пошарь в холодильнике... Ладно, я пошел.

Он пинком открыл в ближайшей стене низенькую дверцу под иллюминатором, пролез в нее, согнувшись в три погибели, и исчез. Галя, пошатываясь, обошла вокруг стола и рухнула в кресло. Ноги больше не держали ее.

Галя проснулась от глухого свирспого рева. Двуглавый стоял посередине кают-компания и утирал громадным серым носовым платком обе потные физиономии сразу.

— Вот! — объявил он, пряча платок куда-то за спину. — Сразились, называется. Повис, видишь ли, у нас на хвосте какой-то наглец и не отстаёт. Я всадил в него последние пять торпед, и что ты думаешь? Все до единой он расстрелял на лету из лазерной пушки, да как ловко! Нет, чуёт мое сердце, будет у нас с ним история, не обрадуется Великий... Ну-ка, пошла с моего кресла, девчонка! — заорал он.

Галя слезла с кресла и прислонилась к стене. Двуглавый сел на ее место, положил ноги на стол и гаркнул:

— Ку!

Дверца холодильника распахнулась, и оттуда выскочила мохнатая обезьяна, окутанная облаками пара.

— Здесь, Двуглавый! — просвистела она астматическим шепотом.

Галя не удивилась и не испугалась. Она устала удивляться и пугаться.

— Рекомендую, — произнесла левая голова Двуглавого Юла. — Мой квартирмейстер. Особыми талантами не блещет, трусоват, шулер да к тому же вынужден большей частью жить в холодильнике из страха протухнуть. Но в высшей степени услужлив. Так, Ку?

Обезьяна хихикнула и закрыла черными ладонями сначала глаза, потом рот, потом уши на манер трех восточных обезьянок.

— Ну-ну! — нахмурилась левая голова. — Нахвтался, понимаешь, на Земле... Вот уж планетка... Взболтай мне хорошую порцию ртутного коктейля... и дай девчонке чего-нибудь поесть и выпить. Земного дай, не спутай, скотина!

Ку нырнул обратно в холодильник, извлек из него кольцо промерзшей насквозь колбасы, буханку промерзшего насквозь хлеба и бутылку молочного льда. Поставив все это на стол, он снова нырнул в холодильник и завозился там, чем-то булькая, что-то переливая, над чем-то хихикая.

— Ешь, — великодушно сказал Двуглавый, указывая на заледенелые деликатесы. — Приступай, не стесняйся. У меня этого добра предостаточно!

Галя приблизилась к столу и осторожно постучала по колбасе ногтем. Колбаса нежно зазвенела.

— Я пока не голодна, — мужественно сказала Галя, проглотив слюну. — Пусть это пока постоит. Я потом...

— Как хочешь, — великодушно согласился Двуглавый. — Я-то, признаться, уже подзаправился в боевой рубке... два кило колчедана потребил. У меня во время сражений всегда аппетит разыгрывается... Ку! — заорал он.

— Здесь, Двуглавый! — поспешно отозвалась обезьяна. — Все готово, Двуглавый.

Она выскочила из холодильника, с натугой неся перед собой в вытянутых лапах глубокую металлическую кювету, наполненную тяжелой блестящей жидкостью.

— Люблю колчедан! — продолжал Двуглавый, принимая кювету одной рукой. — Если колчедан хорошенько измельчить да пропустить через него пары йода... — Он отхлебнул из кюветы сначала левой, затем правой пастью и закатил все три глаза. — М-м-м... Неплохо. Чуть бы побольше хлорной извести...

От кюветы несло такой страшной химией, что у Гали выступили слезы на глазах. Она поспешно отступила к стене.

— Внимание, Двуглавый! — раздался под потолком высокий резкий голос. — Удалось записать отрывок радиобеседы преследующего корабля с неким флагманом. Желаете прослушать?

— Ну-ка, ну-ка! — оживился Двуглавый. Он поставил кювету на стол и спустил со стола ноги. — Давай!

Послышался шорох, неясное бормотание, а затем голос, от которого сердце Гали так и запрыгало в груди, деловито произнес:

— Флагман, докладывает «Стерегищий»! Внимание, флагман, докладывает «Стерегищий»!

— Флагман слушает, — отозвался кто-то незнакомый. — Докладывайте, «Стерегищий»! Флагман слушает...

— Докладываю. Семьдесят три минуты назад я был обнаружен и атакован атомными торпедами. Атака успешно отбита. В остальном обстановка без изменений. Пребываю в постоянной готовности следовать за целью в подпространство. Прошу дать вашу обстановку...

— Внимание, «Стерегищий», флагман дает обстановку. Третья эскадра следует по вашему пеленгу с постоянным ускорением тридцать метров в секунду за секунду. В настоящий момент скорость около пяти тысяч километров в секунду. Расстояние до вас около двадцати тысяч километров. Внимание, «Стерегищий»! Информация с Земли. Только что

следом за нами стартовала восьмая космическая эскадра. Получен общий приказ: обнаружить гнездо космических пиратов...

Голос оборвался. Осталось только шипение и потрескивание. Двуглавый подождал немного и спросил:

— Ну?

— Все, — ответил высокий резкий голос.

— А дальше?

— Все. Больше ничего перехватить не удалось.

— Вот тебе и на, — разочарованно проговорил Двуглавый. — На самом интересном месте...

А Галя почти ничего не слышала. Голос Атоса все еще звучал в ее ушах. Атос гонится за двухговым пиратом, Атос отбивает торпедные атаки, Атос спешит на выручку! Она чуть не плясала от восторга и даже тихонько закричала:

— Ко мне, мои мушкетеры!

— Ты чего это? — подозрительно осведомилась левая голова, но, к счастью, невидимый радист, все еще шипевший и трещавший где-то под потолком, принял этот вопрос на свой счет.

— Через минуту связь по расписанию «экстра», Двуглавый, — почтительно отозвался он.

Двуглавый безнадежно махнул рукой.

— Давай «экстру», — проворчала левая голова. — Семь бед — один ответ. Ох и взовьется старик!

— А кто он такой? — спросила Галя. Она вернулась к столу и, отворачивая лицо от кюветы с ртутным коктейлем, попробовала пальцем колбасу. Колбаса была как каменная.

— Кто? — не понял Двуглавый.

— Этот... старик. Ну, Великий...

Раздался вибрирующий свист, и скрежещущий голос позвал:

— Двуглавый!

— Здесь, — неохотно сказала левая голова.

— Великий слушает тебя. Докладывай.

— Докладываю, — глухим свирепым голосом произнес Двуглавый. — За мной погоня. Космический корабль неизвестного типа. Атаковал его атомными торпедами — безрезультатно. Неотступно держится в двухстах километрах у меня за кормой. Прошу разрешения взять его на бордаж.

— Ни в коем случае! — загромыхал жирный голос загадочного Великого. — Никаких бордажей! В ближнем бою вы мне там погубите весь товар, а я уже получил под него

аванс... Почему ты не уходишь в подпространство, Двуглавый? Почему медлишь?

— Рано. Скорость еще слишком мала. Но это еще не все, Великий. По данным радиоперехвата, за преследующим кораблем идут две эскадры. Похоже, мы все-таки разворошили осиное гнездо...

— Но это же ужасно! — плаксиво взвыл невсedomый Великий. — Это же просто страшно! Будь осторожен, Двуглавый! Будь предельно осторожен, заклиная тебя кровавой Протуберой и синей Некридой! Это будет катастрофа, если ты наведешь их на нашу базу! Постарайся обмануть их, Двуглавый, а уж убытки по контрактору я, так и быть, возьму на себя... Обведи их вокруг пальца! Натяни им нос, будь они прокляты со своей водой, кислородом, хлорофиллом и красной кровью!.. Ах, как ты меня огорчил, Двуглавый!

— Я тебя предупреждал...

— Ну и что же, что предупреждал, плачу'-то ведь я!

Великий нудно сетовал, жаловался, грозил, сулил, увещевал, а Двуглавый, прихлебывая из кюветы, огрызался, оправдывался, обещал, хвастался, а Галя, решив, что сейчас самая пора подкрепить истощенные силы, обгрызала оттаявшие участки колбасного кольца, обсасывала размягчившиеся углы хлебной буханки и облизывала кусочки молочного льда. И это продолжалось довольно долго, но наконец Великий и Двуглавый пожелали друг другу здоровья, и сеанс по расписанию «экстра» закончился. Двуглавый допил свой коктейль, швырнул пустую кювету в обезьяну Ку и мрачно уставился в потолок.

— Жирный трус... — бормотал он угрюмо. — Платит он, видите ли... Аванс, видите ли, получил... Катастрофа, видите ли, будет! А мне какое дело? Да пропадите вы все со своими авансами и со своими базами вместе! Головы Двуглавого Юла дороже всех ваших баз и всех ваших авансов!.. Не родился еще в обозримой Вселенной такой носитель разума, ради которого Двуглавый Юл полез бы из своей драгоценной кожи...

Галя, выполняя свою программу подкрепления сил, старательно грызла, обсасывала и облизывала заледеневший провиант, обезьяна Ку сидела в углу и чесалась под мышками (ковер под нею потемнел от растаявшей влаги), а Двуглавый все бормотал и ругался и заверял всех, кого это может интересовать, что величайшей драгоценностью в обозримой Вселенной является именно он, Двуглавый Юл, а не какие-то там авансы и тем более базы. Потом левая голова его взглянула на Галю, и обе физиономии прояснились.

— А не развлечься ли нам? — провозгласил пират.

Галя встревожилась, но не подала вида. Между тем Двуглавый извлек откуда-то веревку и привязал к ней великолепный брильянт чистойшей воды. «Ну, уж это дудки», — подумала Галя.

— Ты поспала, девчонка? — осведомилась левая голова.

— Поспала, — с вызовом ответила Галя.

— Поела?

— Поела.

— Попила?

— Попила.

— Тогда давай играть.

Двуглавый бросил брильянт на пол и дернул за веревку. Брильянт, сверкая и отбрасывая на стены зеленоватые блики, покатился по грязному ковру.

— Ну? — нетерпеливо сказала левая голова.

Галя отрицательно покачала головой.

— Не умеешь? — разочарованно проговорила левая голова. — Эй, Ку, а ну, покажи ей, как надо!

Ку тигром бросился на брильянт. Двуглавый не успел дернуть за веревку — Ку схватил добычу и на четвереньках выскочил из комнаты.

— Ку! — взревел Двуглавый в две глотки. — Стой, прохвост! А ну, вернись! Назад, кому говорят!

Ку неохотно вернулся.

— Подойди ко мне!

Ку очень неохотно подошел.

— Давай сюда камень! — загремела левая голова.

Ку помотал головой и показал пустые руки и ноги. Тогда Двуглавый поймал его за шерстистый загривок и по локоть засунул руку ему в пасть. Ку затрясся, глаза его вылезли из орбит, а Двуглавый с торжеством вытянул руку и разжал кулак. На ладони его сверкал брильянт и лежали несколько золотых монет.

— Ворюга! — сказал Двуглавый и дал обезьянс оглушительную затрещину.

Ку, тихонько прискуливая, убрался к себе в холодильник. Двуглавый обернулся к Гале:

— Поняла, как надо играть?

— Сам играй в такие игры! — вне себя от злости крикнула Галя. — Дурак двухголовый!

Двуглавый вскочил.

— В карцер! — заорал он, топая ногами. — В карцер, негодная девчонка!

Галя сидела в темном карцере, погруженная в самое мрачное уныние. Ей очень хотелось плакать от обиды и злости, и очень болело ухо, за которое ее тащил сюда в пьяном раже разъяренный Двуглавый. В довершение всего ее удручала и утомляла необходимость сидеть совершенно неподвижно. Дело в том, что карцер у пиратов представлял собой длинную горизонтальную трубу с гладкими стенками, закрытую с одной стороны тяжелой крышкой люка, а с другой — ребристым металлическим щитом. Эта труба при малейшем движении начинала раскачиваться, и Гале приходилось тогда изо всех сил упираться руками и ногами, чтобы не стукнуться затылком или не расквасить нос.

Итак, Галя сидела в темноте, стараясь не двигаться, и то лелеяла разнообразные планы мести, один другого ужаснее, то мысленно упрекала своих далеких друзей в нерасторопности и нерешительности, когда ей вдруг почудилось где-то совсем исподалеку жалобное стенание. Она прислушалась... Да, сомнений не было: кто-то не то вздыхал, не то стонал, и звуки эти доносились из-за ребристого щита, закрывавшего дальний конец трубы. Тогда Галя вскочила на ноги и, расставив руки, чтобы сохранить равновесие, побежала туда. Все-таки она несколько раз упала, а один раз даже перевернулась через голову, но в конце концов добралась до щита и приникла ухом к ребристой холодной поверхности. И сейчас же услышала протяжный горестный вздох.

— Кто там? — вполголоса окликнула она.

Наступила тишина, затем кто-то прошептал хрипло:

— Не смею отвечать. Кто спрашивает?

— Галя...

— Впервые слышу.

— Галя. Так меня зовут. Я пленница.

— Тебя уже вмонтировали?

Это был странный вопрос, и Галя не сразу нашлась, что ответить.

— Н-нет, по-моему... Не знаю... Я в карцере сижу.

На этот раз удивился ее неведомый собеседник.

— Как — в карцере? Почему в карцере? Ты спряталась?

Бежала?

— Наоборот, меня посадили...

— Постой, ты с какой планеты?

— С Земли...

— С Земли? Ты с Земли? О, послушай, мне необходимо увидеть тебя! Иди сюда!

— Куда?

— Ко мне, в штурманскую рубку, конечно...

— Где это? И потом, я же заперта...

— Я отопру... Не бойся, сейчас сюда никто не заглянет.

Ребристый щит медленно раздвинулся, и Галя с превеликим облегчением покинула шатающуюся тюрму.

Штурманская рубка оказалась низким и круглым, как барабан, помещением. Стены по кругу были уставлены цилиндрическими баками высотой в человеческий рост, торчащими из специальных гнезд, так что весь их кольцевой ряд напоминал снаряженную пулеметную ленту. Под потолком висел громадный черный ящик, от которого к каждому баку тянулись гибкие рубчатые шланги, а под ящиком был установлен небольшой пульт с двумя черными и одной красной кнопкой; из щели сбоку торчал обрывок перфоленты.

Галю поразила невообразимая и отвратительная грязь, царившая здесь повсюду. Пол был усыпан какими-то гниющими отбросами и раскисшими сигаретными окурками. Пульт был весь липкий и мохнатый от приставшей пыли, клочья той же маслянистой пыли торчали из щели для перфоленты. Баки вдоль стены были покрыты неряшливыми белыми потеками, а гнезда, в которых они держались, лоснились от сырой ржавчины. Гнусного вида белесые сосульки свисали со шлангов и с краев ящика, на потолке красовались жирные, не менее гнусного вида пятна. И здесь поразительно скверно пахло — тухлятиной, падалью, дрянью.

— Значит, вот вы какие, жители таинственной Земли, — раздался хриплый шепот. — Смешные... В жизни не видал таких смешных существ! И это у таких, как вы, пятнадцать миллиардов ячеек! Что же, тем хуже для вас. Теперь ваша очередь идти на конвейеры Искусника Крэга, и, может быть, обитатели других миров вздохнут свободнее...

Галя завертелась на месте.

— Где же ты? — растерянно спросила она.

— Здесь.

— Где?

— В машине, конечно, где же еще... Да перестань ты вертеться, Галя с Земли, все равно ты меня не увидишь! Меня, собственно, вообще нет...

— Ничего не понимаю. Кто же ты?

— Когда-то я был счастливым Мхтандом с планеты Оаба, а теперь я — жалкий узел номер шестнадцать бортовой

штурманской машины пиратского крейсера «Черная Пирайя». Теперь поняла?

— Нет. Почему это ты — узел?

— Потому что меня и еще полторы тысячи моих соплеменников вместе с Радужным Берегом захватили проклятые наемники проклятого Великого Спрута, и все мы были отданы в когти Искусника Крэга... И никогда уже больше не видеть нам изумрудного неба Оабы, ее двенадцати синих лун, ее прекрасных гор, покрытых вечными оранжевыми снегами... Какое небо у вас на Земле?

— Синее...

— Гм... ну да, конечно. А луны?

— У нас одна луна, и она золотая... Но погоди, не забывай, что я здесь совсем недавно и еще ничего не знаю. Со всем ничего, понимаешь? Пожалуйста, объясни мне, что здесь происходит.

Мхтанд тяжело вздохнул:

— Зачем тебе это знать? От судьбы все равно не уйдешь...

— Мы на Земле привыкли сами определять свою судьбу... Рассказывай!

— Ты не на Земле, пленница Галя...

— Мы определяем свою судьбу везде! Рассказывай!

Мхтанд помолчал немного, затем сказал:

— Ну хорошо. Правда, это длинная и печальная история, но время у нас есть...

Галя, приготовившись слушать, присела на край пульта, но Мхтанд встревоженно прохрипел:

— Осторожно! Не нажми на кнопки! Если нажмешь на черные, то разбудишь всех, а они смертельно устали... А если нажмешь на красную...

— Не беспокойся, не нажму, — прервала его Галя, соскочила с пульта и отошла в сторону. — Ну, я слушаю тебя, Мхтанд.

Вот что рассказал Мхтанд.

9

«На другом краю Галактики, в нижнем правом углу Малого Магелланова Облака, есть ничем не примечательная звездная пара, которая состоит из кроваво-красного гиганта Протуберы и мертвенно-синего карлика Нскриды. А вокруг этой пары, точнее, вокруг центра тяжести этой двойной звезды,

обращается сравнительно небольшое небесное тело, именуемое Планетой Негодяев. Вероятно, в свое время у этой планеты было более достойное название, но она с давних пор служила прибежищем для всех прохвостов, подлецов и подонков, уродившихся в нижнем правом углу Малого Магелланова Облака, и потому значилась Планетой Негодяев даже в космических логиях. В кроваво-красном блеске Протуберы и мертвенно-синем сиянии Некриды привольно живут-поживают и добро наживают торговцы живым товаром, скупщики краденого, кровожадные пираты и содержатели отвратительных притонов. Там замышляются дерзкие набеги на незащищенные миры, заключаются зловещие сделки, с громовыми скандалами пропивается добыча. Звенит золото, рекой льются всевозможные напитки, и сотни тысяч рабов томятся в мрачных подземельях, ожидая своей участи.

Участь же этих рабов, захваченных в разных уголках обозримой Вселенной, была до сравнительно недавнего времени довольно обычной: их морили в шахтах радиоактивных руд, изнуряли тяжким трудом на плантациях драгоценных злаков и даже употребляли в пищу. Но около сотни лет назад к Великому Спруту, весьма деловому носителю разума, неизмеримо богатому мерзавцу и в высшей степени влиятельной личности на Планете Негодяев, явился некий Крэг, разумный, но начисто лишенный чувств паук из мрачной системы безымянной нейтронной звезды. Этот Крэг представил Великому Спруту самый подлый и позорный, самый дерзкий и фантастический в истории Вселенной проект, который, однако же, сулил и фантастические прибыли.

Как известно, в современной технике нельзя и шагу ступить без надежных и универсальных механизмов управления и контроля. Механизмы эти строятся на принципах автоматки и кибернетики, а вся известная автоматка и кибернетика — на электронной технике. Известно также, что для создания надежных и универсальных механизмов управления и контроля требуются колоссальные затраты: на ученых, на конструкторов, на инженеров, на лабораторное, инструментальное и заводское оборудование. К чему все эти затраты? — спросил подлый Крэг. К чему тратить деньги на создание устройств, давно и в изобилии созданных самой природой? В обозримой Вселенной обитают миллиарды и миллиарды разнообразных разумных существ, и каждое из них носит в себе в высшей степени компактный, надежный и универсальный механизм управления и контроля. Да, как это ни чудовищно, паук имел в виду мозг разумного суще-

ства. В своих лабораториях он научился сращивать живую материю с мертвыми материалами и создал первые образцы вычислительных машин, работающих на мозгах разумных существ. Естественно, Великий Спрут, весьма деловой носитель разума и невероятно богатый мерзавец, сразу ухватился за эту идею. Он бросил на нее половину своего баснословного состояния. Отныне участь несчастных пленников, попавших в лапы пиратов с Планеты Негодяев, решалась однозначно: все они до единого загонялись на конвейеры в гигантские мастерские Крэга, и на космические рынки потекли партии надежных и универсальных, весьма компактных механизмов управления и контроля.

Но живые мозги, вмонтированные в эти механизмы, нуждаются в непрерывном и обильном питании. Причем каждый нуждается в своем. Мозг разумного обитателя планеты Ооба, например, нуждается во фторе, соляной кислоте и магнии. И тут Искусник Крэг предложил Великому Спруту другую свою дьявольскую выдумку. Машину, которая может осуществлять трехмерную контракцию и потому называется контрактор. Никто не знает, как устроен и как работает этот контрактор, но с его помощью оказалось возможным захватывать и упаковывать в сравнительно малые емкости огромные планетные территории вместе с их атмосферой, морскими и речными бассейнами, растительностью, животным миром и населением. Однажды таким вот образом была захвачена целая планета, которую потом, потехи ради, запустили вокруг мертвенно-синей Некриды... И вот уже сотню лет пиратские корабли Великого Спрута, оснащенные контракторами, рыскают по Вселенной, крадут с обитаемых планет более или менее обширные области и доставляют их в обиталище Великого Спрута. Разумное население загоняется на конвейеры Крэга, а контейнеры с атмосферой, морями и прочим придаются к готовым вычислительным машинам в качестве блоков питания...

Однажды (это было сравнительно недавно) Великий Спрут, этот самый выдающийся мерзавец под кроваво-красной Протуберой и мертвенно-синей Некридой, владелец ядерных, бактериологических и химических комбинатов, на которых трудились тысячи высококвалифицированных рабов и роботов, шеф научно-исследовательских институтов и лабораторий, в которых работали сотни знаменитых профессоров и жаждущих славы лаборантов, адмирал флота из пяти сверхдальних звездолетов, на которых верой и правдой служили ему десятки отъявленных головорезов, содер-

жатель множества притонов, где выпивались тысячи литров серной кислоты, высокооктановой нефти, сжиженного метана...

— И единоличный хозяин этой отвратительной фабрики мозговых машин...

— Разумеется, но это страшный секрет! Даже на Планете Негодяев об этом знают не все, а те, кто знает, предпочитают помалкивать. У них там строго: проболтался — на конвейер...

— Но вы-то почему не бунтуете? Почему не отказываетесь работать? Боитесь, что вас тогда убьют? Так лучше смерть, чем такое существование...

— Да, смерть лучше... Но вон видишь эту красную кнопку на пульте, Галя с Земли? При отказе... да что там, при малейшей ошибке в расчетах оператор нажимает эту кнопку, и мы все тогда испытываем мучительную, непереносимую боль. Таких мук ты себе и представить не можешь...

— А этот черный ящик...

— В нем наш Радужный Берег. В нем зеленый песок, коричневые рощи и фиолетовое море моей родины... Эх, да что говорить!

— Погоди. А как же те, кто покупает эти жуткие машины? Неужели все они такие бессовестные негодяи?

— Нет, конечно. Просто никто не знает, как они устроены, эти машины. По условиям купли-продажи категорически не рекомендуется вскрывать их... Да если и вскрыет их кто, что он там увидит?

— Так ведь машины могут сами рассказать владельцам, кто они на самом деле...

— Все машины немые. Я — единственный узел, способный разговаривать... Так сделано по особому заказу, и я не в счет. Ну, а покупателей предупреждают, что в случае заминки или неточности в работе следует несколько раз нажать на красную кнопку, вот и все... Но мы отвлеклись. Продолжаю. Это уже касается тебя, твоих соплеменников и твоей планеты...

Итак, однажды Великий Спрут предавался короткому послеобеденному отдыху. Он нежился в золотом бассейне, наполненном крепким раствором медного купороса, и четверо грустных одноглазых рабов с планеты Бамба массируют его раздутую пятнистую тушу электрическими щетками под напряжением в пятьсот пятьдесят вольт. Великий Спрут ежился и содрогался от удовольствия, но при этом не забы-

вал о делах — слушал доклад своего верного клеветы и исполнителя самых своих тонких поручений Мэса, который висел перед ним вниз головой, закутавшись в широкие кожистые крылья. Кстати, Мэс — это было прозвище, и сначала оно просто Мерзкий Старикашка.

Вероятно, именно эту минуту следует считать началом эпохи великих бедствий и испытаний, которые вскоре неизбежно обрушатся на обитателей зеленой планеты Земля, ибо именно в эту минуту грянул звонок телезвонка.

— Кто там еще!.. — проворчал Великий Спрут. — Впусти.

Мэс вытянул длинный белый хобот и включил телескоп, и перед Великим Спрутом появилось неприглядное изображение его первого консультанта по вопросам науки и техники Искусника Крэг — паука с безмянкой системы безмянкой нейтронной звезды, бессовестного создателя машин на живых мозгах и изобретателя страшного контр-актера.

— Здравствуй, Великий, — прошипел Искусник Крэг и протянул сквозь экран жуткого вида мохнатую лапу с ядовитым крючком на конце.

— Привет, Искусник! — отозвался Великий Спрут и осторожно пожал протянутую лапу с жуткого вида щупальцем, усаженным шевелящимися присосками.

— Скребешься? — завистливо произнес Искусник Крэг. У него всегда чесалась головогрудь, но — увы! — твердый панцирь не давал ему возможности почесаться, и потому он всегда завидовал мягкотелым. Даже рабам.

— Как видишь, — проворчал Великий Спрут. — Бородавки одолели. С чем пожаловал?

Искусник Крэг положил локти на край экрана, снял свои роговые очки и принялся методически протирать стекла. Головогрудь Искусника Крэг украшали двенадцать глаз, поэтому процедура протирания двенадцати стекол всегда была у него довольно затяжной. Но Великий Спрут знал своего консультанта и терпеливо ждал. Наконец Крэг водворил очки на место и сказал:

— Я здесь посчитал немного...

При этих словах Великий Спрут плотно закрыл правый глаз и широко распахнул левый, а Мэс возбужденно задергался и захрюкал. Когда Искусник Крэг начинал разговор словами «я здесь посчитал немного», это всегда означало, что предстоят огромные расходы, которые, однако же, сулят еще более огромные прибыли.

— Я здесь посчитал немного, — сказал Искусник Крэг, — и нашел, что нашему производству угрожает некоторый застой.

— Продолжай, — произнес Великий Спрут.

— Пределы компактности систем на мозгах обитателей известных нам миров практически достигнуты. Самый мощный мозг, с которым мы сейчас имеем дело, заключает в себе полтора миллиарда ячеек, или, выражаясь по-научному, нейронов. Система из ста пятидесяти миллиардов ячеек, как легко подсчитать, должна состоять из ста таких мозгов с соответствующим числом церебрариев и соответствующим объемом блоков питания.

— Продолжай, — проворчал Великий Спрут. — Пока ты очень все понятно рассказываешь...

— Я здесь посчитал и нашел, что теоретически возможны разумные существа с мозгом из пяти, десяти и даже пятнадцати миллиардов ячеек, или нейронов. Системы на таких мозгах были бы в пять — десять раз компактнее наших лучших нынешних, а прибыли от их реализации увеличились бы в десять — двадцать раз.

— Продолжай, продолжай! — воскликнул Великий Спрут. — Это ты очень интересно докладываешь...

— Я нашел также, что непременным условием возникновения, развития и функционирования разумных существ с подобным мощным мозгом является наличие кислорода, воды, хлорофилла и красной крови. Короче говоря, Великий, если мы не хотим останавливаться, а хотим двигаться дальше по пути научно-технического прогресса, нам совершенно необходимо найти несколько так называемых зеленых планет и приступить к их активной разработке.

— Зеленые планеты... — проскрежетал Мээс. — Разве такие бывают?

— Этого я не знаю, — сказал Искусник Крэг. — Я знаю, что теоретически они возможны. Известно также, что мозг носителя разума не может выработать ни одного представления, которое не имело бы соответствия в природе. Надо искать. Нацелиться на кислород, воду, хлорофилл и красную кровь и искать. Одно могу сказать: в случае успеха прибыли будут колоссальны.

— Будем искать! — решительно объявил Великий Спрут.

Искать зеленые планеты! Оказалось, что сказать это легче, чем сделать. Множество дней и ночей рылись секретари Великого Спрута в старых бортовых журналах сверх-

дальних звездолетов; столько же дней и ночей охранники Великого Спрута допрашивали рабов и пленников с самых отдаленных миров; столько же дней и ночей тайные агенты Великого Спрута терлись в притонах и тавернах среди пропившихся забулдыг. Увы! В старых бортовых журналах о зеленых планетах не говорилось ничего. Из всех рабов и пленников только один, принадлежащий к расе разумных амфибий, обитающей в системе далекого Серого Солнца, припомнил, что точно, была когда-то зеленая планета поблизости от его родины, но ее пустили под полигон для испытания новых видов истребительного оружия, и зелень с нее сошла уже давным-давно. А пропойцы в притонах и тавернах демонстрировали готовность поглощать даровое угощение в неограниченных количествах и потому рассказывали о зеленых планетах много и с подробностями, причем все время ввали.

В конце концов Великий Спрут потерял терпение и совсем было уже решил отказаться от этого смутного предприятия, но тут к нему в кабинет впорхнул самый верный его клевет и исполнитель самых тонких его поручений Мээс. Он был единственный, кого Великий Спрут допускал к себе без доклада. По обыкновению повиснув вниз головой, Мээс закутался в кожистые крылья и прикрыл глаза голыми веками.

— Говори, — разрешил Великий Спрут.

— Будь здоров, Великий! — сказал Мээс. — А известен ли тебе некий Двуглавый Юл?

— Да, — ответил Великий Спрут. — Знаменитый вольный пират. Мы поставили ему одну из первых мозговых машин.

— Он только что вернулся из Глубокого космоса.

— Так.

— Он узнал, что нам нужны сведения о зеленых планетах.

— Так!

— Он знает кое-что об одной зеленой планете.

— Так!!

— Он готов побеседовать лично с тобой.

— Так!!!

— Сегодня вечером он ждет тебя на борту своей «Черной Пирайи».

— Угу...

Кого-нибудь другого на месте Великого Спрута такое бесцеремонное приглашение наверняка оскорбило бы. Ему, Ве-

лякому, тащиться в гости к простому пирату, у которого ничего за душой нет, кроме нахальства и потрепанного звездолета! Но Великий Спрут, в высшей степени деловой носитель разума, был не из тех, кто считается визитами.

— Отлично, — проворчал Великий Спрут. — Сообщи ему, что мы будем после захода Протуберы.

Поздно вечером, когда кроваво-красная Протубера скрылась за острыми пиками Хребта Страданий и в фиолетовом небе остался только мертвенно-синий диск Некриды, длинный закрытый ракетомобиль Великого Спрута вкатился на космодром. Ах, каких только кораблей не было на главном космодроме Планеты Негодяев! Ионолеты, атомолеты, нейтронолеты, гравилеты, летающие тарелки, летающие кастрюли, летающие бидоны, летающие самовары, большие и малые, новенькие с иголочки и изрытые метеоритными шрамами, корабли нападения и корабли защиты, откровенно грозные космические линкоры, ошетиленные смертоносным оружием, и притворно беззащитные корабли-ловушки, упрятавшие смерть в глубоких трюмах... Впрочем, никакого движения не было заметно между этими бронированными чудовищами, так как их экипажи все поголовно пьянствовали и играли в кости в портовых кабаках.

Ракетомобиль Великого Спрута пролетел в самый дальний угол космодрома и остановился перед огромным яйцом аспидно-черного цвета. Это и была наводящая ужас «Черная Пирайя», зловещая бригантина Двуглавого Юла. И едва четверо угрюмых шестируких и десятиглазых гигантов-телохранителей извлекли из ракетомобиля носилки, в которых возлежал Великий Спрут, как усиленный динамиком двойной голос знаменитого пирата прогремел:

— Будь здоров, Великий! Я жду тебя.

Мээс, топорща кожистые крылья и переваливаясь на коротких лапках, первым вступил в распахнувшийся люк; телохранители с носилками взошли на борт «Черной Пирайи» следом за ним. Конечно, Великий Спрут мог свободно передвигаться и без посторонней помощи, но, будучи в высшей степени деловым носителем разума, он справедливо полагал неразумным вводить в соблазн знаменитого пирата. Носилки были достаточно благовидным предложением иметь телохранителей подле себя, а телохранители у Великого Спрута были существа свирепые, но не совсем разумные и чрезвычайно преданные, и шутить шутки в их присутствии не рискнул бы даже такой лихой парсень, как этот двухголовый мерзавец. Даже ради миллиардного выкупа.

Двуглавый Юл принял гостей в своей шестиугольной кают-компании с круглым столом посередине и с большим холодильником, на котором торчало чучело какого-то маленького зверька. Пират стоял у стены напротив двери, широко расставив длинные тощис ноги и привычно положив руки на кобуры пистолетов, свисавшие ему на бедра. Правая голова, с черной повязкой через правый глаз, курила сигарету, глаза левой головы холодно и бесстрастно разглядывали Великого Спрута.

Телохранители поставили носилки на стол, отступили в углы и стусеивались. Мээс искал глазами на потолке, расписанном в красно-зеленую шахматную клетку, не нашел, за что можно было бы уцепиться, и остался стоять рядом с Великим Спрутом. Двуглавый Юл предложил Великому Спруту глоток ртутного коктейля, но тот отказался.

— К делу, Двуглавый, — проворчал он.

— К делу так к делу, — согласился пират.

— Мне нужны зеленые планеты, — сказал Великий Спрут. — Я не знаю, где найти зеленые планеты. Мне сообщили, будто ты знаешь кое-что об одной такой планете. Это правда?

— Правда, — ответила левая голова.

— Ты знаешь, где она находится?

— Знаю.

— Но это точно зеленая планета?

— Точно.

— Кислород, хлорофилл, вода, красная кровь?

— Все так. И многое другое.

— Другое меня не интересует. Там есть разумная жизнь?

— И еще какая!

— Отлично. Сколько ты хочешь за координаты этой зеленой планеты?

Правая голова Двуглавого Юла выплюнула окуроч и засмеялась.

— Прежде скажи мне, Великий, что ты собираешься с нею делать?

— Это тебя не касается.

Головы переглянулись, затем Двуглавый Юл пожал плечами.

— Как угодно, — сказала левая голова. — За координаты я возьму с тебя недорого — всего сто тысяч. Но в остальном пеняй на себя.

Великий Спрут, в высшей степени деловой носитель ра-

зума, озадаченно воззрился на двухголового пирата и проворчал:

— Что ты имеешь в виду?

— Послушай, Великий, что нам толку ходить вокруг да около? Ты забыл, что моя штурманская машина сделана по особому заказу. Она у меня го в о р я щ а я. Что делать, моя слабость — люблю почесать язык, особенно левый, и люблю послушать, как плачут побежденные. Так вот, я отлично знаю о твоих делишках с Искусником Крэгом и представляю себе, что тебе нужно на зеленой планете. Клянусь багровой Протуберой и синей Нскридой, я вполне сочувствую твоим поползновениям, но...

— Но?

— Но боюсь, что это дорого тебе обойдется.

— Это еще почему?

— Видишь ли, эту планету населяют так называемые люди.

— Ну и что?

— А то, что это тебе не говорящие лягушки из системы Серого Солнца и не трусливые коты с Цирцеи, которые притворяются мертвыми, едва до них дотронешься...

— И ты полагаешь, что меня может остановить население какой-то паршивой планетки? Меня? Великого Спрута? Да я их в порошок сотру, в ступе истолку, прахом пущу!

— Допустим. Ты можешь попытаться отравить их отравительную кислородную атмосферу, выпарить их ужасающие водяные океаны, погасить их возмутительное желтое солнце. Но даже если это удастся тебе безнаказанно, цели-то своей ты все равно не добьешься! Как я понимаю, тебе нужны живые головы, а не мертвые черепа...

Великий Спрут надулся и некоторое время молчал. Потом он прорычал хрипло:

— Ладно, Рассказывай.

— Информация стоит денег. Вместе с координатами это обойдется тебе в миллион.

Великий Спрут взглянул на Мэсса, тот длинным белым хоботом извлек из носилок мешок с деньгами и бросил к ногам пирата. Но Двуглавый Юл не взглянул на мешок. Взгляд его был устремлен в одному ему ведомые глубины мрачного и кровавого прошлого.

— Я открыл эту планету и был на ней дважды. Первый раз я высадился там восемьсот лет назад. Мне удалось взять

немного золота, и я захватил на пробу сотню пленных. На обратном пути пленники взбунтовались...

— Что? Как ты сказал?

— Пленники взбунтовались. Другого слова я не подберу. Они принялись крушить все вокруг себя, как экипаж корабля, недовольный своим капитаном, и убили моего боцмана. С тех пор я летаю без боцмана...

— Как же ты поступил?

— Мне пришлось открыть наружные трюмные люки, — с отвращением проговорил Двуглавый Юл, — и затем выбросить мертвецов за борт. Так я остался без добычи впервые в своей долгой жизни. Второй раз я посетил эту планету четыреста лет назад. На ней свирепствовала война. Я решил воспользоваться этой сумятицей и погреть руки у их огня... а огня там было предостаточно, могу тебя заверить, Великий...

— И что же?

— Мне врезали с двух сторон сразу. Я потерял правый глаз на правой голове, своего лучшего канонира и изрядный кусок кормы. Корму я потом подремонтировал, но с тех пор летаю без правого глаза и без канонира...

— И ты...

— И я бежал оттуда без оглядки, причем несколько этого не стыжусь. Так я остался без добычи второй раз в жизни.

— А дальше?

— Это, собственно, все.

Великий Спрут сказал задумчиво:

— Информация, безусловно, стоит миллиона. А что бы ты мне в таком случае посоветовал?

— Людей нельзя запугать и захватить, — медленно произнес Двуглавый Юл. — Их нужно красть!

Воцарилось молчание. И вдруг Мээс развернул свои кожистые крылья и захлопал ими, гогоча во все горло и наполняя кают-компанию зловонным ветром.

— Гм... — сказал Великий Спрут. — Но моим головорезам такая тонкая работа не по плечу. Они умеют только жечь и грабить...

— Поручи это дело мне, — предложил Двуглавый. — У меня с людьми давние счета. А уж я со своими ребятами обстрипаю это дельце чистенько, можешь быть уверен. К таким делишкам мы, вольные пираты, приучены с младых ногтей...

— Сколько? — сейчас же спросил Великий Спрут.

— Миллиард, — сейчас же ответил Двуглавый Юл. — И долю с прибыли.

Они поторговались и сошлись на семистах миллионах и на одной десятой процента.

— Заметано, — произнес Великий Спрут отдуваясь. — С этого часа ты у меня на службе. Ты будешь поставлять мне живых людей и соответствующие территории для их жизнеобеспечения. Контрактор ты получишь, о технике договоришься с Искусником Крэггом. Теперь так. Не вязываться ни в какие драки. Ни в коем случае не выявлять себя. Пусть вашим девизом остается: налететь, схватить и исчезнуть без следа.

— Сделка заключена, — объявил Двуглавый Юл. — А теперь позволь представить тебе мою команду.

— Позволю, — сказал Великий Спрут.

— Экипаж! Стройся! — взревел Двуглавый Юл.

Вот это был сюрприз. Круглый стол посередине кают-компании изогнулся, сбросил с себя носилки и, обернувшись голенастым ящером, вытянулся перед Двуглавым Юлом. С потолка, храня на теле его красно-зеленый шахматный узор, сорвалась разлапистая морская звезда и пристроилась рядом с ящером. Распахнулась дверца холодильника, и мохнатая обезьяна, окутанная облаком пара, выскочила оттуда и встала рядом с морской звездой. И чучело зверушки на холодильнике соскользнуло на пол и замерло подле обезьяны.

— Моя команда! — провозгласил Двуглавый Юл. — Самые отчаянные и хитроумные ребята во всей обозримой Вселенной. Это Ка, — показал он на ящера. — Может принимать любой облик и прикидываться любым предметом. Это Ки. — Он показал на морскую звезду. — Обладает замечательным даром мимики. Способен в две секунды слиться с обстановкой и стать невидимым. Это Ку. — Он показал на обезьяну. — Может сколь угодно долго пробыть в космическом пространстве без всякого скафандра. И, наконец... — Он показал на ни на что не похожего малыша. — Это мой малыш Ятурксенженсирхив, шпион, которого носят с собой.

— Рад сделать знакомство, — демократически сказал Великий Спрут, любезно улыбаясь.

— Экипаж, слушай команду! — рявкнул Двуглавый Юл. — Нашему новому хозяину — привет!

— Будь здоров, Великий! — гаркнул экипаж.

— Вольно, — сказал Великий Спрут и полез в носилки.

И, уже устраиваясь поудобнее, подбирая под себя жуткого вида щупальца, он осведомился:

— Кстати, как называется эта зеленая планета?

— Земля! — хором проговорили сквозь зубы обе головы Двуглавого Юла».

10

— Достаточно, Мхтанд, — сказала Галя. — Остальное мне известно. Пираты похитили половину Зеленой долины и тысячу человек, в том числе моего дедушку. Теперь их судьба зависит от нас. Придумай что-нибудь...

— Что тут можно придумать! — уныло возразил Мхтанд. — Ничего здесь не придумаешь. Мы здесь думали пять десятилетий, а что толку?

— Ты ведь еще ничего не знаешь, — терпеливо сказала Галя. — За этой... «Черной Пирайей» гонятся мои друзья, они преследуют ее по пятам, а за ними идут на подмогу две земные эскадры...

— Похоже, нашла-таки коса на камень! — радостно вскричал Мхтанд, но тут же снова увял. — Бесполезно. Двуглавый Юл хитер, через час он нырнет в подпространство, и тогда ищи его, свищи. Твоим друзьям следовало бы просто уничтожить «Пирайю», и дело с концом. Или у них нет достаточно мощного оружия?

— У них все есть, — уверенно сказала Галя. — Но ведь вместе с «Пирайей» погибли бы и пленники...

— А! Лучше гибель, чем наша страшная участь.

— Ну, об этом разговаривать незачем. Думай, Мхтанд, думай! Вы не можете остановить «Пирайю»?

— Конечно, можем. Можем остановить, повернуть назад, закрутить колесом... Кораблем управляем мы, без нас «Пирайя» — пустая жестянка. Космические корабли не водят вручную. Но едва мы что-нибудь предпримем, как сейчас же прибежит этот двухголовый палач и нажмет на красную кнопку...

Галя подошла к пульту.

— Слушай, Мхтанд... — сказала она шепотом и остановилась. — Слушай, Мхтанд! — закричала она. — А если вырвать эту проклятую кнопку из гнезда, что тогда?

Секунду Мхтанд мочал, потом прохрипел пораженно:

— Изумрудные небеса Оабы! Недаром у вас, обитателей Земли, по пятнадцать миллиардов ячеек! Ты молодчина, Га-

ля! Мы, конечно, обречены, но твои соплеменники теперь отомстят за нас... Нажми на обе черные кнопки! Разбуди все узлы! Скорее, пока мы здесь одни!

Пока Мхтанд безмолвно излагал своим несчастным друзьям положение, Галя, ломая ногти, выдирала из пульта красную кнопку.

— Все! — сказала она. — Что дальше?

— Дальше вот что, — сурово сказал Мхтанд. — Нас сейчас наверняка убьют. Мы прощаемся с тобой, Галя с Земли, не поминай нас лихом. И не огорчайся, смерть для нас — избавление. А ты беги. Из штурманской по коридору налево, там увидишь люк в полу. Открой люк и спустись до самого низа. Увидишь дверь, за дверью отсек спасательной лодки. Забирайся в лодку, не забудь захлопнуть за собой крышку и поверни рычаг управления на себя. Поняла?

— Поняла, — сказала Галя упавшим голосом. — А вы?

— Мы остановим «Черную Пираю». Потом нас убьют. Остальное — дело твоих друзей. Беги. У тебя в распоряжении несколько минут.

И Галя побежала. Что ей оставалось делать? Ей было всего семнадцать лет, она была измучена, голодна, затравлена, и жизнь любимого деда висела на волоске. Но она не успела добежать до люка, как самым плачевным образом обнаружился просчет Мхтанда.

Едва взбунтовавшаяся штурманская машина выключила двигатели, в корабле наступила невесомость. Галя по инерции перелетела через люк, стукнулась о переборку и повисла в воздухе. Никогда еще ей не приходилось бывать в таком дурацком и беспомощном состоянии. Она извивалась всем телом, дрыгала ногами, размахивала руками, но не могла приблизиться к люку ни на сантиметр. Между тем из шестиугольной кают-компании донесся яростный вопль, сильная ругань, звон расшвыриваемой посуды, и в коридоре появилась кошмарная процессия. Впереди, раскорячившись гигантским черным пауком, мчался по стене Двуглавый Юл; за ним, вцепившись в его ремень с кобурами, болтался в воздухе безобразный пузатый ящер, белый в синюю крапинку, весь лоснящийся, словно залитый потом; следом за ящером, пульсируя подобно чудовищной медузе, летела фиолетовая морская звезда, а позади, суетливо отталкиваясь то от стен, то от потолка, то от пола, спешила взлохмаченная обезьяна Ку. При виде этого ужаса Галя едва не потеряла сознание. К счастью, пираты в спешке не заметили ее и скрылись в

штурманской рубке, откуда сейчас же загрели раскаты свирепого Двуглавого Юла и зазвучал хриплый злорадный голос Мхтанда:

— Это что еще за фокусы? Почему выключили двигатель?

— Так нам захотелось, Двуглавый. Твоя «Пирайя» больше не двинется с места. Игра окончена.

— Где красная кнопка? Клянусь Протуберой и Некридой, это дело рук проклятой девчонки! Эй вы, мозги без скорлупы! За работу, живо! Не то перестреляю всех!

— Не страшно, Двуглавый. Мы здесь испытали кое-что и похуже смерти. Да и тебе не пережить нас надолго...

— Тогда подышайте!

Загрохотали выстрелы.

— Конец... — прохрипел Мхтанд. — Будь ты проклят, пират... Прощай, Оаба... изумрудное небо...

— К делу! — рявкнул Двуглавый Юл. — А ну, шевелись, ребята, если вам дорога шкура! Всем собраться в бордажной камере и приготовиться к бою!

Пираты снова вывалились в коридор, и тут Двуглавый Юл заметил наконец Галю, все еще беспомощно барахтающуюся под потолком. Он выхватил было пистолет, но передумал.

— Нет, — сказал он. — Мы сделаем умнее. В бою у меня всегда разыгрывается аппетит. Ка, возьми девчонку и хорошенько свяжи. После боя я сожру ее живьем.

Галя, стиснув зубы, чтобы не закричать от страха, отбивалась руками и ногами, но где же ей было отбиться от ловкого и опытного в таких делах злодея. Не прошло и минуты, как ее, скрученную и связанную, приволокли в какое-то сумрачное помещение и небрежно швырнули в угол. Все пираты уже были здесь, сгрудившись перед обширным, в полстены, экраном. Тускло отсвечивали ножи, кровавым блеском светились глаза. Двуглавый Юл держал последнюю речь перед боем:

— Слушать меня, негодяи! Дело наше дрянь. С «Пирайей» все кончено. Корабль землян рядом, и на помощь ему идут еще две космические эскадры. Всем нам грозит виселица, и у нас единственный шанс на спасение: взять этот корабль на бордаж, захватить его и попытаться удрать на нем. Не знаю, что из этого выйдет. Земляне, видно, отчаянные ребята, с такими мы еще дела не имели. Одна девчонка чего стоит... Вы знаете меня, дети нечистых миров! Если это говорю я, значит, это так и есть. Деритесь за свою жизнь. Но никакого огнестрельного оружия — только мускулы и ножи,

иначе мы что-нибудь там разобьем и опять останемся в дураках. Всё. Приготовились!

Двуглавый Юл повернул рычажок на пульте перед экраном, и низкос гудение наполнило абордажную камсру.

11

Погоня в космосе заканчивалась. Медленно и осторожно, на самых малых оборотах приближался «Стерегуший» к неподвижной «Пирайе». Медленно росла, заслоня звездное небо, гигантская туша пиратской бригантины. Атос и Арамис сидели перед пультом, не сводя глаз в обзорного экрана, не снимая пальцев с клавиш управления, не убирая ног с педалей лазерной техники. И тут, словно стая демонов из мира старинной гоголевской чертовщины, ворвались через экран пираты в рубку «Стерегущего».

Вот где пригодилась быстрота реакции, выработанная у мушкетеров Портосом во время изнурительных тренировок. Внезапность и способ нападения поразили, но не ошеломили их. Начался рукопашный бой в невесомости. Двуглавый Юл схватился с Атосом, ящер, морская звезда и обезьяна надели на Арамиса, а пушистый маленький Ятуркенженсирхив — шпион, которого носят с собой, — азартно запрыгал на краю экрана, размахивая кинжалом, как саблей. Да, с таким противником пиратам сходить еще не случалось. Земляне сражались хладнокровно и с ужасающей свирепостью, увертывались от ножей с ловкостью прямо-таки неправдоподобной, наносили удары убийственной силы. Не прошло и пяти минут, как левый глаз левой головы Двуглавого Юла закрылся огромной лиловой опухолью, из правого носа забрызгала зеленая кровь, а правая рука бессильно повисла, парализованная хитрым приемом самбо. Ящер валялся полумертвый, забитый пинками под пилотское кресло, и Арамис добивал визжащую обезьяну морской звездой, которую он сжимал за концы щупалец.

— Амба, — прохрипел Двуглавый Юл. — Ваша взяла. Сдаюсь.

Он висел в воздухе посередине рубки и медленно поворачивался вокруг оси. Обе головы его бессильно колыхались на длинных, вытянувшихся шеях, руки и ноги болтались, словно были привязаны на ниточках. Сражение явно не пошло ему на пользу. Атос подтянул его к себе, снял с него пояс с кобурами и усадил в кресло.

— Где Галя? — спросил он, вытирая со лба пот.

— Там... — еле слышно проговорил негодяй, попытался показать рукой на экран и сморщил от боли обе физиономии.

Атос на всякий случай накрепко прикрутил его к креслу привязными ремнями, а тем временем Арамис зашвырнул морскую звезду в кладовку, загнал туда же всхлипывающую обезьяну и оттащил ящера, все еще пребывавшего в тяжком беспомоществе. Заперев их там, он вернулся в рубку, подошел к экрану, запустил в него руку по плечо и извлек, держа пальцами за шкуру, Ятуркенженсирхива. Зверек покорно поджал лапки и зажмурился в ожидании неминуемой выволочки. Арамис его встряхнул.

— Ты чего ж это, бандит? — спросил он.

— Я больше никогда не буду, — жалобно пропищал зверек. — Не наказывайте меня, пожалуйста. Я ничего не сделал... Надо же как-то кормиться, сами посудите! Я, конечно, маленький, но жить-то все равно хочется...

— Перестань ныть, — сказал Арамис уже обычным своим тихим голосом. — Говори живее, где Галя?

— А тут, совсем рядом! — восторженно заверещал Ятуркенженсирхив. — Прямо в бордажной ее оставили... Я как раз хотел развязать ее и доставить сюда, но тут вы как раз так ловко меня схватили...

— Не ври. Ты просто прятался и подслушивал. Сейчас ты покажешь, куда идти... Атос, останься, пожалуйста, с этим двухголовым негодяем и не спускай с него глаз. Я постараюсь вернуться как можно скорее.

По-прежнему держа Ятуркенженсирхива за шкуру двумя пальцами, Арамис вспрыгнул на пульт, перескочил через край экрана и исчез. Двуглавый Юл завозился в кресле.

— Сиди смиренно, ты! — грозно прикрикнул Атос.

— А ты на меня не ори! — сварливо отозвалась левая голова. — Молод еще на меня орать... Я в двести раз старше тебя, ты по сравнению со мной вообще еще эмбрион...

— Это вам не поможет, — сухо возразил Атос, но поскольку уважение к старости было уже в крови у юношей к тому времени, он добавил: — Я понимаю, вам неудобно сидеть вот так, связанным, но тут уж вы сами виноваты. Впрочем, сейчас подойдет наша эскадра. Я передам вас флагману, и там вам будет удобнее...

— Считаешь, меня повесят?

— Не знаю. Как-то не задумывался о такой возможности. Но, в конце концов, почему бы и нет?

— Ничего не выйдет! — злорадно заявил Двуглавый Юл.

— Это почсму же?

— А потому, родной, что штурманская машина на моей «Пирайе» тью-тью, разбита вдребезги, и теперь по эту сторону подпространственного барьера никто, кроме меня, не знает координат Планеты Негодяев.

— Какой планеты?

— Планеты Негодяев. Нашей базы.

— Вы забываете, что вы у нас не единственный пленный...

— Ха-ха! Ка, Ки, Ку и этот маленький предатель не то что о координатах — о простой арифметике понятия не имеют. В ведомости на получение своей доли добычи крестиками расписываются. Так что будь спокоен, враг мой, я у вас в единственном числе, и вам придется с этим считаться.

Атос не нашелся что сказать на это. Действительно, земные эскадры имели задание ворваться на плечах пиратского корабля в ближайшие окрестности главной базы космических негодяев и принудить ее к капитуляции. И если двухголовый пират не врал (а какой ему смысл врать, если подумать), положение сильно осложнилось.

— Но, может быть, под угрозой смертной казни...

— Забудь. Ты имеешь дело со старым и стреляным-перестреляным космическим волком. Драться вы не разучились, в этом вам не откажешь, но насчет смертной казни... Нет! Вы отвезете меня к себе на Землю, будете содержать в приличных условиях, а я буду вспоминать прошлое и терзаться угрызениями совести. Может быть, даже слегка помешаюсь, но потом, окруженный всеобщей заботой, перевоспитаюсь и уж тогда все как есть выложу со слезами на трех своих глазах...

В это время из-за экрана на пульт шагнул Арамис с Галей на руках. Следом в рубку вскочил Ятуркенженсирхив, победоносно размахивая мотком веревки. Арамис осторожно уложил девушку в кресло второго пилота, и голова ее бессильно поникла на грудь. Опухшие от слез глаза были закрыты.

— Коллапс, — сказал Арамис. — Очень ослабела, перевозновалась, очень измучена...

— Ничего с нею не случится, — проворчал Двуглавый Юл. — Уж я-то знаю, девчонка железная! Такие царей себе подчиняли, империи на распыл пускали... Эх, не раскусил я ее вовремя, не догадался, старый дурак...

Арамис только мельком взглянул на него и продолжал, обращаясь к Атосу:

— Впрочем, насколько я понимаю, ничего серьезного. Я впрыснул ей успокаивающее, через десять минут напоим ее куриным бульоном и крепким чаем, а там, надо полагать, подоспеет и эскадра с флагманским врачом... Теперь вот что. Этот пушистый подхалим сообщил мне нечто первостепенной важности. Подвергшийся трехмерной контракции участок Зеленой долины со всем его населением упакован в пятнадцать контейнеров, которые сложены у них в трюме... И у меня такое впечатление, что эти негодяи уже сотню лет занимаются подобным разбоем на обитаемых мирах!

— Могу себе представить, — угрюмо сказал Атос и с ненавистью взглянул на Двуглавого Юла. — Но вся беда в том, что добраться до их гнезда нам сразу не удастся.

Арамис поднял брови и открыл было рот, собираясь задать очередной вопрос, и в ту же секунду в рубке загремел властный голос:

— Внимание, «Стерегуший»! Говорит флагман! Вижу вас! Вижу рядом с вами чужой корабль! Что произошло? Доложите обстановку!

Атос подошел к микрофону:

— Флагман, слышим вас. «Стерегуший» докладывает. Двадцать семь минут назад пиратский корабль внезапно остановился, и его экипаж в количестве пяти... гм... разнообразных существ, используя неизвестный нам технический прием, ворвался в рубку «Стерегающего»...

Внимательно выслушав доклад Атоса, флагман сказал:

— Вас понял, «Стерегуший». Поздравляю с полной победой. Ваш доклад транслировался на Землю во Всемирный совет. Я на подходе. Готовьтесь принять концы. Сразу после швартовки забираю Галю к себе на борт для медицинского осмотра и полного отдыха. Забираю к себе также всех пленных и в первую очередь двухголового главаря для более тщательного допроса. Подготовьтесь к приему и переводу в трюм пиратского корабля разгрузочной команды в составе пятнадцати роботов и двух инженеров. Полагаю, что первый этап нашего похода можно на этом считать законченным. Перед тем как приступить ко второму этапу...

— Перед тем как приступить ко второму этапу, почтенный флагман, вам придется вернуться к себе на Землю несолоно хлебавши! — проорал Двуглавый Юл. — Набирайтесь терпения, земляне, клянусь багровой Протуберой и синей Некридой, оно вам понадобится!..

Он захохотал и закашлялся, сгибаясь в кресле. Атос из сострадания постучал его кулаком в широченную спину.

— В одном могу вас утешить, мастера кулачного боя, — продолжал Двуглавый Юл. — По ту сторону подпространственного барьера координаты вашей зеленой планеты знал тоже только я один. Ни одна живая душа их там больше не знает. Так что, пока я у вас, можете не беспокоиться!..

— Мы и не беспокоимся, спасибо, — вежливо произнес Арамис, и Ятуркенженсирхив, все это время отиравший у его ног, подобострастно хихикнул.

12

Вот как получилось, что по первому разу земным эскадрам пришлось вернуться к родной планете, так и не добравшись до пиратского гнезда. Двуглавый Юл не соврал (да и какой ему был смысл врать, если подумать): ни один из членов его экипажа понятия не имел не только о координатах Планеты Негодяев, не только о координатах вообще, но и о простой таблице умножения. И нимало не сожалел об этом. Радист Ка, белый в синюю крапинку ящер, умевший с равной ловкостью превращаться и в огромную белую птицу, и в кучу трухлявых бревен, интересовался исключительно карточной игрой. Канонир Ки, чудовищная морская звезда, обладавшая поразительным свойством мимикрии, не умела считать даже до двух и все время путала допрашивавшего ее флагмана с Двуглавым Юлом. Квартирмейстер Ку, странная обезьяна, страшившаяся комнатных температур, но вполне равнодушная к холоду межзвездных пространств, была озабочена лишь своей коллекцией золотых монет и драгоценных камней, которую держала у себя в защечных мешках и частично в желудке. А крошечное тело Ятуркенженсирхива, профессионального шпиона, которого носят с собой, было до ушей набито инстинктом самосохранения.

Что же касается Двуглавого Юла, то он, конечно, знал все, но все отрицал, и никакие увещевания, угрозы и воззвания к остаткам его совести так и не смогли сломить его упорства. Никаких Великих Спрутов, Искусников Крэгов и Мхтандов он в глаза не видел и впервые о них слышит; обличающий рассказ Гали он объявил бредом несвоевременно заболевшей девчонки с самого начала и до самого конца; штурманскую машину он уничтожил вовсе не потому, что она взбунтовалась и остановила корабль, а из вполне понят-

ного стремления сохранить в тайне координаты родной планеты, которую он желал оградить от вторжения агрессивных землян; в краже участка земной территории с населением, животными и растительным миром он охотно сознается, но...

— Взгляните на разумных существ, с которыми я вынужден иметь дело! — патетически орал он, указывая на испуганных Ка, Ки, Ку и Ятуркенженсирхива. — Взгляните на них, и вы представите себе, насколько я был всегда одинок. Я истосковался по носителям разума, похожим на меня, хотя бы и не с тем числом голов. Я искал их по всей обозримой Вселенной, и я испытал огромное удовлетворение, обнаружив их на Земле. Да, я украл тысячу человек. Но для чего? Я хотел перевезти их на свою родную планету, под кроваво-красную Протуберу и мертвенно-синюю Некриду, и спокойно зажить среди них мирной и счастливой жизнью...

Словом, он нагло врал, и толку от него не было никакого. В довершение всего, когда врать ему наскучило, он пригрозил откусить себе оба языка, и от него отступились. Флагман, посоветовавшись с Землей, отдал приказ на возвращение.

Дни пошли своим чередом. Украденная половина Зеленой долины со всем ее населением, животными и растительным миром была водворена на ее исконное место и зажила, как прежде, счастливо. «Черную Пирайю», отчистив от многовековой грязи и дряни, отбуксировали к Луне и установили в центре кратера Архимеда под прозрачным колпаком из спектролита; сначала специалисты интересовались ею, пытаясь проникнуть в тайну разгромленной разрывными пулями штурманской машины, затем отступились. Двуглавого Юла, продержав положенное время в психическом карантине, определили жить на небольшой островок вулканического происхождения, где он и остается до сих пор, предаваясь составлению разного рода новых кулинарных рецептов из серы, вулканического пепла и пемзы; поговаривают, будто он коротко сошелся с местными тюленями и любит рассказывать им о своих необычайных похождениях. Ка, Ки и Ку попросились на Марс и не без успеха выступают на эстраде в доме культуры одного тамошнего городка; вскоре после их появления с соседней птицефермы стали частенько пропадать куры, но добродушные марсиане смотрят на это сквозь пальцы.

Однажды (это было уже год спустя после описанных событий) в яркий солнечный день по обочине широкого шоссе, пересекающего Зеленую долину, мимо цветущих садов и зе-

ленеющих лугов, мимо уютных домиков и ажурных павильонов, через ручьи и реки по горбатым мостикам и прямо вброд скакали три всадника. Впереди с Ятуркенженсирхивом на плече летела Галя, следом мчались Атос и Арамис, и один за другим уносились назад километровые столбы с черными цифрами на белых эмалированных дощечках: 117... 118... 119...

У столба на сто двадцатом километре они осадили коней и минуту постояли, глядя на обелиск черно-красного мрамора перед зарослями акаций напротив, а затем шагом двинулись дальше. Галя, смахнув слезу с ресниц, легонько щелкнула Ятуркенженсирхива по носу и проговорила:

— Все началось здесь, не так ли, маленький негодяй?

Ятуркенженсирхив обиженно пропищал:

— Я вовсе не негодяй. Я давно исправился.

Некоторое время они ехали молча. Потом Арамис произнес своим обычным тихим голосом:

— Я испытываю настоятельную необходимость посетить Планету Негодяев.

— Я не успокоюсь, пока не побеседую с Великим Спрутом и Искусником Крэгом, — отозвался сквозь зубы Атос.

Галя обернулась к ним.

— Поехали скорее, — сказала она. — Дедушка не любит, когда мы опаздываем...

Они пустили коней в галоп, и через минуту столб с цифрой 121 остался позади.

Часть вторая

Операция «Итай-итай»

1

На краю краев великолепной суровой страны, где океан вот уже миллионы лет безуспешно штурмует несокрушимые скалы, а подземный огонь время от времени бессильно грозитя подпалить набухшие дождями и снегом тучи, вдали от проезжих дорог и хлопотливых гаваней стоит старинная таверна «Одинокый ландыш». Никто уже не знает, да и не интересуется, когда и зачем было построено это неказистое сооружение из бетона, заляпанного мхом и лишайниками, с узкими длинными окнами по углам, со ржавой железной трубой, торчащей из середины плоской крыши. Но уютно сияет в промозглom тумане и в ночном мраке золотистая вывеска. Промерзший скиталец — пилот дирижабля-лесовоза или китовый пастух, заскучавший в тесноте своей субмарины, суровый геолог или падающий от усталости турист, бродяга живописец или таежный ветеринар — спускается по вырубленным в скале широким ступеням, распахивает дубовую дверь и вступает в залитую светом комнату; потирая заочковенные ладони, он оглядывает обшитые выцветшим коричневым пластиком стены, вытертый красный ковер на полу, потолок, расписанный под бездонно-синее небо. Взгляд его невольно задерживается на очаге, в котором весело потрескивает жаркое пламя, на простых деревянных столах и деревянных табуретках, на буфетных полках, заставленных стеклом и фарфором; ноздри его озябшего носа раздуваются, втягивая необыкновенно вкусные запахи свежеспеченного хлеба и ванильного печенья, бараньей похлебки с чесноком и жареной свинины, всевозможных солений и маринадов. А тут из-за лиловой портьеры появляется хозяин, дядюшка Витема, бывший смотритель термоядерной станции, — огромный, доброжелательный, улыбающийся, — разводит в знак приветствия могучие руки и произносит глубоким басом:

— Добро пожаловать, милости просим. Раздевайтесь, садитесь к огоньку, а я вам для начала стаканчик горячего глинтвейна...

Да, друзья мои. Жизнь прекрасна. Слов нет, как славно после обильного ужина посидеть у пылающего очага, рассеянно прислушиваясь к вою ночной вьюги в трубе и глухому реву вечного прибоя, а потом, отчаянно зевая и протирая слипающиеся глаза, спуститься в спальню и забраться в мягкую постель, под хрустящие, пахнущие свежим сеном простыни. Дядюшка Витема чрезвычайно гостеприимен и не скрывает этого.

В тот день, когда начались необычайные события, описанные в этой части нашей правдивой сказки, в тот ненастный осенний день дядюшке Витеме повезло совершенно особенно. Гость валом валил в «Одинокий ландыш». И какой гость! Первым явился старый приятель дядюшки Витемы, разъездной хирург Старик Саша; бухая гигантскими сапожищами, ввалился в таверну, швырнул в угол блестящий от осенней влаги плащ с капюшоном и, не говоря ни слова, устремился напрямик к очагу, — сопя и отдуваясь, принялся сушить перед огнем промокшую бороду. Дядюшка Витема встал у него за плечом со своеобразным стаканом наготове. Когда от бороды клубами повалил пар, Старик Саша распустил ее обеими пятернями в последний раз, откинулся на деревянную спинку и произнес:

— Ух ты!

Дядюшка Витема немедленно сунул ему в руку стакан. Старик Саша одним глотком спровадил в пищевод огненную жидкость и произнес во второй раз:

— Ух ты!

В третий раз он произнес эту чисто эмоциональную фразу, когда уселся за стол и заглянул в глиняный горшок, наполненный аппетитнейшей мешаниной из тушеной телятины, картошки и морской капусты.

— Погодка нынче, дядюшка Витема, доложу я вам! — объявил он, опростав горшок наполовину. — Злая погодка!

— Где же это ты был, Саша? — осведомился дядюшка Витема.

— Да опять на Черной Скале, у этого двухголового угодника. Опять ему плохо.

Дядюшка Витема сочувственно поцокал языком и поставил перед гостем глиняную кружку с игристым квасом собственного изготовления. Старик Саша отхлебнул из кружки и продолжал:

— Вам, говорит, землянам, меня не вылечить. Я, говорит, у вас на Земле помру, будете тогда знать. Мне, говорит, умереть ничего не стоит, а вас совесть замучает.

Дядюшка Витема опять поцокал языком и спросил:

— А что, собственно, с ним такое? Еще на той неделе ко мне заходил, целое ведро уксусной эссенции вылакал...

— Вот-вот. Тюлени его плавать научили, вот он и обрадовался. Налакался уксусу, нырнул поглубже, и будто бы кто-то его там, в глубине, треснул чем-то твердым по правой голове, как раз по той, у которой и так одного глаза нет. Так он утверждает. Врет, по-моему. Сам о скалу какую-нибудь треснулся. Я осмотрел — действительно, опухоль на мозге под теменной костью...

— Ну-ну?

— Надо бы оперировать, конечно, но у него же анатомия совсем другая, чем у нас с вами. У него и кровь зеленая, и кость черная, и сердце у него три, и мало ли что еще... Буду консилиум созывать, так что готовьтесь: днями здесь у вас весь цвет планетной медицины и ветеринарии соберется... И даже, может быть, инопланетной.

— Я буду очень рад, разумеется. Но, может быть, проще его в Москву отвезти... или в Калькутту, скажем?

Старик Саша допил квас и помотал головой.

— Не желает. Я уже предлагал, упрасивал, грозил даже. Ни в какую. На Черной Скале, говорит, я по вашей милости три годика страдал, на Черной Скале и умру. В окружении, говорит, моих единственных друзей — благородных тюленей...

В эту самую секунду дверь вновь распахнулась, и на пороге в облаке дождевых капель возник высокий худой человек в длинной, до пят, непромокаемой накидке, с узким костистым лицом, покрытым тем странным серо-коричневым загаром, по которому безошибочно опознают работника Глубокого космоса. И действительно, когда незнакомец поздоровался и сбросил накидку, под нею обнаружилась черная с серебром форма Космического флота. При виде шеврона на правом плече и значка в виде флажка над левым нагрудным карманом Старик Саша почтительно привстал из-за стола: перед ним был флагман Космического флота и член Всемирного совета.

— Здравствуйте, друзья! — звучным голосом произнес незнакомец, приглаживая ладонями седые волосы. — Позвольте представиться — флагман Макомбер, командующий третьей космической эскадрой. Не помешал?

— Что вы, что вы... — засмутился Старик Саша, а дядюшка Витема только руками замахал и бросился наливать прославленному флагману горячего глинтвейна.

— Не помните меня, дядюшка Витема? — спросил космолетчик, принимая стакан. — Тридцать лет... нет, тридцать два года назад я потерпел аварию во время тренировочного полета, вынужден был катапультироваться и свалился в тайге километрах в сорока отсюда. Насилу тогда до вас добрался, и вы меня здесь два дня выхаживали... Не помните?

— Да разве вас всех упомнишь? — благодушно отозвался дядюшка Витема. — Тридцать лет! За это время столько вас здесь с неба насваливалось, из океана навывползало, из тайги набредало, что никакой памяти не хватит... Садитесь, флагман, и будьте как дома. И скажите лучше, чем вас угостить?

— Совершенно безразлично. Впрочем, одну минутку... Если у вас найдется слегка обжаренная ножка упитанной индейки под гвоздичным соусом и с капелькой клюквенного экстракта... и чашечка черепашьего бульона... Найдется? Ну вот и прекрасно.

Дядюшка Витема поспешил на кухню, а прославленный флагман отпил немного глинтвейна и приветливо поглядел на Старика Сашу.

— А вы как здесь оказались, молодой человек? — спросил он.

— Да я, собственно, местный хирург, — сказал Старик Саша застенчиво. — Собственно, совершал обход... вернее, облет... вот и заглянул на огонек.

— Прекрасно! — воскликнул флагман Макомбер. — Мне удивительно везет сегодня! А скажите, мой дорогой хирург... — Тут он отставил стакан, навалился грудью на столешницу и, глядя Старику Саше прямо в глаза, спросил вполголоса: — Скажите мне, мой дорогой хирург, нет ли у вас случайно пациента на острове, именуемом Черная Скала?

Старик Саша даже не успел удивиться — новое и гораздо более сильное впечатление начисто вышибло из головы загадочный интерес командующего третьей космической эскадрой и члена Всемирного совета к двуглавному пленнику на Черной Скале. Ибо опять распахнулась дверь, и в таверну вбежала, складывая зонтик, самая очаровательная девушка, какую Старик Саша за свою не очень длинную жизнь когда-либо видывал во плоти, на экранах или на фотографиях в иллюстрированных журналах. У нее было румяное от осеннего холода лицо, огромные зеленые глаза, вьющиеся каштановые волосы... Словом, это была девушка Сашиной мечты. Восторг, вспыхнувший в Сашиной груди, был, впрочем, немедленно омрачен: следом за девушкой в

таверну шагнул мрачноватый детина, косая сажень в плечах, в насквозь промокшем сером комбинезоне мастера, с внешними данными, как немедленно и с горечью отметил Старик Саша, которые напрочь забивали самые прекрасные бороды в мире.

— Галя, — представилась девушка прекрасным голосом.

— Атос, — слегка помедлив, произнес детина.

— Эй! — воскликнул космический флагман Макомбер, поднимаясь со скамьи. — Кого я вижу!

Но тут из-за лиловой портьеры вышел сияющий от восторга дядюшка Витема с двумя дымящимися стаканами в руках.

— Милости просим! — провозгласил он. — Я счастлив... Но вы совсем промокли, друзья мои! К огню, к огню! Выпейте вот это. Выпейте, девочка, вы сразу согрестесь... Да садитесь же к огню, обсушитесь, а я подумаю, чем вас угостить...

— Простите, мы забежали только на минутку, — смущенно проговорила девушка Галя, сжимая стакан в ладошках. — Мы только хотели спросить...

— Да, мы должны двигаться дальше, — прервал ее мрачноватый Атос. — Здравствуйте, флагман Макомбер. Странно, я думал, что вы на Плутоне и готовите экспедицию к Фомальгауту.

— А я думал, что вы на Таймыре и монтируете новую очередь солнцепровода, — со странной интонацией отпарировал флагман Макомбер.

— Галя, это флагман Макомбер, — сказал Атос, не отрывая цепкого взгляда от космолетчика. («Вот это взгляд!» — с завистью подумал Саша.) — Ты помнишь флагмана Макомбера, Галя? Впрочем, ты была тогда без сознания. Это командующий третьей космической эскадрой.

Галя радостно вскрикнула, и Старик Саша ахнуть не успел, как она обняла Макомбера и звучно расцеловала его в обе щеки. Макомбер растроганно потрепал ее по спине.

— Рад видеть вас живой и здоровой, деточка, — произнес он. — Так вы решили побродить по старушке Земле?

— Мы... — начала Галя, но Атос снова прервал ее.

— Флагман Макомбер, конечно, шутит, — холодно сказал он.

Старик Саша ничего не понимал. Дядюшка Витема — тоже. Зато у дядюшки Витемы было чем заняться. Дядюшка Витема ринулся в бой. Он объявил, что в течение ближайшего часа никто не смеет покинуть «Одинокий ландыш» под

страхом смертельной обиды. Он увлек Галю к столу и усадил ее. Он почти силой впихнул Атоса в деревянное кресло перед огнем. Он принес флагману Макомберу ножку упитанной индейки с надлежащими приправами и чашку превосходного черепашьего бульона. Он с немислимой точностью определил, что Гале необходимо подкрепиться миской лукового супа и крылышком куропатки, а Атос может уничтожить на выбор либо котлету по-киевски, либо селянку на сковородке.

— И еще я угощу вас всех превосходными чарджуйскими дынями, — закончил он. — Мне только вчера прислал десяток один мой друг-художник.

Старик Саша уже оправился от первых потрясений и даже принялся оглаживать бороду, но тут его вновь ударило. Откуда ни возьмись на плече у прекрасной Гали появился странный пушистый зверек: в два кулака величиной, белый как снег, с красными глазами — то ли котенок, но с очень коротким хвостиком, то ли крольчонок, но с очень маленькими ушками. Деловито оглядевшись, он пропищал:

— А мне чего дадут?

— Ба! И ты здесь, маленький бандит? — воскликнул со смехом флагман Макомбер. — Ну, как тебе живется у нас на Земле?

— Благодарю вас, я чувствую себя на вашей планете вполне сносно, — сухо отозвался зверек. — Однако позволю себе заметить, что, называя меня бандитом, вы глубоко заблуждаетесь.

— Это Ятуркенженсирхив, — не совсем понятно пояснил флагман Макомбер пораженному дядюшке Витеме и остолбеневшему Старику Саше. — Бывший шпион, которого носят с собой. Дайте ему молока с творогом, дядюшка Витема. Если мне память не изменяет, это нравится ему у нас больше всего.

— Благодарю вас, флагман, — с достоинством произнес Ятуркенженсирхив. — И немного липового меду, если у вас найдется...

Дядюшка Витема всплеснул могучими руками и удалился на кухню, а флагман Макомбер, снова повернувшись к Атосу и Гале, сказал:

— Итак, вся добрая команда в сборе. Вернее, почти вся. А где же достойный Арамис?

— Мы потеряли его из виду год назад, — грустно сказала Галя. — Не сказал нам ни слова и куда-то исчез. Регулярно поздравлял нас с днями рождения и с праздниками, но где

он, совершенно неизвестно. Говорят, его недавно видели на Марсе...

— На Марсе? Так-так... — задумчиво сказал флагман. — Ну, тогда я вам ручаюсь: не сегодня завтра вы снова его увидите.

— Где? — в один голос спросили Галя, Атос и Ятуркенженсирхив.

— Здесь, разумется, — ответил флагман и хладнокровно принялся за ножку индейки.

Последовало молчание, затем Атос спросил:

— Почему вы так думаете, флагман Макомбер?

— Да я просто уверен в этом. Ведь остальные трое пиратов безвыездно живут на Марсе.

Снова наступило молчание. Старик Саша решительно ничего не понимал и даже рот приоткрыл в затруднении, что, впрочем, не было заметно из-за его обширнейшей бороды.

— Хорошо, флагман Макомбер, — сказал наконец Атос, встал и повернулся к огню спиной. — Сдаюсь. Вы нас поймали. Да, мы направляемся на Черную Скалу повидать Двуглавого Юла. Но вы-то откуда об этом узнали? Вы что, следили за нами?

— Обо мне потом, — проговорил прославленный космолетчик, обгладывая косточку. — Продолжайте, достойный Атос. Откуда вам стало известно, что Двуглавый Юл опасно болен?

— Это все Ятуркенженсирхив, — сказала Галя, и пушистый зверек на ее плече раздулся от важности. — Оказывается, у него с Юлом непрерывная телепатическая связь. Позавчера он принял телепатеку, что Юл заболел и просит нас навестить его.

— И вот мы здесь, — заключил Атос. — Как видите, все очень просто, флагман Макомбер.

Космолетчик допил глинтвейн, аккуратно вытер салфеткой губы и пальцы и сказал:

— Верьте мне или не верьте, друзья, но я понятия не имел, что увижу вас здесь. Со мной дело обстоит еще проще. Видите ли, я по долгу службы обязал кое-кого присматривать за всем, что происходит на Черной Скале. И вот три дня назад один мой... гм... знакомый китовый пастух со слов своего знакомого дельфина сообщил мне, будто среди местных тюленей циркулируют слухи...

Он вдруг замолчал, словно вспомнив что-то, и повернулся к Старика Саше:

— Скажите, мой дорогой хирург, в каком состоянии вы оставили сегодня Двуглавого Юла?

Старик Саша откашлялся. Старик Саша разгладил бороду — вправо и влево. Старик Саша сказал:

— Трудно усмотреть что-либо определенно, когда имеешь дело с существом столь чуждой нам организации. Но если судить по его настроению, по болям, которые он испытывает, и особенно по виду опухоли на мозге, положение его не может не внушать тревоги.

— Ему очень, очень плохо! — пропищал Ятуркенженсирхив. — Он боится, что умрет.

Флагман вопросительно посмотрел на Старика Сашу.

— Летальный исход не исключен, — признал тот.

— На это я и рассчитываю, — произнес флагман Макомбер. Все с изумлением воззрились на него. — Да, друзья, я не оговорился. Не забывайте, что где-то в Глубоком космосе продолжает процветать Планета Негодяев — отвратительное гнездо космического разбоя, неизбежная угроза всем мирным цивилизациям. Один только Двуглавый Юл во всей обозримой Вселенной знает, где она расположена, но до сих пор он упрямо молчал. Может быть, теперь, перед лицом смерти, он раскается или устанет хранить тайну...

— Как вы можете так говорить, флагман Макомбер? — с негодованием вскричала Галя. — Человек опасно болен, он умирает в плену, вдали от родины, а вы...

Старик Саша увидел в ее прекрасных глазах слезы и задрожал. Но флагман сурово сдвинул седые брови.

— Молчите, глупая девчонка! — прогремел он голосом, которым, вероятно, командовал «Поворот все вдруг!». — Какое мне дело до жизни и смерти одного негодяя, когда на мне лежит ответственность за безопасность моей планеты и сотен других братских миров? А кто может сказать, что натворил Великий Спрут со своей бандой за эти три года, пока двухголовый мерзавец прохлаждался среди моржей на Черной Скале? Родина, говорите вы? У этого подлеца нет и не может быть родины! Он — окаянный предатель великого братства разума во Вселенной, и искупить свою чудовищную вину он может только одним способом...

— Вы совершенно правы, флагман Макомбер! — прозвучал у дверей новый голос.

Все как зачарованные слушали гневную речь прославленного флагмана, даже дядюшка Витема, застывший у лиловой портьеры со сковородкой и миской в руках, и никто не заметил, что в таверне появился еще один гость. Появил-

ся он совершенно бесшумно, его не услышал даже бывший шпион Ятуркенженсирхив с его изощреннейшим слухом, и находился он здесь уже по меньшей мере несколько минут — видимо, тоже слушал. Он стоял ссутулившись, опершись грудью на тяжелую стальную острогу, высокий молодой человек в красно-белом облегающем костюме для подводного плавания в северных широтах, с очень бледным красивым лицом, на котором выделялись большие зеленые глаза, показавшиеся Старику Саше поразительно знакомыми. С молодого человека обильно текло, и вытертый ковер под его ногами изрядно промок.

— Арамис! — радостно взвизгнула Галя и, перепрыгнув через табурет, повисла у него на шее.

— Арамис! — с изумлением произнес Атос.

— Ага, вот и Арамис, — удовлетворенно сказал флагман Макомбер.

— А я давно знал, что Арамис придет, — пропищал Ятуркенженсирхив, цепляясь за Галины волосы, чтобы не свалиться в суматохе.

Старик Саша, естественно, ничего не сказал, а дядюшка Витема, которому было безразлично все, кроме аппетита гостя, важно прогудел:

— Добро пожаловать, дорогой Арамис! Рад снова приветствовать вас в «Одиноком ландыше».

— Здравствуйте, друзья, — проговорил Арамис, швыряя свою тяжелую острогу в угол. — Здравствуй, родственница, — сказал он, обнимая несравненную Галю. — Привет, Атос, сто лет не виделись! Приветствую вас, флагман Макомбер, вы, как всегда, очень кстати. Здравствуйте, дядюшка Витема. И ты здравствуй, маленький шпион!

— Я давно уже не шпион, — обиженно возразил Ятуркенженсирхив.

Арамис ловко щелкнул его по пуговичному носу:

— А кто скрыл от всех, что связан напрямую с Двуглавым?

Не прошло и минуты, как костюм для подводного плавания оказался в углу рядом с острогой, а загадочный Арамис в темном тренировочном костюме и со стаканом глинтвейна в руке уселся перед огнем. Дядюшка Витема вновь умчался на кухню готовить сногшибательный плов, тогда как Старик Саша обрел сомнительное удовольствие участвовать в пьесе, смысла которой не понимал ни капельки.

— Надо полагать, ты здесь по тому же делу, что и мы, — сказал, слегка нахмурясь, Атос.

— Несомненно, — ответил Арамис и поглядел на космолетчика. — Вы, я вижу, тоже не теряли времени даром, флагман Макомбер?

— Благодарю за комплимент, — поклонился космолетчик.

— Ты прямо с Марса? — простодушно осведомилась Галля.

— Ну, не совсем прямо...

— Как ты узнал, что Двуглавый Юл заболел и вызывает нас? — напрямик спросил Атос.

— Ничего удивительного, — пробасил из-за портьеры добрый дядюшка Витема. — Достойный Арамис прибыл сюда как раз за день до того, как с двухговым случилось это несчастье.

— Ах, вот даже как... — сказал прославленный флагман. Он рассматривал Арамиса в упор. — А позвольте узнать, достойный Арамис, чем это вы занимались целый год на Марсе?

— Настоящий допрос, — рассмеялся Арамис. — Ну, извольте. Возился с нашими пиратами. Учил ящера Ка читать; прививал морской звезде Ки навыки общежития; отучал обезьяну Ку воровать кур и даже золотые монеты.

— Неужели получилось что-нибудь? — недоверчиво спросил Ятуркенженсирхив.

— Что ж, более старательных учеников у меня еще никогда не было. И более бездарных, впрочем...

— А еще? — спросил флагман.

— Что — еще?

— Чем еще вы занимались с нашими пиратами?

— Послушайте, флагман Макомбер! — произнес Арамис сердито. — Уж не подозреваете ли вы, что я тайно подбивал их поднять бунт и водрузить на Фобосе черный флаг с черепом?

— Ну что вы, достойный Арамис! Простое любопытство. Просто меня поразило это совпадение: вы пропадаете на Марсе целый год, затем внезапно объявляете в окрестностях Черной Скалы — и пожалуйста, на другой же день Двуглавый Юл прошибает себе голову!

— Такое ли еще случается! — сказал дядюшка Витема, водружая на стол блюдо ароматнейшего плова. — Прошу вас, дорогой Арамис, угощайтесь.

Арамис поблагодарил и сел за стол. Некоторое время все смотрели, как он ест, — полузакрыв глаза от наслаждения, с видимым усилием сдерживаясь, чтобы не набивать рот до

отказа. Ясно было, что достойный Арамис страшно проголодался.

— Как ты узнал, что мы здесь? — спросил вдруг Атос.

Арамис пожал плечами и проглотил очередную порцию плова.

— Признаться, даже присутствие флагмана Макомбера не очень удивило меня. А что касается тебя и Гали, то несколько часов назад я говорил с Двуглавым Юлом, и он сообщил мне о вашем приезде... — Он отодвинул блюдо и отшвырнул салфетку. — Вот так, друзья мои. Двуглавый Юл ждет нас завтра в девять утра на Черной Скале для приватной и весьма важной, по его мнению, беседы. То есть ждет он Галю, Атоса и меня, но, как я понимаю, вы тоже присоединитесь к нам, флагман Макомбер?

— Разумеется, достойный Арамис, — сказал спокойно прославленный флагман. — Я догадываюсь, о чем Двуглавый Юл собирается беседовать с вами, и, если я не ошибся, значит, не зря я бросил свои дела на далеком Плутоне.

— А теперь, — сказал Арамис, поднимаясь из-за стола, — я прошу у всех прощения. Я добирался сюда от Черной Скалы вплавь и порядком устал. С вашего разрешения и с благословения доброго дядюшки Витемы я приму душ и пойду спать. Спокойной ночи, до завтра.

Он направился было к люку, ведущему в нижние помещения, но снова остановился:

— Да, чуть было не забыл! Я выслушал вашу отповедь моей незадачливой родственнице, флагман Макомбер, и хочу еще раз повторить, что совершенно согласен с вашим взглядом на вещи. Спокойной ночи.

И он исчез в люке. Флагман промолчал. Старик Саша взглянул на него и увидел, что он смотрит в угол. Старик Саша тоже посмотрел в угол и увидел острогу, брошенную Арамисом. Тяжелую стальную острогу.

Старик Саша не знал и мог только смутно догадываться, что его странный двухголовый пациент на Черной Скале совершил против человечества такое преступление, за которое триста лет назад его бы повесили за обе шеи; что прекрасная девушка, которая сидела за столом напротив и задумчиво катала хлебные шарики, побывала в плену у этого преступника и едва там не погибла; что мрачноватый мастер, сидевший у очага с кочергой в руках, и загадочный Арамис, только что спустившийся в спальню, в рукопашном бою с этим преступником спасли от ужасной участи тысячу человек; что командующий третьей космической эскадрой и член

Всемирного совета Макомбер так и не смог сломить упорства этого закоренелого преступника и впервые в своей долгой жизни не выполнил приказа Земли.

Да, события, имевшие место три года назад и описанные в первой части нашего повествования, прошли как-то мимо Старика Саши. И то сказать, в эти времена, полные великих и странных чудес, трудно уследить за всем, что творится в обозримой Вселенной, а Старик Саша тогда сдавал экзамены на славное звание практикующего хирурга и вдобавок болел за любимую команду «Земляне Марса». И кто упрекнет его? Разве кому-нибудь известно, например, что в прошлом году Старик Саша со своим другом китовым ветеринаром Кавабатой разнимал матерого кашалота Хрику и бешеного кальмара Сильвестра, сцепившихся в смертельной схватке на глубине двух километров, а потом оперировал израненного Кавабату прямо на узкой палубе субмарины?..

Галя поднялась и протерла кулачком глаза.

— Какой Арамис стал странный, — проговорила она.

— Да. Странный, — отозвался Атос и тоже встал. — Пора спать. Чует мое сердце, завтра начнутся события.

2

Черная Скала представляет собой громадный горб черного базальта, миллионы лет назад выдавленный со дна на поверхность океана вулканическими силами. Расщелины и уступы вокруг верхушки горба облюбовали крикливые склочницы чайки, на северном берегу обосновалось многочисленное семейство знаменитого в этих местах старого тюленя Фильки, а южный склон Всемирный совет определил три года назад под жительство пленному космическому разбойнику. В толще базальта была выплавлена просторная четырехкомнатная пещера, три комнаты набили серой, пемзой, различными колчеданами и прочими лакомствами (ни капли ртути, конечно), в четвертой же, с отличным видом на южный горизонт, поставили извлеченное из «Черной Пираи» кресло с непомерно широкой спинкой, предварительно как следует продезинфицировав, продезинсектировав и продезактивировав его.

Первый год бывший вольный пират вел чрезвычайно замкнутый образ жизни и целыми неделями только и делал, что в угрюмом одиночестве жрал свои колчеданы, оборотив-

шись к океанским просторам широченной спиной: видимо, наша зеленая планета с ее красной кровью, хлорофиллом, водой и воздухом здорово претила ему. К началу второго года он постепенно привык, а может быть, просто скука взяла свое. Он стал регулярно выходить на воздух и неожиданно для себя пристрастился к яйцам чаек, которые доставались ему ценой больших усилий и изрядного риска, потому что скалолаз он был никудышный. Он стал даже забираться в воду — не глубже, чем по пояс, потому что воды все еще боялся, да и плавать не умел нисколько, но он все так же неожиданно для себя пристрастился к морской капусте, в которой, как известно, содержится много йода. В воде он встретился и вскоре близко сошелся с тюленями, и дело пошло совсем хорошо. К этому времени Двуглавый Юл ощущал уже настолько острую нужду в обществе, что тюленье семейство могло его не опасаться. Он тетешкал младенцев, рассказывал молодежи поражающие воображение истории о космических битвах и вел со старым, многоопытным Филькой длинные беседы философского, а также морально-этического направления.

С кем поведешься, от того и наберешься. Мало-помалу он научился плавать. Впрочем, это оказалось не так уж трудно. В океанской воде, как он обнаружил, содержится масса питательных солей, и в свои разгрузочные дни Двуглавый Юл стал заменять завтрак, обед и ужин длительными купаниями. А полгода назад он впервые пересек вплавь пятидесятикилометровый пролив и осторожно просунул левую голову в дверь таверны «Одинокий ландыш». Следует сказать, что дядюшка Витема и глазом не моргнул при виде двухголового человека. Не стал он моргать и тогда, когда двухголовый человек отказался от превосходной гречневой каши и потребовал золы из затухающего очага. Запив золу бутылью крепкого уксуса, он поблагодарил и удалился, но чрез неделю вернулся снова. И еще через неделю, и еще... Он бессовестно забросил своих друзей-тюленей ради уксусной эссенции в «Одиноком ландыше». До тех пор пока они не выволокли его из-под воды с пробитой макушкой на правой голове...

Когда ровно в девять часов утра Галя с Ятуркенженсирхивом на плече, флагман Макомбер и двое мушкетеров переступили порог пещеры на Черной Скале, Двуглавый Юл восседал в своем кресле, положив ногу на ногу и скрестив на груди руки. Он почти не изменился за эти три года, даже его черная одежда и черные перчатки, изготовленные неведо-

мыми умельцами неведомых миров, даже его кобуры от страшных пистолетов, погубивших несчастного Мхтанда и его соотечественников, были прежними. Вот только правая голова подгуляла. Левая, наголо обритая, ушастая, гордо торчала, как и три года назад, на длинной прямой шее и злобно сверкала глазами, но правая, обмотанная, словно чалмой, толстым слоем бинтов, жалко свесилась набок, и единственный глаз ее тускло глядел в щель из-под набрякшего позеленевшего века.

— Ага! — глухим свирепым голосом произнесла левая голова. — Знакомые все лица. Пришли поглазеть, как издыхает одинокое разумное существо. Что же, глазейте, будет вам что вспомнить в ваши бессонные ночи, когда меня не станет. Приятно поглазеть на дело своих рук, не так ли? Кого это вы напустили на меня под водой? Какую-нибудь жалкую трусливую черепаху? Профессионального убийцу-нарвала?..

Гале стало до слез жалко его, но Арамис нетерпеливо сказал:

— Ты звал — мы пришли. Скажи спасибо и не ломай комедию, Двуглавый. Времени у нас мало, да и у тебя тоже. Говори скорее, что ты хотел сказать.

Двуглавый Юл запустил руку в левую кобуру, извлек горсть мелких морских ракушек и набил ими левую пасть. Послышался дробный треск, левая голова выплюнула скорлупки, как шелуху от семечек, и угрюмо проговорила, кивнув в сторону флагмана Макомбера:

— При нем разговора не будет.

Арамис пожал плечами.

— Тогда разговора не будет вообще, — сказал он и повернулся к выходу.

Прославленный космолетчик жестом остановил его.

— Будьте благоразумны, Двуглавый Юл, — строго произнес он. — Не забывайте, что вы в плену. Вы не можете диктовать здесь свои условия. Условия вам диктуем мы.

Тогда левая голова выкатила глаза и принялась орать. Она орала, что он, Двуглавый Юл, в плену никогда, нигде и ни у кого не был и не будет и что отдался он в руки землян совершенно добровольно, в надежде обрести наконец общество себе подобных, и правдивость его слов могут подтвердить хотя бы эти мальчишки и эта девчонка, которым он годится в прапрапрапрадеды, а если они откажутся подтвердить, значит, они самые подлые и закоренелые лжецы во всей обозримой Вселенной; что он, Двуглавый Юл, ветеран

Глубокого космоса, весь покрытый шрамами от метеоритов, вражеских пуль и укусов инопланетных чудовищ, ничем не хуже какого-то там флагмана, окопавшегося на своей третьестепенной зеленой планетке и воображающего, будто он, флагман, чего-то стоит по сравнению с ним, Двуглавым Юлом; что его, Двуглавого Юла, не раз предавали за сотни лет его бурной жизни и полезной деятельности, да только предатели долго не жили, и близок час, когда он, Двуглавый Юл, сдрет с одного из таких предателей его белую пушистую шкуру и закажет из этой шкуры перчатку себе на правую руку...

Так он орал, бранился и рычал довольно долго, не менее пяти минут. Арамис достал из кармана какую-то книжку и сделал вид, что погрузился в чтение; Атос начал позевывать, вежливо прикрывая рот ладонью; Галя на всякий случай потихоньку отступила за его спину, а Ятуркенженсирхив, охваченный ужасом, спрятался у нее за пазухой; флагман же Макомбер принялся, морщась, рассматривать свои ногти. Потом правая голова вдруг хрипло простонала: «Клянусь Протуберой и Некридой, ты прекратишь когда-нибудь этот проклятый шум? У меня уже все внутри заболело от твоих проклятых воплей...» И левая голова умолкла, отдуваясь.

— Итак? — как ни в чем не бывало произнес Арамис, закрывая свою книжку.

— Плохо мое дело, ребята, — сказала левая голова и с тяжким вздохом поникла на грудь. — Дни мои сочтены. Прямо признаем, не жилец я на вашей Земле.

Все промолчали. Галя всхлипнула и смахнула со щеки слезинку.

— Вот и позвал я вас, ребята, чтобы поговорить начистоту, — продолжал Двуглавый Юл, понемногу воодушевляясь. — Дело мое швах, на Земле вашей никто мне помочь не может, вы уж мне поверьте. Иначе я бы вас, ребята, ни почем бы не позвал. Но раз уж дело мое такое, что остается мне здесь только подохнуть, как последней собаке, решил я на все плюнуть и все как есть вам рассказать. Потому что, ребята, нет мне никакого смысла молчать, раз уж видны мне концы...

— Это мы уже поняли, — холодно сказал Арамис.

— Действительно, Двуглавый, — сказал флагман Макомбер. — Вы же все-таки мужчина, хотя и негодяй. Не размазывайте, перестаньте причитать и приступайте прямо к сути.

— А суть, ребята, вот в чем, — понизив голос, проговорил Двуглавый Юл. — Неохота мне помирать, вот в чем суть. И ведь не то чтобы я смерти боялся. Видел я ее во всех видах: и огненную, и ледяную, и голодную... И сам убивал немало, и меня убивали... Нет, на смерть я нагляделся и ничуть ее не боюсь. Но умирать мне все-таки не хочется.

Двуглавый Юл даже зажмурился от сочувствия к самому себе.

— И вот теперь, — продолжал он и то ли хихикнул, то ли всхлипнул тихонько, — остался у меня один-единственный шанс на спасение. Это огромная тайна, в ваших местах она ни единой душе не известна, но вам я открою ее полностью и до конца. Только прежде мне придется сделать одно чистосердечное признание, и вы должны дать мне гарантии, что ваши власти не повесят меня потом за обе шеи.

— Никаких гарантий вы не получите, — спокойно произнес флагман Макомбер.

— Так с какой же стати я буду тогда... — начала было с негодованием левая голова, но правая хрипло прошептала ей на ухо:

— Не валяя дурака, никто нас с тобой не повесит, раз уж до сих пор не повесили.

— Ладно! — сказал Двуглавый Юл и изо всех сил стукнул кулаком по подлокотнику. — Где мос не пропадало! Полагаюсь на ваше благородство, ребята. Я торжественно, добровольно и чистосердечно признаюсь в том, что все наши дела, о которых этот зловерный Мхтанд рассказал этой вот девчонке, есть чистейшая правда. И про Планету Негодяев, и про Великого Спрута, чтоб ему сдохнуть, и про Искусника Крэга... и про машины на живых мозгах... и для чего я на «Черной Пирайе» к вам на Землю наведалься...

— Мы с самого начала знали, что это чистейшая правда, — нетерпеливо прервал его флагман Макомбер. — Продолжайте, Двуглавый. Выкладывайте вашу огромную тайну.

— Знали? — обрадованно воскликнула левая голова. — Что же вы мне сразу не сказали? Знали и не повесили! Вот так порядочки у вас тут на Земле... Ну, тогда слушайте.

Вот что рассказал Двуглавый Юл.

Давным-давно, более тысячи лет назад, Богомол Панда, один из самых дерзких головорезов Великого Спрута, рыская в поисках добычи по окраинам Малого Магелланова Облака, наткнулся на незначительное оранжевое солнце с

единственной, но цветущей планетой, покрытой фтороводородными океанами и плотной атмосферой из смеси фтора и неона. Обычно на таких мирах бывает чем поживиться, потому что их населяют, как правило, многочисленные и очень трудолюбивые носители разума, но эта планетка, к удивлению и разочарованию Богомола, была совершенно пустой. То есть, конечно, ее сушу покрывали густые сиреневые леса и плодородные лиловые поля, фтороводородные реки и океаны тоже изобиловали жизнью, но разумных живых существ на ней не оказалось. С досады Богомол Панда хотел сбросить на самый большой материк парочку кислородных бомб, но тут же спохватился, потому что кислород на окраинах Малого Магелланова Облака и теперь не всем по карману, а в те времена и подавно. Пришлось Богомолу плюнуть и повернуть свой крейсер прочь от фторовой планетки.

А через несколько часов пираты натолкнулись на неизвестный космический корабль, идущий встречным курсом. Тут уж, казалось, дело верное. Корабль был немедленно атакован и взят на бордаж. И как же был вновь разочарован Богомол Панда, когда оказалось, что не технические новинки, не произведения искусства и ремесла, не золотые слитки заполняли отсеки злосчастного корабля, а койки-амортизаторы с больными и увечными носителями разума. Корабль был санитарным транспортом. Рассвирепевшие пираты принялись рубить несчастных вручную, и тем бы все и кончилось, если бы Богомол вдруг не задумался: а зачем, собственно, санитарный корабль с грузом полумертвых разумных существ шел к пустынной фторовой планетке? Он приказал прекратить бойню и привести в рубку оставшихся в живых; ему приволокли полумертвого от ран капитана, похожего на громадного муравья, и полумертвого от страха санитаря, похожего на гигантского мотылька. Богомол Панда допросил их сам, ни в чем себя не стесняя. Правда, капитан-муравей во время допроса умер, но то, о чем он упорно молчал, торопливо выболтал санитар-мотылек.

Выяснилось, что на Северном полюсе фторовой планетки, под километровой толщиной фтороводородного льда, обитает некий чудо-доктор по имени Итай-итай. Этот доктор якобы лечит какие угодно болезни и даже восстанавливает какие угодно утраченные органы у каких угодно носителей разума. Уже много тысячелетий многие сотни цивилизованных рас, населяющих многие десятки планетных систем в

окрестностях оранжевого светила, посылают своих безнадежно больных и увечных к доктору Итай-итай, и еще не было случая, чтобы кто-нибудь не вернулся домой полностью исцеленным. Замечательно, что исцеление происходит за считанные минуты, а то и секунды, диагноз же ставится моментально, с первого взгляда. Откуда взялся доктор Итай-итай, какая раса его породила, как и когда он угнезвился на этой одинокой планетке незначительной звезды, никто не знает, поскольку вопросов, не относящихся к делу, он терпеть не может. Впрочем, учеников он берет охотно, и их у него перебивало бесчисленное количество, однако ни один из них не смог постигнуть даже начал удивительного искусства.

Закончив допрос, Богомол Панда дал приказ немедленно возвращаться на фторовую планету. Остальное было делом техники. Спустя короткое время чудо-доктор Итай-итай был взят и водворен в лучшую каюту крейсера, а его подледный госпиталь был очищен до последнего скальпеля и взорван атомным зарядом. Надо сказать, что наружность чудо-доктора повергла в изумление даже выдавших виды пиратов Глубокого космоса. Богомол, который не имел никакого воображения и отличался косноязычием, описал его как «этакую круглую штуковину с тележес колесо, а может, и поболее, да еще с такими хвостами вместо всего прочего». Он даже не поверил поначалу, что перед ним именно чудо-доктор, а не какой-нибудь диковинный медицинский инструмент. Он не поверил и тогда, когда чудо-доктор пришел в себя от пережитого потрясения и принялся протестовать и браниться. И только получив подтверждение от санитаря-мотылька, он успокоился и приказал стартовать. Нет, «успокоился» — не то слово. Он просто забегал по потолку от восторга: его всесильный хозяин Великий Спрут частенько прихварывал и вознаграждение за такую добычу можно было стяжать весьма и весьма обильное.

Но все получилось не совсем так, как он предполагал. Правда, щедрость Великого Спрута, весьма делового носителя разума, неимоверно богатого мерзавца и в высшей степени влиятельной личности на Планете Негодяев, превзошла все его ожидания. Познакомившись с чудо-доктором Итай-итай и проверив его искусство на нескольких рабах, захваченных в разных углах обозримой Вселенной, Великий Спрут задал Богомолу и его команде роскошный пир, на котором, между прочим, было подано желе из са-

нитара-мотылька, зажаренного в купоросном масле под давлением в семьдесят атмосфер, наградил каждого своим портретом в пудровой рамке из чистого золота, а самому Богомолу Панде подарил, кроме того, небольшой астероид. И все бы, наверно, кончилось для счастливых хорошо, но у пиратов Глубокого космоса есть свои привычки. Сразу же после роскошного пира у Великого Спрута они рассыпались по портовым кабакам и притонам и принялись болтать. И в ту же ночь исчезли все до единого. Верный клеветник и исполнитель самых тонких поручений Великого Спрута, некий Мээс, усиленно распространял слухи, будто Богомол и его команда срочно отправлены с каким-то поручением в центр Большого Магелланова Облака, но несколько дней спустя кто-то нашел оторванную клешню Богомола Панды в куче мусора на городской свалке, кто-то другой видел что-то еще...

— Одним словом, все было ясно, — закончил Двуглавый Юл. — И никто никогда больше не видел чудо-доктора Итай-итай.

— Очень интересно, — сказал после долгого молчания флагман Макомбер. — Но может быть, это просто легенда? Ведь прошло десять веков...

— Как же, легенда! — презрительно возразила левая голова. — Великому Спруту, этой мягкотелой твари, давно бы уже положено сгнить заживо и подохнуть от церебральной дезинтегриции, а он здоровехонек, жрет и пьет в свое удовольствие, ворочает триллионными делами... Нет, дело тут ясно. Запирал он чудо-доктора куда подальше и лечится, каналья, у него в одиночку. От всех носителей разума такого доктора спрятал! — взревела вдруг левая голова ужасным голосом и умолкла.

— Все это прекрасно, — холодно произнес Арамис. — А теперь выкладывай, к чему ты все это наплел.

— Как это к чему? — возмущенно воскликнул Двуглавый Юл. — Ясно к чему! Чудо-доктор — он и есть мой единственный шанс на спасение! Мне ведь что нужно, ребята? Мне нужно только вернуться на Планету Негодяев. Там я припаду к стопам Великого Спрута, я буду плакать, как новорожденный тюлень, и рыдать, как чайка перед бурей, я сокру, что получил ранение в смертельной схватке за его интересы, и уговорю его показать меня чудо-доктору Итай-итай. Великий Спрут, конечно, сжалится, и через секунду я буду здоров.

— И все?

— Ну что значит «всс»? Я же понимаю, что вам тоже нужно соблюсти свой интерес. Узнав, где находится чудо-доктор, я похищаю его и доставляю прямехонько вам в руки. Быстро, без шума и точно как в аптеке. После этого я снова и уже окончательно поселяюсь в этой пещере и провожу остаток своих дней среди любезных сердцу мосму тюленей. Могу даже пообещать никогда впредь не лезть в оксан в нетрезвом виде. Прекрасный план, не так ли, ребята? Но для этого вы вернете мне мою «Черную Пирайю» и моих преданных друзей Ка, Ки, Ку и Ятуркенженсирхива, а кроме того, поставите на «Пирайс» электронную машину для прокладки курса...

— А тысяча кондиционных голов в придачу тебе не требуется? — вкрадчиво осведомился Арамис.

Атос коротко и резко захохотал, а флагман Макомбер оскалил крепкие зубы в зловещей усмешке.

— Ага, понимаю, — глубокомысленно сказал Двуглавый Юл. — Разумеется, я признаю, что не вправе пока рассчитывать на полное ваше доверие. Что ж, я согласен прихватить с собой вашу девчонку Галю, пусть она проследит, чтобы все было честь по чести...

Атос снова захохотал.

— Что за чушь вы несете, право! — сердито сказала Галля. — Стыдно слушать.

— Ну, на вас не угодишь, — проворчал Двуглавый Юл и задумался. Затем, словно его осенило, он воскликнул: — Ну конечно, ребята, как это я сразу не подумал об этом! Вы не доверяете Ка, Ки и Ку. Правильно не доверяете. Они brave парни, но... как бы это выразиться? Короче, они действительно не очень надежны в некоторых ситуациях. Звон золота, всякие соблазны... Хорошо, я готов лететь без экипажа. Мы полетим вдвоем с Галей. Договорились?

— А теперь давайте говорить серьезно, Двуглавый, — сказал флагман Макомбер деловым тоном. — Нам всем ясно, чего вы добиваетесь. Вы хотите жить, это вполне понятно. Вы рассчитываете добраться до Планеты Негодяев, собрать там шайку таких же отъявленных мерзавцев, как вы сами, устроить налет на резиденцию Великого Спрута и силой завладеть чудо-доктором. Это тоже вполне понятно. Но ведь это глупо. Скорее всего, эта авантюра кончится тем, что кто-нибудь найдет вашу оторванную клешню на городской свалке.

— Мне терять нечего, — угрюмо ответила левая голова. — Так ли, этак ли — все одно смерть. А риск, как изве-

стно, дело благородно. Никто, кроме меня, о моей жизни не побеспокоится.

— Напротив! — возразил флагман Макомбер. — Мы предлагаем вам другой план, Двуглавый. Вы открывали нам координаты Планеты Негодяев, мы идем к ней тремя космическими эскадрами и захватываем это гнусное гнездо. Главарей арестовываем, рабов освобождаем, а чудо-доктора возвращаем на его фторовую планету. В награду он в одну секунду вылечит вас. Договорились?

— Это чтобы я предал свою планету? Своих братьев по ремеслу и соратников? Своих боевых друзей и собутыльников? — возопил Двуглавый Юл и произнес нормальным голосом: — С удовольствием. Но вот в чем загвоздка, господин флагман. Едва ваши эскадры появятся в окрестностях кроваво-красной Протуберы и мертвенно-синей Нскриды, как вас засекут сторожевые аванпосты и поднимется тревога. Как только поднимется тревога, вам навстречу снимется весь объединенный флот Планеты Негодяев. Начнется преогромнейшая драка. Положим, что вы и одолеете, я в жизни своей не встречал таких отчаянных ребят, как земляне. Но вы плохо знаете Великого Спрута. К тому времени, когда вы высадитесь, его уже и след простынет. И доктора Итай-итай вместе с ним. Вот так-то, господин флагман. Нет, через аванпосты пройдет только «Черная Пирайя». Ее уж там знают и помнят, мою бригадиночку...

Флагман Макомбер взглянул на Атоса и Арамиса, и мушкетеры согласно кивнули.

— Тогда предлагаем еще один план, последний, — сказал прославленный космолетчик. — Мы возвращаем вам «Черную Пирайю» и ставим на ней электронную машину. И мы даем вам экипаж. Только зачем вам обязательно Ка, Ки и Ку? На этот раз к Планете Негодяев с вами пойдут земляне. Ваш новый квартирмейстер — это я. Ваш новый канонир — это Атос. И ваш новый бортрадист — это Арамис.

Галя прижала пальцы к губам, чтобы не закричать от ужаса. Двуглавый Юл ошеломленно вертел левой головой. Даже правая голова широко раскрыла единственный глаз.

— Когда «Пирайя» пересечет орбиту Плутона, вы сообщите Великому Спруту, что потерпели аварию, — продолжал между тем флагман Макомбер. — Вы сядете на свое обычное место на космодроме. Вы пригласите на борт агентов Великого Спрута для приема груза. Дальше будем действовать по обстоятельствам. С момента старта и до момента

возвращения на Землю командовать буду я. При малейшем неповиновении — расстрел на месте по законам Глубокого космоса.

— Эка вы как круто загибаете... — проворчал Двуглавый Юл.

— И учтите, Двуглавый, — продолжал флагман, — никаких дурацких штучек! Без нас вам чудо-доктора не видеть, как... — Он хотел сказать про уши, но запнулся и махнул рукой. — Словом, я предвижу, что нам предстоит проникнуть в святая святых Великого Спрута.

— Эх! — произнес Двуглавый Юл сквозь зубы. — Знали бы вы, что, если бы не обернулось все так, я бы сию секунду вас всех здесь на месте бы порешил...

— Знаем, знаем, — нетерпеливо отмахнулся флагман Макомбер. — Не хвастайтесь, не то мы примем меры... Например, посмотрим, что у вас там под черной повязкой на правой голове!

— Ладно, ладно, — проворчал Двуглавый Юл. — И так ясно, что ваша взяла. Собственно, такой план подходит мне больше всего. С вами, ребята, мы горы своротим. Одному бы мне, конечно, не справиться... Так когда выступаем?

Флагман Макомбер открыл было рот, чтобы ответить, но Арамис вдруг перебил его.

— Скажи-ка, Двуглавый, — произнес он, — а правда, что доктор Итай-итай может оживлять мертвых?

Все посмотрели на него. Головы Двуглавого Юла переглянулись и тоже уставились на Арамиса.

— Вот пострел — и тут поспел, — сказала левая голова. — Ты-то что в этом понимаешь?

— Правда это или нет? — своим холодным, как полярная ночь, голосом спросил Арамис.

— Да говорили что-то такое... — неохотно ответила левая голова. — Болтали у нас в кабаках и тавернах... А тебе-то что?

— Откуда ты знаешь про доктора, Арамис? — вскинулась Галя, но Атос положил ей на плечо руку, и она замолчала.

— Так это правда или нет? — спросил флагман Макомбер.

Левая голова сморщилась, и Двуглавый Юл почесал у нее в затылке.

— Ну что вам сказать... Был такой пре-це-дент. Точно, был. Лет триста назад. У Великого Спрута есть такой вроде бы секретарь, старикашка Мэс. Ну, однажды Веселый

Клоп — есть у нас один такой — пришел с богатым грузом, а Мээс этот его при расчете обжулил... или что иное между ними вышло. Короче, Веселый Клоп вынул пистолет и всадил в Мээса всю обойму, сто разрывных пуль. Мээс, натурально, лег и дымится, Веселый ударился в бега... Да не о нем речь. Я своими глазами видел, как Мээса собрали по кускам и утащили хоронить, а неделю спустя гляжу и этим самым глазам не верю: опять Мээс шляется вниз головой и хобот свой высовывает... Так что выходит, что чудо-доктор и мертвецов воскрешает. Но вас-то это не больно касается, а?

Его уже не слушали. Галя с восторгом и ужасом смотрела на Арамиса, Атос с нежной грустью смотрел на Галю, а маленький Ятуркенженсирхив тихонько гладил Галины волосы. Флагман Макомбер внимательно разглядывал свои ногти. Арамис с трудом перевел дух.

— Понятно, — проговорил он. — Так. Я в чудеса не верю. Но вместе с нами на «Черной Пирайе» пойдет Портос.

Галя слабо ахнула. Атос поднял руки, чтобы обнять ее, но тут же отступил на шаг, и руки его упали.

— Три года Портос покоится в спектролитовой капсуле на сто двадцатом километре, — ровным голосом продолжал Арамис. — Дружба прежде всего, Атос. Дружба сильнее любви, родственница. Он отдал жизнь за нас, мы попробуем вернуть долг.

Флагман Макомбер нахмурился.

— Вы серьезно собираетесь взять в космос мертвое тело, мой дорогой Арамис? — спросил он.

— Это было моим намерением с самого начала, флагман Макомбер, — ответил Арамис.

Прославленный космолетчик пожал плечами.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вам все ясно, Двуглавый?

— Чего уж яснее! — огрызнулся Двуглавый Юл. Ему было не по себе. — Так когда стартуем-то?

— Вам дадут знать, — сказал флагман.

— Только учтите! — заорал вдруг Двуглавый Юл. — Если бы меня не трахнули по башке, черта с два я пошел бы на это.

— Мы учитываем, — зловеще отозвался Арамис. — Мы все время все учитываем, пират!

Флагман Макомбер двинулся к выходу из пещеры, остальные молча последовали за ним. Они перешли на глассер, флагман включил мотор, и невесомое суденышко, понемногу набирая ход, двинулось прочь от берега. Тюлени,

расположившиеся на плоских камнях неподалеку, тихонько пели старинную песню, подхваченную их далскими предками где-то за океаном:

В далекий путь, опасный путь
Отправился Макней
И думает, дурак такой,
Что нет его умней...

А когда глассер ушел, один из них пропел вдогонку дразнилку, сочиненную Двуглавым Юлом:

Я-туркен-жен-сирхи-вец!
Тирьям-тирьям-тирьям!
Ты маленький паршивец!
Тирьям-тирьям-тирьям!

Ятуркенженсирхив сделал вид, что не слышит.

3

Озаренная кроваво-красным блеском Протуберы и мертвенно-синим сиянием Некриды, медленно, на самых малых оборотах, опускалась «Черная Пирайя» на космодром Планеты Негодяев, забитый летающей посудой. В тысячу первый раз возвращалась она из далеких странствий по обозримой Вселенной, но никогда еще не было на ее борту так чисто и опрятно. За три года на Луне с открытыми настежь люками она основательно проветрилась, хлопотливые роботы-уборщики тщательно выскребли и вылизали ее изнутри и снаружи, а перед самым стартом Галя, обливаясь слезами, украсила ее рубку и каюты огромными букетами увядающих незабудок. И никогда еще на борту «Черной Пирайи» не было такого странного экипажа. Двуглавый Юл, бывший знаменитый вольный пират, а ныне всего лишь зицкапитан, мрачно восседал в своем знаменитом кресле, поддерживая вконец обессилевшую правую голову обеими руками, а распорядился всем командующий третьей космической эскадрой и член Всемирного совета Земли прославленный флагман Макомбер, да еще с вездесущим Ятуркенженсирхивом на плече, а при новеньком электронном штурмане неслучно дежурил хладнокровный Арамис, а у лазерных пушек, не снимая ноги с педали спускового устройства, сидел угрюмый Атос. И никогда еще не было в трюме «Черной Пирайи» такого странного груза. У самого грузового люка покоился на

пружинных растяжках прозрачный спектролитовый ящик, и в нем, залитый жидким аргоном, лежал труп Портоса — вытянувшийся, словно бы в последнем напряжении, с широко раскрытыми мертвыми глазами, со стиснутыми кулаками, прижатыми к бедрам.

Еще в пути, незадолго до прорыва в подпространство, где, как известно, нет ни времени, ни движения, ни расстояний, Двуглавый Юл по приказанию флагмана Макомбера связался с Великим Спрутом. Случилось так, что именно в ту минуту Великий Спрут вышел на связь с Палачом Тритоном, откомандированным, насколько можно было догадываться, выколотив дань из покоренного народа какой-то провинциальной планетки, и экипаж «Черной Пирайи» несмало посмеялся над неразберихой, которая произошла от этого обстоятельства. Укоризненно поглядывая на флагмана Макомбера, сидевшего напротив с пятидесятизарядным бластером на колеснях, Двуглавый Юл битых пять минут втолковывал своему бывшему нанимателю, что, будучи Двуглавым Юлом и вольным пиратом, он никак не может одновременно быть и атаманом карателсей Палачом Тритоном, и, следовательно, не имеет возможности выделить дредноуты для маневра в сторону системы Рябого Солнца, и, следовательно, не будет испытывать нужды в подкреплении со стороны эскадры Элегантного Дика. Усвоив, наконец, что с ним говорит вольный пират Двуглавый Юл, пропавший без вести три года назад, Великий Спрут онсмел от изумления. А Двуглавый Юл, воспользовавшись паузой, принялся докладывать ему о своих злоключениях. Он в ярких красках разрисовал свои подвиги в сражениях с огромным флотом проклятых землян; рыдающим голосом поведал о том, как смертью храбрых погибли на поле брани его верные Ка, Ки и Ку; в сухих, военных выражениях описал маневр, при помощи которого ему удалось оторваться от преследователей; и, наконец, прерывая себя стонами и зубовным скрежетом, размазывая по левой физиономии всамделишные слезы, пожаловался на ужасные страдания, причиняемые ему смертельной раной в правую голову.

— Постой, Двуглавый, — в некотором ошеломлении проговорил Великий Спрут, — где же ты пропадал все эти три года?

Двуглавый Юл ответил, что в ходе сражений его бригантина была вся вдоль и поперек исполосована лазерными пушками и что все эти три года до последнего дня ему по-

надобились, чтобы наложить заплаты на броню и отремонтировать поврежденные двигатели. Конечно, с горечью добавил он, другой на его месте, будучи обречен неминуемой смерти от смертельной раны, не стал бы возиться, а просто осел бы на каком-нибудь пустынном астероиде и без лишних хлопот почил бы вечным сном на дне одинокого кратера, но он, Двуглавый Юл, слишком привык выполнять свои обязательства и решил прежде доставить по месту назначения заказанный груз...

— Так груз уцелел? — воскликнул Великий Спрут своим низким жирным голосом. — С этого и надо было начинать! Ты молодец, Двуглавый, хвалю. Остальное расскажешь по возвращении, сейчас мне некогда. Будь здоров.

— Ну, будь здоров, Великий! — прорычал Двуглавый Юл, и на этом сеанс связи закончился.

Флагман Макомбер сунул бластер в карман и крикнул Атосу заблокировать радиоаппаратуру.

Впрочем, на ближних подступах к Планете Негодяев радио снова разблокировали, и едва корма «Черной Пирайи» коснулась обожженного, покрытого трещинами бетона между помятым летающим самоваром и надтреснутым летающим блюдцем, как под потолком раздался скрежещущий голос Мээса, верного клеветы и исполнителя самых тонких поручений Великого Спрута:

— Великий поздравляет тебя с благополучным возвращением, Двуглавый...

— Хорошенькое благополучное возвращение! — саркастически произнесла левая голова. — Как говорится, войну проиграл, полбашки потерял...

— Га-га-га! — рассыпался Мээс скрипучим смехом. — Это ты неплохо пошутил, Двуглавый. Но согласись, что это уже подробности. Самое главное — ты уберег груз и доставил его в целостности и сохранности. Ведь в целостности и сохранности?

— В целостности и сохранности, — подтвердила левая голова.

— Ну вот видишь! А остальное уладится, уверяю тебя. Передаю распоряжение Великого: из корабля не отлучаться, приготовиться к разгрузке, ждать.

Флагман Макомбер ткнул Двуглавого Юла между лопаток стволом пятидесятизарядного бластера, и левая голова возмущенно заорала:

— Ждать? А чего ждать-то? С какой стати я буду ждать? Передай Великому, что я каждую секунду могу подохнуть!

Мне доктор нужен, а не ждать! Передай ему, что мне нужен самый лучший доктор, понял? И немедленно!

— Хорошо, Двуглавый, я немедленно передам, — проскрежетал Мээс и вдруг вкрадчиво осведомился: — А почему это у тебя экран в абордажной камере не действует?

Флагман Макомбер снова ткнул Двуглавого Юла между лопаток, но тот отмахнулся локтем и заорал еще громче:

— Клянусь кровавой Протуберой и мертвенной Некридой, ты что, не знаешь, где я побывал? Ты воображаешь, что эти проклятые дети кислорода, воды, хлорофилла и красной крови угощали меня любимым ртутным коктейлем? Да если бы ты хоть одним глазом увидел их, у тебя бы от страха вся шерсть на хребте повывлезла бы! Скажи еще спасибо, что абордажную камеру у меня разнесло прямым попаданием, иначе я бы от тебя мокрого места не оставил, едва бы ты сунул туда свой хобот! Никто из вас не поднимется на борт моей бригантины, пока меня не осмотрит лучший доктор на планете! Так и передай Великому: никакой разгрузки не будет. Знаю я вас, деловых носителей разума! Пока не будет доктора, груза вы не получите! Все понятно?

— Все понятно, — зловеще кротко ответил Мээс и отключился.

И тут Двуглавый Юл накинулся на флагмана Макомбера. И как! Видимо, беседа с клеветником и исполнителем самых тонких поручений взаправду его довела до истерики. Он бушевал. Он брызгал слюной и топал ногами. Он заткнул правой голове уши пальцами и вопил так, что Ятуркенженсирхив едва удерживался на плече прославленного космолетчика. Что воображает этот флагман-командующий? Как он смеет тыкать ему, Двуглавному Юлу, в спину всяким железом? Что у него за манеры и имеет ли он понятие о хорошем воспитании? Если у него чешутся руки, пусть он тычет своим железом в спину всяким землянам! Да будет известно этому флагману-командующему... — и так далее в том же духе.

Во время этого длинного и довольно несвязного излияния, пока Двуглавый Юл бушевал, топал и брызгал, а флагман Макомбер рассматривал свои ногти, а Ятуркенженсирхив жмурился и втягивал пушистую голову в пушистые плечи, в рубку неслышно вошел Арамис, включил иллюминаторы и стал переходить от одного к другому, рассматривая окрестности. Надо сказать, что на «Черной Пирайс» иллюминаторы были прозрачными только изнутри, а снаружи их

вообще не было заметно. Когда Двуглавый Юл замолчал, Арамис спросил, не оборачиваясь:

— Ты серьезно надеешься, пират, что Великий Спрут придет сюда чудо-доктора Итай-итай?

— Держи карман! — презрительно ответил Двуглавый Юл, оглядывая свои указательные пальцы и вытирая их о штаны. — Он скорее сохнет, чем придет!

— Это никак невозможно, — тоненьким голосом подтвердил Ятуркенженсирхив. Великий Спрут не станет рисковать чудо-доктором хотя бы потому, что это, вероятно, единственный доктор на всей планете.

— Как так? — удивился флагман Макомбер.

— Именно так, — сказал Ятуркенженсирхив. — Видите ли, на Планете Негодяев собрались представители самых разнообразных цивилизаций обозримой Вселенной. Разумеется, не лучшие представители. Но справедливость требует отметить, что и проявления благодарности у некоторых цивилизаций принимают иногда очень странные формы.

— Не тяни, маленький негодяй! — произнес Арамис, по-прежнему не оборачиваясь.

— Да, я маленький, — с достоинством произнес Ятуркенженсирхив. — Но я вот уже три года как годяй. А что касается сути дела, то доктора просто не уживаются на этой планете. Положим, купил он здесь практику, вылечил от раны одного, от язвы желудка другого, от внутреннего кровоизлияния третьего, а четвертый, которого он вылечил от алкоголизма, из чувства благодарности взял и съел его.

— Что ты говоришь! — ужаснулся флагман Макомбер.

— Я говорю чистую правду. Да что далеко ходить! Возьмите присутствующего здесь бывшего вольного пирата Двуглавого Юла...

— Заткнись, предатель! — заорала левая голова. — А вы тоже хороши, флагманы-мушкетеры! Вместо того чтобы заниматься делом и спасти меня от верной смерти, развесили уши и слушаете вранье этого мерзавца. Соображайте лучше, что будем делать дальше! Только имейте в виду, что Великий Спрут — пусть он сгниет заживо! — ни за что не придет чудо-доктора на борт моей бригантин. Не такой он дурак, чтоб ему вовек не видеть кроваво-красной Протуберы и мертвенно-синей Нскриды! Так что добираться до чудо-доктора нам придется собственными силами. Думайте, земляне. И кстати, неплохо бы закусить.

— Одну минутку, — сказал вдруг Арамис. Он по-преж-

нему стоял спиной к рубке и лицом к одному из иллюминаторов. — Этот самый... как сго... Мээс...

— Ну? — нетерпеливо произнес Двуглавый Юл. — Ну, Мээс. Мерзкий старикашка. Ну и что?

— Он ростом примерно с меня?

— Да.

— Он мохнатый, с крыльями, как у летучей мыши?

— Да!

— И у него длинный белый хобот?

— Да!!

— И шкура сизого цвета?

— Да!!!

— И низкий лобик, и маленькие выпученные глазки?

— Да, черт подери! Да! Дадут мне сегодня пожрать?

— В таком случае несомненно, что это именно Мээс приближается сейчас к «Черной Пирайе» в сопровождении четырех... гм... существ с шестью руками каждое.

Двуглавый Юл рявкнул что-то нечленораздельное и ринулся к иллюминатору. Флагман Макомбер, доставая на ходу бластер, последовал за ним.

Действительно, осторожно ступая по обожженному и растрескавшемуся бетону голыми трехпалыми лапами, к «Черной Пирайе» приближался носитель разума, подобного которому никто из землян никогда не видел. Кто знает, в каком неопытном углу обозримой Вселенной вывела эволюция такую странную тварь, похожую одновременно на пингвина, слона, летучую мышь и кролика. Но ведь возникла же где-то даже цивилизация таких тварей, и если на то пошло, то и не тварей вовсе, потому что слово «тварь» на земном языке — слово ругательное, а существ, и прошли эти существа, наверно, ту же дорогу, что и благородные земляне: дрожали от холода и страха в своих пещерах, охотились на своих мамонтов, молились своим богам и совершали хорошие и дурные поступки, и сильный у них угнетал слабого, и не исключено, что в конце концов воцарилось на их планете, как и на нашей Земле, царство братства и разума, иначе зачем бы этому поганому отщепенцу бежать из своего мира и лизать щупальца распухшему от крови и золота чудовищу?

Следом за мерзким старикашкой Мээсом деревянно вышагивали четверо шестируких и десятиглазых гигантов, кровавые и мертвенно-синие отблески играли на их могучих фиолетовых телах. Арамис вдруг прищурился, вглядываясь, и прижался лбом к иллюминатору.

- Атос! — негромко позвал он.
- Вижу, — отозвался Атос из артиллерийской башни.
- Твое мнение?
- Можно попробовать.
- План?
- Проволынить десять минут и впустить.
- Лучше пятнадцать.
- Хватит десяти.

Будто ничего особенного и не было сказано между мушкетерами, но напряжение на борту бригантин мгновенно возросло до предела. Двуглавый Юл с ужасом взглянул сбоку на Арамиса и отодвинулся. Мелко-мелко задрожал Ятуркенженсирхив, пушистая шерстка у него на загривке поднялась дыбом. Флагман Макомбер раскрыл было рот, чтобы что-то скомандовать или спросить, да так его и захлопнул, ничего не сказав, и только внимательно проверил затвор своего бластера. Потом Двуглавый Юл очнулся.

— Это то есть как это так — впустить? — взвыл он. — Это всю их компанию сюда впустить? Да знаете ли вы, мушкетеры-флагманы, что эти... шестирукие... из личной охраны Великого Спрута? Да они же здесь все разнесут, когда вас увидят! Мээс, как вас увидит, он же им только мигнет...

— Мы все пропадем, мы все погибнем! — в панике забормотал Ятуркенженсирхив, трясясь всем тельцем.

— В самом деле, достойный Арамис, — произнес флагман Макомбер, нахмурился, — я что-то плохо вас понимаю. Нельзя же, в самом деле...

— Флагман Макомбер, — холодно сказал Арамис, — когда нам придется решать задачи стратегические или хотя бы тактические, мы всецело положимся на вас. Сейчас нам предстоит задача чисто научно-техническая, поэтому потрудитесь не вмешиваться.

— То есть как это так — не вмешиваться? — совершенно уже потеряв от страха обе головы, возопил Двуглавый Юл. — Как же тут не вмешиваться, когда их не берет в упор даже противотанковая пушка, когда они своими проклятыми ручищами скалы крушат, когда они не совсем разумные и чрезвычайно преданы Великому Спруту?

— Может быть, для тебя, пират, этот твой Великий Спрут действительно велик, — проговорил Арамис сквозь зубы. — Однако сразу видно, что он еще не имел дела с землянами... — И тут Арамис словно с цепи сорвался: — Заткнись, двухголовый подонок, и делай, что тебе говорят, сс-

ли дорожишь своей шкурой! — прорычал он, сжимая кулаки. — Ты хотел, чтобы мы занимались делом? Мы сейчас займемся делом! Вы хотели войны, подлая банда кровавых бандитов, угнетатели незащищенных, безграмотные скоты? Вы сейчас получите настоящую войну! — Он снова взял себя в руки и продолжал обычным своим холодным тоном: — Так называемый Великий Спрут совершил сейчас роковую ошибку. Можно не сомневаться, что он прислал сюда этого полуслона-полупингвина для переговоров и рекогносцировки. Можно не сомневаться также, что этот недослон-недопингвин начнет сейчас ломиться на борт и попытается протащить сюда с собой этих... шестируких. И можно не сомневаться, конечно, что этот квазислон-квазипингвин будет делать тебе весьма лестные предложения. Так вот, эти предложения ты примешь.

— Как это? — ошарашенно спросил Двуглавый Юл.

— Очень просто. Соблазнишься и примешь.

— Ничего не понимаю.

— Этого от тебя не требуется.

— А как же эти... шестирукие?

— О шестируких забудь. Шестирукие — наша забота. А твоё дело — поторговаться с Мээсом минут десять и затем впустить их всех на борт. Ясно?

— Ясно, — упавшим голосом произнес Двуглавый Юл, потому что вороненый ствол пятидесятизарядного бластера уже уперся ему в бок.

— Одну минутку... — пискнул Ятуркенженсирхив, соскользнул с плеча флагмана Макомбера и заперся в холодильнике.

— Внимание! — лязгнул под потолком железный голос Атоса.

На стене загорелась синяя лампочка — знак того, что переговорное устройство включили. Мээс и четверо шестируких титанов остановились перед люком «Черной Пирайи».

— Кто, кто в термочке живет? — скрипуче проблеял Мээс. — Еще раз привет тебе от Великого Спрута, Двуглавый! Он прислал меня, чтобы переговорить с тобой начистоту.

— Валяй, валяй, — пробурчал Двуглавый Юл и яростно оттолкнул руку флагмана Макомбера, прижимавшую к его боку ствол бластера. — Только скажи сперва, который из этих четверых доктор?

И начался у них спор, вялый, тягучий, но обстоятель-

ный, — из тех споров, когда оба спорщика заведомо врут и знают, что врут, но почему-то не теряют надежды переспорить один другого. Мээс поклялся, что единственная цель Великого Спрута состоит в полном вознаграждении Двуглавого Юла за доблесть, жертвы и исполнительность. В ответ на это Двуглавый Юл гнусаво напомнил ему, что доблесть, жертвы и исполнительность вольного пирата стоят дорого и не по карману даже Великому Спруту. Мээс смиренно признал, что намек понял, но все дело в том, что доктор, которого справедливо требует Двуглавый Юл, никак не может явиться на борт «Черной Пирайи», будучи совершенно не приспособлен к передвижениям по поверхности планеты. Двуглавый Юл возразил, что его, Двуглавого Юла, раны и контузии такого свойства, что он еще менее доктора приспособлен сейчас к передвижениям. Мээс немедленно объявил, что Великий Спрут предвидел это прискорбное обстоятельство и потому прислал с ним, Мээсом, вот этих четырех своих смиренных слуг, которые в два счета доставят Двуглавого Юла к доктору. Двуглавый Юл ядовито заметил, что с тем же успехом эти смиренные слуги могли бы в два счета доставить доктора к нему, Двуглавному Юлу. Мээс снова поклялся насчет единственной цели Великого Спрута и в доказательство предложил немедленно выплатить Двуглавному Юлу под расписку причитающийся ему гонорар без вычетов за погубленный контракт. При этом Мээс принялся призывно размахивать брезентовым мешком, от которого исходило тяжелое соблазнительное побрякивание, а четверо фиолетовых титанов у него за спиной согласно закивали и в знак полного одобрения выставили перед собой оттопыренные большие пальцы вторых правых рук.

Тут в люк артиллерийской башни выглянуло бледное лицо Атоса. Арамис кивнул и подал знак флагману Макомберу, и флагман Макомбер легонько стукнул Двуглавого Юла между лопаток: «Пора!»

— Ладно! — рявкнул Двуглавый Юл, прерывая на полуслове длинный период, которым Мээс разразился было в доказательство добропорядочности своей миссии. — Ладно. Будь что будет. У меня все болит, правая голова прямо-таки раскалывается, и у меня мочи нет больше ждать. Но пусть все вольные пираты будут свидетелями, что Великий Спрут обязался не только заплатить мне, но и обеспечить меня квалифицированной медицинской помощью. А тем из них, кто не понимает таких длинных слов, я поясню, что Вели-

кий Спрут обязался дать мне доктора, который залечит мои раны и контузии, полученные мною у него на службе. Аминь.

Синяя лампочка переговорного устройства погасла, и Двуглавый Юл, скрипнув зубами, повернул рычаг, управляющий наружным люком. Тяжелая плита из перекристаллизованной стали медленно откинулась, открывая вход в шлюзовую камеру «Черной Пираи». Мэс, топорща кожистые крылья, поднялся по трапу, торжественно неся перед собой брезентовый мешок с гонораром. Фиолетовые титаны гуськом последовали за ним. Арамис в два неслышных прыжка пересек рубку и затаился у двери. В мертвой тишине было слышно, как по рубчатому полу шлюзовой камеры сначала заклацали когтистые лапы Мэса, затем бухнули шаги первого шестирукого, второго, третьего, четвертого...

— Люк! — зашипел Арамис.

Двуглавый Юл, весь трясаясь от возбуждения, рванул рычаг в обратную сторону. Стальная плита люка с глухим лязгом снова встала на место. В ту же секунду дверь в рубку отворилась, и на пороге появился Мэс.

— Га-га-га, вот и я! — начал он и не окончил.

Молниеносным движением Арамис ухватил его за хобот и изо всех сил рванул на себя. Мэс влетел в рубку и покатился под ноги Двуглавному Юлу, а Арамис одним пинком захлопнул дверь перед самым носом первого шестирукого.

— Давай, Атос! — крикнул он, привалившись к двери.

Грозный вибрирующий гул наполнил бригантину. Мелко-мелко задребезжали какие-то незакрепленные металлические части, зазвенели неплотно приложенные стекла, по стенам побежали мурашки, а гул все усиливался, становился выше и перешел в оглушительный скрежещущий визг, и у всех мучительно занули зубы, и волосы у всех встали дыбом, и на кончиках волосков заплясали, потрескивая, жуткие лиловые огоньки, а с вороненого ствола бластера в руке флагмана Макомбера стали срываться и с громом лопаться маленькие шаровые молнии. Запахло грозовой свежестью. И вдруг все кончилось, и железный голос Атоса раздался под потолком:

— Все четверо готовы.

Флагман Макомбер повел ладонью по мокрому от пота лицу и осмотрелся. Двуглавый Юл сжался в комок в своем кресле, стиснув обе головы между коленями и прикрывшись

сверху обеими руками. У ног его, откинув в сторону морщинистый хобот, в беспмятстве валялся Мээс. Арамис стоял у двери на коленях и озабоченно ощупывал свою спину. Дверь была перекошена и смята от страшного удара снаружи. Флагман Макомбер сунул бластер в карман и спросил, ни к кому не обращаясь, скорее просто так, чтобы опробовать голос:

— Что, собственно, произошло?

В рубку мягко прыгнул Атос, помог Арамису подняться на ноги и стал стягивать с него куртку и майку.

— Ничего особенного, флагман, — отозвался он. — Мы с Арамисом сразу поняли, что эти шестирукие — не живые существа, а роботы. Ну, а иметь дело с роботами мы привыкли...

Ловко обрабатывая огромный багровый синяк на спине Арамиса мазью из походной аптечки, он объяснил, что, пока Двуглавый Юл препирался с Мээсом, он поднял из машинного отделения ходовые соленоиды и расположил их вокруг шлюзовой камеры. Когда шестирукие вступили в камеру, он создал в ее объеме переменное электромагнитное поле сверхвысокой частоты, не очень сильное, всего в одну стомиллионную долю рабочей мощности, но с избытком достаточное для полной демобилизации самой совершенной и самой защищенной кибернетической машины. Шестирукие обработаны на славу, можно не сомневаться.

— Один все-таки успел ударить в дверь, — с трудом переводя дух, заметил Арамис. — Ребра целы?

— Целы, — сказал Атос. — Ты дешево отделался, мушкетер. С чего это тебе вздумалось подпереть дверь спиной?

— Почему же именно вздумалось? — сердито возразил Арамис, натягивая майку. — Это получилось у меня чисто рефлекторно.

Флагман Макомбер подошел к изуродованной двери и попробовал открыть ее. Дверь была прочно заклинена. Тогда он заглянул в щель. Фиолетовые титаны в нелепых позах валялись на ребристом полу, похожие теперь на исполинских тряпичных кукол.

— Чистая работа, — пробормотал флагман Макомбер.

— Я протестую!.. — проскрежетал позади него голос Мээса.

Он обернулся. Клеврет и исполнитель самых тонких поручений Великого Спрута ощупывал себя с головы до ног трясущимися руками и судорожно трепетал кожистыми крыльями. Хобот его уныло обвис.

— Я протестую! — повторил он. — Во имя гуманизма, во имя всего святого в обозримой Вселенной. Я готов предложить любой выкуп. За мою смерть отомстят страшной мезтью. Я предлагаю любые гарантии.

— Попался, крылатый боров! — просипел Двуглавый Юл, выпрастывая головы из-под правого колена. — Ну, теперь отольются кошке мышкены слезки. Говори, где чудодоктор Итай-итай? Живо говори, а то хобот оторву!

Мээс поспешно отполз от него на середину рубки и кряхтя поднялся на ноги. Его маленькис выпученные глазки живо оглядели Атоса, Арамиса и флагмана Макомбера, задержавшись на секунду на рукояти бластера, торчавшей из кармана прославленного космолетчика.

— Ага! — проскрежетал он. — Все понятно. Вы — земляне, не пытайтесь отрицать это. Но позволю себе заметить, что Планета Негодяев не находится в состоянии войны с вашей планетой. Таким образом, грубый выпад против меня, достаточно важного должностного лица Планеты Негодяев, может рассматриваться лишь как беспрецедентное нарушение...

— Нет, вы подумайте, какая скотина! — в гневном изумлении воскликнула левая голова Двуглавого Юла.

А правая сле слышно простонала:

— Удавить подлеца!

— Послушайте, Мээс, — строго сказал флагман Макомбер, — ваши претензии на дипломатический тон просто смешны. Планета Негодяев является базой космического пиратства, находится в состоянии несобъявленной войны со всеми цивилизациями обозримой Вселенной и подлежит разгрому и уничтожению. И как важное лицо в вашей пиратской иерархии вы можете рассчитывать лишь на скорую и верную казнь. Но вы еще можете спасти свою жизнь...

— Он сам все это прекрасно понимает, флагман Макомбер, — нетерпеливо перебил его Арамис. — К делу.

— Правильно! — отозвался Двуглавый Юл. — Он время тянет, а вы с ним миндальничаете, объясняетесь с ним!

— Не мешай, пират, — сказал Арамис. — Продолжайте, флагман Макомбер.

— Итак, — произнес флагман Макомбер, — ситуация теперь резко изменилась. В результате второй роковой ошибки так называемого Великого Спрута в наши руки попал самый превосходный «язык», какого только можно пожелать в критическом положении...

— А что было сго первой ошибкой? — наивно осведомился Двуглавый Юл.

— Первой сго ошибкой было то, что он послал тебя к нам на Землю, — ответил Арамис. — Но если ты будешь пересбивать...

— Молчу, молчу, — поспешно пробормотал Двуглавый Юл.

— Очевидно, что наша первоначальная стратегема, — продолжал флагман Макомбер, — тайно проникнуть через абордажный экран в пределы резиденции Великого Спрута и искать чудо-доктора наудачу чревата всякого рода опасными и утомительными неожиданностями. Многочисленная стража, всевозможные ловушки на каждом шагу... Плана резиденции у нас нет. Ни Двуглавый Юл, ни Ятуркенженсирхив в резиденции никогда не были... Кстати, а где Ятуркенженсирхив?

Арамис шагнул к холодильнику и распахнул дверцу. Повалил морозный пар.

— Вылезай, маленький прохвост, — сказал Арамис.

Ятуркенженсирхив вылез. Он трясся от холода, под глазами намерзли слезы, пушистая шкурка была покрыта толстым слоем инея. Он чихнул и опасливо закрутил побелевшим носом. Взгляд сго остановился на понуром Мээс.

— Ч-ч-что? — тоненько продрезбезджал он. — Уж-ж-же все?

— Все, все, — сказал Арамис и закрыл холодильник. — Прошу прощения, флагман Макомбер.

— Короче говоря, успех нашего предприятия по первоначальной стратегеме весьма неочевиден. Другое дело — теперь. Теперь мы можем рассчитывать попасть к доктору Итай-итай прямо через абордажную камеру.

— Так, — сказал Арамис.

— Так! — железным голосом лязгнул Атос.

— Это невозможно, — проскрежетал Мээс. — В палатах чудо-доктора нет присмного экрана.

— В таком случае, Мээс, — строго произнес флагман Макомбер, — вы дадите нам шифр любого приемного экрана в пределах резиденции и сами проводите нас к чудо-доктору.

— Это невозможно! — гаркнул Мээс, приседая на подгибающихся лапах. — Меня умиртвят! Я не могу!..

Арамис положил ему на затылок крепкую ладонь.

— Сможешь, — ласково произнес он, заглядывая в помертвевшие от ужаса выпученные глазки. — Все сможешь. И шифр ты нам дашь, и проводишь к доктору Итай-итай.

В столкновении с землянами «Черная Пирайя» потеряла только штурманскую машину на живых мозгах, и Двуглавый Юл, разумеется, соврал, когда заявил Мээсу, будто абордажную камеру у него разнесло прямым попаданием. Камера была целехонька, просто дальновидный флагман Макомбер приказал временно заблокировать экран, иначе любознательный Мээс не преминул бы незаметно подсадить на борт кого-нибудь из своих шпионов — посмотреть, послушать и понюхать. Надо сказать, что принцип телеэкранной транспортировки был уже давно известен земной науке, только не нашел практического применения, поскольку о шпионаже, разбое и воровстве на нашей планете сохранились лишь смутные воспоминания. Такому мастеру, как Атос, и такому ученому, как Арамис, разобраться в механизме этого устройства было все равно что стакан воды выпить, они научились управлять им еще на Луне, когда готовили «Черную Пирайю» к обратному рейсу. И вот весь экипаж в полном составе перешел с борта бригантин прямо в подземные коридоры резиденции Великого Спрута.

Они двигались гуськом. Впереди, волоча по полу концы кожистых крыльев, ковылял взъерошенный и очень довольный Мээс. В двух шагах за ним, неслышно ступая, шествовал флагман Макомбер; в правой руке прославленный космолетчик сжимал рукоять пятидесятизарядного бластера, в левой он нес портфель из кожи венерианского бегемота, заполненный какими-то тяжелыми округлыми предметами, карманы его куртки топорщились от запасных обойм. На его плече спиной вперед восседал Ятуркенженсирхив, тарачил красные глазки и напряженно вслушивался в мысли Двуглавого Юла. Двуглавый Юл тащился следом за флагманом Макомбером, бережно придерживая под подбородок правую голову; левая голова время от времени щелкала зубами и строила Ятуркенженсирхиву ужасные гримасы, приводившие беднягу в содрогание. Позади Двуглавого Юла с едва слышным гудением плыла в дециметре от пола летающая платформа со спектралитовой капсулой Портоса; у руля платформы, опершись на тяжелую стальную острую, неподвижно стоял Арамис. Шествие замыкал мрачный Атос, обвешанный ручными бомбочками с жидким кислородом.

Флагман Макомбер не пожалел времени и допросил Мээса очень основательно. Это оказалось сложным предприя-

тием. Пришлось применять лести и угрозы в изобилии. Дело чуть не дошло до физического воздействия. Сначала Мэсс клялся и рвал на себе шерсть, что о чудо-докторе ему ничего не известно. Затем, сломленный свидетельскими показаниями озверевшего Двуглавого Юла, он признался, что действительно имел место инцидент, когда в него, Мэсса, всадили сотню разрывных пуль, и действительно некий чудо-доктор собрал его, Мэсса, по кускам, но где Великий Спрут прячет этого чудо-доктора, он, Мэсс, не имеет представления. И только затем, устрешенный зловещими манипуляциями Арамиса, который взял тонкий пеньковый канат и принялся мастерить петлю, мерзкий старикашка признался, что знает, где содержится чудо-доктор Итай-итай.

Дальше пошло легче. Выяснилось, что чудо-доктор Итай-итай содержится в одном из помещений так называемого седьмого яруса. Этот седьмой ярус — святая святых Великого Спрута. В седьмом ярусе хранятся, содержатся и создаются самые тайные и ценные предметы, пленники и механизмы Великого Спрута. Туда допускаются только самые приближенные к особе Великого Спрута носители разума. Там один-единственный приемный экран, и шифр его известен только Великому Спруту, Искуснику Крэгу и ему, Мээсу. Туда ведет только одна лестница, и выходит она прямо в кабинет коменданта седьмого яруса, жуткой старой девицы Конопатой Сколопендры. Головорезам внутренней охраны седьмого яруса под страхом смерти запрещено даже приближаться к двери этого кабинета, а при выходе в отставку им под нечаянным наркозом ампутуют память; впрочем, они об этом, конечно, не знают. Что же касается рабов, обслуживающих седьмой ярус, те они там и умирают. Путь от приемного экрана до палат чудо-доктора довольно долгий, но по-настоящему опасен только один участок: придется идти мимо кантины, где обычно развлекаются свободные от дежурства охранники...

— Мастерские Искусника Крэга тоже на седьмом ярусе? — спросил флагман Макомбер.

Вот этого Мэсс не знает. Ну что хотите сделайте — не знает, и все. Ну сами посудите, какой смысл ему, Мээсу, запирается в такой второстепенной тайне, когда он уже столько рассказал? Впрочем, если землянам удастся захватить эту ведьму, Конопатую Сколопендру, вот тогда они узнают все. Эта жуткая тварь битком набита тайнами Великого Спрута. Если ее хорошенько поприжать, она выложит не только про Искусника Крэга, но еще и про такие

штучки, о которых и сам Великий Спрут предпочитает не помнить.

— Давайте шифр, — скомандовал флагман Макомбер.

Шифр был дан. Охранник на часах у присмного экрана сопротивления не оказал, он был слишком ошарашен и вдобавок пьян. Его быстро засунули в мешок, крепче обвязали веревками и бросили в угол абордажной камеры — в тот самый угол, где три года назад лежала связанная Галя. Коридор, открывшийся перед ними, приятно разочаровал флагмана Макомбера. Всс-таки берлога вселенского бандита и изверга, в высшей степени делового носителя разума. Здесь бы на каждом шагу торчать угрюмым подозрительным стражам, валяться черспам и костям, высовываться из амбразур пушечным жерлам. Нет, коридор был как коридор, таких полно было в старинных административных зданиях на Земле: широкий, низкий, прямой как стрела, только плохо освещенный. Пол был чистый, попахивало карболкой. По сторонам в неглубоких нишах тускло отсвечивали круглые и квадратные металлические двери-люки, и видно было, что не все обитатели этого места грамотные: на дверях красовались не номера и не надписи, а разноцветные изображения карточных мастей. И пусто здесь было, и тихо. За первые полчаса никто не встретился им на пути, ни одна дверь не отворилась, и слышно было только, как брякает когтями по полу Мээс, постанывает Двуглавый Юл да мягко гудит двигатель летающей платформы.

Но вот полумрак впереди стал редеть, послышалось что-то вроде заунывного пения и неясное бормотание многих голосов. Мээс замедлил шаги, просипел: «Кантина...» — и остановился, встопорщив крылья. Двуглавый Юл поднял обе головы и стал шумно принюхиваться. Ятуркенженсирхив весь затрясся и сделал попытку залезть флагману Макомберу за шиворот.

— Серная кислота с сероводородом, — сладким голосом произнесла левая голова Двуглавого Юла, причмокнула и сплюнула. — И пемза под йодистым соусом...

— Значит, дверь приоткрыта, — проскрежетал Мээс. — Нас могут заметить...

— Вперед! — нетерпеливо скомандовал прославленный космолетчик. — И помните, Мээс, я стреляю без промаха. В случас предательства никакому чудо-доктору не собрать будет того, что от вас останется после удара из бластера.

Они двинулись дальше и скоро смогли рассмотреть опасный участок во всех подробностях. В отличие от прочих две-

рей этого бесконечного коридора, дверь в кантину была из толстого до непрозрачности стекла и широкая, словно ворота. Она действительно была слегка приоткрыта, и сквозь щель падала в коридор полоса яркого сиреневого света. Сиреневые блики озаряли затейливую вывеску, протянувшуюся под потолком поперек коридора, на которой была надпись «Три Веселых Скорпиона» и было изображение троицы омерзительных тварей, сжимавших в клешнях кружки с бьющей через край пеной. И толчками вырывались в коридор горячие волны спертго воздуха, пропитанного сдкими запахами противоположенных яств, болезнетворных напитков и зловредных курений, и ясно было, что гуляние в кантине шло полным ходом, потому что в тот момент, когда дрожащие лапы Мэсса ступили на полосу сиреневого света, нестройный хор клекочущих, скрежещущих и шипящих голосов вдруг взревел:

Звездный блеск и черный космос —
Жизнь — эгей — недорога!
Там — спина к спине — под дюзой
Отражасм мы врага...

Уже поравнялась с дверью летающая платформа, и флагман Макомбер совсем было решил, что опасность миновала, но тут события стали разворачиваться молниеносно.

Дверь распахнулась на всю свою воротную ширину, и в коридор, едва держась на заплетающихся ногах, вывалился носитель разума, похожий на гигантского богомола, — возможно, сопланетник или даже родственник того самого злосчастливого Богомола Панды, который десять веков назад пленил чудо-доктора Итай-итай. При виде странного шествия он сразу остановился и приподнял переднюю часть могучего туловища. Надо отдать справедливость администрации Великого Спрута: охранников она подбирать умела. Не прошло и двух секунд, как безобразно пьяный гигантский богомол сумел осознать, что происходит нечто неладное.

— Кто? Что? — проскрипел он словно ножом по стеклу и, угрожающе задрал жуткого вида руки-клешни, прыгнул к летающей платформе. — Всем стоять! Ни с места!

Но ему никогда еще не приходилось иметь дела с землянами. Арамис хладнокровно и с огромной силой ударил его багром в плоскую хитиновую харю прямо между выпученными глазами, и он замертво повалился на бок. Его зазубренные руки-клешни еще судорожно царапали пол, когда

Атос спокойно, как на спортивных состязаниях, метнул в раскрытую дверь одну за другой три бомбочки с жидким кислородом. В считанные мгновения вся кантина наполнилась ледяным туманом, из которого грянула разноголосица воплей ярости, боли, ужаса. Флагман Макомбер выстрелил в клубы тумана из бластера — там ослепительно сверкнуло, грохнуло, в коридор вылетели какие-то дымящиеся тряпки, пахнуло горелым.

— Да что вы стоите! — надрываясь заорала левая голова Двуглавого Юла. — Держите его! Флагман! Удирает ведь, подлец, старый хобот, двурушник!

Флагман Макомбер, поднимавший бластер для нового выстрела, оглянулся. Действительно, Мээс, растопырив крылья, дробным галопом улепетывал по коридору.

— Все за мной! — скомандовал прославленный космолетчик и бросился следом за Мээсом.

Из ниши впереди слева высунулось что-то щетинистое, о трех глазах, прокаркало нечто угрожающее, и по стене позади справа дробно простучала короткая очередь. Флагман Макомбер, не останавливаясь, ударил в ответ из бластера, и в нише забился огненный вихрь. Взрывная волна подхватила Мээса под растопыренные крылья, мерзкий старикашка с визгом взвился в воздух, треснулся головой о потолок и рухнул на пол, сейчас же вскочил на четвереньки и, виляя задом, побежал дальше. Флагман Макомбер нагнал его, подхватил под крылья и рывком поднял на ноги. Мээс рыдал.

— Отпустите меня! — визжал он. — Я не привык! Я старый! Мне стрельба противопоказана!..

— Возьмите себя в руки, Мээс, — укоризненно сказал флагман Макомбер. — Нельзя же так, вы ведете себя, как истеричка...

Стремительно подплыла и остановилась рядом с ними летающая платформа. Атос и Арамис соскочили на пол, за ними, придерживаясь за спектролитовую капсулу, с крихтеньем спустился Двуглавый Юл.

— С минуты на минуту начнется погоня, — сообщил Арамис. — Их там несколько десятков. Жидкий кислород им не нравится, но вот хватит ли нам бомбочек? И почему мы, собственно, остановились? Раз уж мы разворошили это осиное гнездо, надо торопиться...

— Торопиться! — завизжал Мээс так, что у всех зазвенело в ушах. — Торопиться больше нечего! Тревога поднята по всем радиусам, и кровожадная Сколопендра уже, конеч-

но, выслала нам навстречу тарантулов с лучеметами! Мы в ловушке! Сдаваться надо, понимаете?..

Флагман Макомбер вздохнул и дважды шлепнул его ладонью по мокрым от слез щекам. Мээс затих.

— Тарантулы, — проворчала левая голова Двуглавого Юла. — Тарантулы, братцы, — это плохо. Они в плен не берут.

— В плен никто не собирается, — холодно произнес прославленный космолетчик и строго поглядел на Мээса: — либо вы спасетесь вместе с нами, либо вместе с нами погибнете.

— Да-да, — проскрипел Мээс, всхлипывая. — Сейчас. Я только соберусь с мыслями...

Дело оборачивалось скверно. Разумеется, Мээс был совершенно прав: они попались в ловушку. Вперед идти нельзя: оттуда уже спешат к участку кантины поднятые по тревоге и вооруженные до зубов тарантулы, вояки многоопытные и беспощадные, на стороне которых во встречном бою будут все преимущества, поскольку эти коридоры они знают как свои пять пальцев, или шесть щупальцев, или сколько там у них чего есть. Назад идти бессмысленно: даже если удастся пробиться через толпу пьяных головорезов, засевших в кантине, и вернуться на борт «Черной Пирайи», стратеги Великого Спрута успеют связать причины со следствиями и бригадину распоросуют лазерными пушками при первой же попытке оторваться от космодрома. Ждать на месте... Но чего, собственно?

— Кстати, а где Ятуркенженсирхив? — спросил флагман Макомбер.

— По-моему, у вас за пазухой, — отозвался Арамис.

Прославленный космолетчик сунул руку за пазуху и нащупал в боковом кармане пушистое теплое тельце с бешено стучащим сердцем.

— Да, верно, — сказал он.

Из темноты, в которую была теперь погружена кантина, послышались шорохи, скрип хитиновых панцирей, дробный перестук когтей, и десяток глоток разом взревели:

— Вперед, ребята! Хватай их! Бей!..

Флагман Макомбер поспешно схватился за бластер, но Атос уже сорвал с пояса очередную бомбочку и, широко размахнувшись, швырнул ее навстречу атакующим. Послышался звонкий хлопок, рев сменился сдавленными воплями и скрежетанием челюстей, и все снова стихло.

— Хорошо еще, что они почти не вооружены, — раздум-

чиво произнес Арамис. — Видимо, посещать кантину с оружием запрещено, чтобы с пьяных глаз не перестреляли друг друга... А кстати, что это у вас в портфеле, флагман Макомбер?

— В портфел? — Флагман Макомбер взглянул на свой портфель из кожи венерианского бегмота, словно увидел его впервые. — А, в портфеле... Так, ничего особенного. Это на самый крайний случай.

— На самый крайний случай, — вско произнесла левая голова Двуглавого Юла, — надлежит иметь в запасе флягу ртути или, если ртуть не по карману, уксусной эссенции...

И вот тогда Мэсс звонко хлопнул себя хоботом по лбу.

— Винные погрсба! — взвизгнул он. — Клянусь кроваво-красной Протуберой и мертвенно-синей Нскридой, как это я сразу не подумал об этом? Мы спасены! То есть не то чтобы окончательно спасены, но имеем все возможности значительно отсрочить неминуемую гибель... Ищите двери с пиковыми тузами! Не с бубновыми, не с червовыми тузами и, уж конечно, не приведи бог, не с трефовыми тузами, а именно с пиковыми! Любого цвета!..

Он пришел в ужасное возбуждение, речь его сделалась совсем невнятной, и флагману Макомберу пришлось снова пошлепать его по щекам, чтобы привести в чувство. И тогда выяснилось одно интересное обстоятельство.

Под седьмым ярусом располагались гигантские винные погрсба Великого Спрута. В них хранились цистерны редчайших изотопов ртути, бочки нашатырного спирта двадцатитысячелетней выдержки, баки сносшибательных смесей фтороводородной, азотной и серной кислот, а также бесчисленные бутылки сжиженного хлора, игристого метилового спирта и полугорького пропана. Специальный вход в погрсба был из соображений дисциплины наглухо заделан, но — и это было известно только самому Великому Спруту, его личному кравчему и опять-таки Мэссу — в них можно было без труда проникнуть через любые апартаменты седьмого яруса, двери которых отмечены изображением пикового туза. К счастью, дверь в палаты чудо-доктора Итай-итай тоже отмечена изображением пикового туза.

— Это же сколько мы таких дверей прошли! — с упреком сказал Двуглавый Юл. — Чего же ты раньше-то не сообразил, голова садовая!

— Приготовиться к выступлению! — скомандовал флагман Макомбер. — Атос, прошу вас обеспечить арьергардное прикрытие. Бомбочек не жалейте, Арамис... Где Арамис?

Оказалось, что Арамис не стал дожидаться объяснений и сразу отправился искать двери с пиковыми тузами, едва лишь Мээс заикнулся об этом. Теперь он стоял в сотне шагов впереди и призывно махал рукой. Флагман Макомбер втолкнул Мээса на летающую платформу, помог взобраться Двуглавному Юлу и сам встал к рулю. Платформа тронулась. Атос швырнул в темноту еще одну бомбочку и побежал следом.

— Скажите, Мээс, — произнес прославленный космолетчик, — есть ли какой-нибудь специальный смысл в таком обозначении дверей? Кто за ними содержится?

— Главным образом пленники, с которыми экспериментирует Искусник Крэг, — объяснил Мээс. — Им пьянство противопоказано, дабы не нарушалась чистота эксперимента... Ну и, конечно, пленники-алкоголики. Вы не поверите, но за дверью с синим пиковым тузом вот уже десятый год живет одно разумное дерево. Так оно умудрилось прорваться корнями сквозь хромоникелевый пол и стальную крышку бочки с нашатырным спиртом... Правда, Искусник Крэг не разрешал ему ни капли воды...

— Охотно верю, — сухо сказал флагман Макомбер.

Дверь, у которой стоял Арамис, была квадратная, матово-черная, с большим пиковым тузом зеленого цвета в центре. Флагман Макомбер остановил летающую платформу у стены напротив и спросил Мээса:

— Подойдет?

— Подойдет, — ответил Мээс.

— Кто там за нею?

Мээс наморщил белый лоб, подумал, потом почесал затылком за ухом.

— Не припоминаю, — признался он.

— Как ее открыть?

Мээс развел руки и встопорщил кожистые крылья.

— Ключи от всех дверей у Конопатой Сколопендры, — сказал он.

— Гм, — произнес прославленный космолетчик. — Впрочем, все равно дверь слишком узка, платформе здесь не пройти. Придется ломать стену. — Он подошел к двери и постучал. — Эй! — гаркнул он командирским голосом.

— Кто там? — испуганно проблеяли за дверью.

— Флагман Макомбер, планета Земля.

— Очень приятно. Профессор Ай Хохо, планета Мокса. Чем могу быть полезен, флагман Макомбер?

— Прошу вас удалиться от дверей как можно дальше, профессор. Я ломаю стену.

— Сию минуту, флагман Макомбер, — проблеял голос за дверью.

В наступившей тишине послышался отдаленный металлический скрип и лязг.

— Тарантулы... — обморочным голосом пролепетал Мээс.

— Да, надо торопиться, — произнес прославленный космолетчик и скомандовал: — Всем отойти к противоположной стене, лечь на пол ничком и прикрыть головы руками!

Когда приказание было выполнено — последним лег Атос, предварительно швырнув еще две бомбочки, — флагман Макомбер вскочил на платформу, положил портфель на спектролитовую капсулу Портоса и уперся спиной в стену. Точными размеренными движениями он перевел спусковой механизм бластера на автоматическую стрельбу и, сжав рукоять обеими руками, поднял ствол до уровня глаз.

Бластер разразился тремя оглушительными очередями, и, когда утих огненный ураган, прекратился град раскаленных осколков и замерло звенящее и ревящее эхо, все подняли головы и увидели: матово-черной двери с зеленым пиковым тузом больше нет, а на ее месте зияет великолепный прямоугольный пролом, не уступающий по ширине воротам в кантину.

— Ювелирная работа! — вырвалось у Атоса.

— Да, удачно получилось, — скромно согласился прославленный космолетчик.

Он стоял на летающей платформе и перезаряжал бластер. Лицо и руки его были черны от копоти и ожогов, волосы дымились, куртка на груди была прожжена, и из дыры торчал слегка подпаленный и трясущийся хвостик Ятуркенженсирхива.

— Подумаешь, — проворчала левая голова Двуглавого Юла. — А вот я, например, на второй луне Кассандры расписался лазером на вертикальной скале...

— Целился-то я, — слабым голосом возразила правая голова.

— Как это так — ты? — изумилась левая голова. — Ты же...

— Отставить воспоминания! — скомандовал флагман Макомбер. — Мээс, покажите вход в погреба! Арамис, будьте любезны снова встать к рулю. Атос, если вас не затруднит, займите свое место в арьергарде! Марш!

Они пересекли коридор и вступили в пролом. И вовремя. Едва Атос, швырнув по бомбочке в сторону кантины и в сторону приближающихся тарантулов, прыгнул через пышущий жаром порог, как целая река пламени залила то место, где они только что стояли.

Когда Атос, прикрываясь от жара, снова выглянул в коридор, справа сквозь густой черный дым неслись стоны и вопли обожженных охранников, а слева надвигалась похожая на термитник коническая башня из железных опилок, облепленная мохнатыми швелляющимися телами. В смотровое отверстие глядела, поводя сизыми бельмами, уродливая башка — страшные серповидные челюсти, покрытые комьями засохшего яда, жадно смыкались и размыкались, — видно, сама Конопатая Сколопендра вела своих тарантулов на бой с неведомыми пришельцами, дерзко вторгшимися в святая святых Великого Спрута.

5

— Ах-ах! Ну кто бы мог подумать? — воскликнул профессор Ай Хохо с планеты Мокса, когда мокрый от страха Мээс ворвался в его спальню, ткнул хоботом в неприметную кнопку, и целая секция пола с лязгом вдвинулась в стену, открывая зияющий колодец.

Профессор Ай Хохо оказался пожилой лошадьё с нечесаной гривой и свалывшимся в войлок хвостом. Он словоохотливо объяснил флагману Макомберу, как пираты выкрали его пятнадцать лет назад через вытяжной шкаф его собственной лаборатории чуть ли не на глазах его сотрудников. Он понятия не имеет, куда попал и зачем здесь находится. Когда его доставили сюда, он имел продолжительную и довольно мучительную беседу с каким-то громадным двенадцатиглазым пауком, требовавшим от него согласия на разработку совершенно бредовой затеи. Насколько он помнит, смысл этой затеи сводился к теоретическому обоснованию цепных ядерных реакций в планетарных масштабах. Когда он отказался, его слегка побили и оставили в покое. Его даже снабжают бумагой и карандашами, хотя все записи и расчеты, которые он здесь производит от нечего делать, регулярно изымаются. Кормят здесь отвратительно, вода явно синтетическая. Он дважды пытался бежать, но его ловили и каждый раз предельно кусали за круп...

Про свой многострадальный круп профессор Ай Хохо рассказывал уже в мрачных недрах винных погребов Великого Спрута. Принимая во внимание обстоятельства, его слушали даже довольно внимательно и с явным сочувствием...

Между тем Мээс, ковыляя на голых трехпалых лапах, торопливо вел их по неширокому, слабо освещенному проходу между рядами громадных бочек и баков из серого свинца. Погреба Великого Спрута были вырублены прямо в природном базальте Планеты Негодяев; во всяком случае, пол был базальтовый и весь в безобразных шершавых пятнах от пролитых здесь за многие столетия крепчайших напитков. Через каждые пятьдесят метров в низком сводчатом потолке тускло светились прямоугольные металлические щиты — крышки люков, ведущих в апартаменты седьмого яруса. На крышках были намалеваны такие же разноцветные тузы, какие красовались на дверях в коридоре. У одного из баков был неплотно завернут кран, и земляне долго задерживали дыхание и зажимали носы, а Двуглавый Юл, сидевший на летающей платформе позади капсулы с Портосом, поднял обе головы, облизнулся и сказал тихонько:

— Эх, мне бы сейчас здоровье...

С той минуты, когда Атос последний прыгнул в погреб и пол в спальне профессора Ай Хохо встал на место, прошло уже не менее получаса, а погони все еще не было. Видимо, ворвавшись в апартаменты под знаком зеленого пикового туза и обнаружив, что противник загадочным образом исчез, Конопатая Сколопендра отправилась за инструкциями к Великому Спруту. Так или иначе, выигрыш времени был налицо. Профессор Ай Хохо продолжал что-то нести об одном удивительном свойстве электронных оболочек, открытом им на кончике пера, но флагман Макомбер перестал его слушать и потянул Мээса за кожистое крыло.

— Далеско еще? — осведомился он.

Почти в то же самое время Мээс остановился, задрал хобот и просипел:

— Здесь.

Все взглянули на потолок. Металлический щит у них над головами был украшен изображением пикового туза оранжевого цвета.

— Здесь, — повторил Мээс и вытер со лба пот. — Палаты чудо-доктора Итай-итай находятся здесь.

— Пошли! — взревел в две глотки Двуглавый Юл и соскочил с платформы.

Флагман Макомбер поднял руку.

— Спокойствие, — произнес он. — Скажите, Мэсс, вы можете открыть этот люк?

— Могу, — мрачно проскрипел бывший верный клевет и исполнитель самых тонких поручений. — Механизм люка приводится в действие нажатием кнопки, расположенной на потолке за правым краем люка.

— Ну да, у вас же есть крылья, — догадался прославленный космолетчик. — В таком случае...

— Простите, — встревоженно проблеял вдруг профессор Ай Хохо, — не могу ли я все-таки узнать, флагман Макомбер, о чем здесь идет речь? Мне только что пришло в голову, что я решительно ничего не понимаю в происходящем. Вы взломали стену в моих апартаментах, увлекли меня в этот дурно пахнущий подвал, теперь вы собираетесь проникнуть еще к кому-то явно без его ведома. Согласитесь, это выглядит в высшей степени предосудительно, а мне решительно не хотелось бы оказаться причастным к каким бы то ни было противозаконным...

— Дайте я укушу его за круп! — прорычала левая голова Двуглавого Юла, и профессор Ай Хохо замолчал и опасно отскочил в сторону.

— Прекратите, Двуглавый Юл! — строго сказал флагман Макомбер. — Учитесь вести себя прилично. Видите ли, профессор, — вежливо обратился он к старой лошади, — объяснения заняли бы много времени, а мы очень спешим. Потом вы, конечно, все узнаете, а пока прошу вас во всем положиться на меня и повиноваться мне беспрекословно. Могу вас, впрочем, заверить, что все наши действия продиктованы самыми благородными побуждениями. Вы имеете дело с жителями Земли, профессор.

— В таком случае, — торжественно сказал профессор Ай Хохо, — я удовлетворен и полностью полагаюсь на вас, флагман Макомбер.

Прославленный космолетчик поклонился.

— Благодарю вас, — произнес он. — А теперь — внимание... Двуглавый Юл, вернитесь на платформу. Вас поднимут. Дорогой Арамис, прошу вас приготовиться к подъему, но острогу вашу держите под рукой. Атос, вы меня очень обяжете, если будете по-прежнему прикрывать нас с тыла. Мэсс, если вас не затруднит, будьте любезны взлететь и открыть люк. И все время помните, что вы под прицелом.

— Ох, скорее бы все это уже кончилось!.. — проскрипел

Мэсс, расправил свои огромные крылья и тяжело взлетел под потолок. Флагман Макомбер, приподняв ствол бластера, пристально следил за каждым его движением. Сопя и ругаясь вполголоса, Мэсс пополз вдоль правого края люка, ощупывая бетонный свод. Что-то сухо щелкнуло, и металлический щит пополз в сторону, открывая ярко освещенный прямоугольник.

— Готово, — скрипнул Мэсс.

— Благодарю вас, — сказал флагман Макомбер. — Отдвиньтесь в сторонку... Вот так. Арамис, прошу вас...

Мягко взвыл двигатель, летающая платформа медленно поднялась, на секунду заслонила сияющий белым светом люк и исчезла из виду. Через секунду над краем люка поднялось лицо Арамиса.

— Все в порядке, — негромко сказал он. — В этом помещении никого нет.

— Очень удачно, — произнес флагман Макомбер. — А теперь, Мэсс, я хотел бы узнать у вас вот что. Есть ли крылья у Великого Спрута и его личного кравчего?

— Нет у них крыльев, — угрюмо признался Мэсс.

— В таком случае сообразовите рассказать нам с Атосом, каким образом эти носители разума здесь без них обходятся.

Мэсс завершал плаксивым голосом, что ни кравчсму, ни тем более самому Великому Спруту никогда не бывает надобности лично спускаться в винные погреба, а уж если такая надобность и возникла бы, то на этот случай в винные погреба имеется другой ход, вполне пригодный для бескрылых существ.

Пока мерзкий старикашка лгал и изворачивался, зацепившись ногами за край люка и повиснув вниз головой, флагман Макомбер демонстративно глядел на часы, Атос поигрывал двумя оставшимися бомбочками, катая их с ладони на ладонь, а профессор Ай Хохо нетерпеливо рыл базальт передними копытами и шумно отдувался. Наконец флагман Макомбер прервал Мэсса на полуслове.

— Ваше время истекло, — не допускающим возражений голосом произнес он. — Прошу вас опуститься вниз, Мэсс.

И Мэсс покорно замолчал. И Мэсс спустился и, повернувшись к прославленному космолетчику спиной, принял позу игрока в чехарду. И по знаку флагмана Макомбера профессор Ай Хохо, смущенно хихикая и испуганно взблеивая, взгромоздился Мээсу на спину и обхватил его слоновью

шею передними ногами. И Мээс с протяжными стонами вознес эту тяжкую ношу через люк, а затем последовательно вернулся за флагманом Макомбсром и Атосом. И Атос готов был поклясться, что, когда металлический щит с лязгом пополз из-под стены на место, закрывая люк, его слух уловил в отдалении под сводами погреба хриплые вопли Конопатой Сколопендры, рыскающей во главе тарантулов между баками и бочками.

Помещение, в котором очутились земляне и их пленники, представляло собой абсолютно пустую комнату со стенами и потолком совершенно немислимой белизны и без всяких признаков не только окон, что было, в общем, вполне естественно, но и дверей. И не было здесь никого и ничего похожего на «этакую круглую штуковину с телесное колесо, а может, и поболее, да еще с такими хвостами вместо всего прочего». Арамис, обойдя со своей острой комнате по периметру, вернулся к платформе, сел на край рядом с Двуглавым Юлом и молча поглядел на Мээса. И все остальные тоже молча поглядели на Мээса. Бывший верный клеветник и исполнитель самых тонких поручений не выдержал этого молчания и этих взглядов.

— Чего вы на меня уставились? — завизжал он, пятясь в угол и выставляя перед собой трясущиеся руки. — Я ни в чем не виноват! Я больше ничего не знаю! Ничего, понятно? Не смейте на меня так смотреть! Я не привык! У меня нервы!..

— Ты предал нас, старый колченогий хобот! — зарычала левая голова Двуглавого Юла, и двухголовый пират медленно поднялся на ноги. — Ты заманил нас в ловушку, подлый предатель! Но уж меня-то тебе не пережить!

— Оставьте, Двуглавый Юл, — поморщился флагман Макомбер, брезгливо обирая с брюк мокрые от пота клочья Мээсовой шерсти. — Криком делу не поможешь... В чем дело, Мээс? Надеюсь, вы не ошиблись? Это действительно палаты чудо-доктора Итай-итай?

Да, это действительно палаты чудо-доктора. Никакой ошибки тут быть не может. Пиковый туз оранжевого цвета, люк над бочками синильной кислоты, настоянной на камнях из печени гигантских птиц с планеты Локи, забыл их название... Но в этом помещении всегда было пусто, когда Мээс сопровождал и поднимал сюда Великого Спрута. Сам Мээс никогда в глаза не видел чудо-доктора. Он доставлял сюда Великого Спрута или дорогих ему мертвецов, а затем его отсылали обратно в погреб с приказом ждать... Да, чудо-док-

тор воскресил его, Мээса, но где и как это было... Мээс понятия не имеет. И любой не имел бы, если бы в него всадили такую кучу разрывных пуль... И вообще, он, Мээс, сделал все, что от него требовали: привел землян в палаты чудо-доктора Итай-итай, а дальше разбирайтесь сами. Ему же, Мээсу, теперь все равно смерть, потому что Великий Спрут ни за что не простит ему такого проступка. И не надо ни утешений, ни обещаний. Его, Мээса, карьера кончена раз и навсегда, и в лучшем случае ему, Мээсу, уготована жалкая участь изгнанника на каком-нибудь мерзлом астероиде вдали от друзей и близких, а между тем он привык каждое утро получать в постель чашечку горячей целебной воды с южного полюса планеты Разбитых Сердец и свежеиспеченную булочку из муки злака, произрастающего исключительно на одном-единственном островке посередине Восточного океана планеты Подземных Хорьков...

Такой знаток природы разумных существ, как флагман Космического флота и член Всемирного совета Земли, отлично понимал, что на этот раз старик не врет. Он действительно больше ничего не знает. Он всецело отдался на милость своих пленителей и только у них может теперь искать защиты от гнева своего бывшего хозяина. Возможно, Великий Спрут догадался о цели таинственного вторжения и уже распорядился, чтобы чудо-доктора перетащили в другие апартаменты. Возможно, чудо-доктор сам не желает иметь дела с дерзкими пришельцами. Возможно, чудо-доктор вообще не живой носитель разума, а хитроумный механизм, секрет которого известен со слов покойного Богомола Панды только самому Великому Спруту. Все возможно. А тем временем у них под ногами кишат жаждущие крови тарантулы Конопатой Сколопендры, а по коридору за какой-то из этих белых стен гремят когтями вооруженные до зубов отряды охранников, а на поверхности планеты у них над головами гудит потревоженным ульем вся несметная боевая сила профессиональных убийц и грабителей...

— Ну, что будем делать? — обратился Арамис к флагману Макомберу.

Прославленный космолетчик пожал плечами, подошел к одной из стен и постучал в нее рукояткой бластера.

— Войдите! — раздался звучный и не лишенный приятности голос.

И стена исчезла.

Землян чудесами не удивишь. Земляне сами стали великими знатоками, ценителями и творцами чудес. Но то, что

представилось их взглядам за исчезнувшей стеной, потрясло даже их. Что угодно, только не это ожидали они увидеть в недрах бесконечно чужого и бесконечно враждебного им царства зла.

А увидели они большой круглый стол, накрытый белой скатертью и окруженный старинными стульями с мягкими сиденьями. Посередине стола сверкал чистым серебром и пу-скал облачка пара огромный пузатый самовар с пузатым же фарфоровым чайником на конфорке. Самовар окружали хрустальные вазы с вареньем, серебряные подносы с пирожными и плетеные корзинки с сухариками и булочками. По краю же стола перед каждым стулом красовались фарфоровые чашки на блюдцах и хрустальные розетки с маленькими серебряными ложечками. Запахи крепкого свежего чая, ванили и свежей сдобы носились над этим удивительным столом, и теперь уже Двуглавному Юлу пришла очередь задерживать дыхание и хвататься за свои носы.

Невысокий, очень плотный и очень румяный человек с пышной седой шевелюрой, мохнатыми бровями и аккуратными усиками под розовым носом картошкой несторопливо поставил на стол блюдце, промокнул губы салфеткой и встал, отодвинув стул.

— Здравствуйте, соотечественники, — произнес он приятным бархатистым голосом. — Наконц-то вы явились. А я жду вас вот уже более тысячи лет.

— Этого не может быть, — убежденно сказал флагман Макомбер и протер глаза.

— Массовая галлюцинация, — грустно вздохнул Арамис.

— И тут человек с Земли! — прохрипела левая голова Двуглавого Юла.

— Удивительно вкусно пахнет... — восхищенно проблеял профессор Ай Хохо.

— А я именно такой штуки и ожидал, — пропищал Ятурксенженсирхив, высываясь из-за пазухи прославленного космолетчика.

Мээс в своем углу проскрипел что-то вообще невразумительное (что-то вроде «Господи, спаси нас и помилуй!») и с головой ушел в свои кожистые крылья. Только Атос не сказал ничего, а с неясной ему самому тревогой и ожиданием всматривался в большие темные глаза незнакомца. Удивительно знакомые глаза!

Незнакомец рассмеялся, показывая ровные белые зубы.

— Ладно, поудивляйтесь немного, — сказал он. — Время у нас еще есть. Впрочем, давайте знакомиться. Я-то вас

знаю, а вы меня — нет. Меня здесь зовут... вернее, здесь я известен как чудо-доктор Итай-итай... Флагман Макомбер, поставьте на пол ваш портфель и уберите это оружие в карман. Оружие вам вообще больше не понадобится, а портфель понадобится не раньше чем через четверть часа. Атос, спрячьте ваши бомбочки. Арамис, мой бесценный родственник, отложите вашу острогу: Двуглавый Юл вам больше не противник, а Мээс и без того едва дышит. Ну-с...

Он быстрым упругим шагом направился к летающей платформе. Двуглавый Юл, пошатываясь от слабости и возбуждения, заступил ему дорогу.

— Доктор, — проговорила левая голова, — тебя взаправду зовут чудо-доктор Итай-итай? Вылечи меня, доктор! Клянусь кровавой Протуберой и мертвенной Некридой, вылечи меня, и ты не пожалеешь!

Доктор Итай-итай небрежно отстранил его.

— С тобой потом. Сначала я должен взглянуть на своего бедного прапрапра... (Тут флагман Макомбер вторично потер глаза и потряс головой.) прапрапра... (Атос, спохватившись, принялся отсчитывать на пальцах.) прапрапра... (Арамис глубоко перевел дух.) прапрапрадедушку.

Он склонился над спектролитовой капсулой. Флагман Макомбер, Атос и Арамис, не сговариваясь, шагнули к нему. Доктор Итай-итай выпрямился и строго взглянул на них, сдвинув мохнатые брови.

— Только прошу не мешать, — не сурово, но очень твердо произнес он. — И советую отойти подальше, здесь сейчас будет довольно прохладно. Нет-нет! — Он стремительно поднял ладонь. — Никаких вопросов! Воскрешение мертвых и вообще-то дело очень ответственное, а уж воскрешение собственного предка и подавно. Не отвлекайте меня. Вот закончим с делами, сядем за стол, тогда будете задавать вопросы.

Земляне словно во сне отступили от платформы. Комната с самоваром на накрытом столе вновь исчезла за непроницаемой белой стеной, в углу тоскливо завыл под своими крыльями Мээс, беспокойно задергал ушами профессор Ай Хохо, прячась за широчными плечами Двуглавого Юла. Флагман Макомбер хотел что-то сказать — и только закашлялся. Да и что тут скажешь? Атос протянул руку, чтобы то ли помочь, то ли помешать, — и упала рука. Да и кому помочь, чему помешать? Арамис с окаменевшим лицом скрестил руки на могучей груди и застыл в ожидании. Словно во сне все смотрели на этого вдвойне чудо-доктора, как он ходит вок-

руг платформы, вглядывается в мертвое лицо их друга, мурлычет вполголоса какую-то странную песенку, постукивает по спектролиту чуткими пальцами.

И вдруг спектролитовая крышка со звоном отскочила и грянулась на пол. Столб серого тумана взвился над раскрытой капсулой, ледяной вихрь ударил по комнате, и Двуглавый Юл с ужасным воплем опрокинулся на спину, задрал длинные тощие ноги. А серый туман заполнил все, закрутился струями, забился в стены, и ничего не стало видно, кроме этих бешеных серых струй, которые визжали в ушах, валили с ног, швыряли в лица пригоршни колючего инея, и космический холод пробирал до костей и прокрадывался к сердцу, в мозг, в самую душу человеческую.

Потом все кончилось. Жидкий аргон выкипел, туман рассеялся, с заиндевших стен и от наметенных по углам сугробов потекли струйки воды. Доктор Итай-итай неторопливо отошел от платформы, вытирая сразу осунувшееся мокрое лицо огромным носовым платком.

— Все в порядке, — сказал доктор Итай-итай.

Флагман Макомбер взглянул на капсулу и зажмурился. Ятуркенженсирхив, пронзительно взвизгнув, в панике полз под мышку прославленному космолетчику.

Портос шевельнулся.

— Жив... — хрипло прошептал Арамис.

Атос взял его за руку, и они медленно, останавливаясь на каждом шагу, двинулись к капсуле.

Портос открыл глаза и приподнял голову.

И надо же было случиться, чтобы первым, кого он увидел, вернувшись к жизни через три года спустя после короткого боя на сто двадцатом километре, оказался Двуглавый Юл, на четвереньках выбиравшийся из-под платформы, куда забил его серый ураган. Велико, поистине волшебным было искусство чудо-доктора Итай-итай, но три года по ту сторону роковой черты не оставили, разумеется, ни малейшего следа в сознании Портоса. Он очнулся, как и умер, в разгар и в пылу боя за Зеленую долину, за родную планету, и появление жуткой двухголовой фигуры на фоне белого потолка, почему-то мгновенно сменившего черное звездное небо, вызвало у него мгновенную и четкую реакцию.

— Бей гадов! — гаркнул он и вцепился общими руками в тощие длинные шеи Двуглавого Юла.

И тут он увидел Атоса и Арамиса. Пальцы его разжались, Двуглавый Юл мешком рухнул на пол.

— Вы? — растерянно спросил Портос и сел в своей капсуле. — Не понимаю... Что? Где? Как?

Не говоря ни слова, глотая слезы, Атос и Арамис подхватили его под руки и стащили с платформы. Спектролитовая капсула перевернулась.

— Даю вам честное слово, ребята, — смущенно произнес Портос, — я решительно ничего не понимаю.

Он огляделся. Он увидел, что находится в совершенно незнакомой комнате с ослепительно белыми стенами и потолком. Из одного угла тарашилось на него мохнатое чудище с белесым хвостом вместо носа, закутанное в какие-то кожистые перепонки. Из другого угла тарашилась пожилая лошадь с нечесаной гривой и свалывшимся хвостом. В третьем углу стоял и задумчиво его разглядывал высокий статный мужчина в походном костюме космолетчика; узкое, костистое лицо его было вымазано копотью, волосы обгорели, да и костюм был прожжен во многих местах, а из самой большой дыры на его груди выглядывала поразительно знакомая мордочка какого-то зверька — то ли котенка, то ли крольчонка — с маленькими ушками и красными глазками. А рядом удивительно приятный седовласый человек склонился над распростертым на полу двухголовым типом, от обеих шей и до ступней затянутым в черное. Правый глаз правой головы этого типа был закрыт черной повязкой, остальные три глаза закрыты, оба языка высунуты.

— Нет, — сказал Портос, — я все-таки ничего не понимаю. Но это не так уж и важно. Скажите только, чья взяла?

— Наша взяла, старина! — отозвался Арамис, с нежностью обнимая Портоса, а Атос только хлопнул воскресшего друга ладонью между лопаток.

— А это кто? — гулким шепотом спросил Портос и сделал рукой некий обобщающий жест, посредством коего включил в свой короткий вопрос и профессора Ай Хохо, и Мээса, и флагмана Макомбера, и чудо-доктора, и Двуглавого Юла.

Атос и Арамис переглянулись, и оба посмотрели на доктора Итай-итай. Тот ласково улыбнулся им:

— Не беспокойтесь, друзья мои. Мой благородный предок совершенно здоров, можете говорить ему все что угодно.

— Только пусть больше не лезет ко мне своими ручищами, — необычайно свежим и звонким голосом произнесла вдруг левая голова Двуглавого Юла. — В конце концов, у меня есть свои рефлексы. Еще немного — и я отправил бы его обратно в стеклянный ящик.

— Как вы себя чувствуете, почтенный Юл? — осведомился доктор Итай-итай.

На обоих лицах Двуглавого Юла медленно проступило выражение величайшего изумления.

— По-моему... — прошептала левая голова и смолкла.

Двуглавый Юл поднес руки к правой голове и осторожно ее ощупал.

— Здоров... — благоговейно прошептала правая голова.

— Здоров! — заорала левая голова, и Двуглавый Юл, сорвав с правой головы заляпанные зеленью бинты, вскочил на ноги, как акробат, прямо из лежачего положения. — Доктор! Чудо ты мое, доктор!

Он схватил смеющегося доктора в охапку и трижды расцеловал в обе щеки обеими головами. Затем он круто повернулся к флагману Макомберу.

— Ну, флагман... — начал он.

— Тихо! — угрожающе произнес прославленный космолетчик и сунул руку в карман.

Двуглавый Юл остановился как вкопанный.

— Эх, флагман... — сказал он и словно бы задохнулся. — Эх, ребята, ничего вы не понимаете. Я же уже давно свой, ваш. Вы же такие ребята... Я за вас всю свою зеленую кровь готов выпустить, а вы все меня вашим железом в спину тычете... Ятуркенженсирхив!

— Здесь, Двуглавый! — пропищал Ятуркенженсирхив; он уже сидел на плече у флагмана Макомбера, держась за его макушку.

— Ты читаешь мои мысли, как книгу, старый предатель. Скажи им!

— Я вовсе не предатель, — с достоинством произнес бывший шпион, которого носят с собой. — Я просто перешел на сторону сильных и справедливых. Но я могу засвидетельствовать, что присутствующий здесь Двуглавый Юл совершенно здоров и больше не испытывает страха смерти, что он относится к вам, флагман Макомбер, с дружеским уважением... К вам, доктор Итай-итай, как к самому господу богу... К вам, Атос, со страхом и почтением... К вам, Арамис, он испытывает чувства благодарного и неоплатного должника...

— Расстегните ворот, почтенный Юл, — приказал доктор Итай-итай. Двуглавый Юл испуганно взглянул на него и отрицательно затряс обеими головами. — Расстегните, говорю я вам! — сказал доктор, повысив голос. — Порядочные люди таких вещей не стесняются!

Двуглавый Юл нехотя распустил на груди «молнию», и все увидели на его бледно-зеленой коже глубокие шрамы как бы от укусов лисицы.

— Эти раны, — торжественно сказал доктор Итай-итай, — единственные, кроме сердечных, которые даже я не умсю и не желаю лечить. Двуглавый Юл весь обглодан и изгрызен совестью. Можете застегнуться, почтенный Юл.

Наступило молчание. Двуглавый Юл, опустив обе головы, затягивал «молнию», изумрудный румянец горел на его четырех щеках.

— Ужасно трогательно! — проблеял профессор Ай Хохо. Из его добрых грустных глаз выкатились и со звоном упали на пол две тяжелые как ртуть слезы.

Флагман Макомбер подошел к Двуглавному Юлу и похлопал его по плечу.

— Да ну вас!.. — Двуглавый Юл отвернулся.

Арамис подошел к нему с другой стороны и похлопал по другому плечу.

— Бросьте вы... — пробормотал Двуглавый Юл.

Атос и Портос тоже приблизились к нему.

— Ну, извини, — благодушно сказал Портос.

— Чего там... — пробормотал Двуглавый Юл.

— Однако, — озабоченно произнес флагман Макомбер, — нам хотелось бы, доктор, задать вам несколько вопросов.

— Вот именно! — подхватил Арамис. — Прежде всего, почему вы называете Портоса своим пра...

— Прежде всего, — прервал его прославленный космолетчик, — почему вы считаете, что оружие нам больше не понадобится?

— О, это очень просто, — сказал доктор Итай-итай. — Но мы закончили с делами, друзья мои, и можем поговорить за столом.

Он щелкнул пальцами, и стена, скрывавшая накрытый стол с самоваром, исчезла.

— Прошу, — сказал доктор.

Все нерешительно двинулись к столу, но флагман Макомбер вдруг остановился.

— Я должен извиниться... — начал он.

— Да! — спохватился доктор Итай-итай. — Разумеется, я совсем забыл. Вызывайте эскадру, флагман Макомбер. Портфель, если не ошибаюсь, вон в том углу.

Прославленный космолетчик с изумлением взглянул на него, развел руками и подошел к портфелю. Он извлек из

него четыре цилиндрических предмета, сноровисто соединил их торцами и поставил на пол.

— Что это? — с любопытством спросил Арамис, разглядывая блестящую металлическую колонку высотой в человеческий рост.

— Вэпээрбэ, — отозвался флагман Макомбер. — Всепроникающий радиобуй. Новинка. С нажимом вот этого рычажка его вещество перестраивается и становится пронизасмопронизающим по отношению к обычному веществу в нашей Вселенной. Миниатюрный, но могучий гравитационный двигатель выносит его на заданную высоту, где начинает действовать миниатюрный, но могучий радиопередатчик. Бип-бип-бип... Прошу пронаблюдать.

Флагман Макомбер щелкнул крошечным рычажком на боку второго снизу цилиндрика. Раздалось тихое жужжание, блестящая колонка оторвалась от пола, устремилась к потолку и исчезла.

— А дальше что? — разочарованно спросил Портос.

— А дальше, — ответил флагман Макомбер, застегивая пустой портфель, — дальше вэпээрбэ поднимется на высоту одного мегаметра и подаст сигнал к атаке.

— Кому? — хором спросили земляне и Двуглавый Юл.

— Объединенной Космической Эскадрс. Она следовала за «Черной Пирайей» по пятам и остановилась в тысяче мегаметров, ожидая конца операции «Итай-итай»... Простите, доктор. Как только заработает наш вэпээрбэ — бип-бип-бип, — сто пятьдесят самых мощных земных звездолетов, вооруженных по последнему слову самой современной боевой техники, начнут атаку на Планету Негодяев.

— Ох! — вырвалось у левой головы Двуглавого Юла.

Доктор Итай-итай рассмеялся.

— Пусть вас это не беспокоит, почтенный Юл, — сказал он. — Войны не произойдет. Ваши бывшие коллеги сдадутся без выстрела, десятки тысяч рабов получат свободу, и вы все благополучно вернетесь на Землю. Однако не знаю, как вы, а я проголодался. К столу, к столу! Вы тоже, Мээс.

Они расселись за столом, и каждый получил из рук доктора Итай-итай по полной чашке великолепного чая, и каждый взял себе в розетку варенья по вкусу, и некоторое время слышно было только, как звякают ложки, как фыркает профессор Ай Хохо, шумно хлбает и отдувается Двуглавый Юл и шипит, обжигаясь и наслаждаясь кипятком, разочарованный событиями Мээс.

— Еще чашечку, флагман Макомбер? — осведомился доктор.

— Благодарю вас, — ответил прославленный космолетчик. — Но если бы вы взяли на себя труд объяснить...

— Я, например, очень хочу хоть что-нибудь понять, — честно признался Портос. — Эскадра, атака. Планета Негодяев... Конечно, малиновое варенье превыше всех похвал, да и шоколадные трубочки тоже, но если бы кто-нибудь объяснил мне...

— Действительно, доктор, — просительно сказал Арамис. — В конце концов, это уже становится похоже на пытку...

— Ну хорошо, — согласился доктор Итай-итай и откинулся на спинку стула. — Давайте поговорим. С чего бы начать? Да! Прежде всего успокоим флагмана Макомбера. Он все-таки командует операцией моего имени и несет ответственность за всех вас. Итак... Сражаться вам больше не придется, флагман. Объединенная Эскадра приближается, сейчас она уже снимает неприятельские аванпосты, но сй, по сути дела, остается только подмести мусор, оставшийся после вашей блестящей диверсии. Судьба Планеты Негодяев была решена в момент вашего прибытия. Помилуйте, флагман! Поставьте себя на место Великого Спрута, Искусника Крэга и прочих в высшей степени деловых носителей разума. После трехлетнего отсутствия неведомо где возвращается «Черная Пирайя». Посланный на ее борт для досмотра доверенный Мээс самым таинственным образом исчезает вместе с четырьмя могучими роботами-телохранителями, которых не берет никакое оружие. Отряд неведомых пришельцев проникает в святая святых Великого Спрута, в седьмой ярус, и учиняет беспрецедентный разгром каюты, переполненной отъявленными головорезами, а затем словно проваливается сквозь землю. Великий Спрут понятия не имеет, кто эти пришельцы и сколько их, но он, и особенно такой пройдошливый носитель разума, как Искусник Крэг, да и другие хозяйчики Планеты Негодяев, отлично понимают: координаты их гнезда открыты, грядет возмездие за все их бесчисленные преступления перед Братством Разума во Вселенной. Так какое решение они могут принять в такой обстановке?

— Бежать, — задумчиво отозвался флагман Макомбер.

— На всех парах! — в восторге вскричала левая голова Двуглавого Юла.

— Правильно. И они бежали. Бежали уже час назад, за-

хватив с собой все самое ценное и всех самых ценных, вроде Конопатой Сколопендры, которая слишком много знает и незаменима при некоторых обстоятельствах. Могу себе представить, как жалеет Великий Спрут, что с ним нет его верного Мэса... Так что сейчас на планете остались только вольные пираты, ни о чем не подозревающие и к тому же совершенно непривычные к регулярным боевым действиям, и десятки тысяч пленников. И мы с вами, флагман Макомбер, можем позволить себе предаваться заслуженному отдыху, ни о чем не беспокоясь.

— А куда они бежали, вы знаете? — спросил флагман Макомбер.

Доктор Итай-итай помолчал.

— Я вас понимаю, — сказал он наконец. — Начиная это дело, вы рассчитывали захватить всю верхушку. К сожалению, время еще не пришло. Я могу дать вам только намек. В обозримой Вселенной осталось теперь только одно место, где царствует зло. Это планетная система безымянной нейтронной звезды, родина Искусника Крэга. Между прочим, в свое время Искусник Крэг был изгнан оттуда за доброту.

Арамис и Двуглавый Юл так и ахнули, а Портос обиженно спросил:

— Кто это такой — Искусник Крэг?

— Разрешите налить вам еще чашечку, мой дорогой предок, — сказал, улыбаясь, доктор Итай-итай, — и возьмите еще парочку шоколадных трубочек, а я постараюсь удовлетворить ваше законное любопытство.

— А почему все-таки — предок? — спросил Портос.

— Не торопитесь, — ответил доктор, передал ему чашку и начал: — На берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана жили-были три закадычных друга: мастер, спортсмен и ученый...

Он излагал события, о которых рассказывалось в первой части этого правдивого повествования, и с самого начала все замерли в напряженной и внимательной тишине, даже Ятуркенженсирхив, засевший за самоваром с вазой вишневого варенья в обнимку. И не только потому, что доктор оказался превосходным рассказчиком. Он как бы читал наизусть давно ему известную повесть, читал с выражением, тщательно следя за интонациями, придирчиво вслушиваясь в звучание собственного голоса. И многие подробности его рассказа были неизвестны даже флагману Макомберу, который знал об этих событиях по обстоятельным беседам с Ато-

сом, Арамисом и Галсй, и забыты даже Атосом и Арамисом, которые в этих событиях участвовали; и Портос с изумлением вытаращил глаза, выслушав достовернейшее описание своих собственных мыслей и чувств в последние минуты перед тараном, и Двуглавый Юл страдальчески закричал и засрзал, слушая свои собственные разнузданные речи перед плененной Галей; а Ятуркенженсирхив только жмурился и сжился, когда шла речь о его предательствах.

— Двуглавого Юла сослали на Черную Скалу, его команду отправили на Марс, а Ятуркенженсирхив остался у Гали, — закончил доктор Итай-итай и взял из плетеной корзинки сухарик. — Всё это произошло три года назад.

— А потом? — одним дыханием спросил Портос.

— Потом... — Доктор откусил от сухарика и поднял глаза к потолку. — М-м... Да. Деликатный вопрос. Впрочем, теперь все позади, и можно быть вполне откровенным. Ну-с, как вам уже известно, Двуглавый Юл категорически отказался выдать координаты Планеты Негодяев. Совесть его тогда еще дремала. От него отступились. Один лишь Арамис не терял надежду. Он твердо сказал себе, что пиратское гнездо должно быть сокрушено. И он попробовал обходной путь. Он отправился на Марс и целый год прожил в обществе ящера Ка, морской звезды Ки и обезьяны Ку. Конечно, он не рассчитывал, что узнает от них координаты, ведь это зверье не имеет понятия даже об элементарной арифметике. Но он терпеливо выкачивал из них все подробности развеселой жизни на Планете Негодяев. Это была игра вслепую. Но игра героическая. И она себя оправдала. Однажды ему рассказали легенду о чудо-докторе Итай-итай... Рассказывать дальше? — спросил доктор, обращаясь к Арамису.

Тот пожал плечами и усмехнулся:

— Почему бы и нет? Теперь все позади.

— Арамис составил жестокий и умный план, — продолжал доктор. — Я его понимаю и полностью оправдываю. Надо было вырезать эту опухоль на теле Вселенной и надо было попытаться вернуть к жизни погибшего друга. Арамис знал, что в случае опасного ранения или болезни Двуглавному Юлу не поможет ни один врач в Солнечной системе. Он вернулся на Землю, тайно подплыл к Черной Скале и скоро дождался удобного момента. Двуглавый Юл получил свирепый удар острой...

— Так это ты меня треснул? — бешено в две глотки взревел Двуглавый Юл, сверкнув глазами на Арамиса.

— Молчи! — сурово сказал Портос. — Тебя за Галю еще не так надо было треснуть.

— За Галю, за Портоса, за многое другое, — добавил флагман Макомбер. — Но теперь все позади, Двуглавый Юл. И, принимая во внимание, чем кончилось все это дело, я бы на вашем месте от души поблагодарил бы Арамиса...

— Я уже засвидетельствовал, — пропихивал из-за самовара Ятуркенженсирхив, — что Двуглавый Юл питает к Арамису чувство благодарного и неоплатного должника!

Двуглавый Юл подулся для порядка с минуту, затем обмяк.

— Да я что? — истово произнесла его левая голова. — Я же ничего. Идиот был, конечно. С такими только так и следует...

— Именно, — подтвердил доктор Итай-итай. — Другого выхода не было. Ну, а остальное вам известно.

— Да! — с большим чувством произнес Портос и даже ударил кулаком по столу. — Вот теперь я все понял. Спасибо вам, дорогие друзья. Спасибо вам, чудо-доктор Итай-итай. Значит, я три года провел на том свете? Ничего не помню. А жалко, не было меня в этой драке на борту «Стерегающего»! Ох и вздул бы я тебя, двухголовый брат по разуму! На всю жизнь бы ты меня запомнил...

— Я и так запомнил, — отозвалась левая голова Двуглавого Юла. — Я тебе так скажу, мушкетер. Всякие носители разума обитают в обозримой Вселенной: плохие и хорошие, добрые и злые. Есть храбрые, есть трусливые. Но таких драчливых, как вы, земляне, нигде больше нет. Что значит кислород, вода, хлорофилл и красная кровь! Слона не задевай спящего, льва не задевай голодного, а землянина не задевай никогда! Я бы так сказал.

— Я бы тоже так сказал, — согласился флагман Макомбер. — Но вот какой вопрос, доктор. Вы точно не знаете, где находится эта самая безымянная нейтронная звезда?

Чудо-доктор развел руками. Тогда флагман Макомбер молча поглядел на Мэеса. И все остальные тоже молча поглядели на Мэеса. Мэес, тянувшийся хоботом к шестнадцатой сдобной булочке, замер.

— Нет-нет, — поспешно произнес доктор Итай-итай, — досточтимый Мэес не знает. А вы узнаете непременно. Разумеется, в свое время. Это я вам обещаю.

— Ну, — сказал Арамис, — с меня довольно. Пытка слишком затянулась. Выкладывайте все, доктор. И немедленно. И без утайки. И без проволочек.

— Да! Да! — закричали все хором. — Немедленно и без утайки! И без проволочек! Начинайте прямо! Кто вы такой? Откуда вы все знаете? Почему вы зовете Портоса предком, а Арамиса — родственником?

Доктор Итай-итай поднял руки, и все замолкли.

— Хорошо, — сказал он. — Я все объясню. Правда, это не совсем по правилам, но ничего не поделаешь. Слушайте же.

И чудо-доктор рассказал самую поразительную историю, какую они когда-либо слышали. Началась она не в прошлом, как это обыкновенно бывает с историями, а в отдаленном будущем, через три с половиной столетия после описанных здесь событий. К тому времени земное человечество достигло совершенно уже фантастических высот науки, техники и культуры, а конца подъему все еще не было видно. И работал тогда между миллиардами прочих ученых, мастеров и спортсменов некий скромный медик по прозвищу Айболит. («Как вы сказали?» — встрепнулся профессор Ай Хохо. «Айболит», — любезно повторил доктор Итай-итай. «Какая прелесть! — восторженно проблеял профессор Ай Хохо. — Великолепно, звучное имя!») Надо сказать, что к тому времени соединенными усилиями санитарии, гигиены и медицины с лица Земли были окончательно и навсегда изгнаны все болезни и даже сама старуха смерть, а травмы и прочие перемены, какие изредка случались при занятиях опасными видами спорта и при опасных научных экспериментах, каждый землянин научился в два счета вылечивать самостоятельно. Таким образом, на родной планете Айболиту делать было, собственно, нечего, и он, как многие его коллеги, проводил свои дни большею частью в разъездах по захолустным уголкам обозримой Вселенной, оказывая посильную медицинскую помощь отсталым и неблагополучным мирам.

Однажды он в течение пяти лет воевал с полосатой чумой, разразившейся среди медузоподобных жителей планеты Живых Драконов, а когда вернулся, его срочно пригласили в Центральный биографический архив. Руководитель архива, бледный и взволнованный, едва успев поздороваться, призвал его сохранять полное спокойствие и прямо, без обиняков сообщил ему потрясающую новость: он, Айболит, не существует на свете. Мало того, никогда не существовал на свете и его отец, его бабушка, его прадед и так далее до двенадцатого колена. Как известно, работники и машины биографических архивов заняты тем, что составляют генсалоги всех граждан земного шара. Так вот, при составлении генсалоги Айболита выяснилось, что его прапрапрапра-

рапрапрапрапрапрадсед героически погиб при отражении набегга космических пиратов триста пятьдесят четыре года назад, не успев жениться и не оставив после себя ни сына, ни дочери. Бездетной умерла и его невеста Галя, сохранив верность его памяти до самой смерти.

Удар был страшный! Славно и полезно проработать всю жизнь, обзавестись многочисленными друзьями, любимой женой и любимыми детьми и вдруг узнать, что на самом деле ты не существуешь, — такое под силу не каждому. Но Айболит был человеком мужественным и находчивым. Он не поддался отчаянию, а обратился за помощью. Вся планета встала за него. Архивариусы отыскиали для него все книги и документы, касающиеся столкновения землян с Планетой Негодяев; историки подробно проконсультировали его относительно всех обстоятельств жизни и гибели славного Портоса; археологи отыскиали и извлекли из-под земли спектролитовую капсулу с жидким аргонем, в котором покоился герой. Не прошло и месяца, как Айболит узнал об этой давней трагедии больше, чем знали о ней ее участники и свидетели. Но всего этого было, конечно, недостаточно, чтобы исправить страшное положение. Решающая помощь пришла со стороны физиков...

— Об остальном вы, конечно, уже догадались, друзья мои, — сказал доктор Итай-итай. — Я знаю, что теоретические основы путешествия по времени известны даже вашей науке. А лет за полтораста до моего рождения их проверили экспериментально. Но решением Всемирного совета дальнейшие эксперименты были запрещены — если не ошибаюсь, из-за принципиальной неконтролируемости результатов воздействия будущего на прошлое. Однако случай с Айболитом был особый. Речь шла о судьбе человека — высшей ценности среди ценностей Вселенной. Разумеется, руководители этого гигантского предприятия постарались учесть все мелочи. Операция планировалась в полном соответствии с хрониками и преданиями. Именно поэтому, в частности, Айболита забросили не в ваше время, а в пятый век христианской эры и не оставили на Земле, а поместили на Северном полюсе фторной планетки на окраине Малого Магелланова Облака. Там он пять веков ожидал нападения Богомола Панды, а потом еще тысячелетие ждал смелой диверсии землян в подземельях Великого Спрута. Потому что именно так было с легендарным чудо-доктором Итай-итай согласно исторической традиции. Как видите, воздействие будущего на прошлое свелось, по существу, только к воск-

решению моего славного предка. Вернувшись на Землю, он женится на прекрасной Гале, и цепь окончательно замкнется. Я кончил. Благодарю за вниманис.

И доктор Итай-итай поклонился.

Воцарилось продолжительное молчанис. Потом флагман Макомбер сказал от всего сердца:

— Вы — настоящий герой, доктор.

— Да, — просто отозвался доктор Итай-итай. — Но ведь мы все такис на нашей Земле.

— Задавать вам вопросы о нашем личном будущем, конечно, бесполезно, — раздумчиво произнес Арамис. — Но вот скажите: а что будет, если Портос не женится на Гале?

Доктор Итай-итай рассмеялся:

— Не женится? Мой дорогой родственник, да вы только посмотрите на него!

Все посмотрели на Портоса. Да, сомневаться не приходилось: непременно женится, сразу видно. Багровый от смущения Портос кашлянул и сказал:

— Я так понимаю, что Айболит — это вы. А почему тогда Итай-итай?

— Потому что так я именуюсь в хрониках. Правда, один мой друг, лингвист, объяснил мне, что «итай-итай» на древнеяпонском означает примерно то же, что наше восклицание «Ай, болит!».

— Я еще вот чего никак в толк не возьму, — сказала вдруг левая голова Двуглавого Юла. — Почему это Богомол Панда описал вас как какое-то колесо с хвостами?

— Это как раз совершенно ясно. Запас слов у него был очень невелик, воображение куцее, человека он никогда не видел... даже вас, не так ли, почтенный Юл?

— Да, — согласился Двуглавый Юл. — Его прикончили лет за триста до меня.

Доктор Итай-итай, он же Айболит, встал.

— Что же, друзья! — произнес он. — Объединенная Эскадра Земли уже овладела планетой. Пора идти. У нас еще много дел.

6

Дел, как оказалось, было действительно много. Сорок четыре тысячи разноплеменных пленников требовали ухода, усиленного питания, медицинской помощи и репатриации. Тысяча восемьсот шестьдесят четыре сдавшихся пирата ждали

беспристрастного следствия, скорого суда и справедливого наказания. Огромные горы сложенного оружия и боеприпасов нуждались в немедленной переплавке и уничтожении. Сто шестнадцать вычислительных машин на живых мозгах необходимо было демонтировать, а заключенным в них носителям разума вернуть природную форму. Десантники и экипажи Объединенной Космической Эскадры Земли проявляли чудеса организованности и неутомимости, но все равно рабочих рук и голов не хватало, и, выйдя из резиденции Великого Спрута, наши земляне и даже профессор Ай Хохо тут же включились в дело.

На космодроме, залитом кроваво-красным светом Протуберы и мертвенно-синим блеском Некриды, к флагману Макомберу подошел командующий Объединенной Эскадрой и отрапортовал: посадка боевых звездолетов и выброс десанта с последующим овладением Планетой Негодяев прошли без выстрела; в погоню за успевшими бежать пиратскими кораблями брошены двенадцатое и шестнадцатое звенья четвертого полка сверхсветовых истребителей-перехватчиков; согласно приказу Всемирного совета он передает командование флагману Макомберу и переходит в его непосредственное подчинение. Приняв рапорт, флагман Макомбер поблагодарил бывшего командующего за успешные действия и принялся распоряжаться.

Прошла неделя, и Планета Негодяев опустела. Последние партии освобожденных узников, в том числе и возрожденные к нормальной жизни элементы страшных машин Искусника Крэга, отбыли к родным мирам — либо на звездолетах, присланных за ними соотечественниками, либо на звездолетах Объединенной Эскадры, если соотечественники еще не имели галактического транспорта. Пленных пиратов судили, некоторых за особенно ужасные преступления приговорили к повешению условно, и всех отправили в ссылку на необитаемые планеты с суровыми природными условиями: расчищать джунгли, осушать болота, растапливать льды — словом, заниматься общественно полезным трудом и перевоспитываться. Все пиратское оружие, все пиратские корабли (кроме «Черной Пирайи») и все боеприпасы были сброшены в жерла действующих вулканов, разрушены и уничтожены; все несметные награбленные сокровища возвращены владельцам; все винные погреба взорваны. К сожалению, звенья истребителей-перехватчиков, посланные в погоню за Великим Спрутом и другими в высшей степени деловыми носителями разума, вернулись ни с чем: подлецы успели нырнуть в

подпространство, и след их затерялся. Больше нечего было делать на Планете Негодяев, и Объединенная Эскадра приготовилась к возвращению на Землю.

За час до старта доктор Айболит попросил Атоса, Портоса и Арамиса и флагмана Макомбера собраться в рубке «Черной Пирайи».

— Пришла нам пора расстаться, дорогие мои предки, — сказал он и смахнул со щеки слезу. — Я был рад познакомиться с вами. Теперь я особенно хорошо понимаю, почему человечество моего времени так умно, великодушно и гуманно. Через несколько минут я покину вас, но навсегда унесу с собой тепло ваших рук и щедрость ваших сердец...

— Может быть, заглянете сперва на Землю, доктор? — смущенно предложил Портос. — Погостили бы у нас, поглядели...

Доктор Айболит покачал головой:

— Нет, мой дорогой и любимый предок. Во-первых, мой визит на Землю увеличил бы вероятность нежелательного воздействия будущего на прошлое. Во-вторых, каждая секунда моего пребывания в вашем времени обходится моим современникам в семнадцать с половиной миллионов киловатт энергии, наши физики пустили на эту операцию вещество целой звезды. И в-третьих, там, в моем времени, мои друзья и близкие, конечно, не успели соскучиться, ведь я вернусь к ним всего секунду спустя после ухода, но я-то как истосковался по ним за полтора тысячелетия! Мне не терпится увидеть и обнять их. Особенно старшего сына — он очень похож на вас, между прочим...

Он обнял флагмана Макомбера:

— Имейте в виду, дорогой флагман, я вылечил Двуглавого Юла от всех болезней, в том числе и от алкоголизма, однако то, что у него на месте правого глаза под черной повязкой на правой голове, я оставил. Это еще сослужит вам славную службу, потому что почтенный Юл теперь ваш душой и телом и вы можете полностью положиться на него.

Он обнял Арамиса:

— Я знаю, мой дорогой родственник, как хочется вам взглянуть на мир, который изгнал Искусника Крэга за доброту. Так поверьте мне, вы этот мир еще увидите.

Он обнял Портоса:

— Прощайте, мой дорогой и любимый предок. Я знаю, что вы будете счастливы с Галей, уж я-то это вижу, и все равно по обычаю и по сердцу своему желаю вам этого счастья.

И последним он обнял Атоса.

— Я не умею и не желаю лечить сердечные раны, другой. Что делать! Но я знаю, что друзьями вы были, друзьями и останетесь навеки, несмотря ни на что.

И так, попрощавшись со всеми, доктор Айболит, он же чудо-доктор Итай-итай, отступил на середину рубки и исчез.

— Хороший человек, — хором сказали Атос, Портос и Арамис.

Флагман Макомбер задумчиво кивнул.

Часть третья

Иван, сын Портоса

1

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 июля 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го.

Отерли с чела трудовой пот запыхавшиеся атмосферники, погасившие на середине истребительного пути коварный тайфун «Машенька».

На плодородных отмелях Гельголандской бухты открыли новую плантацию вкуснейших ракушек «глория мунди».

В нескольких градусах от Южного полюса буровики выдавили из недр стотысячную тонну таинственной мантийной пасты.

В скромной сторожке на берегу речки Бикин в делянках Уссурийского заповедника медики, историки и школьники чествовали одиннадцатого человека, прожившего без устали три столетия.

Замякали и жалостно закричали сотни тысяч новорожденных, будущих врачей, учителей и воспитателей, мастеров, ученых и спортсменов и — чего только не бывает? — великих писателей, художников и философов.

В городе-парке на Марсе молодая мама отшлспала по попке своего пятилетнего шалуна, науськавшего домашнего кибера гоняться за кошками и таскать их за хвосты.

Уходили в Глубокий космос и возвращались на родные базы сверхдальние звездолеты; опаздывали на свидания, целовались и ссорились влюбленные; поэты конструировали стихи, а мастера создавали поэмы из металла и электроники; кто-то бесстрашно входил в испытательные камеры, а кто-то с бесконечной осторожностью и с невероятным терпением обследовал закапризничавшего вдруг младенца... Словом, Человечество жило в этот день, 15 июля, как давно уже привыкло, во всю ивановскую.

И все же именно в этот прекрасный и обычный день произошли из ряда вон выходящие события, которые положили начало предприятию, ставшему впоследствии

известным под кодовым названием «Экспедиция в преисподнюю».

А дело было так.

В 3 часа 16 минут по мировому времени штаб Генерального дежурного по Всемирному совету получил из Службы околоземных космических станций сообщение о том, что в секторе 8-Ц только что по неизвестным причинам вдребезги разлетелся один из фокусирующих модулей субоптического телескопа. К месту странной аварии отправлена ракета с инспекторской группой.

В 6 часов 33 минуты инфор Генерального дежурного разразился тревожным сообщением Управления Арктического судоходства. Атомный катамаран «Дмитрий Лаптев», следовавший из Датч-Харбора (Алеуты) в Нагурскую (Земля Франца-Иосифа), проходя над южными отрогами хребта Ломоносова, попал в гигантский водоворот совершенно необычайной мощности. В течение нескольких минут катамаран отчаянно маневрировал, чтобы не дать увлечь себя круговому потоку, а затем водоворот внезапно унялся, выбросив на поверхность невиданные массы пены пополам с илом (при глубине в 960 метров!). Объяснить этот феномен арктологи пока не в состоянии. Катамарану предложено уходить из опасной зоны полным ходом. Туда посланы гидропланы с научной группой.

В 11 часов 25 минут Служба околоземных космических станций передала докладную своих инспекторов. По единодушному мнению специалистов, модуль телескопа был разнесен в куски примерно двадцатитонным зарядом тротила, неизвестно как попавшим в герметическую фокусирующую камеру. Но поразительным было другое. Среди обломков была обнаружена прямоугольная металлическая пластина величиной в тетрадный лист, на которой была выгравирована каллиграфическая надпись: «Привет от Великого Спрута, Искусника Крэга и Конопатой Сколопендры!»

(Генеральный дежурный был человек бывалый, но о таких не слыхивал никогда в жизни. Он потряс головой и попросил немедленно доставить странный «привет» к нему в штаб.)

В 12 часов 47 минут снова позвонили из Управления Арктического судоходства. На этот раз звонил сам начальник Управления, и выражение лица у него было, как у подростка, которому показывают карточные фокусы. («Знаем, знаем, все это лишь ловкость рук, не болес...») Оказалось, что один из гидропланов, прочесывавших зону небывалого по-

лярного водоворота, обнаружил в мутных от ила волнах фарфоровый цилиндр с отвинчивающейся крышкой. Крышку отвинтили. Из цилиндра выпал листок плотной желтой бумаги, на котором красной тушью и отличным почерком было начертано: «Взяли у вас займы без отдачи парочку миллиардов тонн соленой водички с рыбой, медузами и прочим добром, всю выплснули за ненадобностью на ваше Солнце. Не благодарим, прощенья не просим. Великий Спрут, Искусник Крэг, Конопатая Сколопендра».

Ого! На этот раз Генеральный дежурный не стал трясти головой, а нахмурился и попросил Арктическое судоходство немедленно доставить странный документ к нему в штаб. Затем он доложил о событиях председателю Комиссии по чрезвычайным происшествиям. Тот выслушал, вник и произнес:

— Сейчас же вылетаю к вам с моим социологом. У нас здесь мед варится, но ничего не поделаешь, откладываем. А вы тем временем созовите к себе всех остальных членов моей Комиссии.

В 13 часов 56 минут, в тот момент, когда председатель Комиссии и его социолог вступили в кабинет Генерального дежурного, на стол перед дежурным лег пластиковый пакет, доставленный нуль-почтой. Дежурный, бормоча извинения, вскрыл пакет, и по кабинету разнесся легкий, но очень неприятный запах. Председатель Комиссии потянул носом и сказал:

— Керосин!

Генеральный дежурный тоже потянул носом и возразил:

— Мазут!

Социолог тоже потянул носом, но промолчал.

В пакете оказались два белых, захватанных измазанными пальцами конверта. На одном конверте было написано: «№ 1. Докладная во Всемирный совет». На другом значилось: «№ 2. Приложение».

Из докладной, подписанной неким Александром Кушнером, старшим хирургом плавучей ветеринарной лечебницы «Моби Дик», явствовало следующее. Сегодня, 15 июля, в 9 часов 15 минут по мировому времени, «Моби Дик» принял сигнал SOS с острова Черная Скала. Ему, старшему хирургу А.Кушнеру, было известно, что на северном берегу этого острова вот уже несколько столетий располагается лежбище довольно многочисленного семейства ушастых тюленей, во главе которого ныне стоял Филька Третий, внук известного интеллектуала Фильки Первого. Сигнал SOS мог подать

только этот самый Филька Третий, ибо по его, старшего хирурга А.Кушнера, вполне достоверным сведениям, никаких иных достаточно разумных обитателей на Черной Скале не имелось.

«Моби Дик» взял курс на Черную Скалу, выбросив перед собой на вертолете отряд «скорой помощи» во главе с ним, старшим хирургом А.Кушнером. Зрелище, представившееся глазам отряда, было ужасным. Весь северный берег Черной Скалы, а также километровая полоса примыкающего к нему водного зеркала покрывала густая черная масса, в которой по консистенции, радужному отливу и особенно по зловредному запаху нетрудно было опознать тяжелый мазут. Несчастные тюлени числом около пяти десятков голов, оглушенные и отравленные, слабо копошились в этой отвратительной жиже или вообще уже не подавали признаков жизни. Фильку Третьего нашли мертвым в пещере у аварийного радиопередатчика. Престарелому тюленю залепило мазутом глаза и ноздри, мазут набился ему в зев, но перед смертью, движимый свирепым инстинктом охраны семейства, он нашел в себе силы добраться до педали, включающей сигнал SOS...

(Далее в докладной довольно подробно описывались меры, принятые отрядом «скорой помощи» до подхода «Моби Дика» и высадки чистильной команды, срочно вызванной из Советской Гавани.)

В разгар спасательных работ один из врачей заметил на обломке скалы, выступающем из мазутной массы, некий блестящий предмет. При ближайшем рассмотрении это оказалась бутылка зеленоватого стекла, предположительно из-под шампанского, запечатанная пробкой и коричневым сургучом. Вначале ей не придали значения («Стоит на камне бутылка, ну и что?»), но потом он, старший хирург А.Кушнер, случайно приблизившись, обнаружил, что она содержит в себе не жидкость, а свернутый в трубку лист бумаги. За бутылкой полезли, но в спешке уронили ее и разбили. К счастью, бумагу удалось подхватить до того, как она упала в мазут. Ознакомившись с ее содержанием, он, старший хирург А.Кушнер, сразу понял, что чудовищное происшествие на Черной Скале является следствием не роковой случайности и не безмозглой халатности, как он полагал вначале, а чьего-то преступного умысла и потому подлежит юрисдикции Всемирного совета. Бумага препровождается во Всемирный совет в конверте с надписью: «№ 2. Приложенис».

Уже все члены Комиссии по чрезвычайным происшестви-

ям собрались в кабинете, и Генеральный дежурный вложил «Приложение» в проектор. По экрану поползли неровные строки корявых, вкривь и вкось нарисованных по-печатному букв.

И вот что они прочли.

УЛЬТИМАТУМ

Земляне!

Надеюсь, вы убедились в наших возможностях, и теперь пора вам узнать, чего нам от вас нужно.

Нужно же нам всего-навсего, чтобы выдали вы нам с головой, целыми и невредимыми, готовыми к незамедлительному использованию по назначению следующих личностей: во-первых и главных, чудо-доктора Итай-итай, которого вы незаконно у нас захватили и употребляете в своих корыстных целях;

во-вторых и тоже главных, моего бывшего верного клеветы Мээса, которого вы столь же незаконно пленили и томите в своих застенках;

в-третьих и не менее главных, вольного пирата Двуглавого Юла, каковой, состоя у нас на службе, предательски нас предал и ныне укрывается у вас в опасении справедливого возмездия.

ПРИМЕЧАНИЕ. Буде вы, по свойственному вам злосердечию, уже расправились с упомянутыми Мээсом и Двуглавым Юлом даже и до смерти, мы готовы удовлетвориться выдачей одного лишь чудо-доктора Итай-итай с тем, однако же, чтобы головы упомянутых Мээса и Двуглавого Юла были в доказательство нам представлены.

Выдаче надлежит свершиться сего года 20 июля ровно в 13.00 по вашему мировому времени на острове Черная Скала в том месте, где найден был вами сей Ультиматум. К указанному сроку вы оставите упомянутых личностей и/или доказательства (чудо-доктора Итай-итай целым и невредимым в любом случае) на указанном месте, сами же отойдите за пределы окружности радиусом в 30 миль, считая центром вершину острова.

В случае, ежели сей наш Ультиматум будет вами отвергнут, тогда пеняйте на себя, земляне. Конечно, времена изменились, и мы не можем теперь взорвать вашу ненавистную планету со всем ее кислородом, водой, хлорофиллом и красной кровью, как не можем уже, к сожалению, погасить ваше паршивое желтое солнце, однако же

вспомните, что некогда комар заставил льва молить о пощаде. Ежели не будет вами исполнено все в точности по сему Ультиматуму, мы с 14 часов 30 минут 20 июля начнем пакостить вам по-настоящему. Мы будем пакостить вам так, как вы и сами не пакостили себе никогда в своей истории. Мы будем пакостить вам, пока не добьемся своего. Мы будем пакостить вам хоть сто ваших лет сряду (возможны, правда, небольшие перерывы) в любых точках вашей планеты и вашего околопланетного пространства, пакостить там и так, где и как сочтем для себя потешнее, а для вас — неприятнее. Так что лучше соглашайтесь сразу.

От имени Триумвирата — Великий Спрут.

2

Генеральный дежурный смотрел на членов Комиссии, а они смотрели на свои руки. Они все как один положили руки на край стола. Вместе с председателем их было семеро: четверо мужчин (педагог, социолог, ассенизатор и звездолетчик) и трое женщин (кибернетик, психолог, врач). Старшему было за восемьдесят, младшей не было тридцати. Генеральный дежурный вспомнил, как кто-то из Палаты Старейшин назвал их в шутку самыми нервными в мире человеками. Вероятно, имелась в виду их необычайная чуткость на социальную угрозу. Впрочем, все они были из тех немногих в новейшие времена, из тех всего нескольких десятков тысяч, кому хоть раз в жизни привелось пережить смертельную опасность. И вот они сидели за круглым столом в кабинете Генерального дежурного на шестнадцатом этаже Дворца Совета, а на столе перед ними были серебряная пластина с разбитого субтропического модуля, пергамент из полярного водоворота и пованивающий мазутом тетрадный листок с острова Черная Скала.

— Есть во всем этом некий нездоровый идиотизм, — задумчиво произнес председатель.

— Ощущается, — согласился звездолетчик.

— Еще как! — сказала врачиха.

— Заговор роботов, — меланхолично предположил социолог. — Достукались наши мастера.

— Правильно! — оживилась кибернетичка. — И для маскировки заменили себе серийные номера зловещими кличками! Как это звучит — Конопатая Сколопендра! Я бы сама от такой клички не отказалась...

— В твоём возрасте, Алиса, неприлично напрашиваться на комплименты, — сварливо заметила врачаха. — И вообще это чепуха — роботы... При чём здесь ваши роботы? Это просто шуточки наших шизофреников, вот что это такое!

— У вас есть шизофреники, Магда? — с интересом осведомился председатель.

— У НАС есть шизофреники, — с ударением сказала врачаха. — У нас с вами, Петр. Разумеется, они нетипичны, но изредка еще встречаются... Как ваши отстающие ученики...

— НАШИ отстающие ученики, — с ударением сказал председатель. — Наши с вами...

— Хамье паршивое, — сказал вдруг социолог. — Пишут так, будто на планете каждому сопляку известно, кто они такие — эти Великие Спруты, Сколопендры, Мээсы...

— А ведь это действительно интересно, — оживилась психологичка. — Бог с ней, со Сколопендрой, но чудо-доктора, например, нам следовало бы знать... Как там его? Итай Катай?

— Итай-итай, — поправил ее председатель. — На старояпонском это означает что-то вроде «ой, больно»...

— Чудо-доктор Айболит! — осенило звездолетчика.

— Я же говорю — шизофреники, — сварливо сказала врачаха.

— Искусник Крэг, — продолжал звездолетчик раздумчиво. — Я знаю одного Крэга. Джон Крэг, живет в Сестрорецке. Отличный мужик, повар... действительно искусник... Но нет, это не он. Великий Спрут, гм... Насколько мне известно, есть некий Великий Кальмар. Проживает в Бугенвильской ямс, жрет синтетическую тушенку, никого не трогает... даже с китами не дерется...

— Костя! — с упреком произнес председатель, и звездолетчик умолк, украдкой подмигнув захихикавшей психологичке.

— Во всей срунде, которую вы здесь нагородили, — сказал социолог, — есть одна здравая идея...

— Две, — сказал ассенизатор.

— Три! — объявила врачаха.

— Назовите вторую и третью, — предложил социолог, — а потом я изложу первую.

— Вторая идея очевидна до банальности, — сказал ассенизатор. — Кто бы они ни были, эти негодяи, они не люди или к людям себя не причисляют и совершенно лишены чувства социальной ответственности, а потому необычайно опасны.

— Третья идея состоит в том, — сказала психологичка, — что они почему-то уверены, будто мы прекрасно их знаем. Первая же идея...

— Первая почти совпадает с твоей третьей, — сказал социолог. — А именно: где-то, когда-то и как-то человечество с ними уже сталкивалось и задало им здоровую трепку.

— С чего и надо было начинать, — пробормотал ассенизатор, поднялся и направился к терминалу Большой Информационной Машины.

— Попытка, конечно, не пытка, — сказал с сомнением в голосе председатель.

— Так чем же мы располагаем? — проговорила врачиха, рассеянно следя, как изящные пальцы ассенизатора бесшумно скачут по клавиатуре на пульте терминала. — Что у нас есть, кроме общего ощущения огромной опасности, нависшей над человечеством? Попробуем подвести первые итоги. Кто начнет?

— Попробую я, — сказал социолог. — Где-то поблизости скрывается анонимная пока банда негодяев, беспринципных и аморальных мерзавцев-нелюдей. Банда эта угрожает Земле и околоземному пространству. На наши дальние базы и колонии они не покушаются, может быть, потому, что у них нет для этого технических возможностей. Вообще, они не в состоянии наносить мощные удары, а способны только пакостить. Далее. Где-то, когда-то и как-то мы уже с ними сталкивались, нанесли им чувствительный удар и при этом захватили у них трех, как они выражаются, личностей. Кто они такие, этот чудо-доктор, этот бывший клевет и этот двухголовый?..

— Двуглавый, — поправил председатель. — Двуглавый, Александр, а не двухголовый... — Он вдруг замолчал и схватился за нос. Все с интересом воззрились на него. Он сморщился и помотал головой с досадой. — Эх, промелькнуло что-то в памяти и исчезло... Ладно, потом, может быть, вспомнится... Прости, Александр. Продолжай, пожалуйста...

Социолог кивнул:

— Продолжаю. Эти личности находятся на Земле, в наших руках, но нам они почему-то неизвестны. И это очень странно, ибо по крайней мере одна из этих личностей представляет, очевидно, огромную ценность, раз эти бандиты затеяли из-за нее всю эту авантюру, пошли на явный риск снова получить мощную взбучку...

— Добрый доктор Айболит, — пробормотал, не оборачиваясь, ассенизатор.

— Да, добрый доктор Айболит. Вы, разумеется, все поняли, что по-настоящему нашим негодьям нужен в целостности и сохранности только он один. Остальных они согласны получить и в разобранном виде...

— И они убеждены, — подхватила врачаха, — что нам, землянам, этот Итай-итай хорошо известен, что мы всю употребляем его, как они выражаются, в своих корыстных целях...

Все согласно кивнули и помолчали.

— Вы закончили, Александр? — спросила врачаха. — Спасибо. Кто следующий?

— Давайте я, — сказал звездолетчик. — Посмотрим на это дело с точки зрения техники.

— Ага, техники! — оживилась кибернетичка. — Это все-таки не роботы, надеюсь?

— Конечно, не роботы, — сказала врачаха. — Петр недвусмысленно высказался насчет нездорового идиотизма. И я с ним вполне согласна.

— Вот именно, — сказал звездолетчик. — С этим нельзя не согласиться... на первый взгляд.

— На первый? — удивился социолог. — А на второй?

— Давайте подойдем к делу вот с какой стороны, — произнес звездолетчик. — Космический модуль разгромлен рядом тротила. Тюлень лежбище испакощено мазутом.

— Кстати, — проговорила врачаха, — что такое мазут?

— И заодно, — подхватила кибернетичка, — что такое тротил?

— Тротил — химическая взрывчатка, — объяснил звездолетчик. — Насколько я помню, широко применялся четверть тысячелетия назад. Сейчас его иногда используют при горных работах.

— Четверть тысячелетия назад... — задумчиво повторила кибернетичка. — А мазут?

Ассенизатор, не оборачиваясь от пульта, сказал:

— Было такое жидкое топливо. Тоже, кажется, лет триста назад... И знаете, друзья, в позапрошлом году я разбирал небольшой конфликт в ксеноботаническом парке под Бомбеем. Тамошние юннаты домогались у администрации разрешения получить цистерну этого самого мазута...

— Зачем? — очень удивился председатель.

— Как удобрение для ганимедианских тюльпанов — есть такие цветочки на больших спутниках Юпитера.

Все снова помолчали, потом председатель сказал:

— Мы уклонились. Продолжай, Костя.

— Ну вот. Архаическая взрывчатка, давно забытое топливо. Пакость на околоземной орбите, пакость в оксанских глубинах, пакость на безвестном островке, позорно жестокая и бессмысленная... Но каким способом совершены эти пакости? Нездоровый идиотизм... Может быть. Но вот мне видится в этом тонкий психологический расчет: запугать и запутать нас дикой комбинацией средств борьбы — поистине допотопных и новейших, нам неизвестных...

— Что ты имеешь в виду? — спросил, нахмурившись, социолог.

— Ну как же... Кстати, врут эти мерзавцы, что будто бы выплеснули нашу воду из Арктики на Солнце. Переброска через подпространство массы в два миллиарда тонн вызвала бы в нейтринном поле такое возмущение, что его бы даже у Тау Кита засекали... Да и какие мгновенные мощности здесь бы потребовались: триллионы гигаватт, миллиарды нанокалорий... Не может быть у этих подонков таких мощностей, иначе не стали бы они размсниваться на мелкие пакости, а просто схлопнули бы для начала Луну или, скажем, Меркурий...

— Так, может быть, насчет арктической воды вообще вранье? — спросил социолог. — Никуда она не делась, а просто взбаламутили ее каким-то образом?

— Простите, — робко, но твердо вмешался Генеральный дежурный. — Есть сообщение из Службы околоземных космических станций. Согласно информации с одного из геодезических спутников в шесть часов три минуты мирового времени над южным отрогом хребта Ломоносова имело место падение уровня океана на три с половиной миллиметра. Через три минуты уровень восстановился... И еще: в этом районе буквально в те же секунды бесследно исчез подводный ультразвуковой маяк. Еще раз прошу прощения.

Он замолчал. Все внимательно смотрели на него, и он от смущения закашлялся.

— Спасибо, мой мальчик, — сказал председатель. — Это интересно.

— Та-та-та! — легкомысленно пропела кибернетика. — Куда же могла деваться такая масса воды? Да еще за три минуты? Два миллиарда тонн воды, как я понимаю, это не струйка дыма, что тает вдруг в сиянье дня...

— В соседствующее пространство? — предположил председатель.

Звездолетчик покачал головой:

— Исключено. Тоже понадобились бы чудовищные мощ-

ности. Нет, здесь нечто другое, новенькое, гораздо более хитроумное... Вот это и производит впечатление: сочетание сверттехнологии с архаическими тротильовыми взрывами и с мазутным хулиганством. Последнее слово будет, конечно, за специалистами, но сейчас в качестве рабочей гипотезы предлагаю принять, что ящики с тротилом были засунуты в герметическую камеру на околоземной орбите тем же самым способом, каким была изъята масса воды из Ледовитого океана и каким была вывалена прорва мазута на берег Черной Скалы.

— А каким способом — ты представляешь себе? — осведомился социолог.

— Да, есть у меня кое-какие соображения, но...

— Да ты изложи, мы пойдем, — сказала врачиха.

Звездолетчик было заколебался, но тут же решительно заявил:

— Нет. Не стану я излагать. У меня для этого нет ни терминологии, ни образов. И потом, возможно, я ошибаюсь. Зачем же забивать вам головы?

— Правильно, — решил председатель. — Пусть специалисты объясняют. Костя, когда мы закончим, свяжись там... ну, сам знаешь с кем, в секретариате Академии...

— Есть! — торжествующе вскричал ассенизатор и развернулся с вращающимся креслом к товарищам. — Есть, ребята! Одного я нашел, сукиного сына!

3

Читателю, ознакомившемуся с первыми двумя частями нашей правдивой сказки, может показаться странным, что хорошо известные ему имена-клички, украсившие собой три провокационных послания, решительно ничего не говорили столь компетентным землянам, как члены Комиссии при Всемирном совете. Еще более странным может показаться ему, что даже могущественная Большая Информационная Машина планеты — и та явно затруднилась, выискивая эти имена в своей бездонной памяти. А между тем все объясняется весьма просто.

Во-первых, со времени разгрома пиратско-промышленного комплекса на Планете Негодяев прошло около двух десятков лет. Разумеется, освободительный поход Объединенной Космической Эскадры навсегда остался в анналах наиболее славных деяний человечества, но уже только в уз-

коспециальных источниках упоминалось о диверсии тройки мушкетеров, возглавляемой флагманом Макомбером, и даже эти узкоспециальные источники лишь вскользь, не называя никаких имен, сообщали, что главарям пиратов удалось скрыться в неизвестном направлении. Да и как могло быть иначе в эти времена, полные великих и странных чудес? Достаточно вспомнить колоссальное предприятие по спасению биологии в системе Гаммы Южной Короны! А создание Теневых Городов в экзосфере Солнца? А прорыв в царство соседствующих пространств? До Великих ли Спрутов, до Копатых ли Сколопендр было миллионам и миллиардам веселых, дерзких, целеустремленных энтузиастов?

Во-вторых, как бы ни была велика симпатия автора к своим героям, все же справедливость требует признать, что по характерам и творческим способностям они ничем не выделялись среди своих современников, были, прямо скажем, людьми рядовыми, и все их чувства, помыслы и поступки в любых критических обстоятельствах всегда оказывались вполне типическими для огромного большинства. И странно было бы ожидать, будто в их мире, где забота о родной планете и гордость за родную цивилизацию стали социальными инстинктами, кого-нибудь всерьез и надолго поразили бы их решительность и беспощадность в отражении атаки космических негодяев, оснащенных отвратительным контрактом. А как же иначе?

В-третьих, по вполне понятным причинам и по предложению осторожного флагмана Макомбера наши герои согласились нигде и никогда не упоминать о чудо-докторе Итай-итай, отдаленном потомке Портоса и Галины. (Мы говорим «по вполне понятным причинам», а имеем в виду причины, вполне понятные только тем из наших читателей, кто хорошо представляет себе, что такое так называемые парадоксы путешествия по времени. Им объяснять не нужно, а остальные пусть примут на веру, что причины эти вполне основательны.) Возвращение Портоса из экспедиции на Планету Негодяев живым и здоровым было воспринято его многочисленными друзьями и родственниками с восторгом, но без особого удивления, на что и рассчитывал флагман Макомбер. Да, так уж у них там повелось, что смерть друга воспринимается со сдержанным горем, а вот если случалось воскрешение из мертвых, то все ликовали и радовались, но ни о чем не спрашивали: мало ли какие чудеса возможны в наше интересное время! Таким образом, и имя чудо-доктора осталось в густой тени.

Наконец, в-четвертых. Имена Двуглавого Юла, бывшего вольного пирата, и Мэеса, бывшего верного клеврета и исполнителя самых тонких поручений мерзопакостного Великого Спрута. Здесь следует отметить, что к началу XXIII века на Земле и в ее обширных колониях пребывало уже около миллиона инопланетян из всех красок обозримой Вселенной и даже из неведомых областей за ее краями: дипломаты, ученые, наблюдатели, стажеры, студенты, эмигранты, туристы, бродячие художники, артисты, поэты, служители религиозных культов, фантастические философы и прочая самая разношерстная публика, в том числе и военнопленные, которых невозможно было вернуть по домам, поскольку они отказывались сообщить или сами не знали, откуда они родом. Судьба некоторых довольно интересна и даже поучительна. Возьмем для примера бывший экипаж «Черной Пирайи». Если читатель помнит, они обосновались у нас на Марсе. Так вот, бывший радист Ка, белый в синюю крапинку ящер, удалился в пустыню в экологическую нишу, заполненную тамошними ленивыми песчаными крокодилами, чтобы проповедовать им передовые идеи труда и добра. Бывший канонир Ки, огромная морская звезда с поразительной способностью к мимикрии, дважды без всякой видимой причины размножился простым делением, организовал коллективное хозяйство и скромно разводит декоративные кактусы для обмена на бройлеров. А бывший квартирмейстер Ку, обезьяна с диковинным ледяным метаболизмом, устроился на Деймос гидом-экспонатом, обслуживает школьные и инопланетные экскурсии, а в свободное время заполняет зашпеченные мешки денатурированными алмазами, кое-где встречающимися на этой планетке.

Но это все между прочим. Мы надеялись показать, какая это была сложная задача — отыскать двух военнопленных инопланетян, затерявшихся, как ничтожные щепки, в бурном океане человеческой цивилизации начала XXIII века. Особенно если вспомнить, что один из них всего-навсего доставил четверть столетия назад какие-то неприятности ничем не примечательной юной девушке, а другой тоже четверть столетия назад холопствовал при космическом злодее местного значения.

И тем не менее отыскать обоих удалось. Правда, не сразу. И притом — по каналам информации, которые, вообще говоря, можно назвать необычными, если не причудливыми.

То обстоятельство, что искомым имен не оказалось в па-

мента Большой Информационной Машины, ассенизатора не смутило. Он был терпелив и настойчив, и, кроме того, у него за плечами был огромный опыт по разного рода поискам. Отключив память, он пустил Машину в свободный поиск по всем специальным архивам планеты. Прислушиваясь к разговору друзей у себя за спиной, он неотрывно глядел на пустое табло. Время от времени, как нам известно, он даже включался в этот разговор.

— ...Пусть специалисты объясняют, — говорил председатель. — Костя, когда мы закончим...

Именно в этот момент на табло вспыхнули буквы: «МЭЭС».

— ...свяжись там... — продолжал председатель, — ну, сам знаешь, с кем, в секретариате Академии...

— Есть! — торжествующе возопил ассенизатор и развернулся с вращающимся креслом лицом к товарищам. — Есть, ребята! Одного я нашел, сукиного сына!

И он снова повернулся лицом к пульту. Все вскочили с мест и сгрудились у него за спиной.

— Мээс... — словно не веря глазам своим, прочитал председатель. — Действительно ведь Мээс... Ай да Жозеф, нашел-таки! Вот что значит профессионал!

— Дальше, дальше! — нетерпеливо проговорила врачиха.

Ассенизатор ткнул пальцем в неприметную красную клавишу. Слово Мээс исчезло, на его месте появилось слово СКЛОЧНИК. Ассенизатор оскалился и снова ткнул в красную клавишу. Слово СКЛОЧНИК погасло, уступив место слову ПРОЩЕЛЫГА.

— Гм... — произнес председатель. — Все это, наверно, правильно, однако хотелось бы поподробнее...

Кибернетичка фыркнула. Ассенизатор, прошептав что-то энергичное, с силой ткнул в красную кнопку в третий раз. Нечто вроде глубокого вздоха исторглось из недр машины, ПРОЩЕЛЫГА погас, и по табло справа налево побежали буквы и цифры.

АРХИВ СОВЕТА ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ ЗОНЫ, СЕКТОР ПИСЕМ ТРУДЯЩИХСЯ. ГОД 2215/298. ВХ 113 ОТ 16.05. ОТПРАВИТЕЛЬ: МЛАДШИЙ СМОТРИТЕЛЬ САЙЫЛЫКСКОГО КОШАЧЬЕГО ЗАПОВЕДНИКА, ВРЕМЕННЫЙ ГРАЖДАНИН ЧЕЛОВЕЧЕСТВА МЭЭС. СОДЕРЖАНИЕ: ОБВИНЕНИЕ ГЛАВНОГО СМОТРИТЕЛЯ ЗАПОВЕДНИКА ДИКСОНА КАРРА В КРАЖЕ В КРАЖЕ

В КРАЖЕ КОШАЧЬЕГО КОРМА НА ПРЕДМЕТ КОРМЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ КОШКИ СИАМСКОЙ ПОРОДЫ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ СОВЕТА: ОСТАВИТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ ЗА НЕЛЕПОСТЬЮ.

Пауза. Члены Комиссии переглядываются. Кибернетичка зажимает себе рот ладонью.

ГОД 2216/299. ВХ 006 ОТ 13.01. СОДЕРЖАНИЕ: ОБВИНЕНИЕ СТАРШЕГО СМОТРИТЕЛЯ ЗАПОВЕДНИКА ВАЛЕНТИНЫ СИЗОВОЙ В НАТРАВЛИВАНИИ КОШЕК ТРЕХЦВЕТНОЙ МАСТИ НА КОШЕК ЧЕРНОЙ МАСТИ С ЦЕЛЮ НЕДОПУЩЕНИЯ ЧЕРНЫХ КОТОВ К ЕЕ СОБСТВЕННОЙ ТРЕХЦВЕТНОЙ КОШКЕ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ: ОСТАВИТЬ БЕЗ ВНИМАНИЯ ЗА ГЛУПОСТЬЮ.

Пауза. Кибернетичка рыдаст. Председатель укоризненно говорит ассенизатору:

— Ну, Жозеф, всего от тебя ожидал...

— А я тут при чем? — огрызается ассенизатор. Вид у него был ошарашенный. Как, впрочем, и у остальных.

— Еще не конец... — тихонько произносит психологичка.

ВХ 037 ОТ 23.03. СОДЕРЖАНИЕ: ЖАЛОБА НА МЛАДШЕГО СМОТРИТЕЛЯ ЗАПОВЕДНИКА ИВАНА ВЫЛКУ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЕМ, ВЫРАЗИВШЕЕСЯ В БОЛЕЗНЕННОМ ДЕРГАНЬЕ ЗА ХОБОТ, В ЧУВСТВИТЕЛЬНОМ ТАСКАНЬЕ ЗА ШЕРСТЬ НА ХОЛКЕ И В ПИНКАХ ПО МЯСИСТЫМ ЧАСТЯМ ТЕЛА, СОПРОВОЖДАВШЕЕСЯ БЕЗОСНОВАТЕЛЬНЫМИ ОБВИНЕНИЯМИ ПУБЛИЧНО В СКЛОЧНИЧЕСТВЕ И В КЛЯУЗНИЧЕСТВЕ. ВЕРДИКТ КОНФЛИКТНОЙ ТРОЙКИ: МЛАДШЕГО СОТРУДНИКА ИВАНА ВЫЛКУ СТРОГО ПРЕДУПРЕДИТЬ ЗА РАСПУСКАНИЕ РУК, НОГ И ЯЗЫКА; МЛАДШЕГО СОТРУДНИКА МЭЭСА СТРОГО ПРЕДУПРЕДИТЬ ЗА МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКУЮ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ.

Пауза. Затем на табло вспыхивает надпись:

МАТЕРИАЛЫ ПО МЭЭСУ КОНЕЦ КОНЕЦ.

Так удалось ухватиться за кончик нити. Ассенизатор немедленно связался с киберкадровиком Сайылыкского заповедника, от него ниточка потянулась во Всемирное общество

любителей кошек, дальше — больше, и уже через четверть часа из печатающего устройства терминала выпала на пульт справка, из которой явствовало, что

— до сентября 2203/287 года указанный Мээс занимал значительный пост в иерархии преступного пиратско-промышленного комплекса, базировавшегося на так называемой Планете Негодяев в системе двойной звезды в нижнем правом углу Малого Магелланова Облака;

— 21 сентября 2203/287 года в ходе освободительного похода Объединенной Космической Эскадры на Планету Негодяев указанный Мээс был захвачен в плен диверсионной группой флагмана Макомбера и доставлен на Землю;

— учитывая помощь, которую указанный Мээс, хотя бы и против своей воли, оказал диверсионной группе флагмана Макомбера в его действиях по тылам противника, а также добровольность и ценность его показаний на следствии о преступлениях, совершенных пиратско-промышленным комплексом Планеты Негодяев, а также его чистосердечное раскаяние на Межпланетном Трибунале, ему, указанному Мээсу, предложили репатрироваться, однако он не только наотрез отказался сообщить координаты своей родной планеты, но и попросил на Земле убежища, мотивируя просьбу тем, что дома его непременно повесят;

— 11 мая 2204/288 года Юридическая комиссия Всемирного совета рассмотрела просьбу указанного Мээса о предоставлении ему статуса временного гражданина Человечества и приняла решение просьбу эту удовлетворить, как предписывает Законодатель, под личную ответственность трех поручителей, в данном случае — флагмана Макомбера, спортсмена Портоса и мастера Атоса;

— в июне 2205/289 года флагман Макомбер, заметивший к тому времени за Мээсом любовь к домашним животным, порекомендовал его Всемирному обществу любителей кошек...

Остальное понятно. К справке была приложена голография «указанного Мээса»: жутковатый мужчина с крыльями, как у летучей мыши, с длинным белым хоботом, с маленькими выпученными глазками под низким лобиком, похожий одновременно и на вставшего дыбом слона, и на пингвина в мохнатой шкуре сизого цвета.

— Уродец какой! — восхищенно воскликнула кибернетичка.

— Вот за этот хобот его и дергали, — заметила психологичка.

— Ну, хорошо, — проговорил социолог. — Сообразим теперь, куда все это нас ведет...

— В Сайылыкский кошачий заповедник, — сейчас же сказала врачиха.

— В архивы Межпланетного Трибунала, — сказал ассенизатор.

— Прежде всего, это ведет нас к флагману Макомберу! — сказал звездолетчик, подняв указательный палец.

— Вспомнил! — воскликнул вдруг председатель.

Все посмотрели на него.

— Насчет этого... двухголового... двуглавого... — пояснил он. — У меня есть правнук. Шустрый такой парнишка, Антоном зовут. Тринадцать лет. И между прочим, отчаянный любитель футбола. Сам в юниорской играет, в зональной сборной, ну и, разумеется, пристально следит, что в этом смысле вообще делается на свете. Знаете, как подростки...

— Знаем, знаем, не отвлекайся, — нетерпеливо сказал социолог.

— Вот что вспомнил, — медленно произнес председатель. — Месяца два... нет, три месяца назад это было, в апреле... Рассказал мне Тошка, что Всемирная ассоциация любителей футбола рассматривала прелюбопытный казус. Вся беда в том, что слушал я его вполслуха, сути не уловил, но речь шла об одном вратаре, из-за которого весь сыр-бор и возгорелся: считать его за одного игрока или за двух?

— Ну и что? Не тяни...

— Речь шла... Это я сейчас точно вспомнил. Точно. О двойном отбиве головой Двуглавого Юла!

Воцарилось молчание. Социолог схватил «ультиматум» и забегал глазами по строчкам. Звездолетчик произнес убежденно:

— Быть не может!

— За что купил, за то и продаю, — сказал председатель почти виновато. — Двойной отбив головой Двуглавого Юла. Сам себе не верю, а куда деваться?

— Если он такой известный, то почему о нем не знает Машина? — спросила врачиха.

— Он же любитель, — возразил социолог. — Их же сотни миллионов таких на планете, и двуглавых, и безглавых, и всяких...

— Ничего себе — компания! — желчно произнесла кибернетичка. — Болельщик-кошатник и любитель-футболист!

— А доктор Айболит — это какой-нибудь... этот... собирательщик древних трамвайных билетов! — подхватила врача.

— Слушайте! — произнес ассенизатор и хлопнул ладонью по пульту. — Давайте серьезно. Костя прав. Надо обратиться к флагману Макомберу.

4

Мастер Атос и флагман Макомбер, свежие и усталые после пятикилометрового заплыва, сидели, развалившись в глубоких креслах, на всранде, пили горячий глинтвейн и вели неторопливую беседу. Оба были в просторных мохнатых халатах и домашних тапочках на босу ногу, вид собой являли убогатворенный, и не было никаких оснований сомневаться в том, что они пребывают в полном согласии с собой, друг с другом и со Вселенной, в которой так интересно работать, драться, отдыхать и вообще жить.

Мягко сияло полуночное солнце, пологие черные волны некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана с мягким шуршанием набегали на пологий галечный берег совсем рядом, рукой подать, сонно почикивали птицы в серебристых купах северных яблонь, обступавших с трех сторон старинную виллу, со стороны поселка доносились негромкие молодые голоса, приглушенная музыка и девичье хихиканье, и еще время от времени с океанских просторов накапывалось, словно бы гром гремел шепотом, утробное уханье и фырканье — это третьи сутки шли из Норвежского моря к богатым чукотским пастбищам неозримые стада гренландских китов.

«Беседа с другом не возвращает молодости». Так сказал некогда, хотя и совсем по другому поводу, но поразительно верно, один талантливый и грустный русский писатель. Почти двадцать лет не виделись Атос и флагман Макомбер, и теперь, беседуя тихо, они пытливо приглядывались друг к другу, силясь определить, что изменилось, что осталось прежним с тех времен, уже подернутых дымкой забвенья, когда они с оружием в руках, готовые в любой момент вступить в смертельный бой, шли плечом к плечу мрачными каткомбами Планеты Негодяев. С тех пор в их жизни было у каждого столько событий и переживаний, но ведь это «плечом к плечу» из души не выкинешь!

Атос встретил старого соратника с чистой и бескорыстной

радостью, и на душе у него было легко. Флагман же Макомбер явился к нему по делу, и потому было ему неловко, и Атос ощущал эту неловкость, и от этого было ему немного смешно и грустно.

В начале двадцать третьего века все еще считалось неприличным явиться к другу после двадцатилетней разлуки и прямо, с ходу объявить ему: «Старик, тут такая штука, мне поручили важное дело, и ты должен мне помочь». Поэтому флагман Макомбер не торопился.

Он рассказал о себе, как и чем он прожил эти годы, изложил малоизвестные подробности событий в Прозрачной Чересполосице, осады Куберонской базы, дискуссии проблемы Дальнего Проникновения, очень смешно обрисовал свою роль в фантастическом Белковом инциденте, шутливо пожаловался на женское засилье в своей семье («Шесть дочек, благородный Атос, вы представляете себе?») и, спросивши стило и бумагу, очень умело и выразительно изобразил своего приятеля, представителя разумной негуманоидной цивилизации, возросшей на далекой планете Кгхрм.

Атос слушал внимательно, с неподдельной жадностью, прерывал повествование нетерпеливыми вопросами... И что тут удивительного? Чудовищные потоки информации, захлестывающие мир Человека, давно уже приучили внимающих к сообщениям коротким, коротеньким, едва заметным, и хотя каждый сознавал, что за каждым таким сообщением кроется столпотворение судеб и идей, за душу хватало уже только поистине огромное, вселенское, значимое для самой истории, не меньше... И еще у каждого внимающего своя работа, которая представляется ему (совершенно справедливо) важной и необходимой для Коммуны, иначе ею и заниматься не стоит... И потому изустные рассказы очевидцев и участников стали восприниматься в двадцать третьем веке точно так, как, наверно, воспринимали на кухне провинциального феодала державинских времен побасенки забредшего на огонек солдата-инвалида, уволенного вчистую после очередной турецкой кампании...

А потом стал рассказывать о себе Атос, и настала очередь флагмана Макомбера жадно слушать, задавать нетерпеливые вопросы и мысленно хлопать себя по ляжкам... Расшифровка генетической памяти минералов; голографическая реконструкция пейзажей, которые всем своим объемом «наблюдает» метеорит в момент своего рождения; прогностика распределения масс и энергий в пятимерном пространстве-времени нашего Космоса... Это была миллионная часть всех техниче-

ских (уже технических!) работ, которые велись изнемогающим от любопытства Человечеством, и откуда было простому солдату-звездолетчику знать об этих работах?

Потом они помолчали.

— Вы так и не женились, благородный Атос? — спросил флагман Макомбер.

— Нет, — ответил Атос, как отрезал.

— Ну, а что наши друзья? Что Галя? Что Портос?

Флагман Макомбер узнал, что Галя и Портос живут ныне в Бирме, в Шуэньяунс, потому что Галя занята там какой-то местной ботаникой, а Портосу безразлично, где спортсменствовать. Он ведет курс прыжков без парашюта в местном интернате, а также факультативный семинар по проникновению сквозь стены в Мьенджанском училище первопроходцев. Они породили трех сыновей, все мальчики, все мастера. Атос ими доволен. Старший сейчас в Бандунгском проекте, какое-то крупное новшество в полевой кулинарии. Средний ушел под воду, тянет магмопровод в Южной Атлантике. А младший, Ваня, любимец Атоса...

— Он обещал стать отменным интраоптиком, проходил практику в моих мастерских и вдруг ушел в бродячис артисты...

— Вы огорчены, благородный Атос?

— Что вы, дорогой Макомбер! Я и сам в свое время...

— И я тоже, благородный Атос...

— Это были прекрасные времена...

— Да, замечательные... Я тогда полюбил.

— Я любил всегда...

Тут надо сделать небольшое отступление. Вездесущая статистика той эпохи показывает, что каждый десятый из ученых, каждый восьмой из мастеров и каждый пятый из спортсменов в дни своей молодости вдруг срывались с места и пускались в путь. Куда? А куда глаза глядят. По просторам планеты. По городам и весям. По материкам и океанам. Кто-то из тогдашних социо-психологов чрезвычайно неудачно назвал это явление «освобождением от первобытной энергии». Чушь! Это было самой жизнью, одной из форм существования разумных белковых конгломератов, именуемых Человеком.

Бродяжили, как правило, четными группами числом до шести-восьми человек. Возвращались к работе через несколько месяцев, часто семейными парами, а спустя лет десять снова... Но дело в другом.

В этих странствиях, видимо, давался выход артистиче-

ским способностям, заложенным в любой личности от рождения. Они пели, декламировали стихи, разыгрывали целые представления. Перед кем? Да перед кем угодно. Перед первым встречным, если он хотел их видеть и слушать. Часто они обходились вообще без зрителей и слушателей. Но больше всего им нравилось поражать воображение детей и подростков. И они это умели!

Разумеется, бесконечно далеко было им до актеров-профессионалов, до этих поистине волшебных лицедеев, способных психологически жить в любом художественном образе, способных мгновенно вовлечь аудиторию в создаваемый ими иллюзорный мир, способных заставить зрителя в считанные минуты проживать целые эпохи... Но свое дело они умели. Они были так духовно близки своей всегда случайной юной аудитории, они так понимали ее влечения и ход ее мысли, что получалось у них без промаха и всегда к добру. И недаром в середине двадцатого века Всемирный педагогический совет специальным постановлением признал несомненную доброкачественность этих самодеятельных трупп и навсегда одобрил их всекую деятельность.

— Он сотворил труппу, — тихо улыбаясь, рассказывал Атос. — Назвал ее «Бременские музыканты». Была такая всекая музыкальная пьеска в далеком двадцатом веке, сотворена тогдашними властителями ребячьих душ — Ливановым, Энтиным и Гладковым, блестящими русаками, людьми талантливейшими... Ваня раскопал эту пьеску, слегка модернизировал ее... Огромный успех, особенно в Восточной Европе. Впрочем, и в Японии тоже. Они представляют под открытым небом... ну, это так им и положено. Сбегаются тысячи детишек из всех окрестных очагов и интернатов, можете себе представить? Музыка оригинальная, старинная, это производит особенное впечатление... и большинство стихов тоже. Архаично, не все понятно, однако в этом есть своя прелесть, поверьте...

Флагман Макомбер непроизвольно приподнял брови. Да, несомненно, суровый Атос, немногословный Атос изменился. Вон как заговорил — страстно, проникновенно... Черные небеса Вселенной! Да у него же глаза блестят! Флагман Макомбер осторожно произнес:

— Да, это должно производить впечатление.

— Понимаете, дорогой Макомбер, каждый из нас по мере возможности служит детям. Но Ваня... Я утверждаю, он прирожденный интраоптик, но посмотрели бы вы на него, когда он выступает перед детьми!

Нет, этот незнакомый флагману Макомберу младший сын Гали и Портоса определенно ходит у Атоса в любимчиках. Флагману Макомберу стало совсем неловко, проявления таких пристрастий всегда были ему не по душе. Он попытался переменить тему:

— А кстати, благородный Атос, кого вы имете в виду, когда говорите о детях?

Атос пожал плечами.

— Это же общеизвестно... Человеческие существа в возрасте до пятнадцати лет!

— Ха! В деле на Кубероне эти пятнадцатилетние били из лучевых карабинов и умирали рядом с нами...

— Ну и что же? Все равно это были дети, наши девочки и мальчики, и это была их беда и наша вина, что им пришлось там стрелять и умирать...

Можно было развить эту тему дальше, ветераны всех времен обожали почесать языки на подобные темы, но флагман Макомбер сдался.

— Сколько Ване лет? — спросил он.

Атос удивленно взглянул на него.

— Что вы, дорогой Макомбер! Ване восемнадцать, он уже вполне взрослый парень!

Тогда флагман Макомбер отпил из стакана глоток остывшего глинтвейна и тихонько произнес:

— Вы чем-то озабочены, Атос.

Атос устремил взгляд в черные океанские просторы.

— Как правило, Ванина труппа давала «Бременских музыкантов». Конечно, кое-что в пьесе Ваня изменил. Вместо Осла действует Конь, вместо Пса — Оранг, а Пес — вместо Кота, шайка Разбойников состоит из Подлой Сколопендры и Злобных Тарантулов... Коня, между прочим, играет веселый молодой жеребец О Гого, обладатель превосходного баса, внучатый племянник профессора Ай Хохо... — помните профессора Ай Хохо, Макомбер? — он стажирется на Земле в институте народов Глубокого космоса... А Принцессу играет Тзана, юная девица с планеты Бангу, где изумрудные небеса, синие луны и горы, покрытые голубыми снегами. И она красавица, эта самая Тзана, с огромными зелеными глазами, белой до сияния кожей, с легкими как пух и густыми как соболий мех пепельными волосами, но, конечно, уж не более красивая, чем любая красивая девица-землянка... У нее какой-то невероятный голос, специалисты прочат ей будущность великой певицы, а она вдруг сбежала из Московской консерватории в Ванину труппу...

Флагман Макомбер уже понял, в чем дело, но Атос закончил:

— Это не первый случай любви между детьми разумных рас, возникших на расстояниях в сотни парсеков друг от друга. Те, другие случаи окончились катастрофой для влюбленных. Современное знание бессильно объяснить эти катастрофы. Теперь вы понимаете, чем я озабочен, дорогой Макомбер, и, с вашего разрешения, довольно об этом.

5

— А что подельывает достойный Арамис? — спросил флагман Макомбер.

— О, у Арамиса, как всегда дел по горло, — ответил Атос. — Их там собралась в Аддис-Абебе мощная шайка из нескольких метакосмологов, проектируют использовать нашу бедную Солнечную систему в качестве этакой не то линзы, не то призмы для глубокого зондажа Мировых Объемов...

— Мировых Объемов? Это еще что такое?

— Затрудняюсь объяснить, дорогой Макомбер. Это их жаргон. Ничего общего с теми мирами и объемами, которыми занимаемся мы с вами. Знаю только, что Солнечной системы им оказалось недостаточно, и они намереваются подключить к своей затее еще и систему альфы Центавра, летящей звезды Барнарда и что-то еще, сейчас уж и не упомяну...

— Что ж, — пробормотал флагман Макомбер. — Большому кораблю большое плаванье...

— Только не скажите это Арамису, — посоветовал Атос. — Он ведь считает себя рядовым ученым, и я, честно говоря, с этим почти согласен; у него есть свои боги — академик Гей-Коззак, профессор Ванькингартен, гроссмейстер Бумба из какого-то шарового скопления...

— Никогда о них не слыхал.

— Я тоже. Впрочем, профессор Ванькингартен прославился недавно скандальчиком, который он учинил во Всемирном совете по делам профессий...

— Ладно, бог с ними со всеми, — сказал флагман Макомбер, отметив, впрочем, про себя, что в случае надобности Арамиса можно будет без труда найти на Земле. — Ну, а про наше чудовище, наше пугало, нашего Двуглавого Юла вы ничего не знаете?

И он тут же поздравил себя с этим вопросом, потому что Атос весело расхохотался.

— Знаю, дорогой Макомбер, мне ли не знать? Да будет вам известно, что все эти годы Двуглавый Юл жил и живет сейчас у меня, здесь, под полом!

Флагман Макомбер только руками всплеснул.

Да, Двуглавый Юл вот уже семнадцатый год жил под фундаментом виллы Атоса в комфортабельной трехкомнатной конуре с йодистой ванной и с отоплением от подземных источников. Столь странный, с точки зрения землянина, выбор жилья он объяснил тысячью причин, из коих существенными были, пожалуй, только две. Во-первых, он через неопределенные промежутки времени впадал в спячку на недели и даже на месяцы, и тогда ему требовался абсолютный покой. Во-вторых, старый пират был по-прежнему склонен к обжорству и неумеренному потреблению ртутно-колчеданных коктейлей, в результате у него частенько расстраивалось что-то внутри, и тогда он неудержимо отрывал густым сернистым газом, что, согласитесь, создавало для сожителей-землян вполне понятные неудобства.

В общем, он процветал, с успехом вел в соседнем поселке стрелковый кружок и даже два года посещал университет, хотя от сдачи курсовых работ и тем более экзаменов неизменно уклонялся. А в последнее время он бешено увлекся футболом и сейчас считается одним из лучших вратарей местной сборной. Особенно по душе ему пришлось футбол Микаловица.

— Чей футбол? — встрепенулся флагман Макомбер.

— Не чей, а какой. Спортивное новшество. Некий Микаловиц, тренер легендарной команды «Черноморец», выступил с теорией «футбола без ограничений». Согласно его правилам, вратари, например, взвалив ворота на плечи, могут носиться по всему полю, и в игре могут принимать участие зрители... правда, забитые ими мячи, кажется, не засчитываются...

— М-да, за всеми новшествами не уследишь...

Кстати, еще о любви между детьми различных рас в Космосе. Двуглавый Юл влюбился. Именно по этой причине, как он утверждает, нет у него никакой охоты возвращаться к себе на родную планету. Так это или не так — судить трудно, однако факт остается фактом: правая его голова, та, что одноглазая, влюблена в пожилую воспитательницу из соседнего детского сада, а левая без ума от одной инопланетянки, которую натурализовало у себя местное сообщество белых медведей. У амурологов этот казус вызвал радостный переполох, была даже написана диссертация, доказавшая на

примере Двуглавого Юла раз и навсегда, будто одухотворенная любовь возникает именно в мозгу, а никак не в сердце, но тут на беду диссертанту случайно всплыло наружу то обстоятельство, что у Юла сердце не одно, а целых три...

— Где он сейчас? — спросил флагман Макомбер.

— По-моему, на тренировке, — ответил Атос. — Хотите повидаться?

— Да, было бы интересно снова повидать старого негодяя. А что этот маленький... ну, как сего... пушистый...

— Ятуркенженсирхив? Он умер. От старости. В позапрошлом году. Жил он у Гали с Портосом, они сего баловали, он растолстел, заважничал, а потом вдруг как-то сразу поседел, сделался из белого тускло-рыжим, шерстка на нем подела, сам весь ссохся, одни глаза остались... Велел позвать Двуглавого Юла и лежал до конца, держа сего за палец. Напоследок попросил сего спеть дразнилку:

Ятуркенженсирхивец!

Тирьям-тирьям-тирьям!

Ты маленький паршивец!

Тирьям-тирьям-тирьям!

Выслушал, улыбнулся и умер. Двуглавый Юл рыдал в три ручья, бился головами о стену, насили сего укусом отпоили...

Атос замолчал, и флагман Макомбер с изумлением увидел, как этот суровый, холодноватый человек отвернулся и вытер глаза обшлагом мохнатого халата.

Бледное солнце давно уже прошло шалоник и стало отлого подниматься к востоку, посинел океан, унялись и улеглись волны, и птицы затихли, и зябким предутренним ветерком потянуло на веранду. Бесшумный робот вновь наполнил стаканы горячим глинтвейном.

Флагман Макомбер подумал, что ведь еще и трети суток не прошло с того часа, когда он угощался ледяным малинадом в одном из присных холлов Дворца Совета, все еще не пережив потрясения от бесседы, которая вдруг так внезапно возвратила его к событиям многолетней давности. Облаченный в свою потертую, но, как всегда, аккуратно вычищенную и выглаженную, черную с серебром форму Космического флота, сидел он в кресле очень прямо, изредка отхлсбывал из запотевшего стакана и ждал. И самый пронизывающий наблюдатель не заметил бы ни малейших признаков потрясения на его узком костистом лице, покрытом серо-коричневым загаром.

Затем дверь наконец распахнулась, и в холл, слегка отдуваясь, вошел председатель. Он опустился в кресло напротив флагмана Макомбера, знаком приказал роботу принести прохладительного и заговорил:

— Флагман Макомбер! — сказал он. — Экстренное совещание Комиссии по чрезвычайным происшествиям закончилось. От лица Комиссии выражаю вам глубокую признательность за сообщенные вами сведения. Они пролили свет на многое и прекрасно дополнили информацию, полученную нами из архивов Межпланетного Трибунала и Космического флота.

Далсс. Считаю своим долгом поставить вас в известность о том, что в Комиссии имела место дискуссия. Нам неизвестно, откуда ведется нападение. Нам неизвестно даже, каким способом оно ведется. Наконец, нам неизвестно в точности, каким оружием располагает противник. Поэтому были высказаны крайние опасения. Залили мазутом лежбище тюленей на Черной Скале — почему бы им тогда в следующий раз не залить ипритом детские пляжи в Анапе? Взорвали тротилом космический модуль на околоземной орбите — почему бы в следующий раз не взорвать ядерной бомбой лунную базу «Циолковский»? И так далсс. Было даже высказано предложение выдать противнику Двуглавого Юла и Мэсса и объяснить, что доктор Итай-итай родится только через три столетия. Предложение это было, конечно, отвергнуто, как несовместимое с земной честью и капитулянтское. Земля не может пойти на поводу у шантажистов, к тому же есть все основания усомниться в том, что противник поверит правде о чудо-докторе. Вы следите за ходом рассуждений, флагман?

— Так точно, товарищ председатель, — отвечивал флагман Макомбер. — Слежу внимательно.

— Далсс. Комиссия обратила внимание на следующие обстоятельства. Из показаний Мэсса на Межпланетном Трибунале стало известно, что в распоряжении этого паршивого паука, Искусника Крэга, имеется так называемый пеленгатор интеллекта, аппарат, позволяющий обнаруживать носителя разума в заданном объеме пространства. В свое время этот аппарат использовался пиратами для поиска и отлова разумных существ с последующим использованием их мозгов... ну, сами помните. Так вот, характерно, что все три сегодняшних удара бандиты нанесли там, где ни единого человека либо вообще не могло быть, либо не было в избранный для удара момент. Почему?

Флагман Макомбер позволил себе улыбнуться.

— Слона не задсвай спящего, льва не задсвай голодного, а землянина не задсвай никогда, — пробормотал он.

— Вот именно! — сказал председатель. — Они нас боятся, флагман. Если бы не крайняя нужда в чудо-докторе, они никогда бы не осмелились сунуться к нам. Но нужда у них, видимо, смертельная, и тут уж, как говорится, как раз тот случай, когда неволя пуще охоты. В этом выводе Комиссия единодушна. Действительно, представьте себе, что вместе с двумя миллиардами тонн арктической воды попадает к ним, например, рейсовая субмарина, из этих подводных автобусов, что переправляют рабочие смсны с материка на Подполюсную Базу и обратно... две сотни юнцов и юниц, которым черт не брат, а закон лишь папа с мамой да Всемирный совет... и Великий Спрут им: «Лапки вверх, деточки!» — а у деточек на борту, в моторном отсеке, полные канистры антипротонного горючего!

Уж кто-то, а флагман Макомбер мог без всякого труда представить себе «деточек» в такой ситуации... Н-да, картина.

— Допустим, — продолжал председатель, — бандиты тоже располагают антиматерией. Что ж, грянет ядерная схватка, исход которой весьма сомнителен... но и при любом исходе не видать Великому Спруту чудо-доктора как собственных ушей. Нет, на такое бандиты не пойдут никогда. И конечно же, прежде чем решиться на хулиганство в Арктике, они десять раз прочесали своим пеленгатором тамошние воды, пока не убедились, что не прихватят ничего, кроме рыб и медуз...

Далее. Продискутировав имеющуюся информацию, Комиссия сформулировала свои выводы следующим образом...

Тут председатель извлек из нагрудного кармана лист бумаги, вздел на нос старинные очки и стал читать:

— «Первое. Имсет место грубый шантаж со стороны внесмного противника, хорошо оснащенного технически, безнадсжно отсталого психологически и решительно ничем не обремененного морально-этически.

Второс. Нашим слабым местом является отсутствие сведений о местоположнии противника и о его способах всдения боевых действий.

Третье. Слабым местом противника является его крайняя нужда в чудо-докторе, послужившая единственной причиной всей авантюрной затеи.

Четвертое. Нет никакой необходимости объявлять все-

планетную тревогу. Для ликвидации инцидента достаточно выделить одного человека с хорошим опытом, наделив его от имени Всемирного совета полномочиями привлекать к решению этой задачи любых добровольцев, любые источники информации, любые механические устройства и любые энергетические датчики, которые он сочтет нужным использовать». Вот так, милый флагман.

Председатель спрятал листок и снял очки.

— Вы уже догадались, флагман Макомбер, — строго сказал он, — что Комиссия по чрезвычайным происшествиям избрала своим уполномоченным для этого дела именно вас!

.....
Флагман Макомбер вздрогнул.

— Простите, благородный Атос, — произнес он виновато. — Вы что-то говорили?

Атос пристально смотрел на него.

— Дорогой Макомбер, — тихо сказал он. — Будем считать, что неофициальная часть нашей беседы закончена. Предлагаю перейти к деловой части. Чем могу вам служить?

Глухой утробный рык донесся с океана. Флагман Макомбер, напрягая зрение, всмотрелся в темную синеву под четкой линией горизонта. Там медленно вздымались в утренний воздух столбики снежно-белого пара: киты все шли и шли, и не было им конца.

— Благородный Атос, — проговорил флагман Макомбер. — Я обращаюсь к вам как уполномоченный Комиссии по чрезвычайным происшествиям. Прошу выслушать меня с наивозможным вниманием...

6

Не на шутку горячее солнце давно перевалило через стрик и отлого катилось к обеднику.

Утомленные деловой частью беседы и слегка подавленные навалившейся на них ответственностью, спали в саду, растянувшись в тени прямо на траве, Атос и флагман Макомбер. При этом Атосу снилась Тзана, девица с Бангу, у которой, впрочем, было почему-то Галино лицо, а флагман Макомбер видел во сне извивающегося в конвульсиях Великого Спрута, которого он, впрочем, наяву никогда не видел.

Двуглавый Юл сидел подле люка в свою конуру, из которой тянуло приятным холодком, чинил защелку обширного белого зонтика и рассеянно болтал с домашним роботом.

Ему было без всяких объяснений приказано никуда не отлучаться, и он страдал от любопытства.

Передатчик-автомат уже выслал на записывающее устройство личных секретарей-приемников Портоса и Арамиса краткое изложение событий, разработанный план действий и приглашение прибыть к Атосу к семнадцати по местному времени.

В Сайбылыкский кошачий заповедник за младшим смотрителем, временным гражданином Человечества Мэссом был выслан аэрокар с приказом уполномоченного Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

И случилось так, что как раз в это самое время в дом своих родителей в Шуэньяуне (если читатель не знает, поясняем, что это почти в центре Бирманской коммуны) нагрянул Ваня со своей Принцессой Тзаной.

Вообще, надо сказать, нагрянывание было у Вани излюбленным способом появляться в заданном месте. Нагрянет, бывало, и поля на три километра в окружности оглашаются радостными голосами детишек, летит строгое педагогическое расписание, смеются и сердятся воспитатели. Нагрянет — и приветливый рев оглашает общешитис, звонко гремят шлепки по спине, летит распорядок дня, и девушки бегут смотреться в зеркало. Нагрянет — и восхищенно трубят слоны, беспокоятся близорукие носороги, тянут за кубиками рафинада длинные шси газслеглазыс жирафы, летит установленный порядок поведения посторонних в зверином царстве, и чернокожие атлеты-аспиранты сбегаются для веселого разговора с хорошим человеком.

Конечно, Ваня никогда не позволял себе нагрянуть, скажем, в заводской цех на ходу, в лабораторию во время эксперимента или в конференц-зал, когда там совещаются, или в санаторий, если там мертвый час: могли и по шее дать, и вообще Ваня был юноша воспитанный. Он отлично отдавал себе отчет в том, куда и когда можно нагрянуть и куда войти с достоинством, испрося предварительно разрешения, а куда проникнуть украдкой и присесть в уголку, чтобы не выгнали. Но домой, к отцу и маме, сам бог велел нагрянывать.

К его великому огорчению, дома никого не оказалось. Робот доложил, что мама Галя усвистала в Мандалай по своим ботаническим делам, а папа Портос уже вторые сутки демонстрирует искусство ночных прыжков без парашюта в далекой Боготе. Это было тем более неприятно, что Ваня именно в этот день решил представить родителям Тзану не только как партнершу по превосходному музыкальному

поэтическому спектаклю «Бременские музыканты». Однако делать нечего. Ваня совсем уже решился было вызвать какого-нибудь воздушного одра и вернуться к своей труппе, которая в те дни развлекала детишек и пенсионеров в Инсбруке, когда взгляд его совершенно случайно упал на пульт секретаря-приемника на отцовском рабочем столе. Там с едва слышным попискиванием мерцал красный огонек: «Весьма срочно! Весьма серьезно! Весьма обязательно!»

— Посиди, Принцесса, — бросил он Тзане и ткнул пальцем в клавишу производителя.

С каменным лицом (этот парень умел делать каменное, ничего не выражающее лицо) выслушал он изложение известных нам событий. Затем он прослушал план действий.

«Дорогой Портос! Ты уже сообразил, конечно, в чем состоит наш замысел. 20 июля в 13.00 по мировому времени противник ожидает обнаружить и взять на северном берегу Черной Скалы экстрадикционную группу. Таким образом, имеет место шанс вступить с противником в контакт, не дожидаясь результатов научной, технической и военной экспертизы. Мы намерены устроить Великому Спруту и его банде маленький сюрприз. Вместо чудо-доктора Итай-итай, подонка Мэса и разжиревшего Двуглавого Юла пойдет кто-нибудь из нас. Нечего и говорить, это смертельный риск. Но нам ли отступать? Я не считал себя вправе не поставить тебя в известность об этом деле. Ты бы никогда не простил меня. Обсуждение состава разведывательно-диверсионной группы состоится на моей вилле сегодня в 17.00 по моему времени. Жду тебя с Галей. Флагман Макомбер тебе кланяется. Твой Атос. Постскрипtum: ну а если мы все-таки сложим голову, так ведь за нами двинется вся Земля!»

Ваня дослушал до конца, посвистел мотивчик из Г.Гладкова и взглянул на Тзану. Ах, хороша она была в тот момент: свернулась калачиком в глубоком кресле Портоса, загорелая, чистенькая, в короткой юбочке и просторном жакете без рукавов. На его взгляд она ответила безмятежным взглядом огромных зеленых глаз.

— Если ты погибнешь, я умру, — сказала она.

Ваня пожал плечом.

— Как-нибудь, — произнес он. — Отец один раз уже погиб из-за этих мерзавцев. Не ему же идти... И потом: пуркуа па?

— Конечно! — согласилась она с улыбкой на нежных розовых губах. — Пуркуа па? Я всего-навсего сказала, что, если ты погибнешь, я умру. Подумаешь, большие дела... Не обращай внимания.

Ваня отвернулся и тронул пальцем клавишу. Запись стерлась. Он поколебался, оглядываясь, потом махнул рукой:

— Все. Попрощались. Пошли, Принцесса.

Она легко, как муха со стены, вылетела из кресла и оказалась возле него.

— Ваня! — прошптала она. — Мой Трубадур! У вас на Земле ведь это единственный вид собственности?

И час спустя они были на берегу Ледовитого океана.

Атос, Арамис и флагман Макомбер сидели на веранде за столом, тут же на перилах восседал Двуглавый Юл, весь, от обеих шей и до ступней затянутый в трико цвета яичного желтка. Он яростно вращал своими тремя глазами и хрипло орал в две глотки, распространяя в свежем солоноватом воздухе сернистые испарения:

— Это я расцениваю как недоверие! Саботаж энтузиазма! Конечно, вы всякие такие и сякие флагманы-мушкетеры, мастера-ученыс-химики-резинщики, мудрецы-благодетели, а я всего лишь любительский футболист, презренный вратарь, да еще двухголовый, сомнительный, несчастный изгнанник, пария, землянский пленник! Души у меня нет, совести нет, пистолетов нет, можно обижать и не оглядываться! А что у меня в груди все горит, двадцать ваших лет с Великим Спрутом поквитаться хочется — этого вы в ограниченной мудрости своей допустить не можете! Да они там как увидят вас без меня, гордого, готового, двухголового, они же вас сразу к стенке! Я же не на фук иду, я же понимаю, вы мне не верите, вам наплевать, что тогда великий доктор Итай-итай говорил, вы на это сморкнулись и забыли, так я же заложников оставляю, двух заложниц, которых вы все, вместе взятые, не стоите, сообщаете? Поликсену Митрофановну из детского сада номер сто тридцать один и медведицу мою белопушистую, прекрасную Алеоуолу, ей же цены нет, одного нутряного сала кило с пятнадцать, высшего качества! Знаю, унижаюсь я, оба лица теряю, но на коленях прошу: возьмите с собой! Дело ведь принципиальное! Я ведь и до Всемирного совета дойти могу, вы меня еще не знаете! Вы все думаете: футболист, да еще вратарь, а я ведь могу, я еще очень и очень могу!..

Он ревел, рычал, тыкал костлявым пальцем в собеседников и в пространство за пределами веранды, а Атос, Арамис и флагман Макомбер серьезно слушали и кивали.

— Если уж на то пошло, так не трусливее я вас, жизни

для дела никогда не жалел, а что вы меня тогда взяли так сила солому ломит...

Тут-то и раздалась в саду песня, хрипловатый мужской и звонкий девичий голос:

Ничего на свете лучше не-ету,
Чем бродить друзьям по белу све-ету!
Тем, кто дружен, не страшны тревоги,
Нам любые дороги доро-оги...

Двуглавый Юл на полуслове захлопнул обе пасти, все повернулись лицом к саду, а из-под яблонь ужс выходили, держась за руки, Ваня и Тзана с планеты Бангу.

— Привет, дядя Атос! — вскричал Ваня, поднимаясь на веранду. — Привет, дядя Арамис! Здорово живешь, старый Юл! А это флагман Макомбер, если не ошибаюсь? Здравствуйте, очень польщен!..

— Ты? — изумленно спросил Атос, подняв брови. — А где же отец?

— Я ЗА НЕГО! — со страшной интонацией откликнулся Ваня.

Пораженные Атос, Арамис и флагман Макомбер переглянулись, а Двуглавый Юл, осклабясь обеими рядами щучьих зубов, лязгнул в костлявые ладони.

— Здравствуйте, дядя Атос, — серебряно прозвенела Тзана, делая книксен перед мастером.

Атос хмуро кивнул.

— Здравствуйте, дядя Арамис!

— Здравствуй, киска, — рассеянно отозвался Арамис.

— Здравствуйте, флагман Макомбер!

Флагман Макомбер встал, очень серьезный и сосредоточенный, и наклонил голову.

— Рад сделать знакомство, мисс, — произнес он.

— Здравствуй, чудище, — сказала Тзана, повернувшись к Двуглавному Юлу.

Двуглавый Юл воссиял. Двуглавый Юл спрыгнул с перил и распахнул длани. Двуглавый Юл обнял Тзану за узкие плечи и поцеловал в лоб — сначала правой головой, затем левой. Двуглавый Юл сказал:

— Здравствуй вечно, звездочка! И чего ты такая тощая? И здоровенькая ведь, а все тощая и субтильная. А я тебе куклу смастерил, ужо подарю, в конуре она у меня... Ты как? Жизнью довольна? Ванька тебя не обижает? Если что, ты мне скажи, я ему... это самое... шею... общественное пощипание... А?

И Двуглавый Юл, бывший лютый пират и многоразовый убийца, повернулся к Ване и игриво ткнул его в бок железным пальцем.

— Ты мне смотри насчет Тзаночки-то, слышишь? — проворковал он.

Неизвестно, чем бы закончилась эта трогательная сцена, но тут из-за дерзвеев появилась массивная слонново-пингвинья фигура, и наглый скрипучий басок проговорил:

— Это сюда меня вызывали? Я не ошибся?

Двуглавый Юл взглянул и выпучил глаза.

— Ба! — возопил он. — Старый хобот! Крылатый боров! И ты здесь? Явился, за сто лет не запылелся! Ха, вся старая гопа в сборе! После стольких-то годочков...

— Помолчите, Юл, — строго произнес флагман Макомбер. Кажется, он первым вышел из психического ступора, вызванного появлением Вани и его подруги. — Помолчите и дайте возможность работать. — Он обратился к слонопингвину: — Да, Мээс, вас вызвали сюда. Вы не ошиблись. Поднимитесь на веранду.

Мээс, шурша концами перепончатых крыльев по доскам ступенек, опасливо поднялся. Вид у него был такой, словно он в любую минуту ожидал оплеухи.

— Заявляю официально, — произнес он, безошибочно останавливаясь перед флагманом Макомбером и глядя свинячьими глазками поверх его головы. — Заявляю немедленно и официально. Мое обвинение директора заповедника в поощрении вверенного ему кошачьего контингента к распутному поведению является ошибочным. Признаю ошибку. Официально. Исключительно по причине усердия и рвения, а также недопущения. Готов понести заслуженный выговор.

— Во сволочь! — восхищенно произнес Двуглавый Юл.

Ваня взял Тзану за руку и отвел ее в угол веранды. Усадив девушку в соломенное кресло, он встал за ее спиной и устремил скучающий взгляд в океанские просторы.

— Мээс, — строго сказал флагман Макомбер, — нас не интересуют ваши мелкие гадости в Сайылыкском заповеднике. Хотя, движимый соображениями гуманности, свойственной каждому гражданину Человечества, должен вас предупредить, что когда-нибудь вам все-таки вржут по-настоящему. Терпение граждан Человечества велико, но не беспредельно.

— Хобот тебе оторвут, бурдюк злоуханный! — ликующе объявил Двуглавый Юл.

— Помолчите, Юл, — сердито сказал флагман Маком-

бер. — Так вот, Мээс, ваши дурацкие интриги здесь никого не интересуют, и вызвал я вас сюда не для этого.

— Я повергаю себя на ваш суд, флагман Макомбер, — смиренно проскрипел Мээс. — Уповаю же только на вашу справедливость.

Старый скот не выразил никакого удивления при виде людей, которых он так хорошо знал (всегда запоминаются люди, которые с пистолетом наготове ведут тебя по твоему же собственному логову). Он сообразил, что бить и таскать за хобот здесь, пожалуй, не будут, и слегка успокоился. Впрочем, тут же выяснилось, что успокоился он рано.

— Вам представляется случай, — сказал флагман Макомбер, — оказать приютившему вас Человечеству большую услугу.

— Всегда готов! — сейчас же брякнул Мээс.

— Мы снаряжаем экспедицию в нынешнее логово Великого Спрута и предлагаем вам принять в ней участие.

На обширной сероватой физиономии Мээса явственно выступили пупырышки неодолимого ужаса, он стал медленно пятиться, пока не уперся кожистыми крыльями в перила. Затем он поднял бледную четырехпалую руку и помахал ладонью перед глазами.

— Ни! За! Что! — проскрежетал он.

— Прекрасно, — удовлетворенно сказал флагман Макомбер. — Вы удовлетворены, Атос? Так. И вы, Арамис? Я тоже. Наш морально-этический долг выполнен. Констатирую, что присутствующий здесь временный гражданин Человечества Мээс категорически отказался принять участие в действиях против Великого Спрута.

— Ни в! Коем! Случае! — прошипел Мээс словно при последнем издыхании.

— Мы поняли, — хладнокровно сказал флагман Макомбер. — Юл, окажите нам любезность, проводите Мээса к себе в конуру. Завтра утром мы отправим его обратно в этот его кошатник, и чтобы впредь духу его не было еще где-нибудь на этой планете!

Почти в полуобморочном состоянии, кланяясь и бормоча слова благодарности, Мээс стал сползать по ступенькам веранды. Двуглавый Юл последовал за ним, похохатывая и подгоняя его безболезненными пинками.

— Давай двигай, — приговаривала его левая голова. — Ползешь, как вошь по мокрому месту, колченогий хобот...

И вот, когда они скрылись за углом виллы, на середину веранды выступил Ваня.

— Как я понимаю, — ясным голосом произнес он, — здесь происходит военный совет. Издревле полагалось на военных советах первым выступать младшему. Что ж... Я не говорю о флагмане Макомбере, с которым мы видимся впервые, но все остальные, здесь присутствующие, знают меня давно и любят меня. Конечно, по-разному. Вы, дядя Атос. Вы, дядя Арамис. Ты, Принцесса. И временно удалившийся отсюда двухголовый Юлька, тетешкавший меня, когда я делал в пеленки...

— Кажется, я тоже люблю... — проворчал флагман Макомбер.

Ваня весело на него взглянул.

— Спасибо, дядя флагман. Так вот. Я все знаю — прочел вашу депешу папе. Я умсю стрелять из восьми видов оружия, выжимаю левой рукой пятьдесят килограмм, могу пробыть под водой без маски четверть часа. Прошу об одном. Папе и маме ничего не сообщать, пока эта история не закончится. Предлагаю состав разведывательно-диверсионной группы: флагман Макомбер — командир, Двуглавый Юл и я. Лучше не придумааете.

Вот так.

Флагман Макомбер невольно кивнул.

Атос зажмурился.

Арамис невесело усмехнулся.

Эти люди никогда не поддавались страху за себя. И никогда не сомневались в мужестве ближних. Но...

— Как же Галя? — пробормотал Атос. — Как же Портос?

— Портосу было как раз восемнадцать, когда он таранил контрактор, — жестко сказал Арамис.

— Утверждаю, — произнес флагман Макомбер, уполномоченный Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

И все, и с ними Ваня, встали. Никто не решился взглянуть на Тзану, сидевшую в углу в соломенном кресле. Она безмятежно улыбалась. Но как же не улыбались ее огромные зеленые глаза!

.....

Около полуночи Арамис бросил Атоса и флагмана Макомбера и, отдуваясь, выбрался на веранду. «Ежу же ясно, — устало-разъяренно бормотал он. — Элементарная деформация пространства-времени в складках десплузионных слоев при наложении параллельных пространств... В этом только солдаты да техники могут сомневаться...» И он, морщась, трогал кончиками пальцев висок, где пульсирующе

ныло от непрерывного треска печатающих устройств, выдававших бесконечные ленты суждений крупнейших авторитетов из Академии наук, а также предложений руки и меча от бывших соратников флагмана Макомбера.

Мягко сияло на шалонике полночное солнце, с шелестом накатывались на галечный берег черные волны, сонно почирикивали птицы в ветвях северных яблонь... а вот гренландские киты уже прошли на восток, и прохладный ветер с океана не доносил ни звука.

Ваня сразу же, как только закончился военный совет, куда-то улетел. Знакомиться с научно-техническими ориентировками из Академии наук он отказался. «У меня свои источники информации, — загадочно сказал он. — Посмотрим, чьи вернес...» Поцеловал Тзана и исчез.

А Тзана стояла у перил веранды и смотрела в океан. Когда вошел Арамис и повалился в кресло у стола, уставленного местными яствами и всепланетными напитками, она не обернулась, но через минуту произнесла:

— Дядя Арамис, ведь у вас есть дети?

Арамис, соорудивший себе увесистый бутерброд из крабов, морской капусты и майонеза, задумчиво замер.

— Хм... — проворчал он. — Как тебе сказать... Что-то такое безусловно есть. Дома всегда толкутся какие-то сопляки и соплячки. Меня они любят, я их тоже...

Тзана, по-прежнему не оборачиваясь, проговорила:

— А вот у меня, может быть, никогда не будет детей.

Арамис не нашел что ответить. Впрочем, он и не искал.

Если бы кто-нибудь в эту ночь отошел от крыльца веранды на десяток шагов к югу, то, оказавшись над распахнутым люком в конуру Двуглавого Юла, услышал бы возбужденные голоса.

Двуглавый Юл не пожалел для старого врага царской водки, и Мээс был вдребезги пьян.

— Я жалок! — рыдал он, топорща крылья. — У меня нет Родины! Все они там взяли в хоботы оружие, а я сбежал!.. Сбежал, как последняя гадина! Предал всех! Ты меня понимаешь, Юл? Повесь меня! Повисну с удовольствием! За хобот!

Ему ответил рокочущий баритон правой головы Двуглавого Юла:

— Дрыхни, скотина. Ложись и дрыхни. Ишь, развоевался, виселицу ему! Да кому ты нужен, слонопингвин недоделанный! Вонизи от тебя не оберешься — вешать тебя... Дрыхни, тебе говорят, а то сейчас по ушам!

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 20-го июля 2222-го года нашей эры, от начала же Великой Революции — 305-го.

Прекрасен и обычен был этот день для всего Человечества — за исключением нескольких сотен граждан его, участвующих в операции «Контратака вовнутрь».

В полдень по мировому времени трос из них высадились с гидроплана на северном берегу острова Черная Скала. Пилот, всю дорогу молчавший, пожал на прощанье с хрустом три руки, а перед тем, как дать газ, вдруг проорал на весь Великий, или Тихий, океан:

— Если что с вами случится, пусть эта сволочь знает — мы разметаем чертовское гнездо, мы перероем все пространства и времена, но отыщем их притон, и тогда мы сожжем мерзавцев, так что и воронам нечего будет расклеивать!..

На это флагман Макомбер, быстренько оглядевшись, проворчал:

— Ну-ну, не надувайтесь так, не надо. Чтоб разметать и сжечь, кому ума не доставало?

Ваня изобразил на физиономии милую улыбку.

А Двуглавый Юл слегка задрожал в душе: он-то знал, что угроза пилота — ох, какая не пустая похвальба! Воображение у бывшего пирата было, прямо скажем, довольно тусклое, но и сго достало на то, чтобы отчетливо представить себя на месте Великого Спрута, когда земляне... Двуглавый Юл снова слегка задрожал и постарался думать о приятном. При этом он машинально поправил черную повязку на правом глазу правой головы.

Гидроплан улетел, и они остались одни.

Собственно, что значит — одни? Позавчера случайно пролетавший над островом вертолет с опознавательными знаками Морветслужбы уронил по рассеянности на скалы и в прибрежные воды полторы тысячи бесцветных капелек величиной с булавочную головку, полторы тысячи нейтринных телепередатчиков, немедленно начавших неутомимые репортажи об острове и сго ближних окрестностях на полторы тысячи экранов в штабе на шестнадцатом этаже Дворца Совета.

Необходимо было увидеть, как это произойдет.

А вообще-то говоря, подходящая гипотеза была выработана и признана наиболее полно отвечающей известным фактам. Современная наука уже утвердилась в представлении о Метакосмосе как о совокупности всех мыслимых и не-

мыслимых пространственно-временных систем. Известны были пространства параллельные и перпендикулярные, пространства с прямым, обратным и ортогональным течением времени, вероятностные пространства с числом измерений большим и меньшим трех, пространства, замкнутые на себя, и пространства, разомкнутые в реальную бесконечность, и прочие головоломные, представляемые только математически квази-, псевдо- и эзкосмосы, которые простому человеку, какому-нибудь художнику или артисту не приведи бог пригрезить в час отдыха после слишком плотного обеда. А уж коли приснится такое простому художнику или артисту, то выскочит он из гамака или из покойного кресла, задыхаясь, отплеываясь, ошалело поводя налитыми глазами... и побежит наш художник-артист, даже не причесавшись, к любимой своей жене или невесте и трясущимся голосом потребует, чтобы она поклялась ему немедленно, что никогда, никогда, никогда... а что «никогда», он и не выговорит, потому что и сам не знает...

В частности, разработана была гипотеза так называемой «матрешки пространства». Разработали ее давно, да так и забыли за совершенной непрактичностью, суть же ее заключалась в признании возможности системы пространственно-временных континуумов, вложенных друг в друга на манер известной древнерусской игрушки. Метрика этих вложенных друг в друга космосов строго скоррелирована известным постулатом, гласящим, что произведение мерности на темп течения времени есть всегда величина постоянная. Попросту говоря, ежели в каком-нибудь космосе, «вложенном» в наш Космос, длина волны излучения данного атома в миллион раз короче, чем у нас, то и время там бежит со скоростью, в миллион раз большей. Элементарные расчеты показали, что космосы большей и меньшей мерности, чем наш, менее стабильны, и теоретически не исключена возможность проделывать из них «дыры» или «воронки» в любую точку нашего пространства при весьма незначительных энергетических затратах. По мнению Арамиса, подкрепленному высказываниями мощных специалистов Земли и дружественных миров, такой хитроумной скотине, как Искусник Крэг, удалось создать устройство для хулиганских нападений на наш Космос изнутри. Итак, противник удрал с Планеты Негодаев вовсе не в систему безымянной нейтронной звезды... Нет, с этими гипотезами об иномерных вселенных можно голову потерять... Конечно же, бежали они в систему именно безымянной и именно нейтронной звезды, только не

в нашем Космосе, а в одном из тех, что буквально у нас под ногами. Там ведь тоже вселенная на миллиарды световых лет, со своими галактиками и со своим разумом, только слегка менее стабильная, нежели наша... Там противник, конечно, съезился, может быть, даже раз в десять, значит, и время течет для него в десять раз быстрее. Старость не радость, вот тут-то и понадобился срочно чудо-доктор Итай-итай... Но это уже соображение несколько житейского, так сказать, порядка, а гипотеза не исключала, что тяготящиеся массы в соседствующих «матрешках» как-то привязаны друг к другу, и тогда что же — внутри нашей Земли, на расстоянии мерного перехода тоже... планета?

Гипотеза эта получила подтверждение со стороны совершенно неожиданной. Как мы знаем, сразу после военного совета Ваня устремился к некоему своему источнику информации. А дело в том, что был ему известен и благополучно жил на свете вот уже шестое столетие некто Пупа, более известный широким культурным массам как литературный персонаж под именем Пузатый Пацюк.

Происхождение его было покрыто мраком неизвестности. Решительно никто не знал, был ли он человеком или реликтом тех диковинных культур, что процветали на нашей планете задолго до того, как первый питекантроп насадил волосатой лапой на дубину булыжник с дыркой, а затем сгнули по несущественным ныне причинам.

Насколько помнит себя Чудное Приднепровье, проживал Пупа всегда в одном и том же месте — сначала в пещере, затем в землянке, а с восемнадцатого века уже в белой хате на правом берегу Ворсклы в десятке верст к северу от славной Полтавы; в грозные годы нашествий и гражданских смут уходил вместе с партизанами в леса; занимался знахарством в самом широком смысле этого слова, прочно стяжал себе репутацию знатока, панибрата и чуть ли не вождя так называемой нечистой силы, досуги же свои отдавал гастрономическим наслаждениям галушками в юшке из телятины и варениками со сметаной, а то и горилкой.

В описываемое время чисто выбеленная хата его с приусадебной бахчой и пчельником стояла в плотном окружении цельнометаллических клунь, и окрестные ребятишки, великие знатоки нейтринного моделизма, внепространственных двигателей и подводного спорта, постоянно лазали к нему за арбузами и дынями, а он делал вид, будто ничего не замечает, только фыркал в сивые висячие усы и учинял так, что арбузы и дыни у него не переводились.

Время от времени, помимо неслыханного аппетита, симпатий к детишкам и знахарских талантов, проявлял Пупа и способности другого рода. В наш век неслыханного расцвета позитивных наук и технологического прогресса, в наш сугубо рационалистический век, нет-нет, а забрезжит ни с того ни с сего то у одного, то у другого смутная, туманная надежда на интуитивное знание, на кратчайший путь в поиске истины. И вот случалось, и даже по нескольку раз в год, что переступали порог Пацюковой хаты блестящие ученые и мастера из Москвы, из далекого Хошимина, из еще более далекого Макарова на Титанс, являлись и с робкой поспешностью излагали лелесную идею, заветный планчик, сердцем выношенный проектец, ожидая только ответа: выйдет затея или не выйдет. Странно это и пока совершенно необъяснимо, но только Пупа никогда не ошибался. Погладит, бывало, себя по гигантскому чреву и коротко буркнет: «Выйдет. Валяй». И обязательно выходило. Конечно, через большой труд, все равно через уйму усилий, но ведь всегда выходило, как хочешь, так и понимай! Но уж если Пупа изрекал: «Не дело. Брось», тогда уж все. Можешь всю жизнь биться, ничего у тебя не получится. Даже у маститых академиков бывало выражение «сходил к Пупе» — это когда кто-нибудь из коллег, увлеченный искрометной мыслью, вдруг внезапно к ней охладевал и обращался к чему-нибудь совершенно иному.

Вот к этому-то Пупе, к Пузатому Пацюку, и направился Ваня после военного совета.

И все пошло по сценарию с кузнецом Вакулой, столь дивно выписанному веку назад великим Гоголем.

Не без робости отворил Ваня дверь и тут же увидел Пупу, сидевшего на полу по-турецки перед стареньким магнитофоном, на крышке которого стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Склонив слегка голову к миске, он хлебал превосходный бульон, схватывая по временам зубами галушки. И видно, крепко он был занят галушками, потому что, казалось, не заметил прихода Вани.

— Я к вашей милости, товарищ Пацюк, — сказал Ваня, кланяясь и улыбаясь самой своей простодушной улыбкой.

Пупа поднял голову и снова склонился к галушкам.

— Объявились у нас злодеи, — сказал Ваня, — а где они, как до них достать, мы не знаем...

Пупа взглянул и снова принялся за галушки. Ваня кашлянул.

— Всем известно, товарищ Пацюк, — произнес он, кланяясь снова, — что вы многое знаете из того, чего не знает никто. До злодеев же надо добраться поскорее, пока они новых черных дел не натворили... Скажите, как быть?

— Когда нужно злодеев, то и ступай к злодеям, — ответил Пупа, продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришел к вам, — ответил Ваня, отвешивая новый поклон. — Кроме вас, думаю, никто на свете не знает к ним дороги...

Пупа ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделайте милость, товарищ Пацюк, не откажите! — наступал Ваня. — Новую ли книжку, билетик на премьеру ли, на вернисаж, ну, марсианской бормотухи бутылочку, живого ледку с Тибета или иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажите только, как, примерно сказать, попасть к злодеям в гнездо ихнее?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого злодеи под ногами, — произнес равнодушно Пупа, не изменяя своего положения.

Ваня прищурился, соображая, затем снова уставился на Пупу. «Ну, еще словечко, еще словцо!» — безмолвно спрашивала его мина, а полуотверстый от напряжения рот готовился проглотить, как галушку, это жданное слово. Но Пупа молчал.

Тут заметил Ваня, что ни галушек, ни магнитофона перед ним не было, но вместо того на полу стояли две серебряные миски: одна была наполнена варениками с вишней, другая — сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на это кушанье. «Посмотрим, — проговорил он сам себе, — как будет Пупа есть вареники. Наклониться слишком низко ему неловко, брюхо мешает, да и смысла нет — нужно вареник сперва обмакнуть в сметану...»

Только что успел он это подумать, как Пупа разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. И тут же вареник выплеснулся из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал Пупе в рот по сивые усы.

«Телекинез! Вот это мастер!» — подумал Ваня и тут же обнаружил, что и к нему в приоткрытый рот лезет обсметанный вареник, да такой отличный, смачный, благоухающий вишневой пеночкой. И съел Ваня этот вареник и облизнулся, и съел еще один, и еще один, и еще десяток, и тогда Пупа сказал, обтирая губы салфеткой:

— Ступай, Ванька. Я тебе все сказал. Злодеев искать не придется, сами придут. Ты только там не сдрейфь. Ступай. Ваня поклонился в последний раз и опрометью выскочил из хаты.

Об этом вспомнилось ему теперь здесь, на Черной Скале, когда стоял он у самой кромки воды, засунув руки в глубокие карманы пятнистого десантного комбинезона, а еще вспомнились ему полные безнадежного отчаяния глаза Тзаны, когда прощались они на вилле Атоса, и мама с отцом, и еще столь многое сразу, что даже странно становится, право, сколько воспоминаний помещается в восемнадцатилетнем парне!

8

В трех шагах от Вани сидел на обломке скалы флагман Макомбер в такой же пятнистой форме, посвистывал сквозь зубы и думал безотчетно о том, что все еще пованивает здесь мазутом, а вспоминалась ему встреча час назад на гидропланной базе с человеком мужественного облика, который подошел к нему, стеснительно поздоровался и сказал:

— Флагман Макомбер, если не ошибаюсь?

— К вашим услугам.

— Вы меня не помните, конечно... Старик Саша я, Александр Кушнер, старший хирург «Моби Дика»...

— А! — сказал флагман Макомбер. — Это вы сообщили о несчастных тюленях...

— Да-да, я, однако не в этом дело... Мы с вами встретились однажды лет двадцать назад здесь неподалеку, у дядюшки Витемы...

— Ага, как же, как же... Дядюшка Витема, «Одинокий ландыш»... Отличный дядька, отличная индейка под гвоздичным соусом... Как он поживает?

— Не знаю, он уехал куда-то... — Старик Саша, он же Александр Кушнер, помялся немного, затем проговорил: — Скажите, флагман, вы не помните?.. Галя. Девушка такая была с нами в тот вечер у дядюшки Витемы... Вы ее потом не встречали?

Флагман Макомбер проницательно на него посмотрел.

— Встречал, — ответил он. — Даже неоднократно.

— Ну, и что она?.. Как она?..

— По-моему, неплохо. Работает. Замужем. Да вот ее сын стоит, он тоже в моей группе.

Старик Саша смутился. Старик Саша конфузливо улыб-

нулся. Он словно бы осознал, с какими пустяками пристаёт к человеку, уходящему сейчас в смертельно, может быть, дело. И он промямлил неловко:

— Значит... гм... вы идёте... туда... гм...

— Значит, идем, — ответил серьёзно флагман Макомбер.

— А вы их здорово ненавидите? — спросил вдруг Старик Саша.

Флагман Макомбер изумленно воззрился на него.

— Мой друг, — произнёс он, беря Старика Сашу за пуговицу. — Усвойте одну важную вещь. И усвойте навсегда. Ненависть — это персгной страха. А я никогда никого и ничего не боялся. Они меня раздражают, это так. Но ненавидеть? Отщепенцев этих? Как бы не так!

Тогда он потрепал Старика Сашу по плечу, а теперь вспомнил о нём с рассеянным ощущением приязни.

Двуглавый же Юл развалился рядом на камнях, подперев левую голову могучей дланью. Был он в боевой своей черной одежде и черных перчатках, изготовленных неведомыми умельцами неведомых миров, только кобуры на поясе были у него пустые. Штаб объявил, что по весьма веским причинам морально-этического свойства группа пойдёт в дело без оружия. Этого Двуглавый Юл не хотел и не мог понять, но, во-первых, его не спрашивали, а во-вторых, как опытный вояка он прекрасно понимал другое. Оно конечно, куда как славно было бы ввалиться в логово Великого Спрута на какой-нибудь этакой машине, комбинации глубоководного танка и позитронного эмиттера, оснащенной вдобавок еще и силовой защитой, да ведь перед таким гостем подлец Крэг нипочем свои ворота не откроет — «дыру», «воронку» или что там у него... Про личное оружие и вообще думать не приходилось. Уж он-то хорошо знал холуев Великого Спрута; эти бандиты, полоумные и истеричные мерзавцы, при виде пистолета или даже простого охотничьего ножа и рта не дадут никому раскрыть, тут же примутся палить из автоматов и швырять бомбы...

Сейчас, прислушиваясь к плеску прибрежной волны, правая голова его размышляла о том, что не зря, ой, как не зря вылечил его двадцать лет назад чудо-доктор Итай-итай от всех болезней, в том числе и от алкоголизма, но оставил то, что под черной повязкой на месте правого глаза. Левая же голова простодушно дивилась неисповедимым причудам судьбы: снова занесло его на этот неказистый остров, где он провел пленником без малого три года, привыкал к Земле и землянам, учился доброте и пониманию в обществе здешних

тюленей... а их детей и внуков безжалостно и походя утопили в мазуте... а какой прекрасный народец был...

Двуглавый Юл посмотрел на Ваню, и вдруг тоска и ярость охватили его. «Ну, Ваньку я им на муки не отдам! — с лютой злобой подумал он. — Как там ни пойдут дела, а их сто ляжет и я сто первым, прежде чем они до Ваньки доберутся...»

Ваня стоял на берегу и напевал вполголоса:

Почетна
И завидна наша роль,
Да наша роль, да наша роль!
Не может
Без охранников король!
Величество должны мы уберечь...

Час пробил.

Широкая багровая тень пала с синего неба на северный берег Черной Скалы, невидимый и неслышимый вихрь подхватил наших троих героев и швырнул в бездну вместе с ключьями соленой океанской пены, охапкой высохших водорослей и десятком булыжников, отдающих мазутной вонью...

.....
Да, пробил 13-й час.

В зале на шестнадцатом этаже Дворца Совета погасли все полторы тысячи экранов нейтринных телеприемников.

Тонким звоном прозвучали на пультах сигналы с гравитационных пеленгаторов, и в трехмерной схеме окрестностей Черной Скалы возник красный шарик — проекция пятимерного устья «воронки», или «дыры», если угодно, открывшейся в наше пространство.

Снова зажглись экраны, но больше не было трех фигурок на каменистом берегу острова, их словно королева языком слизнула. Зато вынырнула из-за горизонта и стремительно понеслась на зрителей серая, тускло отсвечивающая на солнце масса.

— «Георгий Гречко» пошел! — прошептал кто-то.

Да, это был межпространственный космоход «Георгий Гречко», стометровый утюг, ошетиленный гравитонными пробойниками, с округлым чехлом биопарализатора на корме. В трехмерной схеме он возник в виде золотой звездочки, которая устремилась к красному шарик и тут же с ним слилась, а на экранах он через секунду уже с неяркой вспышкой исчез на фоне синего неба — выскочил из нашего пространства в не успевший еще затянуться тоннель слабину от «воронки» между пространствами.

— Двадцать одна секунда, — бесстрастно доложил робот-оператор.

Это означало, что «Гречко» втиснулся в межпространственный переход через двадцать одну секунду после закрытия «воронки».

Снова погасли и сейчас же зажглись нейтринные экраны, но никто уже на них не смотрел. Все уставились на экран темпорального индикатора. От того, что он покажет, зависело многое.

И вот появилось число: 0.0002.

По залу пронесся долгий вздох. Кто-то шепотом выругался. Атос мертвой хваткой вцепился в руку Арамиса.

— Ай-яй-яй, как скверно! — проговорил председатель Комиссии по чрезвычайным происшествиям.

Две десятитысячных секунды! Всего на такое мизерное время открылась «дыра» в наше пространство. Но чтобы понять, почему это обстоятельство повергло зал во Дворце Совета в разочарование и растерянность, надлежит нам прибегнуть к арифметике.

Выше уже говорилось, что по теории «матрешки пространств» темп времени в иных пространствах должен быть либо выше, либо ниже, нежели в нашем. Некоторые обстоятельства, о которых здесь не стоит упоминать, заставляли предположить, что в нынешнем логове Великого Спрута время течет быстрее, чем у нас. Насколько быстрее? Вдесятеро? В сто раз? Никто этого не знал, но сто раз, триста раз — это был предел, допускавшийся самыми осторожными специалистами.

Что же оказалось на самом деле?

«Дыра» открылась на две десятитысячных секунды.

Даже если предположить, что машинерия Искусника Крэга работает столь же оперативно, как самые совершенные межпространственные аппараты землян, все равно противнику должно было понадобиться не менее десятка секунд своего времени, чтобы открыть «дыру», втащить к себе в облаке мазутной вони флагмана Макомбера, Ваню и Двуглавого Юла и снова закрыть «дыру». Но для нас этот десяток секунд продолжался всего две десятитысячных секунды! Почти всем организаторам операции «Контратака вовнутрь» под силу было решать в уме дифуры, а уж о простой арифметике и говорить было нечего.

Итак, время в пространстве противника текло быстрее, чем в нашем, в десятки тысяч раз!

Это было ужасно. Это было ужасное, вопиющее, именно

фантастическое свинство со стороны теории вероятностей, теории «матрешки пространств» и любых теорий вообще, ибо отсюда неумолимо следовало: за те двадцать секунд, которые понадобились могучему космоходу «Гречко», чтобы добраться до устья «воронки», плюс за те секунды, которые понадобились ему, чтобы по гравитационным завихрениям протиснуться в пространство противника, там прошел не час-полтора, как планировалось, а многие сутки, может быть, и месяцы, и все это поистине бесконечное время наши герои сражались там... или, скажем уж откровенно, были там сражаемы без всякой поддержки.

Конечно, оставалась еще слабенькая надежда на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на извечную бандитскую склонность спасти свою шкуру за счет шкуры подельщика... и что ни говорите, а неуязвимый «Георгий Гречко» уже там...

Но надо было смотреть правде в глаза. Земля рискнула, и Земля проиграла первый раунд. Противник вел со счетом 1:0.

9

На самом же деле противник вел со счетом 2:0.

Замысел операции «Контратака вовнутрь» был прост как пареная репа. Тройка храбрецов сознательно подставлялась как наживка. Сглотнув эту наживку, противник неизбежно оставлял след в пятимерном гравитационном поле. След этот в виде ламинарных осцилляций держался в межпространственных паузах неопределенно долго, и для гравитонных пробойников космохода «Георгий Гречко» он был все равно что валерьянка для кошачьего носа. По замыслу операции «Гречко» должен был ворваться в пространство противника через час-полтора после захвата группы, и тогда уже разговор был бы другой — вплоть до мгновенного поворачивания всей органической и неорганической жизни в логове Великого Спрута в безболезненный, но глубокий сон на сколько понадобится. Эти самые час-полтора представлялись организаторам и исполнителям операции самым опасным, даже смертельно опасным этапом. Обнаружив, что чудо-доктором среди захваченных и не пахнет, осатаневшие бандиты могли их просто-напросто персебить на месте. Что ж, к этому земляне были готовы. Все-таки главной целью операции было обнаружить противника и полностью и навсегда его обезвредить. С точки зрения флагмана Макомбе-

ра, Вани и Двуглавого Юла, игра, безусловно, стоила свеч, остальные же ничего лучшего предложить не могли.

Впрочем, по мнению землян, имелся весьма жирный шанс на то, что противник поопасется делать сразу же резкие движения. Нормальный расчет на благоразумие мерзавцев, на их страх перед возмездием, на их готовность в любой момент спасти свою шкуру за счет шкуры соучастников. Флагман Макомбер рассчитывал так или иначе втянуть главарей в переговоры, убедить их в том, что на чудо-доктора надеяться не приходится, а надеяться следует исключительно на добрую волю Земли и на ее медицину, тоже, кстати, весьма неплохую, а для этого лучше всего, не теряя драгоценного времени, задрать конечности вверх и сдаться на неизреченную милость самой гуманной расы в обозримой Вселенной, и это было бы тем более разумно, что вот-вот, следом за ним, флагманом Макомбером, и его друзьями придет некто, с кем уже не очень-то поразговариваешь...

Разумеется, и на таком пути могли возникнуть всевозможные оскорбления, вплоть до обмена оскорблениями действием, но это уже, как говорится, издержки смелого предприятия, а вообще-то шанс продержаться час-полтора у наших героев, несомненно, как они считали, был. Но!

Во-первых, как мы уже знаем, могучий космоход «Георгий Гречко» никак не мог появиться в пространстве противника ни через час, ни через полтора часа, и разведывательно-диверсионная группа флагмана Макомбера оказалась предоставлена самой себе на куда более значительное время.

Во-вторых, бандиты хотя и не перебили наших героев на месте, но и не дали им никаких шансов затеять переговоры.

Похождения группы в логове Великого Спрута будут описываться здесь главным образом со слов и с точки зрения Вани, сына Портоса, интраоптика и бродячего артиста. Причин тому несколько, кое-какие из них выяснятся в ходе повествования, но главная состоит в том, что именно из Ваниного рассказа, изобилующего деталями и эмоциями, составилось у нас наиболее яркое, наиболее красочное, наиболее отчетливое представление о событиях.

Прежде всего выяснилось, что даже хорошо закаленный человеческий организм совершенно не подготовлен к тому, чтобы его протаскивали сквозь уровни «матрешки пространств». Ужасные ощущения, которые испытывал при этом Ваня, описанию не поддаются. Однако во всех временах и во всех пространствах вссму на свете приходит конец. Ваня почувствовал, что его перестали прокручивать на ги-

гантской мясорубке, и ужасные ощущения сго покинули, оставив после себя медленно гаснущие искры под зажмуренными веками, утихающий звон в ушах, сильный медный привкус во рту и зуд по всему телу от лица до пяток. В нос была гниловатая вонь болотных испарений.

— Готово! — проскрипел отвратительный голос. — Вот они, голубчики! А ну, мокрицыны дети, берись! Этого в «синий тресфовый», этого в «черный бубновый», а этого, двухголового, ко мне в «особую», сама им займусь!

Ваня глаз разжмурить не успел, как вонючие мохнатые лапы подхватили сго и поволокли куда-то. Он попытался было воспротивиться, но на сго голову обрушился тяжелый мягкий удар, и он тут же обмяк.

Нет, никаких переговоров не получилось. Сразу по прибытии их растащили по разным помещениям и принялись допрашивать.

Ваня оказался в кубическом помещении размером примерно 3х3х3 метра со стенами из ржавых железных листов и с белым потолком, посередине которого красовалось изображение бубнового туза черного цвета. Два огромных тарантула, покрытых редкой щетиной по белесой шкуре, с ловкостью, свидетельствующей о богатой практике, мигом оплели Ваню по рукам и ногам липкой паутиной толщиной в мизинец и встали перед ним, угрожающе покачиваясь на растопыренных мохнатых лапах, злобно уставившись на него тусклыми пуговицами глаз — по шести на каждого.

Впрочем, это были всего лишь подручные, а главным там был гигантский богомол, совершенно заплесневелый от старости и шибко страдающий то ли от каких-то паразитов, то ли от какой-то кожной болезни. Плоскую хитиновую харю его между выпученными глазищами украшала зажившая трещина, ханжески сложенные перед тощей грудью зазубренные руки-клешни были испачканы комковатыми потеками — должно быть, остатками завтрака. Или обеда. Словом, зрелище он собой являл отвратное, хуже, чем тарантулы.

С минуту он разглядывал Ваню, поворачивая башку справа налево и слева направо, затем проскрипел:

— Это ты. Я тебя узнал.

— Вы — меня? — удивился Ваня.

— Да. Не отпирайся. Это ты двадцать лет назад треснул меня багром между глаз. На Планете Негодяев.

— Помилуйте, — сказал Ваня. — Я никогда не был на Планете Негодяев.

— Посмотри на меня, — проскрипел богомол.

— Смотрю.
— Я — богомол Синда. Ужаснись.
— Пожалуйста, если вам так удобнес. Ужасаюсь.
— Правильно делаешь. Хвалю. У меня не врут. У меня говорят правду.

— Но я и говорю правду! Не я это!

— Верно. Это не ты. Потому что ты — доктор Итай-итай. Ваня вытаращил глаза.

— Кто?

— Ты. Ты — доктор Итай-итай. Не отпирайся.

— Вы ошибаетесь, — проникновенно произнес Ваня. — Доктора Итай-итай вообще еще не...

— Ты не доктор Итай-итай?

— Нет же, говорю вам... Дело в том, что...

— Где доктор Итай-итай?

— Слушайте, гражданин Синда, я же говорю вам: доктор Итай-итай еще не родился! Он родится только через три столетия! Давайте я вам все объясню...

— Я не нуждаюсь в объяснениях. Кто из вас доктор Итай-итай?

— Тьфу, пропасть! — разозлился Ваня. — Что за бестолочь... Вы меня выслушать можете или нет?

— Ты меня утомил. Ты все время врешь. У меня говорят правду. Придется пытаться.

И Ваню принялись пытаться. Это было необычайно болезненно и тягостно и совершенно бессмысленно. Ах, недаром Мээс так ужаснулся, когда ему предложили принять участие в экспедиции! Пытали мясники сигуранце-дефензиво-гестапного толка, готовые зверски замучить хоть сотню носителей разума в расчете на то, что в агонии хоть одна из жертв выдаст нужную информацию. Никакие объяснения их не интересовали.

— Ты — доктор Итай-итай?

— Нет!

— Врешь. Говори правду. Где доктор Итай-итай?

— Не родился он еще, сказано вам!

— Врешь. Кто из вас доктор Итай-итай?

— Нет его среди нас!

— Врешь. Подверните ему нижние конечности. Ты — доктор Итай-итай?

Было больно. Было зверски больно. Хрустели кости, жутко пахло паленым мясом. Останавливалось время. Доколсе? Где «Гречко»? Где наши? Бешено колотилось сердце, бешено звенела печень, вразнос пульсировала селезенка, гоня кровь, гормоны, антитела к ожогам, порезам, разможенным мыш-

цам. Сквозь багровую муть, застилавшую сознание, Ваня думал: надо выдержать, я выдержу, а как там флагман, он ведь пожилой, он может умереть, не умирай, флагман, и ты, Юл, старый пират, держись, не погибни, а уж я-то выдержу...

— Ты — доктор Итай-итай?

— Заткнись, бестолочь, насекомое!

— Говори правду. Где доктор Итай-итай?

— Фига тебе, а не доктор Итай-итай!

— Прибавьте огоньку. Кто из вас доктор Итай-итай?

— Мало тебя треснули по морде, богомол, ханжа паршивая!

Время от времени в железный куб врывался еще кто-то, щелкал серповидными челюстями и отвратительно скрипел:

— А взбутстеньте его! А взъерепеньте его! Чтобы восчувствовал! Что это, Синда, да он у тебя даже не вспотел! Ух ты, мой болзненный... Только смотри, Синда, чтоб не до смерти!..

Время остановилось, побежало вспять. Вот и Тзана, Принцесса: «Послушай, Трубадур, когда сцена с поцелуем, не надо так всерьез, ведь малыши смотрят!..» Отец: «Падать тоже нужно уметь. Иван, ты ратслабься, ты не грохайся, а шлепайся!..» И дядя Атос... И дядя Арамис... Мама: «Ах ты мой Ванька-Зайка, возьми гребень, расчеши маме волосы, учись, Золотистик-Пушистик, будешь невесте волосы расчесывать...»

Так прошла набитая болью вечность, а на самом деле прошло трое суток, и пытка кончилась. Ваню развязали, и он мешком шлепнулся на железный пол. Над лицом его низко склонилась, поводя сизыми бельмами, уродливая ряха — на кончиках страшных серповидных челюстей дрожали мутные капли яда. Конопатая Сколопендра проскрежетала:

— Ух ты, пленничек-заложничек... Ух и поцеловала бы я тебя, красавчик, в бело личико!.. Ладно, живи пока. — И она скомандовала тарантулам: — В тюрьму его, в камеру к тем!

Ваню подхватили под бока и поволокли. Ноги его волочили по полу, голова не держалась, но он громко пел:

Говорят, мы бяки-буки,

Как же

Носит нас земля...

Это ему казалось, что пел он громко, а на самом-то деле шептал, еле шевеля распухшими губами. Его втащили в гулкое помещение, залазгало железо, его раскачали и швырнули, и он упал на заботливо подставленные руки.

— Ваня! — сипло воскликнула правая голова Двуглавого Юла.

— Ванечка! — прохрипела левая голова и всхлинула. — Господи, флагман! Смотрите, он же седой весь! Ах, гады!

— Тихо, Юл, — пробормотал флагман Макомбер. — Осторожно, кладите сюда... Да тихо же, вы!

Двуглавый Юл всхлипывал и ругался как помешанный. Ваня счастливо улыбнулся и провалился в бездонное забытьё.

Он очнулся через 24 часа. За это время его молодой организм хорошо поработал над повреждениями, которые причинили ему палачи огнем и железом, а флагман Макомбер с помощью Двуглавого Юла вправил ему вывихнутые суставы. Здесь стоит упомянуть, что к описанному времени каждого землянина едва ли не с грудного возраста вытенировали на самоисцеление, так что Ваня, очнувшись после глубокого сна, вновь был совершенно здоров, бодр и готов к новым переживаниям. Только был он теперь и остался до конца дней своих седым как лунь, да еще почерневшее, обтянутое лицо его напоминало о перенесенных страданиях.

Первос, что он ощутил после пробуждения, был лютый голод и не менее лютая жажда. Он наспех пожал руки флагману Макомберу и Двуглавному Юлу и весьма выразительно щелкнул зубами. Флагман немедленно придвинул к нему обширную пластмассовую кювету, наполненную с верхом каким-то сероватым крошевом, и помятое жестяное ведро. При ближайшем рассмотрении крошево оказалось смесью мелко нарубленной сушеной рыбы и лапши из сушеных медуз, в ведре же была мутная тепловатая вода. Ваня вопросительно взглянул. Флагман Макомбер объяснил, криво усмехаясь:

— Яство и питье от щедрот Великого Спрута. Полагаю, живность из арктической водички и сама водичка, слегка опресненная.

Ваня кивнул и принялся насыщаться. Яство по вкусу и консистенции напоминало изношенную резиновую подошву, но зубы у Вани были превосходные, а пресность угощения прекрасно компенсировалась солсностью арктической водички. Ваня грыз и молот с таким усердием и треском, что у Двуглавого Юла запищало за ушами, а флагман Макомбер стал невольно приговаривать: «Легче, Ванюша, не так усердно!..»

Когда кювета и ведро опустели, Ваня ковырнул ногтем мизинца между зубами и задумчиво произнес:

— Ничего была сада. Только луку мало...

Затем он впервые огляделся. Они находились в узкой и тесной клетке с низким каменным потолком, стенами из же-

лезных прутьев и с решетчатой же дверью, запертой снаружи на тяжелый амбарный замок. Под потолком на голом шнуре висела лампа, пыльная, но мощная, излучавшая не только много света, но и заметное тепло. За железными прутьями стен справа и слева располагались такие же клетки, и шеренга таких же клеток видна была по ту сторону коридора, проходившего перед решетчатой дверью. И в каждой из этих клеток — и справа, и слева, и за коридором — Ваня, прикрывшись ладонью от света лампы, разглядел щетинистые бурые туши величиной с барана, задранные углами мохнатые лапы, россыпи больших, будто лошадиных, глаз. И они слабо шевелились, эти туши, издавали шипение и шорохи, невятно переговаривались поскрипывающими голосами...

Флагман Макомбер крепко взял Ваню за локоть.

— Спокойно, юноша, — проговорил он. — Это спайдеры. Они тоже пленники, только им еще хуже, чем нам.

Ваня глубоко вздохнул и посмотрел на друзей.

— Флагман Макомбер, — сказал он, — Юл, старый пират. Мне очень хотелось бы знать, что произошло, каково наше положение и что нам надлежит предпринять.

10

Двуглавному Юлу исключительно повезло.

Конопатая Сколопендра, баба вздорная, мстительная и злопамятная, решила заняться им сама, и его поволокли к ней в «особую» пыточную камеру, оборудованную по последнему слову техники. Там была и циркулярная пила для грубого расчленения, и центробежный насос для закачивания во внутренности разных жидкостей, и металлический обруч переменного диаметра, оборудованный микрометрическим винтом, и ультразвуковой вибратор для максимально болезненного отделения эпидермиса, и лазерная установка для... тьфу, право, перечислять противно. Коротко говоря, технические приспособления у Конопатой Сколопендры были какие угодно, только выбирай.

Но эффективный выбор предполагал хотя бы минимальную осведомленность относительно наиболее уязвимых для боли участков организма пытуемого. Об организме же Двуглавого Юла старая ведьма не знала ничего. Особенно ставила ее в тупик двуглавость. Она задала прямой вопрос. Юл резонно ответил, что никогда не был и не будет себе врагом.

«Дурак, — сказала Сколопендра. — А ежели я нажму тебе на что-нибудь не то и ты в одночасье загнешься?» Юл упорствовал. Тогда она кликнула взвод тарантулов и приказала им отыскать у Юла болевые точки силой. Произошла свалка. Двуглавному Юлу было не впервой иметь дело с тарантулами: в свое время он не раз дрался с тарантульими патрулями в портовых кабаках, озаренных кроваво-красным блеском Протуберы и мертвенно-синим сиянием Некриды. В свалке он откусил семь ног у трех тарантулов, но в конце концов сго одолели и связали.

Однако Конопатая Сколопендра была уже вне себя от бешенства. Во время драки кто-то крепко лягнул ее в подбрюшье, и она начисто отказалась от намерения позабавиться с Двуглавым Юлом по всем правилам науки. «На пилу сго!» — завизжала она, и Юла швырнули на платформу циркульной пилы. Он совсем уже приготовился пустить в ход свой последний ресурс... гм-гм... сказать последнее прости своей прекрасной жизни, как вдруг в камеру ворвался жирный бас Великого Спрута.

Этот в высшей степени деловой носитель разума, неизменно богатый мерзавец и бывший владыка Планеты Негодяев заговорил через динамик облупленного интеркома и начал с того, что обрушил на Конопатую Сколопендру град ругательств. Выяснилось, что Конопатая Сколопендра — никуда не годный политик, растратчица хозяйского добра, бесполезная дармоедка, беспардонная авантюристка, неумеха, каких обозримая Вселенная не видывала, и вообще дура набитая. Сколопендра выслушала все это с должным смирением, а когда Великий Спрут задохнулся, смиренно спросила, чем это она прогневала батюшку. Видимо, смирение это несколько охладило делового носителя разума, и он перешел к конкретным обвинениям. Вот тут-то и началось самое интересное.

Двуглавый Юл лежал связанный в сантиметре от зубьев циркульной пилы, тарантулы попрятались по углам, Конопатая Сколопендра в почтительной позе мотала хитиновым черепом перед интеркомом.

Во-первых. Как это прекрасно известно Сколопендре, болс двадцати лет назад бывшему вольному пирату, а ныне предателю Двуглавному Юлу был в счет расходов на экспедицию за мозгами землян выдан аванс в размере ста миллионов, а также вверен в аренду контрактор стоимостью в сто пятьдесят миллионов. Таким образом, на упомянутом Двуглавым Юле, бывшем вольном пирате, а ныне предателе, ви-

сит должок на сумму в двести пятьдесят миллионов. Он, Великий Спрут, готов с полным пониманием отнестись к садистским увлечениям Конопатой Сколопендры, но с кого он тогда эти двести пятьдесят миллионов получит? Совершенно очевидно, что Двуглавый Юл, распиленный циркульной пилой на произвольное число обрезков, станет неплатежеспособным, и тогда ему, Великому Спруту, останется только взыскивать сумму долга с нее, Конопатой Сколопендры, а это дело совершенно бесперспективное, ибо всем известно, что она, ядовитая карга, не имеет за душой ни полушки, поскольку все свое огромное жалование пропивает начисто. Именно поэтому он, Великий Спрут, категорически запрещает учинять должнику Двуглавному Юлу какие-либо членовредительства впредь до выплаты последним начисленного на него долга.

Во-вторых. Если все же окажется, что ни один из захваченных землян, этих неразличимых штуквин размером с тележное колесо и с хвостами вместо всего прочего, не является чудо-доктором Итай-итай, все равно всех пленных с Черной Скалы ни в коем случае нельзя доводить до смертного конца, ибо для реального политика они представляют собой клад поистине неоценимый. Даже такой ядовитой дуре, как она, Конопатая Сколопендра, должно быть ясно, что в самом крайнем случае их можно использовать как заложников либо как обменный фонд, а при удаче и вообще перетянуть на свою сторону, прельстив богатым вознаграждением и прочими благами, и уж тогда ему, Великому Спруту, вся их планетка с кислородом, хлорофиллом, водой и красной кровью будет морем по колено, и вернется, может быть, славное старое время вселенского бизнеса.

Одним словом, ей, патентованной задрыге Сколопендре, надлежит оставить Двуглавого Юла в покое и переправить его в тюрьму и непременно проследить, чтобы ее мясники не перестарались, усердствуя над остальными двумя пленниками...

— Вот так, Ваня, — заключил свой рассказ Двуглавый Юл. — Надавали мне тумачков по чавкам, развязали и поместили сюда.

Рассказывал он обстоятельно, смакуя подробности, то и дело похихатывая и возбужденно блестя тремя своими глазами. По лицу флагмана Макомбера было видно, что историю эту он слушает, по крайней мере, в четвертый раз, но рассказчика он не прерывал и не торопил — должно быть, понимал, в каком плачевном напряжении пребывает их

двухголовый друг, и считал полезным позволить ему эту маленькую разрядку.

Когда же настала его очередь, он очень коротко сообщил, что допрашивало его какое-то существо, похожее на чудовищно разросшуюся актинию, а начало оно с того, что приказало своим тарантулам повесить его за ноги. В таком положении он пробыл почти сутки, но палачи не знали, что он опытный космолетчик и способен переносить такие положения хотя бы и месяцами. Сначала от него добивались признания, что он и есть чудо-доктор Итай-итай, а затем словно бы начисто забыли об этом и все время бились об заклад, сколько он так провисит, пока не сдохнет. Затем явилась Конопатая Сколопендра в сопровождении двух молодых богомолов, они выбили актинию из камеры палками и спустили флагмана Макомбера на пол. Сколопендра сама допрашивала его, упирая на то, что признание ничем ему не грозит, была очень любезна и ограничилась тем, что вырвала у него два ногтя на левой руке. После этого его препроводили в тюрьму и посадили вместе с Юлом.

Совсем уже коротко рассказал о своих переживаниях Ваня. Когда он закончил, Двуглавый Юл скрипнул зубами и крепко потер зеленоватые ладони. А флагман Макомбер, щурясь на свет лампы, произнес:

— Ты держался молодцом, Ваня. Достойный сын нашего Портоса. Впрочем, удивляться тут нечему. Перейдем к делу, друзья.

Он повернулся к решетчатой стене справа и негромко окликнул:

— Рамкэг, будьте любезны...

Щетинистая бурая туша в соседней клетке шевельнулась, со стуком переступили задранные углами мохнатые лапы, и к железным прутьям приникла головогрудь, украшенная двенадцатью лошадиными глазами. Сдавленный голос прошипел:

— К вашим услугам, флагман Макомбер.

— Рекомендую, Рамкэг, — сказал флагман. — Это Ваня, наш молодой друг, о котором мы уже имели честь вам рассказывать...

— Мировой парень! — подхватил Двуглавый Юл. — С пеленок его знаю!

— Весьма польщен, — прошипел сдавленный голос.

— А это Рамкэг, — продолжал флагман Макомбер. — Наш собрат по плену.

— Один из собратьев, — поправил его Рамкэг. — Нас здесь не менее двухсот.

— Да, несомненно. Так вот. Рамкэг — представитель цивилизации носителей разума, населяющих эту планету. Между прочим, соотечественник известного тебе Искусника Крэгга...

— Так называемый Искусник Крэг — выродок, — прошипел Рамкэг.

— Постойте! — воскликнул Ваня. — А разве это неправда, что Искусник Крэг был изгнан со своей планеты за доброту?

— Истинная правда, — ответил Рамкэг. — Наши деды изгнали его за совершенно исключительную и подлинно самоотверженную доброту к самому себе.

Ваня захлопал глазами. Двуглавый Юл хлопнул его по плечу и загоготал в две глотки.

— Я тоже вот так же варезжку раскрыл, когда это услышал, — сказала его правая голова. — Мы-то из кожи вон лезли: хоть глазком полюбоваться на народец, который такого отпетого мерзавца, как этот Крэг, за доброту изгоняет!..

Флагман Макомбер вежливо осведомился:

— Вы мне позволите продолжить, Юл?

— Валяйте, флагман, валяйте, — благодушно отозвалась левая голова. — Это я так... Очень уж потешно Ванька глаза вылупил...

— Так вот, коллега Рамкэг, — сказал флагман Макомбер. — Я взял на себя смелость обеспокоить вас вот по какому поводу. Сейчас я вкратце изложу нашему юному другу все, что вы сочли возможным сообщить мне и Юлу о вашем мире, о вашей планете, куда мы столь несчастливо попали, а вы поправите меня, если я ошибусь, или дополните, если я пропущу что-либо, имеющее, по вашему мнению, значение. Я не очень затрудню вас?

— Буду рад служить вам, — с достоинством прошипело двенадцатиглазое чудище.

Вот что узнал Ваня.

Планета называлась Спайда, а населявшие ее носители разума именовали себя спайдерами. Она с бешеной скоростью обращалась вокруг невидимой нейтронной звезды, рентгеновское излучение которой, поглощаясь в верхних слоях весьма плотной атмосферы, сообщало местным небесам ровное освещение — днем поярче, ночами потусклее. Между прочим, освещение это ни днем, ни ночью не мешало обитателям Спайды любоваться мириадами спутников — обломков развалившейся некогда огромной луны.

По какой-то причине рыбы мелких и тепловодных океа-

нов Спайды так и не сумели выбраться на сушу, и помимо обильной и разнообразной растительности на материках обитали только членистоногие. Миллиард лет сухопутной эволюции привел к появлению всепланетного разума, а затем и цивилизации спайдеров, корнями своими уходящей в глубь времен, по крайней мере, на сто миллионов лет.

Еще на заре своего цивилизованного существования, может быть, оттого, что спайдеры живут сотни тысячелетий, они освоили идею о том, что каждый носитель разума, особенно пожилой, является бесценнейшим сокровищем коллектива. Из опыта борьбы за существование родилась доброта, и самые древние предания утверждают, что в години бедствий первобытные спайдеры спасали прежде всего своих стариков, а потом уже молодежь и в последнюю очередь яйца.

Спайдеры научились выращивать в пищу исполинские наскомоядные растения, напоминающие, видимо, земную рожь, сооружать из собственной и синтетической паутины хитроумные сотообразные города, мастерить машины и приборы...

— В том числе и космические аппараты, — вставил Рамкэг. — Однако, если не считать Крэг-Душегуба, за последний миллион лет никто из нас не покидал планету. У спайдеров давно уже пропал интерес к космосу...

...Они создали и освоили множество естественных и гуманитарных наук, создали превосходную педагогику и охотно и прилежно философствовали. Насколько можно судить, средний спайдер — существо чрезвычайно уравновешенное, благодушное и доброжелательное.

Исключение составил так называемый Искусник Крэг, он же Крэг-Душегуб. Эта скотина была довольно крупным ученым, работавшим главным образом в области пересадки тканей. Примерно полтора миллиона лет назад грянул скандал: один за другим исчезли пятеро ассистентов Крэга. Было наряжено следствие. Останки исчезнувших обнаружили в заброшенных помещениях неподалеку от его лаборатории. Выяснилась небывалая и страшная вещь: Крэг оперативным путем изымал из своих жертв жизненно важные органы и пересаживал их в свой организм в качестве органов-дублиров высокой надежности.

Вся Спайда была потрясена. Цивилизация, главный принцип которой гласил: «Умри сам, а соседа спаси», растерялась. Непонятно было, как поступить с преступником. Смертной казни на планете не было никогда. На предложение покончить с собой Крэг ответил категорическим отказом. Тогда решено было изгнать Крэга. Специальная комиссия из сорока

заслуженных спайдеров молча наблюдала, как отщепсенец грузил на космический корабль горючее, запас продуктов, лабораторное оборудование и библиотеку. Затем он поднялся на борт, крикнул: «Я еще вернусь, слизняки! Ждите!» — и захлопнул люк. Корабль улетел, самой большой мусорной свалке на Спайде присвоили имя Крэг-Душегуба.

А Крэг вернулся. Триста тысяч лет назад он высадился на Спайде с эскадрой из пяти космических дредноутов и привел с собой это чудовище алчности и жестокости, Великого Спрута, а также целый полк головорезов-тарантулов, целую контору административного отребья всевозможных рас и пород и целую толпу затюканных до полусмерти рабов и слуг. И великой цивилизации спайдеров пришел конец. Наступило черное время владычества Великого Спрута.

Нет и не было во все времена и во всех пространствах более меланхолической и миролюбивой расы, нежели спайдеры. Каждый из них готов был умереть за каждого, но они не умели и не хотели драться. Правда, передняя пара лап у спайдера оканчивается ядовитыми когтями — рудиментом незапамятных всков, когда предки спайдеров обитали на дне океана, но никто и помыслить не мог пустить в ход это ужасное средство хотя бы для самозащиты.

Бешеный артиллерийский разгром нескольких городов навсегда подавил их робкие попытки протестовать и сопротивляться. Власть беспощадных и скорых на расправу пиратов сделалась абсолютной. Кое-кто бежал в леса — их выслеживали с воздуха и истребляли инсектицидами. Другие пытались укрыться в открытом океане — их топили словно бы для развлечения. Третьи объявили сидячую забастовку — их облили напалмом и сожгли заживо...

— Но это было давно, — снова вмешался Рамкэг. — Теперь никто лапой не смеет пошевелить. Чуть что — негодяи грозятся залить мазутом инкубаторы, в которых выводятся маленькие спайдеры, или взорвать тротилловые мины, заложенные под площадки для молодняка. А лет десять назад они потехи ради обрушили массу соленой воды в котлован, в котором тысячи наших самок готовились к несению яиц...

Одним словом, несчастная Спайда живет ныне во мраке непрекращающегося злодейства. Правда, массовые избиения как будто прекратились. Великий Спрут вкупе с предателем Крэггом и оголтелой Конопатой Сколопендрой действуют по отношению к спайдерам по принципу одного нашего древнего диктатора: «Хякусё коросадзу икасадзу» — «Не убивай холопа, но и жить ему не давай».

— Таково положение, — заключил свой рассказ флагман Макомбер.

Ваня был ошеломлен. У него голова кругом шла от всех этих жестокостей и умертвий, и никак не укладывались в сознании все эти миллионы и сотни тысяч лет. Он прокашлялся, потряс головой и сказал:

— Надо помочь.

Флагман Макомбер пожал плечами:

— Разумеется! Иначе наше пребывание здесь теряет всякий смысл. Но необходимо все тщательно продумать и взвесить...

— А я так хоть сейчас готов! — объявил Двуглавый Юл и принялся с оттяжкой откидывать назад ногами мусор, скопившийся на полу.

— Какой удалец! — благоговейно прошипел Рамкэг.

Ваня невольно хихикнул, а флагман Макомбер нетерпеливо произнес:

— Не валяйте дурака, Юл. Сядьте, пожалуйста. Поговорим серьезно. Какие есть вопросы?

— Вопрос такой, — сказал Ваня. — Где мы, собственно, сейчас находимся?

— Сразу же после захвата Спайды бандиты принялись устраивать себе уютное гнездышко. Поскольку Великий Спрут питал отвращение к океанским просторам (и к просторам вообще), место было выбрано на плоскогорье в центре самого обширного материка. В течение нескольких лет была сооружена крепость, на строительстве которой погибли от истощения многие тысячи спайдеров, а выжившие были перебиты для сохранения тайны. Крепость пышно назвали Цитаделью. Та часть Цитадели, которая выступает над плоскогорьем, имеет вид уступчатой пирамиды в сотню метров вышиной, сложна она из обтесанных базальтовых блоков, на верхних уступах размещены пушки и ракетные установки, снятые с космических дредноутов. В подвальных этажах Цитадели, как водится, оборудованы склады, тюрьмы и пыточные камеры. Мы находимся как раз в одном из этих подвальных этажей. Выше располагаются казармы и кантины для тарантульского воинства, еще выше — лаборатории Искусника Крэга и зловонное обиталище Конопатой Сколопендры, а на самом верху — апартаменты Великого Спрута. Судя по всему, взять Цитадель снаружи невозможно, если не применять запрещенные виды боевой техники, вроде ядерных снарядов или излучателей антиматерии. Взять же Цитадель изнутри...

— Между прочим, — сказал флагман Макомбер, — а чем вооружены тарантулы? Тюремный смотритель, который здесь шляется, таскает на себе какой-то меч или палаш...

Рамкэг виновато прошипел, что насчет вооружения тарантулов он объяснить не в силах, слишком мало знает.

— Я знаю! — произнес вдруг Двуглавый Юл. — Насчет этого, ребята, я могу вам все доподлинно обрисовать. Имею кое-какой личный опыт, да и здесь уже кое-что подметил. У меня, ребята, глаз наместанный...

Двуглавый Юл обрисовал весьма любопытные и важные вещи. Оказывалось, огнестрельного оружия тарантулы не знают и знать не хотят. Пушки, ракеты и торпеды в пиратской армии Великого Спрута обслуживаются богомолами, единственными из его насмников, кто имеет что-то похожее на руки. Тарантулы же — мастера ближнего боя, виртуозы рукопашной, им бы только сойтись с неприятелем вплотную... Во-первых, у них ядовитые челюсти не слабее, чем у Конопатой Сколопендры. Во-вторых, рубящим и колющим оружием они тоже не пользуются, держать нечем, а этот урод смотритель таскает свой меч или там палаш, скорее всего, ради понта. Оружие у тарантулов пострашнее, чем всякие мечи-палаши-кинжалы...

(— Так, именно так, — удрученно прошипел Рамкэг.)

Как все членистоногие, тарантулы дышат трахеями. А трахеи у них, особенно на брюхе, будь здоров, палец просунуть можно. Так вот, в отверстия этих трахей, в так называемые стигмы, вставляются духовые трубки, заряженные такими железными гарпунчиками с зазубренным острием, по пять, а то и по десять трубок на брата. В нужный момент тарантул резко сокращает мышцы у себя в брюхе, воздух в трахее предельно сжимается и с силой выдувает из трубки гарпунчик по врагу. Ему, Двуглавному Юлу, приходилось на Планете Негодяев своими глазами видеть, как тарантул пробивал таким гарпунчиком сантиметровую доску на двадцати шагах. А уж воткнется этот гарпунчик в тело — его назад только вместе с кишками вытащишь...

(— Так, так, именно так! — шипел Рамкэг.)

Вот чем вооружены тарантулы.

— Понятно, — сказал флагман Макомбер. — Вы сами видите, друзья, нам есть над чем подумать. Совершенно не исключено, что в создавшейся ситуации наилучшей тактикой будет выжидание...

— Выжидание! — презрительно отозвался Двуглавый Юл. — Я на вас удивляюсь, флагман! Чего ждать-то? «Греч-

ко»? Так он, может, и вообще не придет... Застрял где-то между «матрешками»... или след наш потерял. Пятые сутки пошли!

— Я понимаю ваше нетерпение, милый Юл, — с необычайной мягкостью сказал флагман Макомбер. — Но в отношении космохода я настроен более оптимистически. Вы обратили внимание на то, что вторжение Великого Спрута на Спайду произошло триста тысяч лет назад? А с Планеты Негодяев он удрал двадцать лет назад. Даже принимая во внимание факторы, нам неизвестные, напрашивается вывод, что время в этом пространстве течет в десятки тысяч раз быстрее, нежели в нашем. За эти четверо суток там, у нас, прошло не более минуты. И хотя мне лично почти ничего не известно о межпространственных перемещениях, я совершенно уверен, что наш «Георгий Гречко» движется к нам и непременно будет здесь самое большое через неделю...

Воцарилось молчание. Ваня встал и нервно заходил по клетке. Двуглавый Юл безнадежно махнул рукой и уселся на кучу мусора. Рамкэг печально шипел и шуршал за решеткой. Вдруг Ваня остановился перед ним и спросил:

— За что вас заключили в тюрьму, Рамкэг?

— Нас, спайдеров, сажают в тюрьму не за что, а почему, — тихо прошипел Рамкэг.

— Ладно, почему. Так почему вы сидите в тюрьме, Рамкэг?

— Потому, что мы пища. Завтра у пиратов Сытная Пятница. Рано утром всех нас, двести спайдеров, по двое и по трое отведут на поварню и изрубят на куски.

11

Ваня сел. Флагман Макомбер вскочил на ноги. Только Двуглавый Юл остался на своей мусорной куче и принялся кивать обеими головами, словно бы говоря: «Ну вот, так я и знал! А вы тут рассусоливаете...» Флагман Макомбер посмотрел на Ваню. Ваня глядел на него с упрском. Флагман посмотрел на Рамкэга. Рамкэг глядел на него с видом полной покорности судьбе. Флагман снова сел.

— Гм... — произнес он. — Что же вы раньше молчали, коллега Рамкэг? Это, разумеется, несколько меняет дело.

— Мы не будем сидеть и смотреть спокойно, — горячо сказал Ваня, — как погонят на убой носителей разума!

— Две сотни штук! — напомнил Двуглавый Юл.

— Гм... — повторил флагман Макомбер. — Придется драться. Но шансов у нас прискорбно мало...

— Ха! — воскликнул Двуглавый Юл. — Шансов мало! А много ли было у нас шансов, флагман, когда мы с вами дрались в подземельях Планеты Негодяев?

— Будем драться, — решил флагман Макомбер. — Ну, в крайнем случае погибнем, так когда-то же надо...

— Мужественно погибнем! — подхватил Двуглавый Юл.

— Народ Спайды никогда вас не забудет! — прочувствованно прошипел Рамкэг, и из всех его двенадцати глаз полились слезы.

Двуглавый Юл немедленно накинулся на него:

— Только не воображайте, будто вы будете отсиживаться по клеткам! — заорали наперсбой обе его головы. — Драться будем все вместе! Один за всех, и все за одного! Что у вас там — ядовитые когти? Дашь ядовитые когти! Долой идиотские предрассудки! Смело пускать когти в ход! Во имя свободы! Чтобы ни один мерзавец не ушел от вас! А знаете ли, кто поведет вас в бой и к победе? Сам флагман Макомбер! Самый искусный полководец самой драчливой планеты во всех вселенных! Испытанный во множестве сражений! И я вас поведу, Двуглавый Юл, тоже испытанный! И вот этот парень, Ваня! Хотя ему еще не приходилось сражаться, но его воспитывали лихие вояки — Атос, Портос и Арамис! Так что он тоже не подведет! Готовьтесь к бою, спайдеры! Точите ваши ядовитые когти! Вспомните о счастливых годах вашей цивилизации! Не бойтесь смерти в бою — она прекрасна! Не то что на поварне! Исполняйте решимости!

Голоса его гулко раскатывались по всей тюрьме, и сначала замерли в своих клетках обреченные узники, потом зашипели и зашуршали, приникли головами к решеткам, а когда Двуглавый Юл умолк, запыхавшись, отовсюду понеслось свистящей поземкой:

— Мы готовы! Ведите нас, земляне! Веди нас, полководец Макомбер! Веди нас, Двуглавый Юл! Положись на нас, храбрый парень Ваня! Победа или смерть! Мы вонзим наши когти в ненавистного врага!

И тут же из всех клеток послышались зловещие чиркающие звуки: спайдеры принялись точить свои когти.

— Что значит хорошая зажигательная речь! — гордо сказал Двуглавый Юл.

— Еще лучше хороший зажигательный пример, — осадил его флагман Макомбер. — Для начала необходимо открыть клетки и вывести спайдеров в коридор.

— Для начала нам самим надо выбраться из клетки, — проворчал Двуглавый Юл.

— А что сказал д'Артаньян? — лукаво произнес флагман Макомбер.

— Он много чего говорил, — отозвался Ваня, улыбаясь.

— Кто это такой — д'Артаньян? — осведомился Двуглавый Юл.

— Лучший друг Атоса, Портоса и Арамиса, — ответил флагман.

— Никогда о нем не слышал, — проговорил Двуглавый Юл.

— Это не суть важно, дорогой Юл... А дело в том, что в аналогичных обстоятельствах д'Артаньян сказал: «Эта мышеловка была достаточно прочна для двоих, но для троих она уже слабовата». По моим расчетам, примерно через час должен явиться этот тип — тюремных смотритель. Его надо заманить к нам в клетку.

— Вас понял, — проговорила левая голова Двуглавого Юла.

— Ох-х-х, ох-х-х, ох-х-х... — восторженно-испуганно пропыхтел Рамкэг.

И смотритель своевременно появился, старый, подслеповатый тарантул, потерявший в каких-то давно забытых драках две ноги и половину морды, и Двуглавый Юл окликнул его и попросил добавочную порцию жратвы в обмен на золотую цепь, и смотритель, натурально, пожелал взглянуть на эту цепь, а Двуглавый Юл предложил ему искать дураков в другом месте, цепь же будет предъявлена против жратвы, а без жратвы не видать смотрителю этой цепи, как своих... гм... как своей спины. Сразу было видно, что смотритель либо никогда не имел дела с землянами, либо привычка к абсолютной власти над узниками вошла в его плоть и кровь. Не теряя ни секунды драгоценного времени, он отомкнул замок стержневым ключом, прикрученным к его единственному уцелевшему жвалу, распахнул дверь и молча ринулся на Двуглавого Юла. Тут-то и бросились на него с двух сторон флагман Макомбер и Ваня. В два счета тарантула перевернули на спину, расчалили за лапы посередине клетки (Рамкэг и сосед слева поднатужились и отпустили на это дело по десятку аршин отборной паутины) и забили ему ядовитую пасть мусором, чтобы не орал без толку.

Флагман Макомбер снял со смотрителя двуручный меч с обоюдоострым лезвием, Двуглавый Юл отвязал от тарантульего жвала ключ, и друзья выскочили в коридор. В клетках возбужденно шипели и пыхтели спайдеры, подскакива-

ли на задранных углами мохнатых лапах, блестели лошадиными глазами.

Немало, ох немало времени понадобилось для того, чтобы освободить и вывести в коридор всех узников. Двуглавый Юл взмок, бегая от двери к двери, — шутка сказать, отомкнуть двести замков! Ваня подхватывал спайдеров, ошалевших от нетерпения и готовых мчаться куда глаза глядят, и подталкивал их к флагману Макомберу, который выстраивал их шеренгами, похлопывал по щетинистым головогрудям и произносил ободряющие слова. Наконец построились — плотной колонной в сорок шеренг по пяти чуть ли не на всю длину тюремного коридора. Земляне встали во главе колонны перед закрытыми воротами. Ваня туго намотал на правый кулак свой кожаный пояс с металлическими бляхами, а Двуглавый Юл ничем не стал вооружаться — стоял и сжимал и разжимал костлявые кулаки.

Флагман Макомбер повернулся лицом к шеренге.

— Друзья! — негромко произнес он.

Стало тихо, только неровным зуденьем слышалось взволнованное дыхание через бесчисленные трахеи.

— Друзья! — произнес флагман Макомбер. — Сейчас мы вступим в бой. Там, за воротами тюрьмы, нет никого, кроме наших врагов. Пощады не ждите и потому сами не давайте пощады. Возможно, мы все погибнем, но все равно заря свободы встанет сегодня над Спайдой!

Он повернулся к Двуглавному Юлу.

— Ворота! — приказал он.

Двуглавый Юл выбежал вперед и откатил широкую воротину.

За воротами открылся ярко освещенный тоннель с влажными от пахучей слизи стенами. А поперек тоннеля, во всю его ширину неподвижно, безмолвно, грозно стоял тупым углом вперед строй тарантулов.

12

— Кажется, нам конец, — с отвращением произнес флагман Макомбер.

Ваня всей спиной почувствовал, как подалась назад колонна спайдеров.

— Привет, голубчики! — глумливо проскрипела Конопатая Сколопендра, поднимая верхнюю часть туловища над строем тарантулов. — Не ждали, а?

И сейчас же где-то под потолком тоннеля раздался жирный голос:

— Кончай с ними, Конопатая! В гробу я видел таких заложников. Сдохни, Двуглавый! Сдохни и ты, храбрый сопляк! Ты слишком храбрый, чтобы дозреть до старости... И ты сдохни, флагман Макомбер, у меня от тебя голова болит! Кончай их, конопатая ведьма!

Теперь представьте себе эту картину. Поперек тоннеля стоит боевой строй тарантулов, из шеренг которого высовывает свою гнусную башку Конопатая Сколопендра. В двадцати шагах перед их фронтом стоят флагман Макомбер с мечом и Ваня, за ними, стиснутая решетчатыми стенами тюрьмы, теснится зыбкая колонна спайдеров. А слева, если смотреть со стороны Вани, еще держится за откинутую вогнутину Двуглавый Юл.

— Впрочем, — произнес флагман Макомбер, едва замолк голос Великого Спрута, — сделаем, что сможем.

И тут Ваня выскочил вперед. Он ведь был прирожденный артист, этот Ваня, что бы ни думал о нем Атос. Он весело и угрожающе запел:

А как известно, мы —
Народ могучий
И не выносим
Мерзости паучьей,
И любим мы трясти
Паучьи души...

(— Ваня, Ваня! — укоризненно прошептал флагман Макомбер. — Как тебе не стыдно! Ведь спайдеры тоже в некотором смысле пауки...

— Ничего, ничего, пусть поет, это он про тарантулов! — прошипел за его спиной Рамкэг.)

Пусть они скрипят,
Пусть они скулят,
А ты послушай! —

дел Ваня, на ходу переиначивая песенку из любимых своих «Бременских музыкантов»:

Мы раз-
Мы бо-
Мы бойники!
Разбойники! Разбойники!
Раз в глаз,

И вы покойники!
Покойники! Покойники!

Невооруженным глазом было видно, что тарантулы слегка обалдели. Конопатая Сколопендра застыла, выпучив свои гнойные бслъма. Ваня пел:

А кто увидит пас,
Тот сразу ахнет,
И для кого-то
Жареным запахнет,
И кое-что
За пазухой мы держим...

(— Правильно, Ванька! Давай! — восторженно шептал Двуглавый Юл. — Давай, все правильно!

Да, было кое-что за пазухой, только Ваня этого не знал, а Двуглавый Юл знал отлично!..)

Ну-ка, пауки!
Ну-ка, дураки!
Держись, невежи!

Тарантулы, да и сама Конопатая Сколопендра, словно замороженные, глядели на поющего Ваню. Такого они еще не видывали. Противник не сражается, не просит пощады, не клянчит выпить и закусить, а что-то такое воет, это надо же! А флагман Макомбер — недаром был он выдающимся полководцем самой драчливой планеты во Вселенной! — потихоньку разводил передовые шеренги спайдеров по флангам. Перед тупым углом тарантульего строя образовался вогнутый строй — в миниатюре это становилось похоже на построение войск Александра Невского перед «свиньей» тевтонских псов.

А Сколопендру мы
В гробу видали!.. —

пропел с соответствующими телодвижениями Ваня. И тут Сколопендра вынырнула из транса. Она зашипела, забрызгала ядом и одним неуловимым движением перелилась через передние шеренги своих головорезов. Ее всю трясло от ярости.

— Я сама!.. — иступленно бормотала она. — Сама! Я их сама... Мальчишка будет первым!

Она изогнулась, готовясь к смертельному прыжку. Ваня побледнел, замолчал и стал отводить кулак, обмотанный

ремнем. Флагман Макомбер встал рядом с ним и поднял меч. И в то же мгновение Двуглавый Юл гаркнул в обе глотки:

— Эй ты, дрянь! А ну, повернись ко мне!

Он сорвал с правой своей головы черную повязку.

Дальше счет пошел на секунды.

.....

Когда-то, еще первоклашкой, выслушав в сотый раз от своего закадычного двухголового друга легенду о взятии Планеты Негодяев, Ваня спросил его, как он относится к Великому Спруту сейчас, когда все уже позади. Двуглавый Юл ответил на своем кухонно-пиратском жаргоне:

— Я сто терпеть ненавижу, не то чтобы что.

— Почему? — с любопытством осведомился маленький Ваня. — Ведь ты сам бывший пират.

— То-то и оно! — сразу отозвалась правая голова. — Да, я был пиратом. Грабил, пленял, убивал. Лил кровь всех цветов и оттенков. Но при этом я сам рисковал жизнью, у меня вся шкура в дырах, подо мной три корабля пошли ко дну, обломки их и по сию пору носятся где-то на границах обозримой Вселенной... А эта скотина Великий Спрут сидел жирным мешком в своем медном купоросе и только денжки подсчитывал... Эксплуататор!

.....

Униженно кланяясь, представал он перед Галей, любящей и нежной Ванькиной мамой, неловко подносил ей самодельные натюрморты из голотурий, морских звезд и морских ежей, но так и не дождался от нее ничего более любезного, нежели холодная улыбка и холодные слова благодарности. Нет, так и не забыла ему Галя ни похищения через экран телевизора, ни грязного карцера, ни угрозы быть сожранной заживо. И допустила его дружбу с младшим сыном только под настойчивым нажимом добродушного мужа и старших сыновей...

.....

— Ты знаешь, Ванька, — как-то задумчиво сказал Двуглавый Юл свосму маленькому закадычному другу, — ты-сячи лет болтался я по Вселенной и ни разу не встретил никого, похожего на меня. Решительно не знаю, откуда я взялся. Носитель разума без родины — подумать только! Самое раннее воспоминание мое — держит меня на теплых щупальцах старая полипиха с планеты Желтых Трав... Я там побывал спустя несколько веков, разграбил и сжег один тамошний город... Да, добрая она была старуха, кормила мс-

ня полупереваренной хлореллой, без нее я бы сдох, конечно. А обретались мы с трюме у знаменитого тогда работорговца, Кровососа Танаты. Потом в трюме разразилась чумка, Кровосос Таната заметил меня и взял к себе каютным слугой. Бил он меня зверски и укатал бы насмерть, да тут команда взбунтовалась, Танату бросили в реактор, и сделался я юнгой на пиратском корабле... И пошло, и пошло. Вот. А Родины своей я так и не знаю. Сначала спрашивал — у приятелей по налетам, в кабаках, у пленных, а потом и спрашивать бросил, никто не знает. Так-то вот, друг мой Ванька...

.....
Счет пошел на секунды.

Напомним еще раз диспозицию.

Поперек тоннеля, всдущего от ворот тюрьмы, тупым углом вперед стоит строй тарантулов.

В двадцати шагах перед ним стоит вогнутый строй спайдеров.

Перед строем тарантулов пригнулась к прыжку разъяренная Сколопендра.

Перед строем спайдеров стоят готовые к смертельной схватке флагман Макомбер с поднятым мечом и Ваня с кулаком, отведенным назад для встречного удара.

А слева, правым боком к ним, стоит у откинутой воротины Двуглавый Юл.

— Эй ты, дрянь! А ну, повернись ко мне! — гаркнул он в обе глотки и сорвал с правой головы черную повязку.

И пораженный Ваня увидел: из пустой правой глазницы выдвинулся вороненый ствол пулемета.

На крик Конопатая Сколопендра круто повернулась к Юлу.

— Первым хочешь быть ты? Изволь!.. — просипела она.

Последнее, что в своей многовековой зловонной жизни увидела Конопатая Сколопендра, было черное дуло, уставившееся на нее в упор. Затем из дула брызнуло синс-багровое пламя, загрсмела длинная очередь, и из правого уха правой головы Двуглавого Юла посыпались, звонко ударяясь о каменный пол, горячие гильзы.

Так и кончилась в одночасье Конопатая Сколопендра, длинное многоногое тулово, битком набитое страхами и неистойвой злобой. Гнилыми клочьями разлетелись крытые хитином сегменты, и грохнулась на пол срезанная пулями тупая башка, бессильно грызя камень грязными от яда серповидными челюстями.

— Сарынь на кичку! — взревел в две глотки Двуглавый Юл и полоснул второй очередью по тарантулам. — Вперед, братишки-спайдеры!

Но тарантулы уже поднялись на задние лапы. «Пшшш! Пшшш! Пшшш!» — ударили духовые трубки. В страшной тишине после пулеметного грома было отчетливо слышно, как железные гарпунчики с мягким треском пробивают грудь Двуглавого Юла, и Ваня с отчаянием увидел: друг детства его, бывший вольный пират и незаменимый вратарь нарьян-марской любительской команды качнулся под смертельными ударами, попятился и упал.

И умер Двуглавый Юл.

— За мной, в атаку! — произнес флагман Макомбер и зашагал вперед.

Спайдеры всей массой двинулись на врага.

Сошлись в воротах. Ну и бой начался! Знатный бой. Спайдеры пошли жестоко и яростно. То ли заря свободы, зажженная в их сердцах землянами, то ли самоотверженная гибель Двуглавого Юла, то ли тысячелетняя ненависть к работодателям, а скорее всего, и то, и другое, и третье вместе, но погасло в одно мгновение в их душах миролюбие, и смирение, и отвращение к убийству. Тупой угол тарантульего строя был мгновенно стиснут с флангов. Бешено заработали ядовитые когти. Острие угла искрошил мечом флагман Макомбер и размазал по полу Ваня — сила кулака его равна была удару задней ноги лошади, и головогруды тарантулов расквашивались под ним, как тухлые яйца под сапогом. И тесно, тесно сделалось в тоннеле.

— Не давать им отрываться! — хрипел флагман Макомбер, работая мечом. — Гонитесь за ними по пятам!

Победа далась удивительно легко. Лишившись вождихи, впервые за много тысяч лет встретившись с достойным противником, тарантулы с каждой минутой дрались все более вяло и неуверенно. Затем они побежали. Добивая удиравших (пленных не брали), спайдеры рассыпались по закоулкам и переходам. Сейчас же поднялись разноплеменные рабы, обслуживавшие Цитадель. Мечущихся в поисках спасения охранников и холуев рубили вручную, и запыхавшийся Рамкэг, со свистом дыша через тысячи своих трахей, пошутил с мрачной наивностью одного средневекового автора, что туши их жирны и хорошо удобряют почву планеты...

Однако стоп. Не стоит утомлять читателя описанием жестокостей этой уникальной битвы. Восставший угнетенный

всегда прав, и этим все сказано. Да и в памяти у Вани сохранилось весьма немногое. Она ведь милосердна бывает, память человеческая.

Вот он бежит по широкому, ярко освещенному коридору. В руках тяжелая секира. (Откуда, как попала в руки?) За ним, не отставая ни на шаг, мчится Рамкэг и мчатся еще два взъерошенных спайдера, они волочат с собой какого-то хо-луя, отвратительного пупырчатого слизня, непрерывно извергающего со страху вонючий помет. Кто-то бросается на Ваню сбоку. Какая-то тварь — то ли гигантский скорпион, то ли рак... Ваня, не останавливаясь, бьет наотмашь секирой — тварь с треском разламывается, на колени выплескивается коричневая жижа...

— Где? — задыхаясь, кричит Ваня.

— Здесь, здесь! — пищит слизень.

Дверь. Заперто. Удар секирой. Еще раз, еще раз... Дверь исчезает. В лицо — дикая кислотная вонь, от которой слезы выскакивают из глаз. Вот оно, логово Великого Спрута. Ах, поздно... Жирными червяками корчатся на ковре щупальца, покрытые жадно зевающими присосками и роговыми крючьями. Насмерть перепуганный сине-фиолетовый раб трясущейся рукой показывает... Великий Спрут, весьма деловой носитель разума и нсимовенно богатый мерзавец, кончил самоубийством — обкусил себе все щупальца и утопился в унитазе. Ваня смотрит на жирную студенистую тушу, плюет и спускает воду. Кончено с Великим Спрутом.

— Ваня, сюда! — шипит за спиной Рамкэг.

Ваня оборачивается. Вояки-спайдеры намертво зажали в углу своего соотечественника, жирного спайдера в двенадцатилинзовых очках в золотой оправе.

— Крэг-Душегуб, — коротко сообщает Рамкэг.

Искусник Крэг поправляет очки и обращается к Ване.

— Прошу оградить меня от произвола этих пошляков, — с достоинством произносит он. — Я могу, я очень могу, я бесценен, я ученый и изобретатель. Я могу пригодиться любой расе и любой власти. Мозг мой является хранилищем множества тайн о природе и духе, я пригоден для служения любой цивилизации!

Рамкэг бесстрастно глядит на Ваню.

— Что? — подавляя бешенство, говорит Ваня. — Что вы на меня смотрите, Рамкэг? Кончайте эту гадину, не валяйте дурака!

Многому, ох многому научился Ваня за несколько минут экспедиции в преисподнюю.

Три пары ядовитых когтей погружаются разом в лысую спину Искусника Крэга. Короткий визг... Все. Нет больше изобретателя контрактора, машин на мозгах носителей разума и еще многих других подлостей. Позорно издох предатель родной планеты, виновник мучительной гибели мириад соотечественников, подлый холуй подлого диктатора. И да будет эта бесславная смерть назиданием всем разумным существам в огромном и разнообразном мире!

И еще помнит Ваня.

Они стоят на верхнем уступе Цитадели. Тупо и бессмысленно торчат в разные стороны лазерные пушки и ракеты на лафетах, валяются возле них изрубленные и искусанные богомолы, у стены выстроились, задрав углами мохнатые лапы, усталые и потрепанные победители. Тут же лежит накрытый белым шелковым покрывалом труп Двуглавого Юла. А над головой в серо-зеленом небе ползут неправильные белесые пятна — спутники Спайды, обломки развалившейся некогда огромной луны. А внизу, насколько хватает глаз, бурая шевелящаяся равнина, тысячи тысяч спайдеров, сошедшихся к Цитадели.

Флагман Макомбер отбрасывает испачканный меч и трясущейся ладонью вытирает лоб.

— Ваня, — произносит он, — ты должен им что-нибудь сказать.

— Почему же я? — вяло возражает Ваня. — И что говорить?

— Ваня, — строго произносит флагман Макомбер. — Надо!

Ваня делает несколько шагов и останавливается на самом краю уступа.

— Товарищи! — кричит он и прокашливается. — Граждане Спайды! Самки и самцы! Мы, земляне, приветствуем...

И тут его прерывают. Громовой голос с неба гаркает:

— Эй, где вы там! Флагман, Ванька, Юл, отзовитесь!

И с серо-зеленого неба, расталкивая крутыми боками обломки древней Спайдовой луны, пошел спускаться прямо на Цитадель межпространственный космоход «Георгий Гречко», стометровый утюг лучших земных сплавов, ошетиленный гравитонными пробойниками, с биопарализатором в боевом положении.

— Ну, вот и все, — произносит флагман Макомбер.

Эпилог

Прекрасен и обычен на планете Земля и в ее окрестностях был день 15 ноября 2222 года нашей эры, от начала же Великой Революции 305-го.

Атмосферники весело раскрутили коварный тайфун «Катенька» в обратную сторону.

Работники Мадридской лаборатории биосинтеза запустили в жизнь инфузорию с белком на германисовой основе.

Во Внукове, на окраине Москвы, открыли мемориал Чести и Славы Российской работы знаменитого Сиверса.

У берега острова Сокорро выбросили в подпространство еще восемьдесят тонн древних радиоактивных отходов.

Замякали и закряхтели сотни тысяч новорожденных, будущих врачей, учителей и воспитателей, мастеров, ученых и спортсменов и — чего только не бывает! — великих писателей, художников и философов.

В купольном городе на Венере молодая мама отшлспала по попке свою десятилетнюю дочь, создавшую робота, который писал за нее сочинения по литературе.

Уходили в Глубокий космос и возвращались на родные базы сверхдальние звездолеты; опаздывали на свидания, целовались и ссорились влюбленные; поэты конструировали стихи, а мастера создавали поэмы из металла и электроники; кто-то бесстрашно входил в испытательные камеры, а кто-то с бесконечной осторожностью и с невероятным терпением обследовал загапризначавшего вдруг младенца...

В этот день на берегу некогда студеного, а ныне и навеки теплого океана справляли свадьбу. Трубадур женился на своей Принцессе. Все было очень скромно, из посторонних присутствовали только флагман Макомбер и спайдер Рамкэг, стажировавшийся на Земле для овладения теорией и практикой межпространственной связи. Даже из «Бременских музыкантов», кроме жениха и невесты, никого не было.

На любой взгляд это была примечательная пара: пепельноволосая красавица девочка с зелеными глазищами в половину лица и седой как лунь двадцатилетний парень с лицом, словно бы опаленным страданиями и смертельной битвой. Галя украдкой прижимала к глазам платочек, Портос гулко кричал и усиленно наполнял бокалы, Атос старательно улыбался одними губами, Арамис же время от времени механически вскрикивал «горько!» и в каком-то оцепенении смотрел, как молодые целуются. И при всем при том каждый из

присутствующих отчетливо понимал: жить друг без друга Ваня и Тзана не могут.

И вот в разгар этого чинного уныния случилась поразительная вещь.

Ночь была, бесконечная полярная ночь, как вдруг распахнулось окно, и вместе с шорохом волн на пологом галечном берегу в залу влетел черный носатый грач. Сделав круг над столом, он уселся на люстру и сказал:

— Ванька, не дрейфь! Все будет хорошо! Это я тебе говорю, Пупа, он же Пузатый Пацюк! Благословляю тебя с твоей Тзаной. Знай, паршивец этакий, что твой далекий потомок чудо-доктор Итай-итай произойдет от твоего брака с нсю, от вашей великой любви!

И, сказавши это, грач улетел, и захлопнулось само собой окно. И, ах! как все изменилось за свадебным столом! Но стоит ли об этом?

Кто же он такой, этот Пупа, Пузатый Пацюк? Может быть, пришелец из совершенных миров? Или из совершенных времён? Кажется, чего проще — спросить его самого. Да нет, язык не повернется. Да и стоит ли? Время летит, а дел много, ох как много! А праздное любопытство есть проявление бестактности и невежества — самых отвратительных пороков после трусости. Будем же просто счастливы тем, что Пупа, Пузатый Пацюк, на нашей стороне...

Поздно ночью, когда все стихло в доме на берегу оксана, Галя и Портос неслышно вышли и сели в самолет. Летели всего час, а летели они на восток, и утро было в разгаре, когда из зеркала Великого оксана выросла Черная Скала.

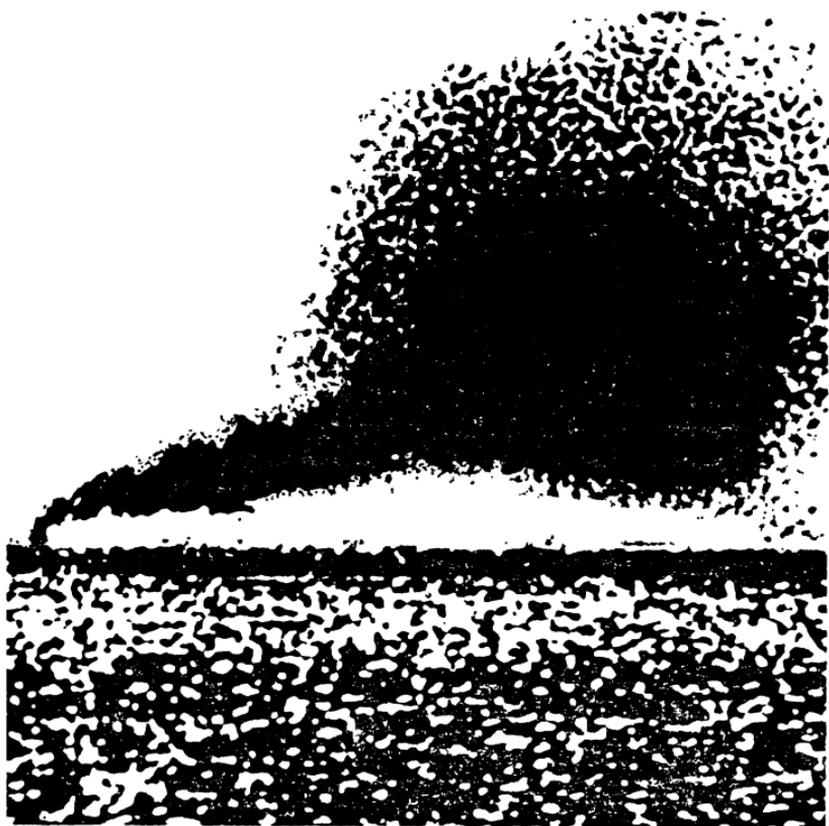
Там, на каменистой вершине, была могила. И на могильную плиту, низко склонившись, мать и отец Вани положили по букету северных цветов.

Москва. 21 июня 1983 года

Дьявол среди людей

повесть

1

*Но какое допустил святотатство патер грубый!
Он послать себе позволил «Таусфес-Ионтеф» к черту
в зубы.
«Боже, тут всему конец!» — кликнул рабби в испу-
ленье...*

Мой стариннейший знакомец (ныне уже покойный), майор милиции С., как-то попросил меня написать все, что я знаю о деле Кима Сергеевича Волошина. Ему хотелось, чтобы я рассказал всю эту историю как она представлялась мне и некоторым моим свидетелям, не скрывая никаких подробностей. Помнится, я принял тогда эту его просьбу за проявление некоего местного патриотизма. Он тяжело и искренне любил наш Ташлинск и всячески стремился прославить его в веках, и помню я, как бурно он радовался, когда открылось, что у нас целую неделю квартировал штаб мятежного Пугачева. Но если говорить откровенно, что представлял собою Ташлинск в дни моей юности? Не то что на карте генеральной, не во всяком атласе отыщешь. Так, большое село. Да и ныне скорее село, нежели город, хотя именуется городом. Районный центр в бывшей Новоизотовской, ныне снова Ольденбургской области. Маслозавод, механические мастерские, райком партии, пяток кинотеатров.

С другой стороны — майор С. Тот самый, что шесть выстрелами уложил в нашем Овраге восьмерых бродячих кошек и старуху побирушку. У него своя логика, и, боюсь, безупречная. Взять, например, Назарет. Тоже ведь не был ни вторым Карфагеном, ни третьим Римом, а ныне славен на весь мир! Так что если когда-нибудь историю с Кимом Волошиным размотают и опубликуют, то вполне возможно, что в каких-нибудь анналах, медицинских или, на крайний случай, уголовных, появится термин «ташлинский феномен». Это и трсбуется. И нечего, Алексей Андреевич, саботировать. Я вам в свое время посылно помогал, извольте соответствовать.

Я долго уклонялся, ссылаясь — и не ложно — то на хворости, то на занятость. А потом майор С. вдруг умер. Он был на десяток лет моложе меня; я узнал, что умер он не от тех болезней, которые за ним числились, и я понял, что это — судьба. И сел за машинку.

2

Говорят, в разгромленной кровавыми бомбежками японской столице часто находили в развалинах «черных кукол», вцепившихся друг в друга заживо сгоревших людей. Да еще в блокадном Ленинграде видели сплотившихся в смертном объятье скелетоподобных мертвецов. Было, было что-то, толкавшее в смертную минуту людей друг к другу. Да что говорить! В восемнадцатом году топили гардемарингов, мальчиков пятнадцати-шестнадцати годков. Связывали руки за спиной, навешивали на шею ржавые колосники и стаскивали за борт. Одного за другим, в общую кучу. Вода была на удивление прозрачная, и любопытствующие отметили, что в последние секунды земного существования своего утопленные копошились в груди уже мертвых, словно бы стремясь найти себе уютное место, склунуться в одну общую массу.

Я ведь и не помню времени, когда впервые встретился и подружился с Кимом Волошиным. Время было тягостное. Мужчин рвало на куски германское железо, а женщины вкалывали, молились и плакали ночами до изнеможения. Время было под лозунгом «Все на Голгофу!». Вот в это время и появился в нашем Ташлинске будущий возмутитель спокойствия нашего, замурзанный и обтрепанный, с трудом владеющий человеческой речью мальчик Ким. Как появился? Да просто волею смертельно уставшей чиновницы, торопливо заполнявшей бесконечные ведомости. Уже в студенческие времена довелось мне услышать анонимную песню под гитару:

Из краев освобожденных,
С черной, выжженной земли
К нам пригнали эшелоны
И детишек привезли...

Эшелоны не эшелоны, а десяток детишек по какому-то распределению доставили в Ташлинск. Еще в первую военную зиму к нам пригнали целый детский дом из Запад-

ной Украины. И Кима угодили туда. Нет, ничего плохого про это заведение не скажу. Из детдомовцев этих вышли совсем неплохие люди. Тот же майор С., например. Или (на свою беду) первый секретарь нашего горкома... Ну, конечно, и сволочи вышли, не стану называть фамилии, они подошли уже и пусть горят вечным огнем. Все они умирали тяжело, и не мне, их врачу, вещать на весь свет то, что мне о них рассказывали и тем более в чем они в предсмертном бреде мне признавались. О мертвых, как известно, либо ничего... А почему, собственно? Впрочем, речь не о них.

Ну-с, Ким у нас угодил в этот самый детский дом к пациентам из Западной Украины. И там его, конечно, как завязатого кацапа принялись было нещадно бить. Походя оскорблять, мочиться в его постель, отнимать еду. Дело известно. Мальчишки и звери — одна потеря. Но тут не на таковского напали. Ну-с, когда его в очередной раз жестоко отлупили, отобрали у него добротные армейские ботинки и отняли за ужином миску голодной каши вместе с голодной хлебной пайкой, он среди ночи тихонько встал, подкрался к своему главному обидчику, сыто и сладко спавшему под тремя одеялами, и со всего размаху треснул его по голове табуреткой. Ирония судьбы. Этого долдона через месяц должны были призвать в армию. Но после табуреточного сотрясения он почти пять месяцев проволынил в больнице и тем, по существу, спасся. Я его видел потом: кончил войну каким-то политруком, орден, медали и харя — троим не обгадить. Инструктор нашего родного Ольденбургского... виноват, тогда еще Новоизотовского обкома. Оч-чень значительное лицо, ныне, впрочем, на пенсии.

Так вот, о Киме. Табуреточное дело в детдоме, конечно, замяли. Там и не такие дела заминали. Трех заведующих, пятерых завхозов, неучтенное число поварих и нянск отдали под суд, шайки осатаневших от голода воспитанников грабили погреба, лавки и хаты, хозяйки отбивались вилами и топорами, трупы мальчишек и девчонок тайком где-то закапывали, изувеченных увозили неизвестно куда... Это общеизвестное. А что касается Кима, то приставать к нему перестали, но и дружбы ничьей в родном детдоме он не сыскал. Все числились на Голгофе. И Ким подружился со мной.

Во-первых, в классе оказались мы за одной партой. Это само по себе сближает. Но главное — моя мама. Чем-то очень ей понравился Ким. И когда приходил он к нам делать

уроки, ему всегда выставлялось угощенье: мятая вареная картошка, круто посоленная и с нарезанным лучком, залитая обратом. И мы всласть лопали. Боже мой, как мы лопали, вспомнить страшно! Только хлеба, конечно, было мало-вато — так, по маленькой горбушке на нос.

И изрядно было нами обговорено в ту пору, как это всегда водится между мальчишками.

3

Палач не плясал на трупах. Это бедной Каталине почудилось в бреду. Он просто утаптывал землю на свежем захоронении.

Точного возраста своего Ким не знал, пять лет ему записали на глазок. Не знал он и своей фамилии, и имени отца не знал, а знал только, что мать звали Дуня, бабушку — Вера, а деда в семье звали Старый. Отчество и фамилию дали ему от какого-то солдата, не то санитаря, не то кашевара, при котором он кантовался, пока не был отправлен в тыл. Ну и спасибо неведомому Сергею Волошину, пускай земля ему будет пухом. И уж если говорить об именах, то раз Ким признался мне, что по-настоящему звали его Клим (в честь Первого Маршала, надо полагать), но, когда его спрашивали, он еще весь трясся и пропускал буквы, так и получился у него Ким вместо Клима, так и записали...

А родом он был откуда-то с юга, то ли из Батайска, то ли из Ростова. Отец сразу же ушел на войну и сгинул, во всяком случае, у Кима о нем не осталось никаких воспоминаний. Когда немцы подошли к городу, мать подхватила сынка и перебралась к родителям. Надо полагать, куда-то неподалеку. Уже через несколько дней немцы без боя ворвались в это местечко и помчались дальше. На восток, на восток! Нах Шталинград!

Об оккупации у Кима особых воспоминаний не сохранилось. Кажется даже, что это было самое сладкое время в его маленькой жизни. Дед Старый и баба Вера души в нем не чаяли, картошки со сметаной, яиц и морковки было предостаточно, обширный двор и садик были в его полном распоряжении, вот только мать чахла день ото дня... Потом наступила та страшная зима, когда война взялась за него по-настоящему.

Вероятно, местечко это имело важное стратегическое

значение, иначе чего бы две самые могучие армии в мире топтались на нем несколько дней (часов? недель?), гресли, бабахали, лязгали над головами двух стариков, молодой женщины и ребенка, в ужасе зарывшихся в кучу картошки на дне погребка? Метались по земляным стенам охваченные паникой крысы, изобильно сыпалось с потолка, и все тряслось в крошечной тьме... Выдалась тихая минутка, и дед Старый ползком вскарабкался по земляным ступеням и осторожно выглянул наружу, и сейчас же снова скатился вниз и сообщил, что хату разнесло до завалинки, а на месте сортира навалены грудой то ли мешки какие-то, то ли тела. Затем загредело, забахало, залязгало опять, да еще и сильнее. Мать легла на Кима, прикрыв его своим немощным телом, баба Вера громко читала молитвы, дед Старый кряхтел и ворочался во тьме, все старался зарыть любимых людей поглубже в картошку, а маленький Ким лежал, притиснутый телом матери, задыхался и ходил под себя... И тут снаружи вышибли дверь погребка и вбросили гранату.

Немец? Наш? Какая разница! Треснула взломанная дверь, погреб озарился серым светом, затем со стуком упало рядом, покатилося и грянуло. Целую вечность Ким лежал под трупами тех, кто мог им интересоваться. Потом еще одну вечность он выбирался из-под этих трупов. Он выбрался, залитый кровью и испражнениями, сполз на земляной пол и завыл. Он выл и никак не мог остановиться. Он не помнит, как пришли, как вытащили его наружу, смутно припоминается ему, как кто-то плачет над ним, кто-то матерится люто, потом его мыли и оттирали, и кто-то голый, стриженный ступеньками, лил на него нестерпимо горячую воду и надирал жесткой мочалкой. И вот он оказался чистенький, в подшитой, но все равно непомерной солдатской форме, с брезентовым ремнем и погонами, в громадных ботинках, набитых ветошью, в настоящих обмотках, толсто намотанных на его тощие ноги, и он был под опекой славного санитаря-кашевара дяди Сережи и мчался со всей армией на запад, на запад, на Берлин!

До Берлина он не домчался, а оказался вдруг в эшелоне, в телятнике, набитом такими же возгрявыми бедолагами, котелок замечательно вкусной пшенки с говядиной (на двоих в сутки), буханка хлеба, тоже замечательно вкусного (на пятерых в сутки), Новоизотовск, распределитель, Ташлинск. Все.

Союзные моряки стали жаловаться, что, сойдя на берег после арктических тягот, они у нас лишены женской ласки и оттого могут ненароком исчахнуть. Тогда горьком обратился к комсомолкам в возрасте от семнадцати до двадцати лет с предложением порадеть нашим славным товарищам по оружию. Те, конечно, порадеть не отказались. Что делать, времена тяжелые, а тут тебе и консервы, и шоколад, и виски, и чулочки. Однако когда война закончилась, их всех объявили изменниками Родины, погрузили на баржи и потащили в открытый океан. На остров Сальм, как им объявили. Но до острова Сальма их не дотащили, а потопили из-под воды торпедами. Светило красное полуденное солнце, белело небо над далекой кромкой вечных льдов, океан был как зеркало, и до самого горизонта виднелись по воде женские головы — русые, каштановые, черные...

Одним из первых возвратился в Ташлинск мамин брат дядя Костя. И была при нем одна нога, одинокая медаль «За отвагу» на широкой груди, тощий сидор с нехитрыми пожитками да еще великолепный аккордеон, который, по его словам (и я ему верю), он взял из подбитого им же немецкого танка.

Помнится, вечер был. Женщин к нам набилось великое множество. Вареная картошка и соленые огурцы высились на столе горами, и не было недостатка в самогоне. Нас с Кимом затиснули в угол, но в миски, что мы протискивали между женскими боками, накладывали не глядя, а нам того и надо было. Мы только перемигивались за спинами. Потом Фроська, толстая наглая девка, с самого начала липнувшая к герою, игриво осведомилась, отчего это на его широкой груди вроде пустовато. На нее зашикали, а дядя Костя, потрогав свою медаль и весь скривившись, очень внятно объяснил беспутной Фроське, что и куда дают Ваньке за атаку и за что дают Красную Звезду Тамарке. Все потупились, кто-то хихикнул, кто-то всплакнул. У Фроськи толстые щеки стали лиловыс.

— Ладно, — произнес дядя Костя. — Я вам лучше спою. Может, понятнее будет.

Он достал из футляра аккордеон и запел. Странная была песня, и мотив странный — не то марш, не то тоска предсмертная.

Справа танки, ребята, справа танки, друзья!
Приготовьте гранаты, удирать нам пельзя.
Эй, Сережка с Павлушкой, мочи-сил не жалея,
Накатите мне пушку на бруствер скорей!

У Сережки-студента есть фляга вина.
Не теряйте момента, осушайте до дна!
На закуску узнаем, не пройдет еще час,
Есть ли небо над раем или морочили нас..

Против гадов с крестами — что мои «сорок пять»?
И снаряды мы стали, словно мертвых, считать...
И остался у пушки я один бить отбой.
Спи спокойно, Павлушка, я иду за тобой.

Тишина стала в хате. И вдруг мой Ким забился рядом со мной, выронил миску и, то ли хохоча истерически, то ли икая, принялся бессвязно выкрикивать:

— Колоть их!.. С крестами, без крестов... всех! На мелкие куски! Чтобы ни одного!.. Вдребезги их! В мясо-кровь!..

Он захлебнулся криком и стал закидываться, словно бы стараясь прижать затылок к лопаткам. Женщины подхватили его, принялись дуть в лицо, лить воду через стиснутые зубы. Дядя Костя спросил брезгливо:

— Это еще кто?

Мама торопливо объяснила: Лешкин-де дружок, детдомовец, а больше ничего не объясняла, но дядя Костя и без того понял. Он опрокинул стопку, закусил огурец и пробормотал, плюясь семечками:

— Оттуда, значит... Ну, что с пацана возьмешь, и не такие заваливались... — И добавил совсем по-горьковски: — А песню он мне все-таки испортил, чтоб ему...

И вскоре получился еще один случай. Вернулось еще несколько изувеченных, и приладились они собираться у нас, выпивать и петь свои дикие и страшные песни. Мама только вздыхала, но ведь не гнать же их... А уж мы с Кимом слушали во все уши. И вот запели они раз особенно дикую и страшную:

Мы инвалиды, калеки, убогие,
Мы все огрызки Великой войны,
Но унывают из нас лишь немногие,
Мы веселиться, петь и пьянствовать должны!

Так, инвалиды, пей и веселись,
На крыльях водки подымаясь ввысь,

Пускай гремит наш хриплый, жуткий смех —
Нам веселиться, право же, не грех!

Кто не слышал с воюющих коск стонов раненых,
Кто не смотрел смерти прямо в глаза,
Тот удивится, увидев нас пьяными,
Но так смеяться не сумеет никогда!

Так, инвалиды, пей и веселись...

И все. И смолкла внезапно песня. Взвизгнул в последний раз аккордеон и тоже смолк. Тяжесть стеснила мою душу, глаза застлало слезами. Увечные молчали, скорбно и растерянно переглядываясь. У Кима же все лицо стало мокрым от пота, выпученные глаза закатились под лоб, и он медленно сползал со скамьи на пол. Минуту спустя инвалиды, так и не сказав больше ни слова, подхватились и вышли. Вот такое было происшествие.

Может, с этого все и началось? Первая ласточка? Не всем. Знаний не хватает, а врать не хочу. Да и давно это было.

Впрочем, тут вернулся и отец мой, гвардии капитан, живой и относительно невредимый, и инвалиды перестали у нас собираться.

5

Еще бабка поучала: «Как попил, ведро доской закрыл, ковшик на доску, гляди, ложи кверху доньшком. А книзу доньшком положишь если, гляди, беси в него насеруть...»

В классе, кажется, шестом дорожки наши с Кимом разбежались. В Ташлинске открылось ремесленное училище, и Ким сразу поступил туда учиться — то ли на слесаря по ремонту чего-то сельхозтехнического, то ли на токаря по выточке запчастей. Вообще в тот год школа наша на треть опустела: у большей части ребят повыбило отцов, а в училище как-никак питание, форма и даже приработки — крошечные, конечно, но все же живые деньги.

Ну и вот, мы почти перестали встречаться, тем более что училище располагалось на другом краю Ташлинска и вовсе на другом берегу нашей славной речушки Ташлицы. А время бежало, и летели месяцы и годы, и Усатый перекинулся, как у нас говорили, и Кукурузник на трон взгромоздился, и я невинность потерял у одной развеселой вдовушки, а Ким

едва не угодил под суд за злостное хулиганство, и сделалось нам по семнадцати-восемнадцати, и вылупились мы из наших альма-матушек. И тут мы окончательно потеряли друг друга из виду. На несколько лет потеряли, и я, например, просто забыл о существовании прежнего своего приятеля Кима Волошина.

Мне удалось сачкануть от армии. Каким образом — не хочу выдавать секретов, да и речь не обо мне. Достаточно сказать, что своевременно оказался я в Томском медицинском институте и засел в нем на пять полных лет, и страха ради иудейска даже на каникулы не появлялся дома. А потом появился в качестве врача «скорой помощи». И только тогда совершенно случайно узнал, что Кима в Ташлинске нет, ибо приключилась с ним история без малого сказочная.

Поведал мне се механик из бывшей машинно-тракторной, а ныне ремонтно-технической станции, которого довелось мне пользоваться от приступа стенокардии. Оказывается, Ким тоже не попал в армию. Но его просто признали негодным, выяснилось, что у него порок сердца — скорес всего, приобретенный. Забегая вперед, скажу, что убедился в этом самолично, когда случилось мне десяток лет спустя его обследовать. Точно, ревматический митральный порок. Выйдя из военкомата, он незамедлительно двинулся в «Сельхозтехнику» и уже чрез день гремел железом в МТС под чутким руководством моего механика.

Работал он неплохо, находчиво, но не слишком и утомлял себя, как, впрочем, и по сей день принято у сельских механизаторов. Но важно другое: Ким начал пописывать в нашу районную «Ташлинскую правду»! И никто в те времена об этом не подозревал, потому что свои заметочки-статейки он безлично подписывал как Рабкор, и под настоящим именем знали его только редактор, ответственный секретарь да кассир.

Я не поленился провести вечер в городской библиотеке над подшивками. Старушка библиотекарьша сама и не без гордости отыскивала мне опусы Кима. Ничего особенного, всякое там «Цветет земля ташлинская», «Верните рабочим душевую», «Куда смотрит столовая комиссия?». Но для доморощенного газетчика не так уж и слабо. Кстати, со слов библиотекарьши выяснилось, что Ким был у нее завсегда-см. Не реже раза в неделю приходил он и брал книги. Главным образом классику. От Белинского и Гоголя до Некрасова и Салтыкова-Щедрина. Собственно, больше и брать было нечего, брошюрки и всякие там бубенновы-ажавы...

Эта газетно-машинно-ремонтная идиллия, изредка нарушавшаяся скандалчиками в общжитии (жег электричество допоздна), тянулась у Кима почти четыре года. А потом появилась она.

Она — это Нина Востокова, двадцати лет, студентка Московского института журналистики и единственная дочь Николая Васильевича Востокова.

Николай Васильевич Востоков — русский советский литературовед, профессор, весьма известный в известных кругах специалист по журналистской деятельности Ульянова-Ленина, а также один из достаточно гласных руководителей Московского института журналистики.

Нина Востокова прибыла в наш огромный Ташлинск на практику. Вероятно, ей ничего не стоило устроиться в любой газете первопрестольной, но то ли профессор считал, что дочке пора нюхнуть провинции, то ли сама она настояла на этом, но только в один прекрасный день она появилась в протабаченном кабинетике редактора нашей районки. Встречена она была с надлежащим вниманием, выразила приличествующую радость по поводу встречи и надежду на помощь со стороны столь опытных коллег, но, что делать, не смогла скрыть по молодости лет простодушного превосходства своего над ними, и даже еще менее лестных для них чувств. Коллеги обиделись, но обиды не показали, а просто свели ее с рабкором К.Волошиным. Дескать, мы здесь тоже не лыком шиты, и зрют в толще наших читательских масс активные наши помощники, и мы их активно выискиваем и привлекаем к активному сотрудничеству. А вот из вас, милочка, еще неизвестно, что получится.

Встреча с рабкором К.Волошиным произвела на заносчивую девочку огромное впечатление. У нее-то, как выяснилось, была за душой пока что одна-единственная замечка в «Московском комсомольце», и та петитом, по пустячному поводу и без подписи, а этот работяга предъявил ей целый альбом с вырезками. Нина Востокова была изумлена. Она была восхищена. С папиной подачи она всегда верила в творческие возможности трудовых масс, но увидела творческую трудовую личность своими глазами впервые. И где! Во глубине башкиркайсацких руд! Она, бедняжка, даже позавидовать не сумела. Она расцеловала Кима, расцеловала редактора и, не говоря ни слова, помчалась в горком комсомола. И весь свет узнал.

И конечно же, согласно всем законам этого жанра жизни они мигом влюбились друг в друга.

Вот как описал ее редактор «Ташлинской правды», старый

друг моего покойного отца и мой пациент. Не шибко красивая, смуглая, скуластенькая, крепенькая, всегда в выцветшей саржевой курточке, комсомольский значок, огромный нагрудный карман, из которого торчат блокнот с авторучкой.

— Суетливая, болтливая, — раздумчиво вспоминал он. — Идсалистка. Павка Корчагин, Олег Кошевой и все такое. Энтузиастка. Глуповата. Разумеется, при таком папаше... — Тут он несколько неожиданно прервал себя, закричал и сообщил: — Что-то меня пучит сегодня. Не иначе как от молочной каши. Закормили меня этой молочной кашей...

Своевременно она отбыла к себе в столицу, а еще примерно через месяц Ким получил уведомление о зачислении его на первый курс Московского института журналистики. Состоялась напутственная беседа в райкоме, состоялось тихое застолье у редактора, состоялась довольно безобразная отвальная в мастерских, и Ким Волошин уехал. И очень скоро был в Ташлинске забыт. Года два в райкомовских докладах продержалась фраза: «Об уровне культурной работы в районе свидетельствует хотя бы тот факт, что один из наших механизаторов, Волошин К.С., проявивший себя в качестве постоянного рабкора нашей газеты, был замечен в Москве и принят без вступительных экзаменов на один из факультетов Московского института журналистики». Но пришел в райком новый Первый, и фраза эта нечувствительно выпала.

Так что, когда я вернулся в родную хату врачом «скорой», имя Волошина было прочно забыто, да я и сам, признаться, вспомнил о нем только из-за случайной обмолвки моего пациента-мастера. Вспомнил и, натурально, заинтересовался, стал даже расспрашивать. А годы шли, интерес мой стал угасать, и я вновь и очень прочно забыл про Кима. Настолько прочно, что, когда снова встретился с ним, не сразу понял, с кем имею дело.

6

*Скоро, скоро мы ляжем
К северу головой,
Скоро, скоро укроемся
Северною травой...*

К тому времени я уже несколько лет как оставил беспокойную, но столь необходимую для настоящего медика практику на «скорой помощи» и стал в нашей больнице терапевтом,

причем ведущим, едва не вторым лицом после главврача. Как-то я дежурил, и дежурство, помнится, было спокойным, только вечером получился срочный вызов из РТС «Заря» на маточное кровотечение у женщины тридцати двух лет. Ночь была тихая, лунная, с небольшим морозцем. До «Зари» километров пятнадцать, так что я с легким сердцем отослал туда наш драндулет, ибо всегда считал, что лошадок наших надо поблику возможно беречь. После обхода я, как всегда, угнезвился в ординаторской, приказал дежурной сестре чаю, а сам занялся приведением в порядок своей довольно запущенной документации. Не тут-то было. Мой Вася-Кот (врач «скорой») позвонил из «Зари» и сообщил, что положение больной тяжелое и он решил взять ее к нам. Ну, дело привычное, я позвонил хирургу, он же гинеколог, он же уролог и прочая, разбудил его и велел явиться, затем распорядился насчет операционной.

Через час ее привезли. Как оказалось, ее сопровождал муж, и это было кстати, потому что больная была в беспмятстве, а историю болезни надлежало заполнять. Все наличные силы мои были задействованы в смотровой, и историей болезни пришлось заняться мне самому. Я вышел в «предбанник»; на драном диване сидел там, уткнувши лицо в ладони, мужчина в потрепанном костюме, на полу возле него неопрятной грудой громоздились тулупы, невзрачных расцветок платки, еще какое-то тряпье. Поверх валялись скомканные, окрашенные кровью то ли полотенца, то ли разорванные простыни.

— Вы — муж? — спросил я громким деловитым голосом.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Лицо у него было узкое, обтянутое, желтоватого цвета, светлые волосы острижены наголо, из-под щетины виднелись зажившие шрамы, и широкая черная повязка пересекала это лицо и череп, закрывая левый глаз. «Билли Бонс», — промелькнула у меня ненужная мысль.

— Да, — сипло отозвался он и воздвигся. Был он высок, немного выше даже, чем я, но несомненно худой. До болезненности. И еще я механически отметил, что на потрепанном пиджаке его не хватало пуговиц. И что под пиджаком у него сероватый свитер грубой вязки с растянутым воротом.

Я завел его в ординаторскую, усадил на табурет перед собой, достал бланк и отвинтил колпачок авторучки.

— Имя? — спросил я.

— Мое? — спросил он и прокашлялся.

— Нет, пока не ваш. Имя больной.

— Да, конечно, извините. Имя — Волошина Нина Николаевна.

— Год рождения?

— Тридцать девятый.

— В браке?

— Да. Со мной. Больше десяти лет.

— Беременна?

— Нет. Нет-нет. Точно — нет.

Он заерзал на табурете, устраиваясь удобнее, и положил перед собой на стол сцепленные руки. Огромные мохлявые конечности, окрашенные въевшейся ржавчиной и машинным маслом. Что-то было с ними не в порядке, с этими конечностями, но приглядываться я не стал. Я положил ручку и спросил:

— Что с нею случилось?

— Точно не знаю, — ответил он звонким голосом, и я понял, что он на грани истерики. — Наверное, подняла что-нибудь тяжелое, не под силу. У нас там в бараках... Да вы вот что, доктор. Отметьте: в шестьдесят пятом у нее был выкидыш на нервной почве, и потом она на учете... Да, и еще у нее резус отрицательный.

— Так. А на каком учете?

— Психиатрическом. Два года в психушке сидела.

Я записал и снова посмотрел на его лапы. Вот оно что... На правой руке не было безымянного пальца. Культик, почти под корень.

— Так, — сказал я. — А прежде у нее такие кровотечения были?

Он не успел ответить. Дверь приоткрылась, просунулась дежурная сестра и деловито произнесла:

— Алексей Андреевич, вас срочно.

Я встал.

— Вы здесь посидите, — сказал я. — Подождите минутку.

Я уже знал, в чем дело. За дверью сестра подтвердила шепотом:

— Умерла...

В смотровой уже было пусто, только хирург мылся над раковиной в углу. Когда я вошел, он повернул ко мне виновато-агрессивную физиономию и пробубнил:

— Ничего не получилось. Клиническая.

Я подошел к столу. Она лежала на спине, вытянутая во

весь невеликий рост, голая, ссеровато-голубая, до изумления тощая, так что все ребрышки проступали сквозь кожу, и коленные мослы не давали сомкнуться прямым, как палки, бедрам, и светло-коричневые пятаки плоских сосков казались нарисованными на ребристой поверхности груди. Глаза были закрыты, личико с кулачок было совершенно кукольно, синеватые зубы сухо блестели меж полураскрытыми белыми губами, и роскошные черные волосы, разбросанные по изголовью, были пронизаны седыми прядями...

— Как ее фамилия, Алексей Андреевич, не знаете? — спросил хирург, присев у столика и раскрывая блокнот.

— Кажется, Волошина, — машинально пробормотал я. — У меня там записано...

Я еще не договорил, когда сумасшедшая, но точная догадка озарила меня, и я внезапно понял, чей это труп лежит передо мной и кто дожидается меня в ординаторской. Никогда я не понимал и не пойму, наверное, как работает подсознание. Мало ли Волошиных на свете? И ничто не было столь далеко от меня той январской ночью, как Ким Волошин, и никто не мог меньше напомнить мне о Киме, чем тощий человек в пиджаке с оторванными пуговицами, с черной повязкой через глаз, с изувеченной рукой...

— Что? — спросил я.

Сестра стояла с простыней в руках и вопросительно смотрела на меня. И хирург смотрел на меня с любопытством.

— Да, — произнес я нетвердо. — Конечно. Вывозите.

Сестра накрыла труп, отступила от стола и перекрестилась.

— Алексей Андреевич, — сказал хирург, — а как насчет анамнеза? Говорят, с нею муж присхал, хоть бы с его слов составить...

— Я сам, сам, — проговорил я поспешно. — Это я сам. А ты пока набросай диагноз и прочее, потом впишешь...

Я стиснул зубы и вернулся в ординаторскую. Когда я вошел, он поднял голову и уставился на меня своим единственным глазом. Я глотнул всухую, медленно обошел стол и сел напротив него. Затем проговорил, глядя в сторону:

— Вот, значит, как. Такое, понимаешь, дело, Ким...

Он перебил меня. Голосом чуть ли не деловитым.

— Умерла?

Я кивнул и стал торопливо объяснять, что подробности

покажет вскрытие, могло бы помочь переливание крови, она потеряла массу крови, но у нее же резус, ты сам знаешь, а такой крови не то что в Ташлинске — в Ольденбурге, пожалуй, не найти, а то и в самой Москве.

Он слушал, не перебивая, прикрыв глаз тяжелым темным веком, а когда я, запыхавшись, умолк, подождал несколько секунд и сказал:

— Не надо оправдываться, Лешка. Ничто бы ее не спасло. Ни Ольденбург, ни Москва... Не сегодня, так послезавтра бы, все равно. Отмучилась бедняжка.

Я сейчас же полез в тумбочку стола, извлек смкость со спиртом и стакан, налил граммов сто, долил водой из графина и протянул ему.

— Выпей, Ким.

Он усмехнулся деревянно:

— Ну, раз медицина не против...

Он залпом выпил, вытер заслезившийся глаз, а я, суетясь, развернул прихваченные из дома бутерброды.

— Закуси.

От отломил корочку, понюхал и стал жевать.

— В сущности, — произнес он почти рассудительно, — она была давно уже обречена. Любовь, доброта, великодушные — они жестоко наказываются, Лешка. Жестоко и неизбежно.

Я разозлился. Должно быть, уже пришел в себя.

— Это все философия, Ким. По три копейки за идею. Но как она дошла до такого состояния? Ты что — голодом ее морил?

Он медленно покачал головой.

— Это история долгая, Лешка. А в последнее время Нина почти ничего не ела. Не могла. Ничего в ней не держалось. Пытался наладить ее к медикам. Ни в какую. Там в бараке бабы пытались лечить ее насильно. Ворожей каких-то позвали, знахарок... травки, настойки, заговоры... Очень ее любили. Да ничего не вышло, как видишь. Она же психическая была, что ты хочешь...

Он постучал пустым стаканом по смкости со спиртом. Я налил. Он выпил и отколупнул еще одну корочку, стал жевать через силу. Вид у него сделался задумчивый.

— И давно ты здесь? — спросил я.

— В Ташлинске? Да не так уж чтобы... Прошлым летом мы приехали. Слава Богу, в бараке сразу комнатуху дали, мыкаться не пришлось.

— А я и не знал, — проговорил я и добавил неискрен-

не: — Так ведь не все же время ты в этой «Заре» околачивался, в город, наверно, не раз набегал... Чего же ко мне не зашел?

— А зачем я тебе? — спросил он равнодушно. — И ты мне... Конечно, если бы тетя Глаша была жива... (Покойную маму мою звали Глафира Федоровна.)

— Не сразу узнал тебя, — промямлил я, чтобы что-нибудь сказать.

— А я так сразу.

Он взял емкость, налил полный стакан и залпом выпил и с клокотанием запил из графина прямо из горлышка. Вода полилась ему на грудь, и он, еще не оторвав горлышка от губ, стал растирать ее искалеченной рукой.

— Ну и будет, — сказал я решительно и спрятал смоську.

— Будет так будет, — вяло пробормотал он и прикрыл глаз темным веком.

Затем он сделался слегка бусен и обильно слезлив, заговорил непонятно и бессвязно и вдруг на полуслове заснул, уронив голову на стол. Я кликнул сестру и Васю-Кота, и мы выволокли его на диван, устроив ему постель из тулупов и шалей. Во время этой тягостной процедуры он только раз отчетливо произнес: «А что мне на нее смотреть? Я уже насмотрелся. И попросались мы давно уже...» Произнес и впал в глубокое беспамятство.

Утром его уже не было в больнице. Он исчез вместе со своими тулупами, да так ловко, что даже нянька не уследила. И Ким Волошин снова ушел из поля моего зрения. После того дежурства мне пришлось отлучиться из города, и как раз в это время из «Зари» приехали на санях забрать тело на похороны. Говорили, был вполне приличный гроб, и было человек десять тепло укутанных женщин — вероятно, соседок Волошиных по неведомому мне бараку. Посзд из трех саней потянулся за Ташлицу на Новос кладбище, и говорят, первые сани, те, что с гробом, вел сам одноглазый Ким, шел впереди, тяжело переставляя ноги, ведя под уздцы заиндевевшую лошадь. Похоронили Нину Волошину и, не возвращаясь в Ташлинск, уехали по правому берегу прямо на свою «Зарю».

Работы у меня, как всегда, было выше головы, и лишь иногда я вспоминал рассеянно и недоумевал, как это могло случиться, что питомец прославленного Московского института журналистики очутился в мастерских заштатной РТС в глубокой провинции, а журналистка и дочка профессора

Востокова нашла себе могилу в промерзшей башкир-кайсацкой земле... И еще испытывал я нечто вроде обиды на выскочившего вдруг из небытия Кима, который вполне мог бы мне все сам объяснить, а вот не соизволил, ну и Бог с ним, насильно мил не будешь. Да и не желал я быть милым насильно.

В общем, из-за деловой тскучки и этого ощущения легкой неприязни Ким, скорее всего, снова выпал бы из моей памяти, но тут получилось одно неожиданное обстоятельство.

Однако сначала я введу в рассказ еще одного героя. Имя ему — Моисей Наумович Гольдберг.

7

*Летят по небу самолеты-бомбовозы,
Хотят засыпать нас землей, ёксель-моксель.
А я, молоденький мальчишка, лет семнадцать,
Лежу почти что без ноги.
Ко мне подходит санитарка, звать Тамарка:
«Давай тебя я первяжу, ёксель-моксель,
И в санитарную машину «стундербекер»
С молитвой тихо уложу...»*

Был в те времена наш несравненный прозектор, «лекарь мертвых», талантливейший старик, неизбежная гроза новоявленных специалистов, сопляков, путающих перитонит с перитонизмом и забывающих в операционных ранах салфетки. Он умер в прошлом году, старый труженик и мученик, с закрытыми глазами и довольной улыбкой: должно быть, рад был уйти от кошмара, от фантастического дела Кима Волошина.

О прошлом сего я знаю немного. Был он учеником и пользовался благосклонностью самого Давыдовского Ипполита Васильевича, главного патологоанатома Советского Союза. Того самого, добавляю для несповесных, который был инициатором и автором знаменитого Указа от 35-го года о непременном вскрытии всех больных, умерших в лечебных учреждениях. Войну Моисей Наумович прошел от звонка до звонка. Служа под знаменами генерал-лейтенанта Кочина главным патологоанатомом армии, удостоился Красной Звезды и именного оружия за предупреждение возникшей в войсках эпидемии менингита, обнаруженной и блокированной

ной им на основании материалов вскрытия. Надо полагать, отчетливая была работа.

После войны «Звездочку» свою он, конечно, потерял, именной пистолет у него отобрали, а тут подоспели и настоящие неприятности, и Моисей Наумович стремглав покатился вниз. И докатился, на наше счастье, до Ольденбургского облздрави, который и стряхнул его в Ташлинск. И стал он патологоанатомом больницы, а также — по совместительству и по бедности нашей — судмедэкспертом. И все четверть века, всю оставшуюся жизнь, прожил в комнатухе, отведенной ему судебным ведомством(!) в так называемом районном пансионате. Впрочем, насколько я знаю, был он совершенно одинок, без единого родственника на всем белом свете.

Довольно долгое время были мы с ним в состоянии настороженного нейтралитета. Но, слава Богу, никаких претензий к моей работе у него не случилось, и понемногу стал он захаживать ко мне домой — сыграть в шахматы, попить чайку, а то и отобедать. Я к нему привязался, а Алиса (жена моя) просто души в нем не чаяла. Но у нас с ним такие отношения сложились, повторяюсь, не сразу, а вот с так называемыми простыми людьми, в частности, со страдальцами, которых пользовала наша больница, он сходился необычайно легко. Конечно, доброе слово для больного — великое подспорье, но не одни только добрые слова имелись в бездонном арсенале Моисея Наумовича. Его, «лекаря мертвых» высочайшего класса, вызывали проконсультироваться в сложных случаях и к живым, — вызывали разумеется, те из моих коллег, что были постарше и поумнее. «Я — старый врач, Алексей Андреевич, — говорил он мне с усмешкою. — А покойник — тот же больной, только в лекарствах больше не нуждается и в сочувствии тоже». Так или иначе, за четверть века своего служения городу он обрел множество добрых знакомых, особенно людей пожилых, и его охотно приглашали на семейные праздники, даже и на крестины всевозможных внуков и правнуков («несмотря что еврей»), а уж на похороны и поминки — непременно. К слову, популярности ему немало прибавляло и то, что он никогда не волянил с выдачей родственникам усопших патологоанатомических справок, без которых, как известно, предание земле у нас категорически не допускается.

Вот пока и все о Моисее Наумовиче Гольдберге, светлая ему память, а в тот день, в первое, кажется, воскресенье

после похорон Нины Волошиной, мы с ним сидели у меня дома в кабинете и играли в шахматы. И вдруг задрезжал телсфон.

8

Вынесет все — и широкую, ясную грудью дорогу проложит себе. Жаль только жить.

Звонил старый знакомый, бессменный редактор нашей «Ташлинской правды».

— Алеша, — просипел он в трубку, — ты не очень занят?

Я осторожно ответил, что не очень.

— Тут у меня один товарищ, — сказал старик, — ему очень нужно поговорить с тобой. И срочно. Полчасика не можешь уделить?

Я ответил, что могу, пожалуй, но что я не один, у меня Моисей Наумович. Редактор хорошо знал Моисея Наумовича — он несколько раз выступал в газете на медицинские и гигиенические темы.

— Моисей Наумович? Это прекрасно. Так мы к тебе идем.

Я с сожалением взглянул на шахматную доску и ответил, что жду. Деликатнейший Моисей Наумович сорвался было уйти, но я свирепо его остановил. Еще чего! Чтобы в мой законный выходной в моем собственном доме моих друзей — и так далес.

И они пришли.

К моему удивлению, товарищ оказался симпатичной шатеночкой лет тридцати, румяной с морозца, с милыми ямочками на щеках, одетой, я бы сказал, по-столичному. Оправившись от секундного шока, я кинулся освобождать гостью от роскошной меховой шубки. Шатеночка действительно оказалась приезжей из столицы, журналисткой по имени Екатерина Федоровна. Тут и Алиса моя вышла в прихожую, и запахло уже не полчасиком, а банальным нашим гостевым часпитием часа на три. Всех загнали в столовую и рассадили вокруг самовара. Я взглянул на Моисея Наумовича: вид у него был благодушный и даже довольный — во-первых, он любил часвничать, а во-вторых, партия была отложена в тяжелом для него положении. Я едва удержался, чтобы не хихикнуть.

Но едва смолк звон ложечек, размешивающих сахар, Екатерина Федоровна, как-то вдруг помрачнев, спросила меня, правильно ли ей сообщили в больнице, что я присутствовал при смерти Нины Волошиной и говорил с ее мужем. Игривость, овладевшая мною, тут же пропала, и я осведомился, почему ее это интересует. Старый редактор пустился было в заверения, что все здесь, дескать, в порядке, но Екатерина Федоровна остановила его движением бслой ручки и сказала, что все объяснит сама.

Оказалось, была она старинной, еще институтской подругой покойницы и дружила также с Кимом. Когда случилась катастрофа, она всеми силами поддерживала Нину, она даже взяла ее к себе жить, хотя это было, сами понимаете, довольно рискованно, и они расстались только в середине прошлого года, когда Ким вернулся и увез ее сюда, в Ташлинск. В прошлый понедельник она получила от Кима телеграмму, сразу кинулась на самолет, однако вылет задержался из-за погоды, и на похороны она опоздала. Вчера она была в «Заре» у Кима. Как всегда, рассказать толком он ничего не пожелал, но кое-что рассказали соседки, очень милые и добрые женщины, так что по возвращении она сразу же направилась в больницу, и там одна очень милая особа, видимо медицинская сестра, любезно вывела ее на меня...

— Ведь это вы дежурили в ту ночь, Алексей Андреевич? Я не отрицал.

Однако обратиться прямо ко мне она не сочла удобным. Мало ли как я мог отнестись к ней, если бы она свалилась как снег на голову. И она прибегла к помощи собрата-журналиста, у которого Нина в свое время — как давно это было! — проходила практику. Нина всегда отзывалась о нем с восхищением. (Лик нашего старичка идет багровыми пятнами от похвалы, скорбно опущенные углы губ непроизвольно приподнимаются. Моисей же Наумович вне себя от восхищения.) Она изложила редактору свою просьбу, и вот она здесь.

Все это она выразила отточенными и литературно закругленными периодами. Мне пришла в голову мысль, что выступление свое она продумала и подготовила заранее. И еще одно было ясно: она считала, что мне хорошо известны обстоятельства, выбросившие Волошиных из Москвы в захолустный Ташлинск, обстоятельства, видимо, не просто трагические, но и зловещие.

В самом деле.

Что это за катастрофа, постигшая Кима и Нину?

Почему дочка профессора Востокова вынуждена была переселиться к подруге, даже и ближайшей?

Почему переселение это было сопряжено с риском для подруги?

Откуда вернулся Ким в середине прошлого года?

Не такой уж я был дурак и мамкин сын, чтобы не возникли у меня некоторые подозрения. Я кашлянул и сказал:

— Ну-с, так. И чем я могу быть вам полезен, Екатерина Федоровна?

— Собственно, — проговорила она, — мне бы очень хотелось знать, во-первых, как Нина умерла. И второе, не говорила ли она что-нибудь перед смертью. И если говорила, то что именно.

Тут неожиданно вступился Моисей Наумович. Сухим протокольным голосом он сообщил, что Нина истекла кровью, она была до предела истощена, ее привезли в больницу в бессознательном состоянии, и она скончалась не приходя в сознание. Так что говорить она ничего не могла.

Екатерина Федоровна часто-часто закивала.

— Да-да, я так и поняла со слов той медсестры. Я просто хотела... И вот еще что. Мне сказали, что вы разговаривали с Кимом. Не могли бы вы изложить... Мне он ничего не рассказал, но, может быть, вам...

— Минуточку, Екатерина Федоровна, — сказал я, собравши в единый кулак все свое нахальство и всю свою бесцеремонность. — Я все-таки позволю себе попросить у вас некоторые разъяснения. Я охотно расскажу вам о нашей беседе с Кимом, но сперва мне хотелось бы выяснить некоторые обстоятельства. Вы намекали на них в начале разговора, но... Может быть, мой старый друг знает что-либо об этих делах?

Старый редактор поспешно затряс головой:

— Ничего, Алеша, ровно ничего!

— Вот видите, ему тоже ничего не известно. (Я не был в этом уверен, но не пронзать же мне было его пронизательным взглядом, и я пошел дальше.) Сами посудите, Екатерина Федоровна. Здесь расстались с Кимом десять... нет, все двенадцать лет назад, проводили его в новую жизнь, успешную и завидную, в столицу, в престижную профессию... да еще под крылышко привилегированного лица.

Я отхлебнул остывшего чая и перевел дух. Все смотрели на меня. Мне показалось, что Моисей Наумович поощрительно мне подмигнул.

— Да... И вдруг неделю назад он появляется у меня в больнице в самом непрезентабельном виде, изрядно изувеченный и с полумертвой женой, и оказывается, что он здесь уже более полугода... А сегодня появляетесь вы и намскаете на какие-то катастрофы, и вам позарез (иначе бы вы не появились) нужно узнать, что сказала Волошина перед смертью и о чем я разговаривал с Кимом. Воля ваша, Екатерина Федоровна, извольте объясниться.

Я замолчал. Она с изумлением посмотрела на меня, затем на редактора и снова на меня.

— Вы что же, — запинаясь, проговорила она, — вы действительно не знаете, что с ними было?

Я молча покачал головой. Она опустила глаза.

— Наверное, мне не следовало обращаться к вам, — сказала она.

Я пожал плечами, а Моисей мой Наумович мягко промурлыкал:

— Обратного хода нет, душенька. Вы слишком заинтриговали.

Тогда она подумала и решилась.

В Москве Волошины зажили спокойно и счастливо. Нина влюбилась в Кима как кошка. Поселились они в квартире профессора, в комнате Нины. Ким учился словно вол (в смысле упорства, конечно). Он много читал, в его распоряжении была ведь богатейшая библиотека тестя, и ему не приходилось выстаивать в очередях в Ленинку. И тесть гордился зятьком и, кажется, не раз упоминал его в беседах с институтским начальством. Пришла вожделенная пора, Нина получила диплом и поступила в «Советское искусство», а еще через два года закончил и Ким и не без некоторой подачи тестя поступил в аспирантуру. Все шло путем.

И вдруг Кима забрали.

Это было словно гром среди ясного неба. Выяснилось, что еще на четвертом курсе он присоединился к «Союзу демократической молодежи против правительственного произвола» (СДМПП, двадцать шесть человек). Выяснилось, что он был активным распространителем «Информационного листка», разоблачавшего противоправные действия КГБ, прокуратуры и партийной элиты. Выяснилось, что он участвовал в жутком заговоре против здоровья и жизни членов Политбюро. И завертелось следствие.

Нина кинулась к отцу, прося вступить. Но специалист по журналистской деятельности Ульянова-Ленина был в бе-

шенстве. Зятя он называл не иначе, как грязным антисоветчиком, вонючим предателем и змеей, пригретой на его, тества, груди. Колотя себя по залысому лбу, он кричал о волке, коего сколь ни корми, а он сожрет вдвое и еще харкнет тебе же в морду. И он потребовал, чтобы Нина немедленно подала на развод и тем самым смыла бы позорное пятно со славной фамилии Востоковых...

Нина не отсклась от Кима Волошина, и тогда отец отрекся от дочери.

Нина ушла из дома, и Екатерина Федоровна приютила ее у себя. Конечно, ей было страшновато, но страхи эти породились не столько реальностями, сколько предубеждениями. Ведь Екатерина Федоровна нигде в штате не состояла, и ее работодатели, если и было им что-либо известно, никак этого не показывали. Вдобавок разгорелся в ней некий азарт, ощутила она в себе некое чувство протеста. Расхраб्रившись, она нагрязнула к Востокову и потребовала у него вещи Нины и даже часть имущества, заведомо принадлежащего покойной Нининой матери. Востоков, осунувшийся, полинявший, не стал возражать.

А Нина металась по инстанциям, умоляла, писала бесчисленные слезницы. С работы ее, конечно, попросили, но она и не заметила этого. Бедняжка, избалованная благополучной жизнью, еще не утратившая благородно-идиотских иллюзий, не переставала надеяться, что дело кончится благополучно. Тут в одночасье и рухнуло на нее зло.

Нина была беременна. В одной из самых высоких инстанций на нее грубо наорали с ударами кулаком по столу и с множественным топаньем ногами. И у нее получился выкидыш. И она тронулась умом. И провела почти два года в сумасшедшем доме. Екатерина Федоровна навещала ее там. Она сидела на койке, тихая, почти неподвижная, и истаявала, как свеча. Потом ее сочли выздоровевшей, и Екатерина Федоровна опять взяла ее к себе. Работать она, конечно, больше не могла, да и никто бы не взял ее на работу, и она вела их общее хозяйство, бесшумная и серая, как мышь... Материально, впрочем, все обстояло благополучно: понемногу распродавались вещички, еще довольно регулярно приходили анонимные переводы на небольшие суммы. При Нининых потребностях...

Но это о Нине. О жизни же Кима в то ужасное для Волошиных время Екатерине Федоровне известно немного и только в самых общих чертах. Он не любил вспоминать. Хотя иногда его все же прорывало.

В следственном изоляторе (знаменитая Матросская тишина) ему выбили глаз. В первом лагере (Котлаг, Волотный мыс) за отказ выходить на работы «суки» отрубили ему долотом палец («Я его там сам и похоронил». — «Кого?» — «Да палец жс... Впрочем, собственный палец — это «кто» или «что?»). В третьем лагере (Ворлаг, Медвежья свадьба) в лютых драках на выживание ему сломали половину ребер и измолотили голову палками. Один лишь Бог — или дьявол? — ведаёт, как ему удалось остаться в живых. С другой стороны, зная характер Кима, нетрудно предположить, что в долгу он не оставался. Как-то он вскользь упомянул, что года за два до освобождения (Сурлаг, Соплечистка) его оставили в покое («паханы распорядились, не иначе»), и он, по его выражению, смог слегка восстановиться.

Его освободили досрочно. То ли вина его была сочтена не столь уж великой. То ли угодили в неслышательство следователи, которые оформили его дело. То ли возымели силу ходатайства влиятельных родственников кого-то из его поделыщиков. А скорее всего, шли какие-то таинственные процессы в системе карательных органов, и победившие спешили собрать побольше обвинений против проигравших, чтобы с новыми силами обрушиться на истинных, по их мнению, еретиков.

И вот он вернулся в Москву. Иссохшая, с провалившимися глазами Нина неуверенно коснулась пальцем его груди и проговорила: «Ты?» Он заплакал, прижал ее к своей провонявшей телогрейке.

Нечего было и мечтать бывшему аспиранту устроиться в столице. Да и не хотел он оставаться в Москве. Он вспомнил, что был когда-то (давным-давно) неплохим механиком. Несколько дней беготни, несколько простынь анкет и заявлений, и они с Ниной отбыли по оргнабору в Ольденбургскую, тогда еще Новоизотовскую, область, а здесь уже не составило большого труда определиться в Ташлинский район.

— Остальное вам известно, — заключила Екатерина Федоровна. — Лучше, чем мнс.

Когда она замолчала, некоторое время никто не проронил ни слова. Алиса всхлипывала и промакивала глаза платочком. Старый редактор сидел, низко опустив голову. Моисей Наумович в задумчивости рассматривал свою чайную ложечку. Наконец я решился и произнес осторожно:

— Это поистине примечательная история, Екатерина

Федоровна, и все мы искренне благодарны вам... Но я по-прежнему не могу понять вашего интереса к последним словам несчастной Нины Волошиной и к моей беседе с Кимом. У меня секретов нет, и я готов передать вам эту беседу слово в слово, но если бы вы объяснились...

Она прервала меня:

— Нет. Меня больше не интересует эта ваша беседа. Но я объяснюсь. Видите ли, я приехала сюда не по своему желанию. Я, видите ли, жена Востокова. Мы поженились давно, еще когда Нина содержалась в психушке...

Она поднялась. Мы тоже встали. Я с напускным равнодушием пожал плечами. Взглянул на старого редактора. Ну конечно, он все знал. Но какое мне дело? Екатерина Федоровна продолжала, держась за спинку стула:

— Собственно, я приехала по поручению мужа. Он очень болен, иначе приехал бы сам. Он хотел... Собственно, он хотел узнать, не вспомнила ли Нина о нем перед смертью. Видите ли, он уверен, что тоже скоро умрет. Он очень боится некоторых встреч по ту сторону Вселенной. Психоз, конечно, но я не могла ему отказать. Я-то знаю, что Бог в бесконечном милосердии своем простит ему все — и всем нам тоже... Спасибо большое за угощение, мне пора.

И они ушли со старым редактором. Когда я, проведив их, вернулся из прихожей, Алиса мыла чайную посуду. Она вдруг спросила:

— А вы, Моисей Наумович, верите ли в Бога?

Мой «лекарь мертвых» на секунду замер с посудным полотенцем в руках. Затем медленно проговорил:

— Наверяд ли, душенька Алиса Игоревна. Верю я в непостижимую судьбу — функцию темперамента, обстоятельств и поступков.

9

От этого типа вечно несло противно-сладкими смрадами гниющих фруктов. Каперна ошибочно божилась, будто он потеет люизитом. На самом деле все обстояло проще: у него сыпь какая-то была, и он обмазывался тертыми яблоками и не смывал их по целым неделям.

По прошествии времени я снова потихоньку забыл о Киме (как, наверное, и он забыл обо мне). Но тут возникло одно обстоятельство, о котором мне довольно подробно поведал

старый редактор. Дело в том, что в «Ташлинской правде» обозначился кадровый кризис. Хотели обратиться за помощью в Ольденбург, но редактору пришла в голову счастливая мысль. Действительно, в двух шагах от города в груди неисправимо увечной сельхозтехники копошился ценнейший кадр — дипломированный журналист, да еще ташлинец, да еще выходец из рабочих, отчужденный гегемон... Отбывал по политическому делу? Но ведь освобожден досрочно. Не на кадры его прочим, не в политический руководители, а на скромную стезю литсотрудника всего-навсего... И вообще, столько лет прошло!

Дело выгорело.

Редакция была не очень далеко от больницы, и мы с Кимом стали встречаться на улице. Чаще всего он проходил мимо, удостоив меня кивком. Много реже останавливался и болтал о каких-то пустяках, но это уж при очень хорошей погоде. А в плохую погоду или в мороз проходил быстрым шагом, метнув мне рассеянный, неузнаваемый взгляд. Он слегка пополнился, всегда был скромно, но вполне прилично одет (положение обязывает), неряшливую черную тряпку через плечо сменил на аккуратную шелковую повязку, тоже черную, но отливающую при некоторых поворотах зеленоватой искрой... Словом, простой провинциальный интеллигент. Должен сказать, что газетка наша при нем сделалась интересной, насколько может стать интересной районная газета.

А так тянулись год за годом ровные и довольно бесцветные районные будни, с понуканиями и безграмотным раздражением сверху и глухим, но устойчивым саботажем снизу, с постоянными недостатками и постоянным заунывным нытьем повсюду, с пьянством, хулиганством, бардаком. Как-то Ким зашел в больницу и пригласил меня на новоселье. Отстоял очередь длиной в девять лет и получил однокомнатную квартиру в наших бедных «Черемушках» за Большим Оврагом. Я пошел, мне было любопытно. И несколько разочаровался. Ничего особенного. (А я уже тогда ждал от Кима чего-нибудь особенного.) В комнатушку набились газетные сотрудники во главе с редактором и с десятком старых приятелей Кима по мастерским. Много пили, съели колоссального гуся, несли чепуху и орли песни из старых кинофильмов. Я ушел рано, и Ким меня не удерживал.

Но вот грянули всякие хренации, как говаривал Александр Галич. Все в Ташлинске всполошились и затем за-

мерло, прислушиваясь и осторожно озираясь. Принимались меры, чтобы старое стояло нерушимо. Возникали движения, имеющие целью стереть старое с лица земли. Нашего старичка редактора с фальшивым почестом отправили на пенсию, назначили (прислали из Ольденбурга) нового, и прошел слух, будто новый чуть ли не в первый же день насмерть схватился с Кимом. Я эти слухи не проверял, некогда было, сам в это время сцепился с райздравом...

А затем пришло и двадцать шестое апреля 86-го года. Господь посетил нашу страну, и совершилась страшная трагедия Полынь-города. Информация о ней влилась к нам в Ташлинск тремя последовательными потоками очень разной чистоты: сперва совершенно лживая, затем туманно-неточная и, наконец, правдивая, из первых рук.

Этим, третьим, потоком окатил нас внезапно Ким Волошин.

10

И Он молвил в великой тоске: «Следовало бы всех вас, сволочей, уничтожить до одного, но я устал. Я ужасно устал».

В разгар того лета Ким исчез из города. Отставной редактор мимоходом сообщил мне, что он взял очередной отпуск, а затем еще месяц отпуска за свой счет. Испросил телеграммой, и новый редактор с удовольствием внял этой просьбе. Но преждевременным было его ликование. Оказалось, что Ким провел отпускные месяцы в Полынь-городе. И не на заработки он туда ездил, как клеветали потом на него, хотя деньги в Полынь-городе работягам платили немалые и даже огромные.

А Ким там вкалывал именно работягой. Ведь был он хорошим механиком и водил все виды автотранспорта. Отправляясь туда, он немного опасался, что его не примут из-за увечий, но сомнения эти оказались напрасными. У подножья гигантских развалин атомной печи никого не интересовало, целы ли у тебя оба глаза и все ли десять пальцев у тебя на руках. Вот тебе снаряжение, вот тебе противогаз, вот тебе бульдозер. И Ким все два месяца проработал бульдозеристом: то ли забивал там какой-то тоннель, то ли, напротив, тоннель расчищал.

Через неделю после возвращения Ким поверг к стопам нового редактора большую статью (или эссе?) «В Полынь-городе упала звезда». Редактор прочел, ужаснулся и объявил, что только через его труп. Ким перенес статью в райком на стол Первого. Первый ознакомился, вызвал к себе Кима и редактора и холодно осведомился, кто из них тронулся умом. Присутствовавший при этом районный идеолог, носивший полузначимую-полунорвежскую фамилию Кнут, раздраженно заметил, что Ташлинскому району пока, слава Богу, нет дела до происшествий в иных республиках. Затем статья была швырком брошена Киму, рассыпалась по полу, и Ким довольно долго ползал по ковру на карачках, подбирая страницы.

Сейчас мне не совсем понятно, почему в тот день все обошлось для Первого и Кнута, да и для нового редактора тоже. Потому, скорее всего, что ползавший на карачках Ким испытывал не возмущение и раздражение, а злорадство. Он уже знал, что сделает. Накладки бывают и в центральной прессе, о районной и говорить нечего. И уж кто-кто, а бывший аспирант института журналистики в накладках толк понимал. Так или иначе, в один прекрасный день, когда редактор отбыл на какую-то конференцию в Ольденбург, Ким исхитрился выкинуть из очередного номера нашей родной «Ташлинской правды» половину материалов и поместить на их месте старью «В Полынь-городе упала звезда», подписанную собкором К.Волошиным. И на следующее утро ташлинцы были приятно поражены.

Пересказывать здесь эту статью подробно не имеет смысла: сегодня нам известны подробности, может быть, и похлеще. И я ограничусь лишь теми, которые тогда особенно поразили мое воображение. Да и не только мое. Больница возбужденно гудела, больные, сестры, врачи рвали газету из рук друг у друга, посетителей нещадно гнали домой за газетой (у кого была подписка) или по немногочисленным нашим киоскам (где розницу разобрали уже к десяти утра). Надлежит тут еще принять во внимание вечный информационно-сенсорный голод у нас в провинции...

Статья открывалась скверной по полиграфическим причинам фоторепродукцией некоего пропуска. Слева фотография три на четыре, все честь честью, с черной повязкой через глаз. Пропуск № такой-то. В черной (?) рамке: ВСЮДУ. На право въезда в закрытую зону. Организация: УС-60Б.

ФИО: Волошин Ким Сергесвич. Срок действия (от руки) постоянно. Неразборчивая печать. Подпись под фото: «Такой пропуск, упакованный в прозрачный пластик, спецкор носил на шнурке на груди».

Дальше следовали поразившие меня тогда факты.

У местных жителей новое времяисчисление: до войны (то есть до двадцать шестого апреля) и после войны (то есть после двадцать шестого).

По шоссе мчит автобус. На боках по-английски выведено: «Челенджер», а над лобовым стеклом трафаретка: «Подлежит уничтожению». Автобус полон пассажиров. И похолодевшие от ужаса встречные не сразу соображают, что уничтожению подлежат не пассажиры, а сам зараженный автобус.

На крышу пустого трехэтажного дома выскочил заросший бородой до глаз человек, весь в пыли и грязи. Выскочил и, кривляясь, запел диким голосом:

В Польшь-городе упала звезда,
В Польшь-городе убитая вода.
В Польшь-городе не стало можно жить,
В Польшь-городе уж некого ложить...

И снова, и снова. Киму сказали, что никто не знает, что это за человек. Пытались его поймать и выдворить, но он бегает, как заяц, а гоняться за ним по крышам в противогазе никому неохота.

Бригада Кима жила в детском садике. Крошечные шкафчики, крошечная мебель. В углу навалом игрушки. Умывались, опустившись перед умывальниками на корточки или на колени.

Уже через месяц двоих работяг увезли. У них объявилась катаракта — помутнение хрусталика под воздействием ионизирующего излучения. Позже увезли еще человек десять.

Вот такие факты. И еще другие. И ненависть к начальству. К господам из инстанций. И в заключение — реплика Кнута: «Ташлинскому району, слава Богу, нет дела до происшествий в иных республиках». Как я понял, эту манифестацию мелкопоместного патриотизма Ким включил в статью в последнюю минуту, не преминув при этом назвать полностью ФИО и должность манифестанта.

Разумеется, на ведьму напали корчи. Кима вышибли из газеты. Сгоряча исключили из партии, но выяснилось, что Ким уже почти двадцать лет беспартийный. Разгорячившись

еще более, собрались подать на Кима в суд с каким-то нелепым обвинением, но получилось разъяснение, что поскольку К. Волошин уволен, то есть уже подвергнут крайней мере административного взыскания... и вообще, времена наступают странные... Лучше замять.

Замяли. Времена действительно наступили странные. Материально Ким не пострадал: денег, заработанных в Польша-городе, ему на первое время хватило, а уж от заказов на ремонт личного автотранспорта ему отбою не стало. Но недалек уже был день, когда события его личной жизни обернулись для нашего маленького городка совершенно ошеломляющим образом. Цитируя из одного моего любимого писателя: «Последовательность событий была так стремительна, как будто развернулся свиток и со всеми иероглифами ужасов упал к ногам».

Мы с Моисесом Наумовичем не сразу сумели прочесть эти иероглифы, а когда прочли, смущение и страх овладели нами. Причастность Кима выявилась для нас не сразу, да и вообще с точки зрения современной науки вряд ли может быть доказана, но все же наступил момент, когда мы, движимые своими представлениями о гражданском долге, принялись искать истину — выявлять координаты Кима в пространстве и времени в момент свершения очередного «жесточкого чуда». Многое совпало. По нашему убеждению, совпало все, а если покопаться, то открылись бы и еще многие чудеса, имевшие место вне нашего поля зрения и зарегистрированные равнодушными чиновниками или вовсе не зарегистрированные...

Для нас, как я теперь понимаю, все началось в осенний пасмурный день, первый осенний день того года, когда Ким был отлучен от официальной идеологии. Он явился в больницу и вошел ко мне в кабинет, не постучав, когда еще одевалась, побряхтывая и постанывая, одышливая бабка семидесяти с лишним лет. Я поднял голову от своей писанины, готовый разразиться раздраженной отповедью, взглянул и слегка обалдел.

— Господи... — произнес я, неверным телодвижением поднимаясь из-за стола.

Такого я не ждал даже от Кима. Он был абсолютно лыс. Как бильярдный шар. Фиолетовые шрамы на его черепе выглядели так, словно кто-то вылил на него склянку с краской. И на свободной от черной повязки поверхности его лица тоже не было ни волоска. Ни ресниц, ни брови.

— С-слушай, — произнес я, — где твои волосы?

Он полез за пазуху, извлек пухлый пакет и положил на стол.

— Вот, — сказал он. — Все здесь. Ну, может, несколько волосинок недостает.

Бабка выбралась наконец из ворота необъятного штапельного платья и тоже устала на Кима, распустив беззубый рот. Я спохватился.

— Ступайте, ступайте, бабуся, — проговорил я, взял его под локоток и подвел к двери. — Я к вам потом зайду в палату. И скажите там в коридоре, чтобы пока разошлись и вернулись через часок...

Когда я вернулся к столу, Ким уже сидел и с хладнокровным интересом разглядывал меня.

— Ну, так, — деловито сказал я, усаживаясь. — Рассказывай. Как это произошло? Когда?

— Нынче ночью. Встаю утром, а вся моя роскошь на подушке осталась. Жаль, я себе такие кудри отрастил, можешь полюбоваться... — он ткнул пальцем в пакет на столе, — роскошные кудри. И нигде на всем теле ни волосинки не осталось. Ни под мышками, ни в шагу, ни на груди. Все либо на простыне, либо в трусах...

— Раздевайся, — приказал я. — Догола.

Он разделся. Я убедился. И заодно слегка позавидовал: такой он был сухощавый, поджарый, мускулистый. Мы с ним одногодки, а у меня грешное тело дрябловатое, жирненькое, никак не спортивное.

— Физкультурой занимаешься, — пробормотал я.

Он пренебрежительно отозвался:

— Физкультурой... С какой это стати? Что я тебе — пионер?

И вдруг вытаращил свой единственный глаз.

— А ведь и то верно, Лешка! Заметил я, что худеть начал. Штаны стали сваливаться, пиджак как на вешалке... Значит, и это еще...

— Ладно, — сказал я. — Пока не одевайся. Накинь вон мой халат.

Я позвонил нашему кожнику и попросил незамедлительно зайти. Пока мы ждали, я спросил, зачем он принес ко мне свою волосню. Он осклабился:

— Как вещественное доказательство. Чудак, почему я знаю, что вам, медикам, может понадобиться?

Я кивнул согласно и развернул пакет. Лупы у меня не было, но и невооруженным глазом было видно, что волосы

именно выпали, а не были, скажем, выдраны, и даже не столько выпали, сколько вылезли: дружно и одновременно. А тут и кожник явился. Ким повторил ему свой короткий рассказ. Кожник похмыкал, осмотрел его и велел одеваться. Потом кожник взглянул на меня, а я взглянул на кожника. Кожник едва заметно приподнял и опустил плечи. Неожиданно Ким, натягивавший брюки, произнес брюзливо:

— Да вы не гадайте, доктора, не надрывайтесь. Я сюда не за диагнозом пришел. Отчего это у меня — я и без вас знаю. Вы мне скажите, как лечиться!

Нелепость этого наглого выпада была очевидна. Во-первых, не поставив диагноза, врач не может сказать пациенту, как лечиться. Во-вторых... но и во-вторых, не может! Я буркнул недовольно в том смысле, что нечего зря языком трепать. Но кожник мой сообразил правильнее.

— А вы, стало быть, знаете, отчего это у вас?

Ким, зашнуровывая ботинок, отозвался пренебрежительно:

— Еще бы не знать... Полынь-город!

И я едва удержал мгновенный позыв гоголевского почтмейстера вскрикнуть и хлопнуть со всего размаху по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Кожник же, в два шага оказавшись возле Кима, проговорил с придыханием:

— Пойдите. Вы — Волошин? Тот самый?

— Который? — неприветливо осведомился Ким, натягивая пиджак.

— Этот... который в газете... про Полынь-город...

— Ну?

— Рад познакомиться... — стесненно промямлил кожник, слышавший у нас вольнодумцем и диссидентом. — То есть не то что рад... Сожалею, конечно, что такие обстоятельства... — Тут он кашлянул, вернул себе профессиональный вид и сухо объявил: — Боюсь, Волошин, что в нашей больнице вам ничего не светит. У нас нет специалистов по радиационным поражениям.

Тут мой кожник был прав. Если судить, например, по мне, то уровень нашей осведомленности в области лучевых заболеваний — я имею в виду районный медперсонал — вряд ли выше сведений из букваря для армейского санинструктора... или как они там называются.

Я уже сидел за столом и заполнял бланки.

— Пойдешь и сделаешь все анализы, — приговаривал я

на ходу. — Кровь, моча, кал, рентген... Большая часть лучевых поражений сводится к ослаблению иммунитета... Волосню твою на место мы, конечно, не водворим, но от дифтерита, дизентерии или какой-нибудь другой обычной гадости умереть не дадим.

Ким взял у меня бланки и повертел в пальцах.

— А если ничего такого не обнаружится?

— Тогда направим тебя...

— Куда?

Я замялся. Честно, я не имел представления — куда.

— Ну, например... — неожиданно произнес кожник. Он достал записную книжку, полистал и прочел: — «Москва, улица Щукинская, шесть. Шестая больница Третьего главного управления». Не возражаете?

— Ну вот, хотя бы и в Шестую, — солидно сказал я, скрывая изумление. — Оформим в райздраве, и счастливого пути.

— Москва, — произнес Ким, усмехаясь. — Далекое целоваться бегать, однако...

Он кивнул нам и вышел. Я спросил кожника:

— Слушай, а откуда ты про эту больницу знаешь?

Он хихикнул.

— Секрет. Но не от вас, конечно, Алексей Андреевич. Там один мой друг работает. Сейчас он, правда, в Полюнь-городе. Богатая, пишет, практика...

В тот же день вечером я рассказал все это Моисею Наумовичу. Помнится, перед очередной партией в шахматы. Он скорбно покачал головой, вздохнул, но большого интереса не выказал. «Дрянь это — радиация, — пробормотал, помнится, он. — А слоника вашего, Алексей Андреевич, я с удовольствием беру. При всем моем к вам уважении...»

Ни с анализами, ни с просьбами о направлении в Москву Ким Волошин не явился. Признаться, я не очень по нему скучал. Не мой он был пациент, и человек он был не мой. А о Моисее Наумовиче и говорить было нечего. Для него Ким был тогда всего лишь автор скандальной публикации.

Но примерно месяц спустя произошло событие, после которого мое представление о действительности пошло сначала исторопливо, а затем все скорее и скорее переворачиваться вверх дном. Рассказ об этом событии я выслушал из первых уст: от секретарши нашего Первого. Причем в тот же день.

*Свят Георгий во бое
На лихом сидит коне,
Держит в руке копие,
Тычет змия в жопие.*

Эта тощая востроносая дамочка была древнейшей приятельницей Алисы (кажется, еще в детском садике на горшочках рядом сидели), тянула свое зрелое девичество в компании с престарелой своей матушкой неподалеку от нашего жилища и частенько забегала к нам пошущукаться на счет районного начальства, а покончив с этой волнующей темой, уединялась с Алисой в нашей спальне, где и предавались они, как я понимаю, специфическим разговорам, не предназначенным для грубых мужских ушей. Не могу сказать, чтобы она мне была противна, так, иногда сместила и слегка раздражала, сплетенки ее временами были интересны, а уж в тот вечер я слушал ее в оба уха, стараясь не пропустить ни слова.

Да и как было не слушать!

Началось с того, что сразу после обеда в свой кабинет быстрым шагом проследовал сам Первый, за ним по пятам Кнут, а за Кнутом, едва не наступая ему на задники, «этот самый, который так подвел нас с газетой, Волошин»... «Представляете, я его едва узнала! Только по этой его черной повязке на глазу. Лысый, как чайник, физиономия голая, смотреть неловко, честное слово. И глаз сверкает! Поистине, Бог шельму метит...» В приемной уже дожидались трое посетителей, все директора совхозов, они было вскочили, но Первый поприветствовал их взмахом руки и бросил на ходу: «Сидите, товарищи». И дверь в кабинет закрылась.

Как и о чем происходил у них там разговор за закрытой дверью, секретарша не знала. Минут через десять дверь распахнулась, и в приемную вышли — сначала Волошин и почти сразу за ним Кнут. Волошин остановился у стола секретарши и оперся на его край рукой без пальца. Кнут двинулся к выходу в коридор, но приостановился возле Волошина и произнес негромко: «Вот так, Волошин. А будешь трепыхаться, возьмемся за тебя по-настоящему. Тогда взвось». Сказавши это, он обычной своей неторопливой походкой пересек приемную и удалился. В приемной воцарилась тишина, посетители старательно отводили глаза от Волошина,

секретарша принялась перебирать какие-то бумаги. «Ей-Богу, товарищи, не знаю даже — какие. Всегда мне в таких ситуациях ужасно неловко. Двадцать лет там служу, а привыкнуть ну никак не могу, представляете?» И тут раздался звонок, призывающий ее в кабинет.

Она вскочила. Тут надо отметить одно обстоятельство. Кнут известен был в райкоме тем, что вечно забывал закрывать за собой двери. Вот и тут дверь в кабинет он за собой только прикрыл, оставив изрядную щель, а дверь в коридор оставил нараспашку. Итак, секретарша на звонок вскочила и вдруг увидела, что один из посетителей устался на Волошина дикими вытаращенными зенками и откинулся на спинку стула, загородившись портфелем. Она тоже взглянула на Волошина. И ужаснулась. «Он был синий, товарищи! Представляете? Синий, как покойник!» Глаз его налился кровью. Лысая голова втянулась в плечи, лысина покрылась обильным потом. Губы искривились, он прошипел несколько омерзительных слов, и его всего перекосило.

По словам секретарши, у нее от ужаса потемнело в глазах. «Будто тьма рухнула». И в этот самый момент из коридора послышался грузный грохот, словно упало что-то тяжелое и объемистое. И кто-то хрипло завопил. И совершенно как эхо из кабинета Первого донесся пронзительный визг. В коридоре затопали и заголосили, а дверь кабинета распахнулась, и в присмную буквально вывалился наш Первый. Он прижимал ладонь к щеке, между пальцами бойко стекали густые красные струйки. «Врача... — пробормотал он. — Немедленно... Врача!» Его качнуло. Посетители, оправившись от столбняка, кинулись к нему и, втащив обратно в кабинет, уложили на диван. Секретарша оказалась на высоте. Выхватила из шкафчика полотенце, смочила из графина и наложила на пораженную щеку. Затем, приказав посетителям держать и прижимать этот компресс, кинулась к телефону. «И представьте, товарищи, в «скорой» уже знали! Машина уже выехала! Конечно, никакой мистики не случилось, а «скорую» вызвали минутой раньше для Кнута, который сверзился с лестницы...»

А с Первым случилось такое несчастье. У него был любимый красно-синий карандаш, толстый, всегда остро заточенный с обоих концов. Когда Волошин и Кнут удалились, он взял этот карандаш, чтобы сделать пометки в перекидном календаре. И тут ему вдруг стало дурно. Он еще успел дать звонок секретарше, потерял сознание и упал лицом

вперед. И карандаш пропорол ему щеку насквозь. («Хорошо, что не в глаз!» — простодушно присовокупила наша старая дева.)

Если судить по одновременности шумов и криков, донсшихся из коридора и кабинета, Кнут пострадал в те же самые секунды. Он неторопливо поднимался по лестнице на третий этаж, снисходительно с кем-то беседуя, вдруг замолк на полуслове, слабо помахал руками и покатился по ступеням вниз.

Набежали врачи и санитары, прибыли чины из всяких органов, начались расспросы и допросы, в общем, кутерьма получилась страшная. Да и то сказать, буквально в одну секунду вышли из строя два руководителя райкома! Тут, дорогие товарищи, забегаешь.

— А что случилось с Волошиным? — спросил я, когда она, отговорившись, погрузила свой востренький нос в чайную чашку.

— С Волошиным? — переспросила она с удивлением. — А что — с Волошиным?

— Ну как же... Он же был в приемной, когда началась вся эта, как вы говорите, кутерьма. Вы же рассказывали: синий, как покойник, весь в поту... Он тоже свалился? Ему-то оказали помощь?

Секретарша поставила чашку и поглядела на меня, затем перевела взгляд на Алису.

— Н-ну, откуда я знаю? Я о нем тогда и думать забыла... Все кричат, бегают, кровь хлещет... Если он и свалился, то отлежался, надо думать... А может, и его врачи пользовали, откуда мне знать? Не до него нам там было, товарищи дорогие...

Мысль о том, что Волошин тоже претерпел в этих странных обстоятельствах, не вызывали как будто сомнений, хотя смутная идея совершенно иного толка и возникла тогда же в голове моей, такой уж одиозной фигурой представлялся мне Ким, но идея эта была поистине сумасшедшей, и я поспешно погасил ее, едва она всплыла в мое сознание...

— Ладно, барышни, — произнес я, поднимаясь. — Вы здесь чирикайте и развлекайтесь, а у меня еще срочные дела.

Я ушел к себе и позвонил на работу. Дежурный врач оказался полностью в курсе и всю кипел ядовитейшим сарказмом. Еще бы, одним махом два секретаря! Террористы не дремлют! Шашки наголо! Скальпели наизготовку!

Примкнуть клистиры! Наш славный Первый: взялся за специально оборудованный карандаш, мгновенно отключился и очнулся с карандашом в щке. Еще и правый клык расшатал. Проверить карандаш на ядовитость, а пролитую на босвом посту кровь — на содержание алкоголя. Доблестный Кнут: давал на лестнице руководящие указания некоему замухрышке завклубом, был оглушен порцией нервно-паралитического газа и очнулся на нижней ступеньке со сломанной ключицей и с фингалом во лбу. Фингал явно экспортный, по спецзаказу. Оба пострадавших тщательно обслужены нашей передовой медициной: рана на щеке зашита, рука на перевязи, фингал оставлен дышать свежим воздухом. В настоящее время они сидят или лежат по домам. Больницу навестил некто компетентный, понюхал, поспрашивал и удалился с физиономией, на коей явственно читалось, что дело здесь нечисто. Ким Волошин? Да, упоминался. Мало того, создалось впечатление, что, с точки зрения компетентного товарища, он столбом возвышается над кучей прочих свидетелей. В больнице не появлялся, куда делся — неизвестно. Кажется, его разыскивают. И беда не приходит одна. Недавно позвонил хмырь, завдующий райторговским складом, и сообщил, что тоже чувствует себя неважно. Происками идеологических врагов посажен на гвоздь, порвал брюки, а может, и не только брюки, а может, и совсем не брюки. Послана «скорая помощь»...

В таком духе дежурный, бывший Вася-Кот и бывший врач «скорой», мог продолжать до бесконечности, но я сму мирволил, потому что врач он был талантливый. Я обозвал его пустобрехом и положил трубку, и буквально через минуту мне позвонил Главный. Его, конечно, уже известили.

— Совпадения случаются, Алексей Андреевич, — рассудительно объяснил он мне, — двоих накрыло одновременно, хотя бы и таких значительных лиц, — то ли бывает! А помните, в прошлом году на стадионе подломилась сгнившая скамья? Тогда разом пятеро покалечились. Знаю, знаю, райком не стадион, и все же не будем паниковать, Алексей Андреевич, не будем впадать...

Ну, я и не паниковал. Но оказалось, что я не люблю совпадений. Утром выяснилось, что и Моисею Наумовичу совпадения не нравятся. Расспросив меня в подробностях, он некоторое время молчал, тихонько трубя через губу, потом проговорил угрюмо:

— Все-таки жаль, что нельзя поговорить с этим Волошиным.

Впрочем, вскоре выяснилось, что с Волошиным говорили. Мы бы об этом не узнали, если бы не С., тогда еще лейтенант милиции, тот самый, по милости которого я сейчас сижу за машинкой. Он довольно регулярно полезивал у меня по поводу своего маленького сердца. Хороший был парнишка, благожелательный и в меру доверчивый, и завосвал он меня тем, что охотно развлекал криминальной хроникой Ташлинска.

Так вот, через несколько дней после события в райкоме он явился ко мне на «чек-ап», получил обычные уколы в обе ягодицы и сообщил по секрету, что компетентным товарищам все же удалось разыскать Кима в тот же вечер. Он сидел у себя дома, пил с соседом бормотуху и ругался по-черному. Непрошеным гостям он объявил, что ежели секретарей стукнуло, то по заслугам, есть Бог на свете, а вот за что стукнуло его, Кима, он не знает и считает это упущением... Еще из беспорядочной этой беседы выяснилось, о чем шел разговор. Ким потребовал от райкома извинений за незаконное увольнение из газеты, восстановления на работе и денежной компенсации за вынужденный прогул. Ну и, конечно, где залез, там и слез.

А в скором времени случилась «собачья бойня».

12

По-русски, проказа есть ужас и отчаяние, кошмар, предвещающий горе окружающим, гибель плоти, ощутившей мерзость свою. Но не только. Проказа есть еще и радость, и наслаждение, озорство, не всегда приятное окружающим, веселие плоти, ощутившей избыток сил своих.

И опять мы ничего не видели сами, факты били по нашим умам и нашим душам через свидетелей, через слухи, через примитивные фантазии и неразбериху самоуверенных мнений.

А Впрочем, мало ли слухов спокон веку ползает по Ташлинску. В ту суровую раннюю зиму, например, из уст в уста передавались достоверные сведения о том, будто из скотомогильника в девяти верстах от окраины по ночам вылезают то ли волки, то ли оборотни, воют на луну и жалуются цело-

веческими голосами... А районная больница, как всем известно, была, есть и будет идеальным коллектором слухов. Больные, няньки, сестры, посетители, часто даже и врачи наперсбой обсуждают, кто на ком попался, введут ли талоны на водку, у кого была неприятная встреча на погосте, какую пакость учинил завмаг такой-то...

И вот странные слухи о «собачьей бойне» на Пугачевке.

Надобно разъяснить, что Пугачевка у нас улица старинная, бывшая некогда слободкой. Облика своего не меняла со столыпинских времен: прочно вросшие в землю избы с небольшими окошечками, которые на ночь закрываются крепкими ставнями, плетни и заборы, ветхие скамеечки у калиток, а сама улица довольно широкая, хотя, конечно, немощеная, и не в редкость ныне видеть возле некоторых домов грузовики, пригнанные шоферами, либо отроду здесь живущими, либо снимающими углы.

И конечно же, за заборами и плетнями и просто на обочинах — несметное число собак, беспородных, ублюдковатых, часто беспризорных, постоянно озабоченных поисками продовольствия и развлечений.

Однажды примерно в час ночи шел по середине Пугачевки, поскрипывая снежком, слегка подвыпивший прохожий. Не было при прохожем ни палки, ни жердины, ни каких-либо иных средств увещевания, без которых не склонны выходить за околицы даже местные жители. Просто шагал себе по морозцу, слегка пошатываясь. И вот поодиночке, по двое, по трое стали выбираться из-под заборов, перепрыгивать через плетни и выскакивать из кромешной тьмы проулков всевозможные бобики, кабыздохи и лайки. Голов не менее двадцати возникло на улице и устремилось вслед прохожему, заливаясь злорадными и угрожающими кликами и приглашая всех желающих примкнуть к нападению.

Собравшись в стаю, собаки дичают и при малейшей провокации доводят себя до неистовства. Как люди, собравшись в толпу. Уши у них прижимаются, хвосты вытягиваются в полсно. пасти оскаляются и начинают брызгать слюной. Как у людей, если говорить о пастях. Они действуют все более нагло, наскакивают, забегают с флангов и спереди, а самые нетерпеливые вцепляются сзади в пятки и в одежду, чтобы заставить жертву побежать, а уж тут-то и начнется самое главное. Веселая погоня.

Как врач я не раз попадал на этой самой Пугачевке в сходные ситуации, но меня жестоко отбивали родичи и со-

седи больного. Прохожий же был совершенно один и без оружия. Обнаружив себя в центре внимания, он остановился и повернулся лицом к супостатам. И моментально был окружен. Гам стоял несусветный, ибо нападавшие в два десятка глоток подзадоривали друг друга к самым решительным действиям. Прохожий попытался отбиваться ногами, но это только прибавило нападавшим азарта. Прохожий изловчился, поймал одного за шкирку и швырнул через плечо. Летящая псина, наверное, завизжала, но визга в гаме слышно не было. Уже прохожего рванули за полу и цапнули за пятку...

И вдруг наступила тишина.

Без всякой видимой причины собачий гам оборвался, как обрубленный. Без всякой видимой причины остервенение сменилось ужасом, и собаки молча брызнули во все стороны. Впрочем, не все. Около десятка кобельков и сучек остались лежать на снегу. Мертвые. Илидохлыс, если угодно. На улице был только один живой — прохожий. И стояла тишина, совершенно непривычная на Пугачевке. Ни на что не похожая. Ни единого собачьего возгласа на километры вокруг.

С минуту прохожий стоял, слегка покачиваясь, над погибшими собачками. Затем громко и неприлично выругался, повернулся и пошел своей дорогой. И он шел уже вполне трезвой походкой, все убыстряя шаг, и вскоре его не стало видно.

Примерно так изложила в ординаторской эту историю се-стра-хозяйка Грипа, лучшая в больнице фольклористка-сплетница. Когда она закончила, бывший Вася-Кот, а ныне Василий Дормидонтович завистливо воскликнул:

— И откуда такая чепуха берется?

В ответ Грипа метнула в него лукавый взгляд, ясно читаемый как исконный девиз всех сплетников на Руси: «За что купила, за то и продаю, не любо — не слушай, а врать не мешай».

Моисей же Наумович, к моему изумлению, отнесся к этой байке очень серьезно. Оставшись со мною с глазу на глаз, он объявил, что дело надлежит тщательно расследовать, а именно — попробовать отыскать на Пугачевке настоящих свидетелей. Стыдно признаться, но я и тогда еще был слеп, а Моисей Наумович уже прозревал. Так ведь на то и был он старым и мудрым «лекарем мертвых»... Я же, дурак, взорвался тогда:

— Да что вас встревожило, Моисей Наумович?

— Совпадения, Алекссей Андреевич, совпадения... — неохотно и не совсем вразумительно ответил он.

Как и повсюду в городе, было у него несколько приятелей и приятельниц и на Пугачевке. И через них он нашел очевидцев. Оказалось их четверо. Доведенная до иступления мамаша, вышедшая из калитки с метлой в руках встречать непутевую дочку, загулявшую у подружки. Возлюбленная пара, которой часа два было никак не расстаться у порога девичьего дома. И рабочий с молокозавода: ему что-то не спалось, и он вышел на улицу покурить.

— Он у бабки своей живет, а она табачного духу не переносит.

— Почтительный внук, — заметил Моисей Наумович. — Не всякий выйдет курить на такой мороз...

— А будешь почтительным. Какую другую бабку он бы послал подальше да и дымил бы в избе в свое удовольствие. А эту не пошлешь, что ты! Она ведьма всем известная, он ее пуще смерти боится. По струночке ходит, всю получку отдает...

Поговорить удалось лишь с двумя очевидцами. Прилипчивый ухажер — из возлюбленной пары — проживал на другом конце города, а почтительный внук отбывал вечернюю смену. Зато показания мамаша и подружки ухажера удручающе точно подтвердили тревоги Моисея Наумовича. Они различались только в мелочах и в общем повторяли байку, рассказанную нашей Грипой. Добавилась одна подробность: прохожий был в обширном тулупе до пяток и в огромной меховой шапке. И попутно выяснилось любопытное обстоятельство: нынче ни одна собачонка на Пугачевке не появляется на улице и не лает, и даже свирепые цепные кобсли во дворах не вылезают из своих будок... Напоследок Моисей Наумович спросил, что, по мнению очевидцев, произошло. Мамаша объявила, что собак развелось слишком чересчур много и их пора отстреливать, пока они детей рвать не начали. Девушка же, несомненно, с подачи своего личарды, уверенно ответила, что таинственный прохожий выстрелил в собак из специального газового револьвера заграничного дела.

Посетив хату почтительного внука, Моисей Наумович был принят бабушкой-ведьмой, согбенной старухой, облаченной в основательно потертое чернос. Лик у нее, в соответствии с бытующими представлениями, был желтый и сморщенный, острый подбородок и загнутый клювом нос неудержимо стремились к встрече, передвигалась она, опира-

ясь на отполированный десятилетиями шишковатый посох. И хотя передвигалась она довольно бойко, Моисей Наумович решил, что не бабушка она рабочему молокозавода, а по крайней мере прабабушка, а то и прапрабабушка.

Принят он был ласково и удостоен стаканчика ароматной горьковатой настойки. Ему даже показалось, что его ждали. Его попытка объяснить насчет цели визита была сразу отметена взмахом костлявой шафрановой руки.

— И не спрашивай, тебе все правильно рассказали, — хрипловатым тенорком произнесла бабушка-ведьма. — Я ведь хоть глазами не видела, а все знаю. Так бы и я смогла бы с собаками, с бессловесными, да и с людишками тоже. И могла когда-то, а сейчас уже не могу, косточки ноют, к земле клонят...

— То есть что же именно могли? — спросил несколько сбитый с толку Моисей Наумович.

Старуха пристально на него поглядела.

— Ты вот закручинился, огорчился. И правильно, человек ты хороший и добрый, хоть и жидовин. Но ты одно в толк возьми. Бесов не Бог создает. Это человек по грехам своим бесов рождает, а потом сами же их закрестить тщатся. Кто книгой, кто огнем, кто еще чем... А только пока закрещивают, намучиваются и опять же через муки свои новых бесов рождают и опять крестят... Так оно и ведется на свете с самого начала...

Моисей Наумович виновато пробормотал:

— Простите, бабушка, но боюсь, не совсем я понимаю...

— А и где тебе? Знаем мы, может, и одинаково, а понимаем по-разному. Твои отцы из песка да камня вышли, мои же — из родников да трав. Ну и каждому роду своя природа...

Тогда Моисей Наумович, торопливо собравшись с мыслями, спросил напрямик, без подходов:

— Получается, бабушка, что человек этот ночной, который с собачками управился, вашей природы? Ведьмак? Колдун?

— Нет, — ответила бабушка-ведьма. — Он никакой не колдун. Разнузданный он. Ангел.

— Ангел?

Бабушка мелко затряслась, залившись дробным смехом и легонько ударяя себя по острым коленям костлявыми ладонями.

— Не ангел, добрый человек! Ангел! Ты, поди, и слова-то такого не знаешь, а?

Моисей Наумович встал, положил на стол «красненькую», чопорно поклонился и вышел. Эта беседа произвела на него большое впечатление. Склонный, как большинство прозекторов, к мистицизму, он был потрясен.

На обратном пути он зашел ко мне с подробным отчетом. И впервые на душе у меня стало тревожно. Помнится, я глядел, как Моисей Наумович прихлебывает раскаленный чай (с ложечкой коньяку на чашку, как обычно), и бормотал бессмысленно:

— Собаки, газ, ведьма, бесы... аггел какой-то... Господи, да что все это значит?

— Поживем — увидим, — со вздохом отвечивал Моисей Наумович.

Очередной иероглиф появился в нашем поле зрения уже через два дня. «Скорая» доставила в больницу известного алкоголика Тимофея Басалыгу по прозвищу Нужник. (Прозвище это не имеет отношения к месту отправления естественных надобностей, а восходит к любимому словечку Басалыги — «нужно». Нужно опохмелиться. Нужно, шеф, бутылку поставить. Нужно, гад, тебе горло перервать.) Это амбал почти кубической формы, ростом метр семьдесят, весом сто десять кило, с сизой шелушащейся рожей, всегда опухшей и небритой, с невыносимых размеров кулачищами, с изрядной плешью на маковке, даром что ему всего тридцать с небольшим. Уголовного прошлого нет, а есть множество приводов и несколько недель пребывания на больничной койке по поводу разного рода алкоголических осложнений. Нужник, одним словом.

Врач «скорой» рассказал. Вызов получился с телефона-автомата: какая-то женщина взволнованно сообщила, что тут на улице с человеком припадок, он крутится в снегу, пытается подняться и не может, нечленораздельно кричит, а мужчины все трусы, боятся подойти и помочь... Но когда «скорая» прибыла, припадошный уже не крутился и не кричал, а лежал на снегу спокойно, с закрытыми глазами и только постанывал. Дело было перед входом в магазин, куда тянулась очередь за водкой, и возле тела стояло всего человек пять-шесть уже снабдившихся. Тело с трудом втащили в машину — причем, когда его взяли на носилки, оно колоссальным задом своим продавало брезент, — и тогда оно, переставши стенать, приоткрыло один глаз и внятно произнесло: «Нужно полежать, братцы...»

В больнице ничего серьезного у Нужника не нашли, он даже не был пьян, хотя и страдал от похмелья. Врач «скорой» впал в изумление: там, перед магазином, у больного обнаруживались все признаки надвигающейся аполлексии. Нужник лежал на топчане и окидывал всех искательными взглядами. Ему велели встать. Он встал, вытер сизую фрикадельку носа рукавом и вымолвил с надрывом: «Нужно бы спирту стаканчик, товарищи врачи...» Тут к нему протиснулась наша Грипа, сестра-хозяйка. Всем было известно, что по каким-то причинам, скорее всего матримониального свойства, она до кровомщения Нужника ненавидит. «Спирту тебе, клоп запойный? — взвизгнула она. — А этого не хочешь?» И завертела перед опухшей харей Нужника двумя кукишами. Он отклонился и солидно произнес: «В медицине нужно себя держать». Грипу оттеснили, а Нужнику предложили рассказать, что с ним произошло. Он охотно рассказал. Тихо-мирно стоял в очереди, дожидаясь, когда магазин откроется после перерыва, и вдруг его скрутило до помрачения, и больше он ничего не помнит, а очнулся только в «скорой», и это нужно понимать, а не заниматься оскорблением пострадавшего. С тем его и выпроводили.

Но дело этим не кончилось. Мстительная наша Грипа не поверила, что Нужник стоял в очереди тихо-мирно, и решила добыть на него компромат, чтобы им занялась милиция. Выяснив из книги вызовов «скорой» адрес магазина, она ринулась доискиваться. Ташлинск — не столица, цепочки знакомств у нас короткие. И недолго вышла она на некую тетку Дусю, мать подружки жены ее, Грипиного, старшего брата. Эта тетка Дуся по маленькой спекулировала водочкой и ежедневно выстаивала очередь в магазин на нижнем этаже ее дома. В тот день ей повезло очутиться в первой десятке, а сразу за нею встал лысый одноглазый Ким Сергеевич, ее сосед по лестничной площадке. И все стояли терпеливо, как вдруг перед самым открытием откуда ни возьмись появился Нужник и стал, распахивая передних, лезть к дверям. Очередь, конечно, заворчала, но связываться было опасно. На протестующие же возгласы Нужник оборачивал свое мурло и сипло рывкал: «Нужно, понял?»

Он уже пристроился у дверей, будто там стоял всю дорогу, как вдруг Ким Сергеевич выдвинулся из очереди, подошел к нему и, схвативши обесими руками за шиворот, рванул назад. Конечно, не с его пожилыми силами было опрокинуть такой комод, однако Нужник попятился и по-

вернулся. Он не столь разъярился, сколь озадачился. «Ты это што, дурак одноглазый?» — просипел он. А у Кима Сергеевича лицо стало блос, аж голубое, и все заблестело от пота. И он довольно громко сказал: «В очередь встань, скотина!» Нужник выпучил на него свои бельма и говорит: «Нужно тебе последний глаз выдавить, гад». И протянул свой толстый грязный палец к лицу Кима Сергеевича. Ну, все замерли, только какая-то дамочка ойкнула.

Но не донес Нужник свой грязный палец до лица Кима Сергеевича. Что-то с ним случилось, с Нужником. Морда у него вся почернела, зашатался он, замахал руками и грянулся навзничь в снег. Полежал чуток тихо, потом забарахтался, видно было, что подняться силится, а не может, что-то его корчит и скрючивает, и что-то он такое лопочет, не поймешь что. Ким Сергеевич с минутку посмотрел, как его черти разбирают, да и пошел прочь. А тут магазин открыли, все внутрь кинулись, и когда, взявши свои законные две бутылки, тетка Дуся обратно вышла, то увидела только, как «скорая» отъезжает...

Грипа рассказывала с увлечением и злорадством, даже в лицах показывала, и невдомек ей было тогда, кто такой этот Ким Сергеевич, героически выступивший против ненавистного Нужника, и что магазин тетки Дуси помещается в том самом доме, куда в незапамятные времена Ким пригласил на свое новоселье. В заключение Грипа, светясь от счастья, сообщила, что было у нее намерение подать на Нужника в милицию за хулиганство, пусть бы сколько там суток в кутузке поманежился, да видать, сам Бог за подлеца взялся, наказал на месте, а милиция перед Богом что? Тьфу! И растереть... А таким смелым и справедливым людям, как этот Ким Сергеевич, надо ноги мыть и воду пить...

Когда мы с Моисеем Наумовичем удалились в ординаторскую и закурили, я сказал:

— А вот интересно, будет ли теперь Нужник появляться на улицах и лаять?

Моисей Наумович посмотрел на меня печально и строго.

— Плохая шутка, Алексей Андреевич, — проговорил он. — Не ожидал от вас...

Я устыдился.

Скоро выяснилось, что шутка моя и вправду была не очень.

Да что пожары, что лифты! Что там служебные неприятности! Даже с голубями его происходили странные истории. Один турман сорвался с третьего этажа и сломал ногу.

В один сумеречный вьюжный день меня позвали в приемнос. «Персонально вас просят, Алексей Андреевич», — сказала сестра. И кто же поднялся мне навстречу, когда я вошел? Ким Сергеевич Волошин собственной персоной, во всей своей безволосой и одноглазой красе, совсем как полтора десятка лет назад, только сильно постаревший и очень прилично одетый. Желтый тулуп, огромная мохнатая шапка совершенно кавказского вида и еще что-то меховое и шерстяное кучей лежало на скамейке. Широко улыбаясь, он протянул мне руку и произнес своим сипловатым баском:

— Привет, Лешка. Вот, пневмония у нес. Клади к себе и лечи.

Только тогда я заметил сидящую тут же в полукреслице женщину. Была она тщедушна, маленького роста, и даже под толстым свитером угадывалось, что локти и плечи у нее угловатенькие, а ноги, утопавшие в широких голенищах валенок, казались тонкими и едва ли не безмускульными. Лицо у нее тоже было маленькое, и на скулах горели пятнышки нездорового румянца.

— Это моя жена, — сказал Ким, уже не улыбаясь. — Светлова Людмила Сменовна. Ты уж как-нибудь... Режим максимального благоприятствования... по старому знакомству.

— Будь спокоен, — сухо отозвался я.

Не потому сухо, что не видел никаких оснований создавать жене Кима особенный режим, а чтобы скрыть замешательство. Как сказал бы классик, мозг мой будто мгновенно взболтали ложкой. Старый хрен, а туда же, она вдвое его моложе... Не то. Ким и женитьба — это несовместимо, несуразно, из ряда вон... Но мне-то какое дело? Но вот обширный желтый тулуп на скамье, невероятных размеров шапка... собачки... Нужник... Режим благоприятствования? Да ради Бога!

Я велел Киму дожидаться меня, а сам отправился создавать режим. Создал. С подачи нашей Грипы, которая тут же прониклась к Люсе несызяснимой нежностью (еще бы, жена

смелого и справедливого, которого она моментально вычислила по описанию тетки Дуси), новая пациентка была помещена в удобный трехместный бокс по соседству со спецбоксом для начальства.

Неисповедимы пути судеб наших. Неисповедимы, но это не значит, что они не определены кем-то заранее. Как раз в те дни в спецбоксе для начальства страдал от радикулита сам заместитель председателя горисполкома Барашкин Рудольф Тимофесвич. Вперся-таки он со своим радикулитом ко мне в терапию, а лучше было бы ему по принадлежности лежать в неврологии, пусть и тесновато там, и пованивает...

Когда все устроилось, я пригласил Кима в ординаторскую покурить и покалякать по душам, а заодно заполнить историю болезни. На этот раз Ким говорил много и охотно. Когда я сообщил ему, что случай банальный и есть надежда вернуть ему жену недели через три-четыре, он вздохнул и сказал:

— Жалость какая. Хотели расписаться перед Новым годом, а теперь не успеть...

Вышла она, как и он, из детдома, было ей двадцать три года, служила кассиршей в кинотеатре «Восход», заведени паршивеньком, патронируемом по преимуществу пэтэушниками, солдатней из стройбата и прочей шпаной. И угораздило ее в восемнадцать лет сойтись с бывшим одноклассником. Понесла, как водится, а тут Родина призвала его в ряды. Собрались было в загс, но бешено воспротивились родители. Он клятвенно пообещал жениться, как только вернется, и отбыл. Своевременно она родила дочку. Сунулась было к его родителям, но была отвергнута с брезгливым негодованием. Тогда она поселилась у какой-то старушенции, которая не то что в лавку сходить или печку истопить — до ветру выйти не всегда могла. Ну, кос-как жили втроем, старуха, молодуха и младенец. Старухина пенсия тридцать пять, да ее зарплата шестьдесят, да старуха еще маленько вязала, а молодуха продавала на базарчике... Были черные минутки, подумывала она дочку в заведение сдать, но каждый раз себя останавливала: суженый вернется, спросит, куда, дескать, дочку подевала?..

И вернулся суженый в цинковом гробу из Афганистана. Черт знает почему, но родители героя в несчастье этом обвинили ее, прогнали с ребенком с похорон и наказали впредь на глаза не попадаться. Ну, она больше и не попадалась. И то сказать, доказательств нет, в паспорте шаром покати, а

щенок любая лахудра сколь хошь наплодить может, чтобы с родных средства тягать...

Было тревожно и грустно слушать эту повесть, но еще более тревожно и интересно было мне смотреть на Кима, такого необычно разговорчивого и откровенного. Голос у него то и дело ломался и менял тембр, время от времени он словно бы сглатывал всухую и раза три или четыре доставал чистенький платок и промакивал свой единственный глаз. Потом он замолчал. Я подождал немного и спросил:

— Она теперь у тебя живет?

— Конечно. И она, и девочка. На той неделе переез. Так что теперь я сразу и муж, и отец.

Лицо его вдруг омрачилось, резко определились складки по бокам тонкогубого рта.

— Ты что? — спросил я. Почему-то мне сделалось тяжело.

— Дочка, — проговорил он. — Тася. Глухонемая она.

А теперь пора вернуться к упоминавшемуся выше заместителю председателя горисполкома Рудольфу Тимофеевичу Барашкину, влезшему со своим радикулитом в мой бокс для властимущих.

Был он отпетым невеждой (образование, как говорится, ЦПУ плюс ВПШ), но и те жалкие крохи знаний, что чудом удержались в его черепе, ухитрялся весьма ловко приспособлять к своим нуждам насущным. Ей-Богу, своими ушами довелось услышать. На заре его туманной юности некий энтузиаст-педагог сумел заставить его заучить известные жалобно-горделивые строки: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Из строк этих Барашкин сделал такой вывод. Раз авторитетные люди считают, что для понимания России ум не нужен, значит, так оно и есть, а нужен ум для того, чтобы понять, где и что в России плохо лежит, измерить это аршином не общим, а своим собственным и пользоваться соответственно.

И был Барашкин хамом. Сестер моих доводил до слез, неспешно ругался, а когда не мешали ему радикулитные ощущения, пытался хватать тех, кто помоложе, за разные статьи. Ходячие больные, чтобы не нарваться на его язвительные излияния, избегали ходить в туалет мимо его бокса. Однажды я пригрозил выгнать его из своего отделения. На это он отвечал с презрением: «А попробуй только, клистирная трубка. Я тебе такое отделение устрою, век помнить будешь». После чего загоготал и добавил: «Кинофильм «Ча-

паев» видел? Как он там вашему брату... Клистирные трубки, кругом марш!» Сдуру я понесся к нашему Главному, но, как и следовало ожидать, лишь подвергся невразумительным увещеваниям. Основной упор был сделан на то, что товарищ Барашкин числится на за мной, а за неврологией, из чего странным образом следовало, что надо терпеть и не обострять отношений...

Вот такое сокровище оскверняло мой спецбокс вплоть до первого января 87-го года.

Не боюсь признать, что по праздничным дням, как и во всех больницах, регламент у нас слегка нарушался. С утра шли посетители, халаты были нарасхват, вкусные запахи от авосск, корзинок и коробок заглушали больничную ароматуру, не забывались и те страждущие, которые посетителем не ждали. Медсестры забегали в палаты напомнить припозднившимся об очереди за халатами и выскакивали с подзамаслившимися губами и даже жуя на ходу. Многим и многим таким картинкам довелось мне быть свидетелем за многие годы моего докторства...

Но картинка того первого января была вдруг перечеркнута жирной черной полосой.

14

Дракон бедствовал, потому что управлялся самыми темными и стыдными органами своего тела.

Я был в тот день с Алисой у старинного приятеля, которого в свое время вытащил из тяжелого инфаркта. Резиденция в военном городке километрах в сорока. Машина на дом. Мороз и солнце. Четыре пары гостей. Встреча Нового года с шампанским. Ночная прогулка. Сладкий и удобный сон. Утром легкий завтрак. Снова мороз и солнце. Отличная прогулка на лыжах, праздничный обед, послеобеденный сон. Преферанс под коньячок. В десять расписали, слегка закусили, отбой. Раннее утро, опять мороз и солнце. Прощальные объятия: «Все же редко встречаемся, старина!» Сорок обратных километров по накатанной дороге. Останови вон у того дома, дружок. Спасибо. Пятерка в бую от всяких ГСМ ладонь. Хорошо живет на свете Винни-Пух!

Я и не подозревал, какие напасти ждут меня. Как выразился Сэм Уэллер: «Знай вы, кто тут находится поблизости,

сэр, я думаю, вы запели бы другую песенку, как сказал, по-смсиваясь, ястреб, услышав, как малиновка распевает за углом»...

Я переодевался в повседневное, когда в кабинете задрезжал телефон. Звонил дежурный врач. Едва я откликнулся, он заорал дурным голосом:

— Алексей Андревич? Слава те, Господи, наконец-то! Главный вас обыскался...

— С Новым годом! — строго произнес я, физически ощущая, как сердце мое проваливается в желудок.

— Да-да, конечно... Вас тоже... Алексей Андревич, срочно в больницу. Тут у нас неприятность...

— Погоди. У кого это — у нас? У вас в хирургии?

— Как раз наоборот. У вас в терапии. Главный вас со вчерашнего дня разыскивает.

Я сосредоточился и перебрал в памяти самые скверные возможности. Нет, все было не то. Даже если бы половина моих старушек и инфарктников скончались в одночасье, наш Главный не стал бы тратить праздничный день на розыски заведующего терапией. Не такой он человек. Но что же тогда? словно бы в ответ голос в трубке прошлепел:

— Барашкин вчера копыта откинул.

— Умер?

— Как есть умер, — подтвердил с придыханием дежурный.

— От радикулита? — обалдело спросил я. Конечно, я был не в себе и тут же спохватился: — Хорошо. Иду.

Все стало ослепительно ясно. Барашкин откинул копыта на моей территории, и даже если бы причиной смерти был укус гюрзы, расхлебывать эту кашу придется именно мне, и уже виделся я себе тонущим в море докладных, объяснительных, гневных жалоб родственников и зловещих запросов из инстанций. Потому что Барашкин, а не безвестный пенсионер с какой-нибудь Пугачевки... Со стесненным сердцем, на отяжелевших ногах направился я в больницу, выражаясь чуть ли не вслух по адресу покойного Барашкина, здравствующего Главного и игривой судьбы своей.

Дежурный врач уже ждал меня. Он сообщил, что Главный сидит у себя, паникует и ждет меня, чтобы обсудить некоторые вопросы. Ладно, сказал я, это потом. Что и как произошло? Дежурный деликатно напомнил мне, что заступил только вчера вечером, когда все значимое уже произошло, а в больнице царил одна лишь бестолковщина, произ-

водимая компетентными лицами, демонстрировавшими различные стадии алкоголического восторга.

Ладно, сказал я, но мне все же хотелось бы выяснить все-таки, что и как произошло. Ты же понимаешь, старина, прежде чем предстать перед Главным и обсуждать вопросы... Если спросит, скажи ему, что я у себя. И я поволок ноги в свою родную терапию. Барашкин — это Барашкин, несотвязно думалось мне, и тень прокурора реяла у меня за плечами.

Приказав нянечке разыскать старшую сестру, я забрался к себе в кабинет. Оглядел стол — истории болезни не было. Когда вошла старшая, я спросил, забыв поздороваться:

— Какой диагноз?

— Острая коронарная недостаточность.

— А где история?

— У главного врача.

Так. Я подпер щеку кулаком и приказал:

— Рассказывайте, что и как.

Она замялась: вчера она тоже праздновала, как и я. Еще одно лыко мне в строку. Но тут в кабинет ввалился весь наличный медперсонал плюс еще трое бабочек, бывших вчера свидетельницами. Эта троица явилась сегодня посмотреть, что из всего этого выйдет. Так я их понял и пропустил мимо ушей, как одна из них, старейшая наша нянька Эльвира, объяснила с недостойной прямоотой: «Надо ж было поделиться радостью с подругами...» Вот они и рассказали мне, что и как.

Вчера после обеда явилась к Барашкину его супруга. Естественно, она не стала дожидаться с хамами, когда освободится халат, а вперлась прямо в котиковую шубе и расшитых валеночках-унтах. Она одарила своего страдальца гостинцами, все чин чинарем: «А там икра, а там вино, и сыр, и печки-лавочки...» Икра, точно, была, печки-лавочки были представлены балычком и буженинкой, а вместо вина одарен был страдалец бутылкой невиданного в наших широтах коньяка. И была при этом она, супруга, пьяна. («Навеселе», — сказала деликатная санитарка Симочка; «Под бухарем», — подтвердила грубая санитарка Галина из хирургии; «По самые брови налитая», — возразила тетя Эльвира.) Впрочем, пробыла жена недолго. Тяпнули, наверное, по рюмашке за Новый год, и она отчалила, оставив повелителя своего сосать в одиночестве.

Некоторое время все шло тихо и мирно, но вдруг дверь спецблока с треском распахнулась, и Барашкин возник на

пороге — в роскошном халате нараспашку, в пестрой фуфайке ручной вязки и в теплых антирадикулитных подштанниках, вся аптека наружу. Больные и посетители, расположившиеся на лавочках под сенью худосочных больничных пальм, замерли от неожиданности. Барашкин же, грозно оглядев их, заговорил. А глотка у него, надо признать, была потрясающая. Когда он принимался орать, дрожали стекла, дребезжала посуда и бедные мои старушки пациентки в ужасе прятались с головой под одеяло. И все выступления его были, как правило, обличительными и угрожающими. Таким было и его последнее выступление.

Репертуар, как явствовало из свидетельских показаний, был обычный, с обычными же непредсказуемыми перескоками с темы на тему. Он не позволит таким и сяким коновалам делать над ним свои поганые опыты и писать с него свои ученые статьи. Он очень даже хорошо понимает, что больницу заполнили за взятки разные тунейдцы, которые отлеживаются здесь за государственный счет, чтобы уклониться, да еще шляются в сортир мимо его двери. Он выведет на чистую воду тех, кто обворовывает в больнице народ и кормит народ помоями...

Посетители попытались урезонить его — он пригрозил сгноить их. Санитарка попыталась водворить его обратно в бокс — он объявил, что сейчас не те времена, чтобы затыкать рот. Прибежал растерянный дежурный врач — он повелел врачу в недельный срок убраться в Израиль. Тетя Эльвира, нежно обняв его за необъятную талию, стала уговаривать его пойти и прилечь — он уперся и стал громогласно и косноязычно объяснять, кто такая тетя Эльвира и кто были ее ближайшие родственники...

И вот как все получилось. Только-только Барашкин впал в разоблачение сексуальных связей давно усопших родителей старой няньки Эльвиры, как вдруг замолк. Прямо на полуслове. Словно радио выключили. Симочка, в ужасе прятавшаяся за спиной дежурного врача, видела все своими глазами. Барашкин смолк, морда у него посинела, он икнул, всхлипнул и повалился на бок. Его даже подхватить не успели. Упал, перебрал ногами и застыл, закатив глаза. Все.

— Что сделали? — тупо спросил я.

Сделали все, что можно было и что полагалось. Дефибрилляцию. Интубацию. Ничего не получилось. Труп — он и есть труп. Все равно что укол в протез. Сдох Барашкин. И

скатертью дорога. Правильно сказал Волошин, от души. Вышел, глянул и сказал — громко так, чтобы всем слышно было: «Собаке собачья смерть»...

Сердце мое дало сбой.

— Постой, постой, — коснеющим языком выговорил я. — Кто, ты говоришь, вышел?

— Волошин... Да вы знаете, с одним глазом который...

— Откуда вышел?

— Да из соседнего же бокса! Вы что, Алексей Андресвич, забыли? Там Люсенька, жена его лежит...

Пока я собирался с мыслями, выяснилось, что Ким был очень заботливым мужем. Навещал жену чуть ли не каждый день и всегда с гостинцами. Пошел себе больничный халат, сам, видно, стирал и даже крахмалил. Часто приходил с дочкой. Тощенькая такая, конопатенькая, но ухоженная, волосики всегда расчесанные, с бантами, и платица аккуратные. И вчера тоже с дочкой пришел. Она у них, бедная, не слышит и не говорит, но все соображает, а отца так понимает с одного взгляда. Пришли они вчера, рассказывала тетя Эльвира, и устроил он в боксе целый пир. Я им кипятку, конечно. Тасенька чай разливала и разносила. А уж бублики были — объедаешь, теплые еще, видно, сам стряпал...

— Постой, тетя Эльвира, — прервал я ее. — Что ты мне про бублики... Когда Барашкин загнулся, Волошин был в коридоре?

— Не было его в коридоре, — решительно сказала тетя Эльвира. — Я же говорю, он после вышел...

— Точно, — подтвердила Галина из хирургии. — Как Барашкин грохнулся, я побежала помочь Григорию Рувимовичу, а Волошин этот как раз из бокса выходил и дверью меня в задницу толкнул...

Все они, словно почуяв что-то, с выжидательным любопытством уставились на меня. Но я только спросил:

— Что было потом?

Потом, после необходимых и бесполезных процедур, труп утащили в морг, а ближе к вечеру нагрянула компания дармоедов то ли из милиции, то ли из безопасности, большей частью по случаю праздника на взводе, и с ними жена... вдова усопшего. Та вообще лыка не вязала и только непрерывно требовала, чтобы тело мужа хоть на кусочки изрезать, а доискаться, кто совершил террористический акт. Вцепились в дежурного врача: не ударил ли он или не толкнул ли товарища Барашкина, когда тот в пылу полемики

позволил себе нереконмендованные высказывания. Потом допрашивали персонал. Один добрался даже до котельной, где и был нынче утром обнаружен спящим в обнимку с пьяным нашим кочегаром...

Я слушал и не слушал. Значит, действительно Ким, лихорадочно думалось мне. Нельзя больше прятать голову в сугроб, убаюкивать себя всякой пошлятиной насчет совпадений. Совпадение раз, совпадение два, но помилуй Боже, где же воля Твоя? В свое время узнаем, конечно. Как пел много лет назад одноногий дядя Костя, кавалер одинокой медали: «На закуску узнаем, не пройдет еще час, есть ли небо над раем, иль морочили нас»...

Какое-то движение почудилось мне в пустом углу за плечом санитарки Симочки. Я взгляделся. Посиневшая, с оскаленными золотыми фиксами, с закаченными бельмами морда Барашкина была там, поторчала, скривилась безобразно и исчезла. Я вытер со лба испарину. Крещендо, вспомнилось мне. Вот как это называется. Крещендо. Сначала райком. Затем собачья бойня. Затем падение Нужника. Теперь вот Барашкин. Не просто Барашкин, а убиенный Барашкин.

Я спровадил наших девочек и тетечек из кабинета и отправился к Главному. Из мутных пучин непроглядной тайны на знакомую теплую отмель обыденщины. Глубина не выше щиколотки. Отчетливо виден каждый трилобитик, копошащийся в донном песочке. Главный — не Ким Волошин, он прозрачен как стекло: профан, подхалим и трус. Заветная мечта — лекторская должность в облздраве. И, следовательно, никаких ЧП. У него в больнице не было, нет и не будет никаких ЧП. Пока он Главный, нет никаких ЧП, а есть нерадивые, авантюристы, возомнившие о себе зазнайки, о которых он своевременно и заранее сигнализирует куда надо. Тем более такое лицо, как покойный Барашкин. Пятно на репутации больницы. Следствие будет тщательным и пристрастным. Прокуратура по головке не погладит. Слава Главному! Я наливался злостью. Веселой злостью, я бы сказал. Мертвецы перестали мерещиться по углам. Еще немного. Вот оно, коронное: «И имейте в виду, Алексей Андреевич, никто для вас каштанов таскать не будет. Когда вызовут на ковер, пойдете вы, а не я. Мне на это время заболеть ничего не стоит».

Я нагло потянулся, зевая, встал и вышел, оставив его в приятном недоумении, — не сошел ли я с ума и не должно ли меня вязать и отправить куда надо с соответствующей сопроводителькой.

Я спустился в прозекторскую. Моисей Наумович сидел на «скорбном столе» (так он прозвал это зловещее сооружение из искусственного мрамора) и курил. Едва глянув на меня, он пробубнил скучным голосом:

— Совсем был здоровый мужик. Протокол будете читать?

Я помотал головой.

— Нет. Пусть в неврологии читают. Впрочем, какой вы диагноз поставили?

Он помолчал, затем с кряхтением слез со «скорбного стола».

— Диагноз... — проворчал он. — Нормальный. Тот же, что и дежурный врач. Острая коронарная. Какой еще может быть диагноз? Вдруг ни с того ни с сего остановилось сердце. Бывает?

Я машинально согласился, что бывает. Моисей Наумович вдруг рассмеялся.

— Представляете, Алексей Андреевич, эта дамочка... вдовушка... настояла на немедленном вскрытии, и чтобы у нее на глазах. Чтобы убийцы в белых халатах чего не утаили. Попытался отговорить ее, выпереть, — куда там! Вступились эти... как их... следователи, что ли? С красными книжечками. Ну, мне с ними не тягаться. Ладно, говорю, сами напросились, на себя пеняйте... — Он снова рассмеялся — нехорошо так, непохоже на него, словно бы злорадно. — Едва я начал, как повело их. Все мне здесь заблевали и унесли. И вдову уволокли... Слабые люди, как сказал бы товарищ Коба.

— Моисей Наумович, — сказал я, — у меня для вас новости.

— Это плохо, — сказал он. — Рассказывайте, Алексей Андреевич.

Я рассказал. Он выслушал. Лицо его закаменело. С минуту мы молчали, потом он проскрипел:

— Как это Волошин сказал? Собаке собачья смерть... Со всем получается по Фрейду, на Пугачевку указывает...

Он заторопился. Напяливая свою облезлую шубенку и кос-как обматываясь шарфом, произнес невнятной скороговоркой:

— Но ведь и опять у него ничего не вышло! Мозги изрзаны, потроха искромсаны... Видно, не предусмотрел. Значит, будем ждать следующего случая...

Смысл этой странной сентенции он объяснил несколькими днями позже.

Огромная гиена, пятнистая, лобастая, с янтарными глазами, катила по дебаркадеру отгрызенную человеческую голову. Как игривый котенок катает по ковру клубок шерсти.

Явившийся на очередной «чек-ап» и на уколы лейтенант С. сообщил мне (как всегда, по секрету, конечно), что у них в управлении имело место чрезвычайно необычайное происшествие. Оказывается, еще со времен странной истории в райкоме милиция с подачи нашей ГБ взяла под колпак некоего Кима Сергеевича Волошина («Да вы его должны помнить, Алексей Андреевич, это тот, что в газете про Польшьгород... После райкомовских падений мы его разыскивали, я вам рассказывал...»). И вот после смерти Барашкина его вызвали в управление. Беседовал с ним сам капитан в своем кабинете за закрытой дверью.

Вдруг Волошин распахнул дверь и гаркнул: «Эй, вертухаи! Ваш начальник упаковочку дает!» Кинулись. Капитан лежал головой на столе и стонал. Выяснилось, что он навалил себе в брюки. Еще не успела подойти «скорая», как капитан очнулся, огляделся с очумелым видом, узрел Волошина и слабым голосом приказал удалить его из управления. Что и было сделано весело и беспечно. Врач же «скорой» констатировал легкий спазм мозговых сосудов и порекомендовал сотрудникам отвести злосчастного начальника отмываться.

Признаюсь, я преисполнился злорадства. (Силен враг добра в человеке!) А как же! Ничего им не стоит упечь какого-нибудь пархатого Григория Рувимовича или, скажем, завуча Второй школы (был такой эпизод), но вот столкнулись лоб в лоб с бесом — и полные штаны...

— Ну, и как? — спросил я, демонстрируя серость и невинность почти девичью. — Вы его, конечно, снова вызвали?

Но лейтенант С. тоже, видимо, подумал насчет бесов. Он считает, что с таким типом лучше не связываться. И все в управлении так считают. И капитан тоже. Нет, это не дело милиции. Об этом ведь и реляцию толком не напишешь. Представляете, Алексей Андреевич, приходит к нашему полковнику в Ольденбург бумага! Да еще о том, как наш капитан обос... А если у гэбэшников так свербит, то пусть сами и занимаются, а мы полюбуемся со стороны...

Когда С. ушел, я бросился к Моисею Наумовичу. Выслушав меня, он невесело ухмыльнулся и бесцветным голосом выразил опасение, что дальше будет еще хуже. И он оказался прав. Дальше получилось так плохо, что и вспоминать не хочется. Но из песни ни единого слова выкидывать нельзя.

Узнали мы об этом страшном деле во всех подробностях от насмерть перепуганной сестры-хозяйки Грипы, а та — от пресловутой тетки Дуси, соседки Волошиных, очень прилепившейся в последнее время к Люсе и ее убогой дочке. Устойчивая информационная цепочка, я бы сказал, совсем как в случае с Нужником... и очень для нас удобная, если здесь уместно такое слово.

Так вот, Ким сидел себе дома у окна и что-то мастерил на подоконнике, поглядывая на падчерицу, игравшую во дворе. Люся и тетка Дуся стряпали на кухне и напевали, а Ким им подсвистывал и все поглядывал да поглядывал, следил, чтобы Тася, упаси Бог, не сбегала бы со двора на улицу, где машины. А денек был отменный, и собралось на дворе дюжины полторы дошкольниц и девочек-первоклашек, катались со снежной горки кто на салазках, кто на дощечках, а кто и просто так. Мальчишки, как водится, играли отдельно. Такова была диспозиция к началу трагедии.

Как известно, дети — цветы жизни. Но весьма часто без видимой причины они разом обращаются все против одного, причем, как правило, слабейшего и самого робкого или, что совсем уже предпочтительно, против увечного. В тот день дьявол науськал детей на Тасю. Начала кампанию дочка монтера, жившего этажом выше Волошиных, ученица второго класса, девочка крупная, грубоватая и задиристая. Она повалила Тасю и с торжествующим воплем: «Дура глухая, корова мычливая!» — принялась возить ее мордочкой по снегу. Веселые подружки не замедлили присоединиться. И все это увидел Ким.

Он взревел, вскочил, запутался ногами в упавшем табурете, разбил его и, оттолкнув выскочившую в прихожую жену, бомбой вылетел на лестничную площадку. Он проскочил два пролета, а на ступеньках третьего поскользнулся, с размаху сел и так и остался сидеть, стиснув голову руками, весь в поту, с фиолетовой лысиной. Наверное, именно в этот момент и произошло умирание. Дети с отчаянным визгом брызнули в разные стороны, и на месте остались двое: ворочавшаяся на снегу, мычавшая от страха Тася

и неподвижно распластавшаяся дочка монтера. Мертвая. Необратимо мертвая.

Так рассказала нам, трясая и закатывая глаза, наша Грипа. Уже на следующий день. «Внезапная смерть», как сформулировал корифей из кардиологической бригады «скорой». «Рефлекторная остановка кровообращения», как занес в справку мертвеющей рукой Моисей Наумович.

Дальше начались последствия. Соседям и особенно родителям было как день ясно, что доктора либо не разобрались, либо морочат людям голову, что никакой такой «рефлекторной» у девочки не случилось, а была девочка убита, и убил ее непостижимым образом Ким Волошин, всем известный колдун и злодей. Тех, кто сомневался, давили прецедентами — происшествием с Нужником и смертью Барашкина. Скоро весь город кипел возбуждением, близким к панике.

Конечно, требовались объяснения, и загуляли ужасные слухи. Материалисты убеждали, будто злодей Волошин вооружен неким ручным газометом, мистики талдычили насчет дурного глаза, порчи и какого-то авестийского волшебства. Но требовались не только объяснения, требовалось и немедленное отмщение. В райком, в милицию, в газету посыпались письма. Арестовать и произвести доскональное расследование. Если потребуется, то и с применением форсированных методов допроса. А еще лучше — просто взять и повесить на площади Ленина...

И были соответствующие делегации. Ветеранов партии и труда. Общества защиты животных. Воинствующих безбожников и воинствующих патриотов. В райкоме им сказали, что проблема сложная, необходимых специалистов нет, послан запрос в область. В милиции объявили, что никакие действия Волошина К.С. ни под какую статью УК РСФСР не попадают, попытки же самосуда над Волошиным К.С. будут пресекаться строго и беспощадно. А редактор нашей славной газеты, хоть и рад был бы свести счёты с бывшим сотрудником, самоустранился, ибо только недавно получил втык за статью о высадке инопланетян в соседней области.

Характерно, что градус гражданского возмущения не был одинаков для всего города. Больше всех волновались в районах, наиболее удаленных от «Черемушек», — за Большим Оврагом. В доме же, где жили Волошины, и ближайших окрестностях население держалось тише самой застойной воды

и ниже самой низкой муравушки. Похоронив дочку, монтер немедленно увез обезумевшую от горя жсну куда-то к родственникам, и все замерло. Некоторые по примеру монтера тоже вывезли свои семьи — от неведомого греха. Не играли больше детишки во дворах. Самые бесшабашные сорвиголовы, старшекласники, птэзушники, молодые рабочие стремглав шарахались в ближайшие подворотни, когда Ким выходил из своей берлоги в магазин или прогулять Тасю. (Люся не выходила из дому ни на шаг. Навещала ее украдкой, когда уходил хозяин, одна лишь тетка Дуся. По ее словам, Люся, осунувшаяся и поблекшая, дни напролет сидела на кровати, сложив руки на коленях, и глядела в окно, говорила мало и нехотя.)

Прошла неделя, и монтер с женой вернулись в дом. Вечером жена монтера, пьяная и растрепанная, отпихнув мужа, пытавшегося ее удержать, спустилась к дверям квартиры Волошиных и принялась колотить в нее кулаками и ногами, крича во весь голос.

— Убийца! — кричала она. — Отвори, убийца! Где моя дочь, проклятый упырь? Думаешь, убил и шито-крыто? Не выйдет! Я с тебя с живого не слезу! Ты у меня землю жрать будешь! Ты у меня сам в петлю полезешь! Отворяй, я тебе последний глаз выцарапаю!

Надо полагать, весь дом в ужасе внимал этому вызову. Тетка Дуся попыталась увести несчастную мать, но была отбита с шумным негодованием. Попытался оттащить ее муж, но только переключил внимание жены на себя и вообще на всех мужчин в этом доме.

— Отойди, отзынь, трус паршивый! — взвилась она. — Почему ты не убил убийцу твоей дочери? Почему он жив и в ус не дует? Боишься, слизняк? Я одна здесь не боюсь! А вы здесь все трясетесь, затаились, шкурники проклятые! Мужчины, называется! Алкоголики сраные! Все вместе одного упыря задавить трусят!

Так она бушевала, совсем охрипла, билась в истерике, выкрикивая уже совершенно непечатное. При некотором усилии воображения можно представить себе, что происходило тогда в квартирке Волошиных. Как Люся, чтобы не слышать, зажимала уши и прятала голову под подушку. Как недоуменно хлопала глазами маленькая Тася, отрезанная от событий своей глухотой. Как метался из угла в угол Ким, скрипя зубами, с налитым кровью лицом, и все пытался... нет, тут воображение отказывает мнс. С тем же успехом могу представить себе, как он сидит у стола, потягивая водку,

прикрыв глаз тяжелым синеватым вском, и даже слегка ухмыляется зловещей бессовской ухмылкой...

Жена монтера замолкла на полуслове и потеряла сознание, а очнулась через несколько минут хрестоматийным кретином, утратившим вдобавок память и речь. Час спустя кто-то догадался вызвать «скорую», и ее увезли. Потом след ее затерялся.

Весть об этом новом злодеянии (а в том, что это именно злодеяние, никто в городе уже не сомневался) обычным чудом облетела нашу публику той же ночью. Во всяком случае, когда я в девять утра пришел в больницу, о случившемся знали все больные, все сестры и няньки. Я связался с Моисеем Наумовичем. Он тоже уже все знал. Я предложил выйти потолковать под открытым небом: в больнице было полно народа и лишних ушей. Мы сошлись на середине двора и закурили.

16

*И в тумане табачного дыма
Слово вымолвил старый стрелок,
Что для воина все достижимо,
Лишь бы только варил котелок!*

Я решительно сказал:

— Надо что-то делать, Моисей Наумович.

Он зябко повел плечами под накинутой шубейкой. Лицо у него было измученное.

— Надо бы, — пробормотал он.

— Написать в облздрав? В министерство?

— Даже не смешно...

— Может быть, у вас в Москве кто-нибудь есть? Старые связи какие-нибудь... Нет?

Он безнадежно махнул рукой. Я сказал с раздражением:

— Люди же гибнут, Моисей Наумович! Может, в ГБ обратиться?

— Послушайте, Алексей Андреевич. Если верить этому вашему лейтенантику из милиции, в КГБ все и без нас известно... И потом...

Он замолчал и вдруг пугливо поглядел на небо, серое пасмурное небо, откуда сыпал на нас в безветрии мелкий снежок. Словно бы он ждал, что вот-вот на нас спикируют какие-нибудь «мессеры».

— Что — потом? — рывкнул я, чтобы подавить в душе страх. — Что — потом, Моисей Наумович? Говорите же, мы здесь не шутки шутим!

— Все, что мы с вами знаем, они знают и без нас. А вот с кем они дело имеют, этого они не знают...

— А вы знаете?

Он поник головой и едва ли не шепотом произнес:

— А я знаю. Но они не поверят. Не готовы они.

— Но хоть мне-то вы можете сказать? — закричал я. — Я-то уж, кажется, ко всему готов! Да говорите же, черт подери, право!..

И он заговорил, а я стал слушать, выпучив глаза и раскрыв рот. Нет, к этому не был готов и я.

Ким Волошин, объяснил Моисей Наумович, не живой человек в полном смысле этого слова. Возможно, он не человек вообще. Ким давным-давно умер, был ввергнут в ад, осужденный на вечные муки, но ему удалось бежать. Бежать совершенно так же, как в нашем мире бегут из тюрем, колоний и прочих мест, куда менее отдаленных. А беглецу из ада, как и заурядному беглецу с каторги, требуется как можно скорее смешаться с массой, затеряться в толпе. Ведь адские слуги, упустившие его, рыщут в поисках по всему миру, чтобы нагнать, схватить и вновь ввергнуть в пучину невыносимых мучений! Но тут возникает закавыка. Никто не может представить себе, какие травмы и увечья получает иномирская плоть от разных там сковородок, котлов и раскаленных щипцов, но в первую очередь, очевидно, беглец озабочен заменить свое изувеченное иномирское обличье на нормальное тело обитателя нашего мира. Иначе и у нас его не поймут, и погоня настигнет в два счета. Ну и вот...

Моисей Наумович замолчал и со значением посмотрел на меня.

— Что — ну и вот? — тупо спросил я. Я обалдел. Все-таки передо мной был один из самых умных и образованных людей, каких я когда-либо знал. Материалист, черт подери. Медик!

— Вот он и ищет себе новую плоть, — пояснил Моисей Наумович. — А это не просто. Тела убитых на войне или погибших при катастрофах сильно повреждены. Переселяться в них — все равно что менять одну драную телогрейку на другую. А добраться до тех, кто почил более или менее естественной смертью, он не успевает, ибо эти телесные оболочки почти сразу же попадают к прозекторам. Ну и вот.

— Погодите, Моисей Наумович! Ну и вот, ну и вот... Каким образом все это согласуется...

— А я не знаю, каким образом. Я никогда ни о чем подобном не слышал. Предположим, он принялся изготавливать себе трупы сам. Или ему не обязательно нужен труп, а так... живой, но безумный, скажем. И предположим, что при побеге ему удалось завладеть адским оружием своих мучителей... Бывает же, что преступники при побегах захватывали у охраны пистолеты, автоматы, не знаю, что там еще...

Я взял его за руку и мягко сказал:

— Моисей Наумович, признайтесь, где вы нахватались всей этой несусветной чепухи?

Он отвернулся и высвободил руку.

— Что ж, не буду скрывать. На идсю меня навел один фильм. Американский. Фильм ужасов. Хотя в нем все совсем не так... Но это не чепуха, поверьте старику, Алексей Андреевич! Может быть, я сумбурно изложил... не все детали учел... но в главных чертах, в основном я прав, я уверен...

— Да, — сказал я с горечью. — В основном вы правы, конечно. К принятию такой версии в КГБ, несомненно, не готовы. Другое дело — наши няньки и старушки. Они уж за эту версию ухватятся, да еще подробностей добавят...

— А хотя бы няньки и старушки! — произнес он, гордо задрав свой огромный старый нос. — Глас народа, знаете ли...

Я обнял его за плечи.

— Пойдемте, Моисей Наумович. Вы совсем озябли... А знаете, какос самое уязвимос место в вашей версии?

— Знаю, — сердито пробормотал он. — Она многое не объясняет.

— Это бы еще что! Главное — ес практически нельзя применить. Понимаете, дорогой Моисей Наумович, словить бежавшего из тюрьмы какого-нибудь Фомку Блина наши доблестные органы еще смогут... А вот ущучить беглеца из ада, да еще вооруженного неведомым адским оружием... тут уж, простите, вся наша королевская рать не справится... И насчет гласа народа. Не стоит разбрасывать перлы вашего воображения направо и налево. Не ровен час, еще попадете кому-нибудь не в бровь... Ручаюсь, у нас в палатах, да и в ординаторских, уже разрабатываются подобные версии. А если еще и вы с вашим авторитетом...

— Отстаньте, Алксей Андреевич, — сердито прервал он меня. — Я не рбснок и знаю, где можно, а где нельзя.

— Ну-ну, — сказал я, и мы расстались.

И все же я был заведен, и абсурдная гипотеза Моисея Наумовича, не стыжусь в этом признаться, произвела на меня впечатление. Я призывал себя к хладнокровию и здорovому скепсису, я ругал себя за впечатлительность и презрительно дивился себе, как вдруг, во время обхода, сообразил, что меня мучит. Да, сказочка моего друга была абсурдна, ни с чем не сообразна, но включала она в себя одно очень точное словечко, и словечко это было — ад. Правда, не в том смысле, в каком употреблял это словечко Моисей Наумович. Но все равно, я интуитивно почувствовал, что именно от ада надлежит разматывать этот кошмар с Кимом Волошиным. Все объясняет ад. И уже к концу обхода я объяснил себе все.

Правда, легче мне не стало. Потому что объяснение мое страдало тем же изъяном, что и версия Моисея Наумовича: оно не могло служить руководством к практическим действиям...

17

Не тушуйся, парень, заряжай женщину и стреляй из нее в белый свет. И она выстрелит пушкой или пушкарем, а они выстрелят своим чередом, тоже пушками и пушкарями, а те в свою очередь, и так оно и пойдет, выстрел за выстрелом, пока белый свет не станет черным, а тогда, глядишь, и передышка наступит. Покой наступит, парень, понимаешь? Черный свет и покой! И чем скорее ты зарядишь свою женщину, а лучше не одну, побольше их зарядишь, тем скорее он наступит, покой.

В тягостных мыслях своих протянул я почти до обеда, а тем временем город забурлил и накалился. Все смешалось в моей больнице. Руки наши наполнились, закипела вода в радиаторе «скорой помощи».

Снова пошли петиции и делегации. Кос-где митинговали. Кос-кто сбивался в дружины. У терминала межгородского автобуса разгромили пивной ларек. Двое раненых. Нужник подрался с птэушниками, и те всласть измочалили его приводными цепями. Возникло несколько пожаров. Трое обгорели, пятеро отравились дымом. С лесов пятиэтажника, возводимого на улице им. писателя Пенькова, сорвался пьяный рабочий. Тяжелые переломы. Десятикласс-

ники школы № 2 попытались обойтись бесчестно с молодой учительницей, недавно переведенной к нам из Еревана не по своей воле; оказалось, она владеет каратэ, четверо несостоявшихся насильников были доставлены в больницу с увечьями...

Наш мудрый Главный выразил свое общее мнение, что мораль в нашем городе резко упала, призвал нас собрать все силы и не разминаться на мелочи и укатил в исполком. И молва оказалась тут как тут и уверенно приписала весь этот бардак зловещему колдуну с черным глазом. Я-то всегда считал, что для доведения нашего города до свинского состояния вполне достаточно его собственных, внутренних сил, но теперь-то, в чем я мог быть уверен теперь?

Незадолго до конца рабочего дня в больницу поступили новые сведения. Принес их рыжий долдон с крепко обмороженным носом и изложил санитарке, своей родственнице. Выяснилось, что около пяти вечера к мосту через Большой Овраг, отделяющий город от «Черемушек», приблизилась угрюмая толпа человек в тридцать, вооруженная дрекольем, топорами и даже парой охотничьих ружей. Шла эта толпа разорить проклятое гнездо, разорвать проклятого колдуна в клочья, а заодно похерить его проклятую ведьмачку-жену и проклятый его помет в лице глухонемой уродки. Никто этому смертоносному маршу карателей не препятствовал, только в отдалении опасливо прятались в сумерках двое-трое милиционеров. Должно быть, с намерением засвистеть, когда все будет кончено.

Толпа уже спускалась к мосту, но тут со стороны «Черемушек» появилась еще одна толпа, числом поболее, до полусотни, тоже вооруженных. Обе толпы, двигаясь навстречу друг другу, сошлись вплотную на середине моста и остановились. Полагаю, все они тряслись от возбуждения, были разгорячены, и пар от них валил, как от запаленных лошадей. Некоторое время длилось молчание, затем из толпы черемушкинцев осведомились, зачем-де пожаловали. Городские изъяснились в своих намерениях и попросили пропустить. Заречные тихо, но решительно объявили, что не пропустят. Городские занялись любезным сердцу делом — принялись сладострастно и яростно материться. Им внимали — молча и терпеливо. Когда самые отпетые ругатели повыдохлись, черемушкинцы по-прежнему негромко и внятно предложили городским поворачивать оглобли. Все равно никто здесь не пройдет.

Положим, подойдете вы к его дому. И тут он бьет вас

всех скопом одним ударом. Забыли, что с собаками на Пу-гачевке случилось?

В ответ городские очень обидно загоготали и засвистели, и кто-то крикнул, что насчет этих собак никто не знает, правда это или нет. Было, однако, замечено, что несколько городских отделились от своей толпы и зашагали обратно в город.

С той стороны терпеливо напомнили, что, поскольку Ким Волошин является колдуном, никому не дано знать, что он может, а что не может, однако насчет убисенных известно точно...

Тут оказалось, что среди городских затесались и материалисты, и один из них совсем непоследовательно объявил, что никаких колдунов на свете не бывает и потому навести концы Волошину препятствий нет. Теперь загоготали и засвистели черемушкинцы. Каратели-ортодоксы немедленно сгрудились вокруг ерестика и двух его клакеров, подвергли их укоризне и вытолкнули из своих рядов, и те, угрожающе сквернословя, поплелись обратно в город.

Между тем совсем смерклось, морозец стал пробираться до костей, на дне оврага густились угрожающие тени. И вообще пар уже ушел в свисток, и ясно стало, что к «Черемушкам» все одно не пропустят, и хмель повыветрился. А тут еще один из черемушкинцев выступил вперед, высморкался и произнес:

— Разве мы за вас, дураков, распинаемся? По нам так хрен с вами со всеми, пусть бы вы все головы положили, не жалко. Но ведь он как? А вдруг по злобе и силе своей ударит не только по вам, дуракам, а разом по всему околотку? А у нас ведь здесь семьи, жены, детишки, старики... До ваших домов в городе он, может, и не достанет, а нашим наверняка конец будет. Как же нам вас пропустить, сами подумайте...

И городские разом и молча, словно бы по неслышной команде, развернулись на сто восемьдесят градусов и пошли с моста обратно в город.

Так бесславно (или благополучно?) закончился первый и последний поход ташлинцев на логово колдуна Кима Волошина.

Тем же вечером, когда больница поуспокоилась после этого несусветного дня, я позвонил домой Алисе и предупредил, что вернусь поздно. Я очень устал, но желание поделиться своими соображениями с Моисеем Наумовичем распирало меня. Топили в районном пансионате хорошо, и в

аскетически чистенькой, скудно обставленный комнатке Моисея Наумовича было приятно-тепло. Старик мне обрадовался и захопотал насчет чайку. Мы уселись за скрипучий столик, чай дымился в толстых фаянсовых кружках и разложено было по блюдечкам слегка засахарившееся варенье из черной смородины. Я сказал, зачем пришел. Он остренько поглядел на меня, произнес: «Ну-ну?» — и я принялся излагать.

Для начала я признал, что в его мистической версии содержится важнос и рациональное зерно. Важное и рациональное потому, что послужило мне отправным пунктом для построения иной, вполне рационалистической гипотезы. Зерно это — представление об аде как причине и движущей силе «феномена Кима Волошина». Но ведь что такое ад? Вот у Кипплинга, если, конечно, перевод адекватный: «Мы шли через ад, и поклясться я готов, что нет там ни ведьм, ни жаровен, ни чертей, там только пыль...» Действительно, пусть Моисей Наумович не обижается, какие там черти и жаровни! Но не только пыль от шагающих сапог, хотя и пыли, конечно, было по макушку. Там еще бросали гранаты в детей и оставляли бедняг выбираться из-под растерзанных трупов родителей. Там еще ввергали за колючую проволоку в беспредельную власть подонков человечества, погрязших в кровавом скотстве. Там еще бегали по крышам ядовитых пустых домов веселые сумасшедшие, расппевающие дикие песенки. И много еще чего было в аду, через который прошел живым Ким Сергеевич Волошин...

Да, десятки миллионов сгнули там, и еще сгинут миллионы, а вот Волошин не сгинул. Случайность, очевидно. Очень малая вероятность, не равная, однако, нулю. Волошин не сгинул, а превратился в бомбу, начиненную сумасшедшей ненавистью и паническим ужасом. И не адских слуг он боится, а новых угроз со стороны ада человеческого. И не оснащен он адским оружием, а сам превратился в оружие. И именно это вот обстоятельство сейчас для нас самое главное и самое мучительное.

Я замолчал, собираясь с мыслями. Это обстоятельство, самое главное и самое мучительное, подлежало ведению тех мрачных наук, в которых плавает не только провинциальный терапевт, но и талантливейший «лекарь мертвых». Думать смутно о таких вещах может и абсолютный профан, а вот излагать эти мысли, да если еще голова гудит от усталости... Словно почувствовав мое состояние, Моисей Нау-

мович пошарил в шкафчике и водрузил на столик бутылку ликера собственного изобретения и производства. Возле бутылки возникли рюмочки, которые старик аккуратно наполнил. «Лыхайм», — произнес он шепотом, и мы выпили. Было вкусно.

— Продолжайте, Алексей Андреевич, — сказал он. — Я вас внимательно слушаю. Очень внимательно.

— Очень трудно, — признался я, и рюмочки были снова немедленно наполнены.

— Да, конечно. — Моисей Наумович сочувственно покивал. — Бомба, начиненная ненавистью и ужасом, — это красиво, конечно, вроде ящика Пандоры, но это ведь только поэзия...

Я выпил и налил себе еще. Я заговорил, тщательно подбирая слова и, надо надеяться, время от времени краснея.

Воздействия адских условий, в которых выпало пребывать Волошину, а точнее — комбинация этих воздействий произвела в его организме уникальную перемену. Психофизиологическая суть этой перемены нам неизвестна. Зато известны вполне достоверные случаи ее проявления. Обретенный в аду дар позволяет Киму Волошину непонятным образом наносить удары, вызывающие: а) кратковременное выпадение сознания, б) полный или почти полный паралич памяти и, наконец, в) мгновенную смерть, диагностируемую медициной либо как следствие острой коронарной недостаточности, либо рефлекторной остановки кровообращения. (Моисей Наумович приятной улыбкой дал мне понять, что оценил мой сарказм.) Достоин упоминания и то обстоятельство, что в наблюдаемых нами случаях объектами ударов были лица, вызвавшие у Волошина приступы крайнего раздражения или прямой ненависти. Это, однако, еще не дает нам права утверждать с уверенностью, будто он не способен намечать и поражать жертву и с полным хладнокровием...

Я еще раз (в который уже раз?) хлебнул несравненного ликера, собрался с духом и произнес деревянным голосом небольшое эссе на тему о том, что «феномен Волошина», строго говоря, не является беспрецедентным. Всемирно-исторический опыт даст нам некоторые основания предположить, что во все века и во всех социумах существовали своего рода злые чародеи, имевшие власть при помощи неких таинственных заклинаний отдавать людям и животным приказ умереть, и люди и животные покорно умирали без признаков каких-либо повреждений. Секреты восточных ма-

гий... африканские колдуны... шаманы... Моисей Наумович сказал с мягким укором:

— Простите, что прерываю вас, Алксей Андреевич. Но я хотел бы предупредить вас, что жидкость эта очень, очень коварна...

Я в смущении уставился на опустевшую наполовину бутль. Но бес разнузданности уже овладел мною. Я погрозил Моисею Наумовичу пальцем и плеснул себе коварной жидкости уже не в рюмочку, а в чайную кружку. Проглотив залпом и поцокав языком от удовольствия, я проговорил, старательно артикулируя:

— А вот у Лермонтова на такой случай сказано... «Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...» Таким образом, что мы имеем, Моисей Наумович? А имеем мы опять же поэзию. Чудище обло и даже, может быть, стозебно... в пересчете на число жертв, которое оно способно схарчить одновременно. Собачки на Пугачевке до сих пор, наверное, об этом помнят, на что уж у собачек память ни к черту... Рассказывайте мне об адском оружии! Вот оно, это ваше адское оружие, и никакой мистики... А Ким — он сам себе и беглец из ада, и адский слуга, и адское оружие...

Тут я понял, что иссяк, очень утомлен и что мне пора домой.

По пути, стараясь ступать твердо и уверенно и напевая какую-то легкомысленную чушь, я вдруг заметил, что за мной увязалось несколько собачонок. Они следовали в отдалении, они не лаяли и, конечно же, не норовили ухватить меня за пятки. Они трусили позади совершенно бесшумно, а когда я оборачивался, с жалобным прискуливанием бросались кто куда в лунные тени...

18

По облику был он похож на неспросавшегося мертвеца: жесткие волосы дыбом, бледная с прозеленью физиономия в засохлых пятнах, неподвижные тухлые глаза. Ходил и бормотал: «Не убий, не убий, не прелюбы сотвори...» Юрод.

Дня через два Ким нанес городу ответный визит. Вспоминать об этом тоже не хочется, но тоже надо.

Около полудня он появился на проспекте Изотова в обычном своем оранжевом тулупе до пят и чудовищной

своей шнурковой шапке. Облачение это было известно половине ташлинцев хотя бы и по слухам, и наиболее смелые из встречаемых проходили мимо, уставив взоры прямо перед собой, а малодушные торопились свернуть в переулки или занырнуть в магазины. А направлялся Ким домой в «Черемушки», возвращаясь из жалкой нашей районной «Оптики», где он еще месяца три назад заказал очки для своей жены Люси. Заходил он в «Оптику», как впоследствии выяснилось, раз двадцать за это время, да все втуне: то оправы не было подходящей, то линз, а чаще всего ни того, ни другого. В тот день получился у него с продавцом такой разговор.

— Чтобы завтра очки были, — сказал он.

— Завтра будут, — хмуро, но с готовностью отвечивал продавец.

— Чтобы завтра очки были доставлены мне домой к двенадцати, — сказал он.

— Будут доставлены, — сказал продавец.

Ким указал пальцем на высунувшегося из мастерской парнишку-ученика:

— Вот пусть он доставит.

Парнишка, посинев от ужаса, отчаянно затряс головой. Продавец набычился.

— Я сам доставлю, — сказал он.

Ким безрадостно оскалился.

— Ладно, — проговорил он. — Ты сам и доставишь, старик, коль ног не жаль. И запомни: доставишь вовремя — воля; вынудишь меня снова к тебе тащиться — уже неволя; не выполнишь заказ — смерть.

Продавец побледнел, но ответил с достоинством:

— Вы меня не пугайте, гражданин Волошин. Меня немецкие танки не испугали. Сказал — доставлю, значит, доставлю.

На том они и расстались. Продавец принялся работать с великолепной оправой, предназначенной для старшей дочери начальника милиции, а Ким отправился восвояси.

Кажется, впервые повел он себя столь откровенно и вызывающе, впервые обнажил оружие. Так, с обнаженным оружием, и двинулся по проспекту Изотова. Весть уже распространилась, народу на проспекте стало немного, никому не хотелось попадаться на глаза этому бесу, и маячили отдельные фигуры шагах в двадцати позади него да поспешно расходились фланирующие шагах в тридцати впереди. И надо же было случиться, что к нему прицепил-

ся известный возмутитель спокойствия иеговист Панас Черкасенко...

Ким шел обычным своим широким шагом, а коротышка-иеговист вприпрыжку поспевал за ним и визгливо вещал. Что-то об армагеддоне. О каких-то ста сорока четырех тысячах. Об обновленной земле. Ким шел себе, словно ничего не слыша, а потом, не останавливаясь, отрывисто произнес несколько слов. Проповедник подпрыгнул, воздел руки горé, словно бы в крайнем возмущении, снова нагнал Кима и снова принялся вещать. Те, кто наблюдал эту сцену, затаили дыхание, кое-кто остановился, кое-кто попятился.

И точно. Панаса Черкасенко вдруг повело влево, как пьяного, боком-боком засеменял он на подгибающихся ногах и вывалился на проезжую часть в аккурат под громыхающий на полном ходу самосвал. Злосчастный проповедник даже не вскрикнул, лишь явственно хрустнули его сокрушаемые кости под громадными колесами. Скрежет, визг тормозов, и на проспекте Изотова воцарилась тишина. И тогда жалостливо-испуганный стон извергся из грудей наблюдателей, а Ким, даже не оглянувшись, пошел дальше и вскоре свернул на улицу им. писателя Пенькова, по которой был кратчайший путь к мосту через Большой Овраг...

Но не гибелью свидетеля Иеговы заключился его выход в город. Улица им. писателя Пенькова у нас узкая, а в те времена еще и перекопанная строителями, и прохожие-очевидцы наблюдали то, что произошло, можно сказать, в упор. Со стороны проспекта Изотова донеслись завывания сирены то ли ГАИ, то ли «скорой», когда Ким ступил на бугристую тропинку, протоптанную в снегу вдоль фасада возводимого пятиэтажника, того самого, с которого накануне сверзился пьяный строитель. Ким ступил, прошел, оскальзаясь, несколько шагов и внезапно замер на месте.

Он простоял секунд пять, когда сквозь клетку лесов вылетела из оконного проема на третьем этаже страшного вида колода — вроде тех, какими пользуются в своем ремесле мясники. Она грянулась на тропинку едва ли не под ноги Киму, подскочила и выкатилась на середину улицы. Ким на миг поднял голову и как будто взглянул в ту сторону, откуда она вылетела, после чего пошел дальше своей дорогой.

Ошеломленные прохожие-очевидцы провожали его взглядами, пока он не скрылся из глаз, и только тогда услышали жалобные вопли с мольбы о помощи, доносившиеся из

недр новостройки. Мнения разделились. Кто-то настаивал на том, чтобы позвать милицию. Кто-то предостерегал от опрометчивых поступков. Кто-то просто ушел от греха. Но нашлись и смелые. Не без трепета вступили в дом и поднялись на третий этаж, где обнаружили трех молодых людей в испачканных черных полушубках. Молодцы бродили по комнатам, ощупывая стены грязными ладонями. При этом они громко рыдали, срываясь в истерику, и опухшие мордасы их были измазаны слезами пополам со строительной пылью. Они были насмерть перепуганы: никак не могли найти дверь, чтобы выйти на улицу...

Здесь необходимо маленкое отступление.

Не знаю, как в других столицах, но в нашем областном Ольденбурге эта разновидность общественных деятелей появилась вскоре после 85-го, причем в количествах, далеко превышающих желательные. Большею частью рекрутируется она из бывших спортсменов и несостоявшихся тренеров по боевым видам спорта. Зимой они щеголяют в черных полушубках, которые называют «романовскими», — это щегольство патриотическое, бросающее вызов заграничным дубленкам. Роятся они возле мебельных магазинов, в железнодорожных пакгаузах и при оптовых складах продовольствия и спиртных напитков. По вечерам любят бывать в престижных ресторанах, где при обычных обстоятельствах ведут себя спокойно и тихо. Пьют немного, закусывают деликатесно, курят только «Мальборо». Столики занимают не самые удобные, но расположенные на стратегических направлениях... Можно, конечно, гадать, кто нанял в Ольденбурге этих оболтусов с микроскопическими мозгами и чугунной совестью, но как медик я утверждаю, что больше не отираться им по мебельным делам, и не сидеть в дорогих ресторанах, и не курить «Мальборо»...

Часа в четыре пополудни, уже отягощенный всей этой информацией, я заперся в своем кабинете. Мне было худо. Если бы душевное состояние мое проявилось в телесных движениях, я бы тряся, как от сильного озноба. Но мне удалось сдерживать себя. Мало того, я с неясным удивлением осознал, что не так уж меня поразила гибель проповедника-иеговиста и моментальное низведение сразу трех человек до уровня клинического идиотизма. Нет, всю душу мою затопил вполне эгоистический ужас за себя и за моих близких. Неуловимый, неуязвимый, непостижимый бес открыто расхаживал между людьми, и невозможно было предсказать,

кто будет очередной жертвой сго. И еще: он учуял опасность за несколько секунд до нападения.

А ведь еще не было известно, что произойдет этой ночью. Мало кто знал, что не трое, а целых семнадцать «черных полубубков» насхало в наш Ташлинск. Как видно, потеря троих не произвела на остальных должного впечатления, и примерно в полночь весь отряд гангстеров двинулся к мосту через Большой Овраг. И там, на середине моста, Ким их стукнул. Надо полагать, не выходя из дому. Но эти четырнадцать отделались легко. Полежали в снегу, поднялись на трясущиеся ноги и пустились без оглядки обратно. Некоторые слегка поморозились, кто-то потерял шапку... Утром они дружно погрузились в автобус и отбыли к себе в Ольденбург.

19

Козерог. Начнете пожинать плоды своей работы. Это вдохновит вас на новые трудовые подвиги. Вам очень помогут друзья и коллеги. Будьте поласковее с родными и близкими, чтобы не только на работе, но и дома все было в лучшем виде.

А в тот день я сидел в своем кабинете, смотрел, как за окном сгущаются сумерки, с тоской прислушивался к сосанию под ложечкой и никого к своей особе не допускал. Потом позвонил Моисей Наумович и попросил разрешения зайти для важного разговора. Ему я, конечно, открыл, мы уселись у стола и уставились друг на друга.

— Ну что, Моисей Наумович? — спросил я наконец.

— Обыкновенная история, — горько ответил он. — Легкая эпилепсия, выпадение сознания, непослушные ноги выносят беднягу под грузовик.

— Я, собственно, не об этом.

— И я тоже хотел не об этом. Вы обратили внимание, Алексей Андреевич, что он остановился секунд за пять...

— Да. Обратил.

— Вот и я обратил. И я не понимаю, Алексей Андреевич, чем такая вот странность противоречит моей гипотезе...

— Да я уже и сам не понимаю, — рассеянно отозвался я. Спорить не было сил.

— И все равно, — пробормотал Моисей Наумович. — Все-таки это скотство — наемных убийц подсылать...

Я был изумлен.

— Моисей Наумович, ради Бога!..

— Да-да, — торопливо прервал он меня. — Вы правы, конечно.

Мы помолчали.

— Я, собственно... — нерешительно проговорил он. — Собственно, я пришел насчет совсем другого.

— Слушаю со вниманием, Моисей Наумович.

— Собственно, я решил с ним повидаться.

— С кем?

Сердце мое замерло. Я сразу понял — с кем.

— С ним, — как-то растерянно, словно удивляясь себе, произнес Моисей Наумович. — С Волошиным.

— Вы с ума сошли...

— Отчего же? Я ведь в душе против него ничего не держу. Я только за людей опасуюсь.

— И вы намерены... к нему? Прямо к нему домой?

— Да, конечно. Он ведь ко мне не пойдет, правда?

У меня голова шла кругом. Остановить! Удержать!

— А если он антисемит? — ляпнул я.

— Что ж, одним евреем в Ташлинске будет меньше.

— Да вы кокетничаете, Моисей Наумович!

— Какое там мое кокетство, милый Алексей Андреевич!

Стрaшно мне очень, вот вам и кажется. Только что ж? Дедушка старый, ему все равно.

И тогда я собрался. Отчетливо скрежетнула, распрямляясь, моя проржавевшая, согнувшаяся в три погибели воля. И я сказал:

— Хорошо. Только пойдем вдвоем. Вы правы, надо попробовать все точки над этим «е» поставить.

Последовала сцена. Я дошел до того, что принялся грубить. И я уломал старика. Решили отправиться к бесу в гости вдвоем, завтра же, сразу после работы. Не знаю, как спал в ту ночь Моисей Наумович. А я вряд ли провел ту ночь намного веселее, чем «черные полубубки» на мосту через Большой Овраг...

Путь был неблизкий, да и шли мы весьма неторопливо, так что вступили в «Черемушки», когда уже совсем стемнело. Тихо было в «Черемушках», ни голосов не было слышно, ни звонких скрипов снега под ногами прохожих, а собаки здесь словно никогда и не водились. Тишину компенсировал свет. Необычайно, непривычно ярко сияли уличные фонари, ослепительными, жуткими, как выстрелы, вспышками неправых дневных ламп прерывисто озарялись пустые витри-

ны магазинов, жужжали от напряжения уцелевшие лампочки над подъездами. И никого мы не видели по дороге, только раз я заметил в проулке машину с погашенными фарами и возле нее едва различимую темную фигуру. Мимолетно подумалось, что за домом Волошина наблюдают.

Наконец мы добрались. Вступили в подъезд и стали подниматься по лестнице. Поднимались медленно, через каждые пять-шесть ступенек останавливались, чтобы дать передохнуть Моисею Наумовичу, которого сразу начала мучить одышка. Лицо у него, хоть и с мороза, было серое. И я снова со страхом подумал о всяких возможных и невозможных неожиданностях, которые сейчас нас поджидали. Мы поднялись на предпоследнюю площадку и остановились.

На площадке третьего этажа стояла объемистая бабища, смотрела на нас сверху вниз и приветливо ухмылялась всем своим блиноподобным ликом. Я догадался, что это тетка Дуся, о которой рассказывала наша Грипа: кто же еще на ночь глядя мог торчать перед дверью квартиры колдуна и беса? И я произнес:

— Добрый вечер, тетя Дуся.

Она ответила, ухмыльнувшись еще шире:

— Добрый вечер, Алексей Андреевич. Добрый вечер, Моисей Наумович. А Ким Сергеевич уже ждут вас, проходите, пожалуйста...

Мы со стариком переглянулись и поспешно отвели глаза друг от друга. Удивляться? Еще чего. Пугаться? Куда уж дальше. Восхищаться? Это бы и можно было, наверное, но у меня, по крайней мере, Ким не вызывал этой счастливой эмоции. Не Кио. Не Мессинг. Бес, губитель, невнятная смертельная угроза. И вообще, если на пороге бесовского логова начинать с удивления, или страха, или тем более с восхищения, то кончать уже нужно будет целованием стоп. Или там копыт. Вон на шабашах, по слухам, беса целуют в задницу. Нет, это не для нас.

— Пошли, — сипло выдохнул Моисей Наумович, и мы без остановок одолели последний пролет.

Тетка Дуся метнулась к двери Волошиных и деликатно нажала кнопку звонка.

— Пусть войдут, — тихо отозвался знакомый голос.

Дверь распахнулась, и мы вошли в прихожую, а тетка Дуся осталась на лестнице.

— Сюда, — приказал Ким.

Обстановку в квартире Волошиных я помню смутно. Чи-

стенки, аккуратно, занавесочки, цветные репродукции в рамках, под ногами половички... И так же почти не задела моего сознания бледная Люся в домашнем халатике, сидевшая на кровати, и совсем почти не заметил я крошечную девчушку у нее на коленях, обнимавшую мать за шею тонкими белыми руками...

Страшное возбуждение овладело мною. Нестерпение, чтобы все поскорее кончилось. Все внимание мое сошло на бывшем моем школьном друге Киме Волошине. Господи, когда я в последний раз видел его? — думалось мне. Два, три года? Пять лет назад? Сейчас он казался мне непомерно громадным. Он сидел у стола, зеркально лысый, с черной бархатной повязкой через лицо, в застегнутом доверху фиолетовом архадуке. Разглядывал нас воспаленным глазом и кривил в неприятной усмешке узкие сухие губы.

— Раздеваться не приглашаю, — сказал он. — Разговор будет короткий. Чаю-водки тоже не предлагаю. По той же причине...

Он повернулся к жене и произнес повелительно-ласково:

— Люся, мне тут с докторами пошептаться надо, так ты возьми Таську и посиди у Дуси, я потом позову.

Она тут же ушла с ребенком, и дверь за нею закрылась. Он помолчал, склонив голову, словно прислушиваясь. Лицо его сморщилось, и он проговорил с ужасным сарказмом:

— Следят. Стерегут. Трясутся, штаны полны, а все стерегут. Ох, боюсь, обижусь, осерчаю... Вы, как возвращаться будете, скажите им, чтобы убирались. Они рядом, за углом... Скажите, срок даю до полуночи. Дольше мне не удержаться.

Я вспомнил машину и темную фигуру в проулке и прохрипел:

— Я им скажу.

— Вот и ладно. Сорок грехов с меня снимешь, все равно что паука раздавлю. Хотя, если подумать, что мне сорок грехов?..

Он поглядел на Моисея Наумовича.

— С тебя разговор начнем, старичок. Полагаешь, значит, что я из ада бежал? Ошибаешься, Мойша, брешь. Не более я бежал из твоего ада, чем младенец при родах бежит из материнской утробы. Подробнее объяснить не умею, так что понимай как хочешь. Теперь второе твое дело, Мойша. Проникся ты сочувствием к своим ташлинским компатриотам и пришел упросить меня покинуть город и удалиться в иные края... А куда мне удалиться — об этом

ты подумал? Хочешь просто пересадить скорпиона со своей шкуры на кого Бог пошлет? На хохлов? На прибалтов? На звенков каких-нибудь? Конечно, лучше бы скорпиона туда, за бугор, так поступают советские люди, ага? Ты ведь правильно понял, Мойша, я везде сам собою останусь, измениться не могу!

Он скрипуче хохтнул и повернулся ко мне.

— Помнишь, Лешка, мы после войны фильм такой смотрели, трофейный, «Мститель из Эльдорадо»? Там один герой, мексиканский атаман, говорит: «Как увижу китайца, удержаться не могу, сразу ему уши отрезаю...» Помнишь?

— Так ты что же — мстишь? — проговорил я.

— Дурак, — ответил он, как мне показалось, разочарованно. — Ничего не понял. Я ему об ушах, а он мне о мести... Ладно, проехали.

Отчаяние овладело мною.

— погоди, Ким! — закричал я, задыхаясь. — Постой, выслушай меня! Уши там, месть — не об этом же речь! Ким, нельзя же становиться врагом всем людям! Уходи, где тебя не знают, затаись, замри! Горе тебе, если все против тебя ополчатся! Горе и тебе, и людям! Подумай о жене, о дочке... Отрекись от силы, которой ты владеешь! Ты же был славным парнем, Ким... Вспомни о бедной Нине своей, она бы никогда тебе не простила!

Я орал, не помня себя, а его бледное голос лицо наливалось сине-багровой кровью.

— Лешка! — просипел он. — Ты меня лучше не раздражай!

Моисей Наумович испуганно посунулся вперед, словно бы вознамерившись встать между нами.

— Отзынь, Мойша, не замай! — рявкнул Волошин. — А ты, Лешка, придержи язык, худо будет!

— А что? — прошептал я, храбрясь из последних сил. — Что, поступишь со мной, как с собачками на Пугачевке? Или как с Барашкиным? Или как с девочкой соседской? Так угощайся, мой злодей, не стесняйся, мой славный!..

Я уже чувствовал это. Чувствовал приближение гибели. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли красные пятна, противная слабость поползла от ног по всему телу. И вдруг Моисей Наумович сорвался с места.

— Одну минуточку, одну минуточку! — завопил он пронзительным фальцетом. — Ким Сергеевич! Алексей Ан-

дреевич! Ну, погорячились, и будет! Давайте прервемся! Давайте расслабимся! Давайте я вас развлеку немного!

Он сбросил свою шубенку, засунул большие пальцы костлявых рук под мышки и запел, приплясывая:

Авраам, Авраам, дедушек ты наш!
Ицок, Ицок, старушек ты наш!
Иаков, Иаков, отец ты наш!
Хаиме, Хаиме, пастушок ты наш!
Чому ж вы не просите, чому ж вы не просите,
Чому ж вы не просите пана Бога за нас?

Скрипучим старческим фальцетом пел он, потомок местечкового балагулы, эту печально-шуточную песенку, дошедшую до него из далеких времен черты оседлости вместе с варварски переиначенными тайнами каббалы и простодушно-хитрой покорностью судьбе. Я слышал ее не впервые, несколько раз он под веселую руку пел ее на семейных праздниках в моем доме, но можно было ручаться, что Ким Волошин не слышал раньше ничего подобного. Приоткрыв рот и выпучив налитый глаз, он слушал и смотрел, как пляшет старик, высоко вскидывая ноги в поношенных брючках и старомодных суконных ботах. И я ощутил, как гибель отдалилась и пропала, оставив только струйки холодного пота, стекавшего по щекам моим...

..Чому ж вы не просите пана Бога за нас?
Чтоб паши дома выстроили, нашу землю выкупили,
Нас бы в землю отводили,
В нашу землю нас, в нашу землю нас!

— Все, — проговорил Моисей Наумович запышленным голосом, отступил к своему стулу, сел и подобрал с пола шубейку. — Иконцерт окончен.

И тогда Ким загоготал. Минут пять гоготал он, раскачиваясь и вытирая рукавом глаз, кашляя и богохульствуя сквозь кашель. Мы молча смотрели на него и тоже утирались. Отгоготавшись, он произнес:

— Силен. Тут ты меня сократил, Мойша, спасибо тебе. Сам догадался? Или интуиция? Ведь еще чуть-чуть...

— Не приведи Господь, — скромно отозвался Моисей Наумович. — Но я рад, что развлек вас, Ким Сергеевич. Всегда к вашим услугам.

Ким поглядел на него исподлобья.

— Больше не потребуется. Ладно, черт с вами, с докторами. Информация в порядке компенсации. Я уйду. Со-

всем ухажу из городишки этого поганого. Но имейте в виду и передайте кому интересно: руки у меня теперь длинные. Я могу... — Он судорожно перевел дыхание: — Я далско теперь могу. Откуда угодно.

Мы молчали. Моисей Наумович натягивал свою шубейку. Бес вдруг растянул безгубый рот неуютной усмешкой.

— А ты, Мойша, силен. Действительно развлек. Я даже пожалел, что Таська не видела. То-то бы повеселилась... убогонькая... Радостей у нее маловато, а подумать если, то и совсем нет. Ну и все, доктора. Аудиенция окончена. Вопросов нет и быть не может. Разрешаю удалиться.

Мы без единого слова двинулись к выходу. Он сказал нам вслед:

— Можете сказать им, собираю этим, что в «Урале»... гостиница «Урал», знаете?

Моисей Наумович тихонько произнес:

— Знаем. Гостиница «Урал». На площади.

Бес раздраженно махнул рукой.

— Ладно. Сами найдут. Ступайте.

Мы вышли и стали спускаться по лестнице. Я открывал с натугой наружную дверь, когда до нас донесся сверху зычный голос, звавший Люсю домой. И мы пустились в обратный путь.

Не знаю, как Моисей Наумович, а я пребывал в состоянии полной растерянности. Я был угнетен, испытывал чувство облегчения и терзался раздражением оттого, что ничего не прояснилось и ничего нового я не узнал, а только ни за понюх табаку натерпелся страха. Из этого сумеречного состояния вывел меня Моисей Наумович, осведомившийся о моих впечатлениях. Я очнулся. Я обнял старика за костлявые под шубейкой плечи. Я расцеловал его в колючие щеки.

— Моисей Наумович! — вскричал я. — Дорогой вы мой! Вы же мне жизнь спасли!

— Не отрекаюсь, — отозвался он, деликатно высвобождаясь. — Как в классике. «Старик, я слышал много раз, что ты меня от смерти спас». Что было, то было. Момент действительно был тонкий. Я подумал: пан или пропал. И угодил в десятку. Видите ли, Алексей Андреевич, я еще раньше подозревал, что спусковой механизм этого самого адского оружия...

Мы медленно шли по пустой, ярко освещенной улице, когда дорогу нам преградил не кто иной, как мой лейтенант С. Был он в ладном белом полушубке, стянутом кожаной

сбруей, черная кобура была у него сдвинута к пряжке, раскрыта, и виднелась в ней рукоятка пистолета. Он набежал на нас и, схватив меня за рукав, воскликнул:

— Здравствуйте, доктора! Живы? Целы?

— Почти что, — отвечивал я.

Тут я вспомнил и огляделся. Вправо уходил проулок, там по-прежнему стояла легковушка.

— Я сразу понял, куда вы направляетесь, — продолжал лейтенант. Он так и подпрыгивал от возбуждения. — Хотел было остановить, да смутился, запрос сделал... Снова выбегаю, а вас уже нет. Ну, как там было? Что он? Грозен?

Внезапно я почувствовал страшную усталость. И Моисей Наумович тоже едва держался на ногах. А до дома километров пять.

— Слушайте, лейтенант, — сказал я. — У вас там машина. Отвезите-ка вы нас по домам.

Он растерянно посмотрел на меня, затем на Моисея Наумовича, затем снова на меня.

— Я бы с радостью, Алексей Андреевич, — промямлил он. — Но у меня здесь, видите ли, пост...

— А хоть бы и широкая масленица, — проворчал вдруг Моисей Наумович. — Сколько времени сейчас?

Лейтенант с готовностью заглянул под рукав.

— Половина двенадцатого. А что?

— А то самое, молодой человек, — сказал мой старик. — Если не хотите на мой «скорбный стол», уезжайте отсюда с максимальной скоростью. Он предупредил, что терпеть вас здесь будет только до полуночи.

Лейтенант С. прекрасно знал, что такое «скорбный стол». И он верил в медицину. Он повернулся и бегом бросился в проулок.

— Насчет машины, — сказал Моисей Наумович, глядя ему вслед, — это была прекрасная идея. А то я, признаться, несколько утомился. И зябко мне как-то... Старость — не радость... Ну, а возвращаясь к нашему разговору, позволю себе вам попенять. Вы вели себя неосмотрительно. Это благородно, конечно, — задом амбразуры затыкать... из гордости там или от особенной щепетильности, но, согласитесь...

Я во всем с ним соглашался. Я любил его. У меня слезы выступили на глазах. Я снова обнял его и похлопал от избытка чувств по лопаткам. А тут и дверца легковушки хлопнула, вспыхнули фары, и машина, выкатив на улицу, остановилась перед нами. Распахнулись дверцы, и молодой радостно-испуганный голос воззвал:

— Садитесь, товарищи доктора!

Пока мы усаживались, лейтенант С. сообщил:

— Приказано всем немедленно возвращаться.

Машина тронулась и с места взяла скорость. Мы пока-
тили вниз, к мосту через Овраг. Я заметил, что откуда-то
выползли и устремились следом за нами еще три маши-
ны...

Тем и закончился для нас этот жуткий вечер. Конечно,
никуда мы с Алисой не отпустили Моисея Наумовича, а на-
поили огненным чаем с огненной водой и уложили в по-
стель, навалив на него все покрывала и шубы, какие на-
шлись. Утром он встал здоровым, бодрым и склонным к
философическим размышлениям.

20

Большой живот да толщий фаллос —

Вот все, что от него осталось.

И знает пасмурное тело:

Конец развенчивает дело.

Вот и все, пожалуй, что мне известно о ташлинском фено-
мене, как пышно поименовал эту эпопейку покойный майор
С. Так или иначе, опрометчивое обязательство свое я вы-
полнил. В меру своих сил, памяти и суждений. Что еще?

Считается, что 29 января 87-го года Ким Волошин бес-
следно исчез. По-моему, никого это не огорчило. Поскольку
ни в одном автобусе его не заметили, надо полагать, что он
покинул наш город на попутке. Хотя, может быть, я готов и
в это поверить, уплыл на облаке или передвинулся каким-
нибудь еще более противоестественным образом. Но, скорее
всего, думаю, уехал на попутке.

Как и следовало ожидать, город успокоился далеко не
сразу. Довольно долго еще обыватели жили с опаской, ог-
лядкой и в готовности претерпеть. Масла в огонь подливали
кликуши, паникеры и вообще жаждущие популярности, ут-
верждавшие, будто своими глазами видели злокозненного
беса вчера, сегодня, неделю назад, причем в самых странных
местах: то верхом на трубе райкома («и галушка в зубах»),
то проезжающим на персональном лимузине нашего мэра,
то даже в женском туалете театра... Словом, все это были
чепуховые слухи, и возникали они в течени двух-трех ме-
сяцев, пока не смешались неразличимо в одно месиво из ле-

тающих тарелок, экстрасенсов, ходоков с кладбища, вурдалаков из скотомогильника и так далее...

Но была информация вполне достоверная.

На другой день после исчезновения Кима Волошина в номере гостиницы «Урал» был обнаружен труп. Человек средних лет с явно семитскими чертами лица, облаченный в отличного покроя костюм. Лежал на полу в неслепой позе, словно смерть накрыла его, когда он заглядывал под диван. При трупе оказался паспорт на имя Ильи Захаровича Гершзона, командировка в Ташлинскую райзаготконтору и обратный билет на авиарейс Ольденбург — Москва. Покойного доставили к нам в прозекторскую. Моисей Наумович определил время смерти: около двух суток до обнаружения. Причина смерти: острая коронарная недостаточность.

Компетентные люди провели расследование. Выяснилось, что гражданин Гершзон отметил командировку в конторе неделю назад и больше там не появлялся. Что организации, командировавшей гражданина Гершзона, в природе не существует. Что паспорт его хотя и подлинный, но не его паспорт. Еще нашлись свидетели, видевшие гражданина лже-Гершзона дня за четыре до его смерти в «Черемушках» в компании с пресловутым К. Волошиным. Мы посоветовались с Моисеем Наумовичем и решили с нашей информацией не высываться. Следствию это бы не помогло, а нервы нам потрепали бы...

Вторая достоверная история касается Люси Волошиной.

Люся со своей глухонемой дочкой осталась жить в памятной нам квартирке. К чести дома, отношение к ней сложилось прекрасное. Возможно, потому, что ее сочли околдованной, обманутой и покинутой. Существовала она очень скромно, но не нуждалась. Ее прямо спросили, и она прямо ответила, что беглый муж оставил ей на прожитие небольшой вклад в сберкассе. Дом умилился: злыдень, видно, не совсем совесть потерял. И вопрос на этом закрылся. И никто не упрекал соломенную вдову за то, что не работает, а сидит дома с убогим ребенком. Ей даже кое-что подкидывали из продуктов; особенно суетилась вокруг нее тетка Дуся. Да и мы с Моисеем Наумовичем, когда наступила весна, заходили иногда с лакомствами для девочки...

Как вдруг однажды летом нагрянули к Люсе ее несостоявшиеся свекор и свекровь, родители Тасиного отца, убиенного в Афгане. Нагрянули и потребовали себе внучку, а заодно и внучкину жилплощадь. Но тут возникла тетка Дуся,

и начался другой разговор. Сбежались на крик соседки и с ходу включились. Под их мощным натиском пожилая пара ретировалась, угрожая прокурором. И вот что случилось тем же вечером. Нссостоявшегося свекра хватил тяжелый паралич, а несостоявшаяся свекровь по пути в отхожее место упала и сломала ногу. Узнав об этом, мы только переглянулись. Лицо у Моисея Наумовича посерело и осунулось. Мое, наверное, тоже...

Через неделю Моисей Наумович слег. Я понял, что он умирает. И он понял, что умирает. Я переселил его из районного пансионата к себе, взял отпуск. Сидел рядом с ним все последние дни и часы. В девять вечера первого июля он сильным голосом спел: «Авраам, Авраам, дедушек ты наш...» Помолчал и спел: «Чому ж вы не просите пана Бога за нас...» И еще он спел едва слышно: «Нас бы в землю отводили... в нашу землю нас...» И он закрыл глаза и умер. Что-то вроде улыбки было на его иссохшем лице, и вот тогда я подумал, что он был рад уйти из мира, где бесы невозбранно разгуливают среди людей.

А еще через неделю ко мне в больницу пришла Люся Волошина. С Тасей, конечно. Обе аккуратненькие, чистенькие, серьезные.

— Мы попрощаться пришли, Алексей Андреевич, — сказала Люся. — Уезжаем. Совсем.

Я спросил — куда.

— Родственник у нас объявился. Вызвал нас к себе.

— Что ж, счастливо, Люсенька, — сказал я.

Она вдруг оживилась.

— А вы знаете, Алексей Андреевич, Тисенька-то моя слышит уже! И говорить будто начала... Тася, скажи что-нибудь!

Тася пролепетала непонятное, и я выразил восхищение. И они ушли. Конечно, я понял, какой это родственник у них объявился. И хорошо. Лишь бы подальше от нашего Ташлинска...

А время бежит. Вот уже и лето 89-го катится к концу. Никто не вспоминает про Кима Волошина. Сейчас все больше митинги, да еще водочный вопрос нас портит. И то сказать: довлеет дневи злоба его. Вот хоть бы я. В прошлом августе нашего Главного, дурака и труса, прибрали наконец в облздрав. А Главным назначили меня. Теперь в нашей больнице главного дурака и главного труса играю я.хлопотливая роль, доложу я вам.

Что делать! У меня моя Алиса. У меня моя дочка. У меня

умный серьезный зять, тоже врач. У меня мой любимый внук Санька. Надежды маленький оркестрик под управлением любви... Но бродит, бродит где-то по нашей планете этот жуткий бес, порождение земного ада, психобомба непрерывного действия!

А вы знаете, наша сестра-хозяйка Грипа женила-таки на себе Тимофея Басалыгу по прозвищу Нужник. Она лупит его палкой от метлы и ходит получать его зарплату.

На этом заканчиваются записки главного врача Ташлинской больницы А.А. Корнакова, выполненные по настоянию майора милиции С., ныне покойного. Записки эти, несомненно, несут на себе печать известной загадочности, но еще более загадочными представляются обнаруженные при них приложения, которые произвольно названы здесь тремя эпилогами. Авторство этих эпилогов установить не удалось.

Эпилог первый (фантастический)

Действие происходит в жаркий летний день в Москве на конспиративной квартире. Наличествуют: полковник Титов (КГБ), полковник Плотник (Моссад), полковник Хайтауэр (ЦРУ).

Хайтауэр, изнемогая от жары, полулежит на диване и обмахивается журналом. Плотник сидит напротив него в кресле, водрузив скрещенные ноги на низкий круглый столик. Титов нервно расхаживает по комнате.

Х. (расслабленным голосом): Мое мнение — кто нагадил, тому и расхлебывать.

Т. (раздраженно): Опять двадцать пять, за рыбу деньги! Мы же не возражаем! Но тогда, полковник, на кой черт вы в Москве?

Х.: Опять двадцать пять. Нам нужна информация! Надо же нам знать, как действовать, если этот ваш бес все-таки вынырнет на Западе...

Т.: Нет у нас такой информации, полковник! Сколько можно долбить одно и то же?

П.: Пока не забрезжит истина, полковник. Он где сейчас?

Т.: В окрестностях Краснодара.

Х.: Это на Енисее?

Т.: В окрестностях Краснодара, я сказал, а не Красноярска!

Х.: Это я уловил. На Енисее?

Титов безнадежно машет рукой.

П.: Краснодар на Кубани. А на Енисее Красноярск. Вы, я вижу, тот еще знаток России, полковник.

Х.: Ага... Кубань... Минуточку!

Он достает из портфеля атлас и принимается листать.

Плотник обращает лицо к Титову.

П.: Слушайте сюда, полковник, неужели здесь не найдется пары ботлов холодного пивка?

Т.: Пары... чего?

П.: Пары склянок, если так вам понятнее.

Титов идет к могучему холодильнику в углу, заглядывает в камеры, злобно оскаливается.

Т.: Все вылакали, подлецы... Водка вот есть ледяная. Будете, полковник?

П.: Временно воздержусь, полковник. Водка...

Х.: Минуточку внимания. Вот. Краснодар действительно стоит на Кубани. И что интересно, здесь имеется обширное водохранилище. Сама собой напрашивается идея. Определить точно местопребывание объекта. Затем десяток ловких ребят... У вас найдется десяток ловких ребят, полковник? Если не найдется, я пришлю своих. Они доберутся до объекта по дну этого озера, спустятся по Ени... э-э... по Кубани и все в два счета обделают.

П.: И к утру теплые воды Кубани вынесут десяток трупов в Черное море.

Т.: Не вынесут. Там плавни. Так и останутся бедняги гнить на плавнях.

Х. (*смущенно, но агрессивно*): Это почему же непременно трупы? Они же приблизятся под водой...

Т.: Засечет, полковник, как пить дать засечет. И тут же ударит. Никто и пикнуть не успеет.

Х.: Но разве психоволны через воду проходят? Радиоволны, например...

П.: Радиоволны и психоволны — две большие разницы, полковник.

Х.: Это что — точная информация?

Т. (*мрачно*): Самая точная.

Х.: Ну вот видите, кое-что все-таки известно...

П.: Методом проб и ошибок, полковник.

Т.: Да уж, на пробы ничего не жалели.

Х.: А договориться с ним никто не пробовал?

Т. (*Плотнику*): Расскажите ему, полковник. Если хотите, конечно.

П.: Отчего же, полковник... Со всем нашим респектом. Это было еще в Ташлинске. Ну-с, я подпустил к нему одного человечка с самыми широкими полномочиями: деньги, комфорт, политическое убежище... стандартный набор для российского патриота. А за все про все — деликатное порученьце. Не в России даже — в одной мусульманской страшишке...

Х.: Еще в Ташлинске... «Белый верблюд», да?

П.: Не в этом дело, полковник. Вы же об договориться интересовались... Ну, поначалу все пошло гладенько, поговорили, объект не отказывался... А через день этот мой человечек отдает концы. Острая коронарная недостаточность. И привет от тети Франи. А объект сидел себе дома в шести километрах. Вот так с ним договариваться.

Т. (*мрачно*): Теперь-то мы знаем, что для него и шесть тысяч не предел.

Х.: Шесть тысяч километров... три тысячи семьсот пятьдесят миль!

П.: Вы считаете, как покойный Архимед, мой Портос.

Х.: Что? Да... (*Титову*.) А вы еще уверяете, полковник, что у вас нет никакой информации!

Т.: А вы полагаете, полковник, что такая информация вам поможет?

Х.: Ну, все-таки...

Пауза.

Х.: Одно утешение — в советские руки он тоже не дался.

Пауза.

Х.: А если ударить из космоса?

Т.: Куда ударить? По Краснодару? А если мы в ответ врежем по вашей Филадельфии какой-нибудь?

Х. (*уныло*): Да нет, полковник, вы меня не так поняли... Но послушайте, ведь у него есть жена, ребенок...

П.: Двое детей, полковник. С прошлого года — двое.

Х.: Тем болес! Я уверен, всем нам известно, что существует набор определенных приемов...

Т. (*резко*): Это не наши методы, полковник!

П.: И шо вы, начальник, целку с себя строите? Не ваши методы... Вы же с профессионалами говорите!

Х.: Вот именно. Стыдитесь, полковник!

Т.: Уверяю вас... О чем бишь я? Да! Краснодар!

Х.: Вот-вот. Сами-то вы были на этом Енисее?

П. (*разражаясь хохотом*): На Кубани, полковник! Не на Енисее, не на Рейне, не на Меконгс, чтоб я так жил! На Кубани!

Х.: Ладно, на Кубани... Так вы сами-то были на Кубани?

Т.: Не приходилось, полковник.

Х.: Вот и мне не приходилось, полковник. А между тем...

П.: А между тем не пора ли нам... Полковник, вы говорили, что здесь есть ледяная водка.

Т.: И я не соврал, полковник. Уберите-ка со столика ноги, что за манеры...

Он достает из холодильника водку и ставит на столик. Секунду любуется запотевшей бутылкой, затем виновато разводит руками.

Т.: Только придется, видимо, без закуски...

П.: А вот тут, батенька, мы вас и поправим!

Он ставит к себе на колени объемистый «дипломат», раскрывает его и выставляет на столик солидную пластмассовую коробку.

Х.: Если уж на то пошло... (*Извлекает из портфеля несколько пакетов в пергаментной бумаге.*) Американцу не к лицу оставаться в долгу.

Т.: Нет слов.

Он идет к буфету и возвращается с рюмками, тарелками и вилками, после чего живо подсаживается к столу.

Т.: Ну-ка, ну-ка, полковник, что у вас там?

Х. (*разворачивая пакеты*): Сандвичи, полковник. Проставленные американские сандвичи. Вот с ветчиной, вот с куриным салатом... а вот и с анчоусами...

Т.: М-м-м! Прелесть. Где вы все это достаете, полковник?

Х.: Секрет фирмы, полковник... (*Плотнику.*) А вы чем нас порадуете, полковник?

П. (*снимая крышку с пластмассовой коробки*): У меня скромно, по-домашнему.

Х. (*подозрительно*): Что это?

Титов наклоняется над коробкой, нюхает. На лице его появляется выражение восторга.

Т.: Не может быть! Шкварки? Гусиные шкварки?

П.: Точно, полковник. Самые натуральные грибины. И заметьте, свежие. Гусь еще вчера утром гулял на птицеферме. А уж о мастерстве поварихи...

Х. (*нетерпеливо*): К делу, к делу! Полковник, распорядитесь, будьте любезны.

Титов разливает водку, все поднимают рюмки.

Т.: Ваше здоровье, полковник. Ваше здоровье, полковник.

П.: Лыхаим, полковник! Лыхаим, полковник...

Х.: Гамбэй, полковник. Гамбэй, полковник!..

Т.: Это по-каковски, полковник?

Х.: По-китайски, полковник.

Т.: Тоже красиво. Что ж, сдвинем их разом!

Х.: Содвинем!

Все чокаются, выпивают и набрасываются на шкварки.

Х.: Чудесно. Так вы говорите, полковник, у вас здесь есть знакомая птицеферма и знакомая повариха...

П.: Провокатор, чтоб я так жил...

Т.: В таком случае, по второй.

Разливает водку. Все выпивают и принимаются за сандвичи. Хайтауэр вдруг отваливается на спинку дивана.

Х.: Вот странное дело, меня потянуло в дремоту...

П.: А я так наоборот, разошелся. Как, если по третьей, полковник?

Титов с готовностью разливает.

Х. (расслабленным голосом): Мне не надо, пожалуй. Если не возражаете, я слегка прилягу...

Т.: Сделайте одолжение, полковник...

Хайтауэр умащивается на диване, подложив под голову свой портфель, и почти тотчас же издает залихватский храп. Плотник и Титов с недоумением глядят на него.

П.: Что это его так развезло? С двух-то рюмок...

Т.: От жары, наверное...

П.: Может, и от жары... Ничего, проспится. Послушайте, полковник, вы так мне ничего и не скажете?

Пауза.

Т.: Мне нечего сказать. Я ничего не знаю. Знаю лишь одно.

П.: Выкладывайте.

Т. (мрачно): На небе один Бог, на земле один его наместник. Одно солнце озаряет Вселенную и сообщает свой свет другим светилам. Все, что непокорно Москве, должно быть... (Умолкает, словно спохватившись, торопливо опрокидывает свою рюмку и откусывает половину сандвича.)

П.: Все, что непокорно Москве, должно быть... Понятно. Значит, бес — это ваша работа? Методом проб и ошибок, как говаривала тетя Бася.

Хайтауэр говорит, не открывая глаз.

Х.: О чем вы там шепчетесь?

П.: Я его вербую, а он не поддастся, чудак...

Хайтауэр, кряхтя, принимает сидячее положение.

Х.: Нашли где вербовать... Здесь, наверное, в каждой стене по «жучку».

П.: Вы правы, полковник. Моя ошибка. А ну их к бесу, все эти дела. Предлагаю веселиться. Что бы такого... Да хоть бы... Сейчас я вам спою и спляшу!

Титов судорожно хохочет.

Х. (брюзгливо): Спляшете... В последний раз я видел, как вы плясали, в Эль-Кунтилле. С петлей на шее. И ваши божественные ножки в драных ковровых туфлях дрыгались в футе от земли...

П.: И всегда-то вы все путаете, полковник! На вешалке там плясал не я, а бедняга Мэдкеп Хью, которого вы...

Т.: Да хватит вам препираться, в самом деле!

П.: Правильно. Хватит, хватит, хватит. К черту дела! Смотрите и слушайте сюда!

Полковник Плотник вскакивает, засовывает большие пальцы рук под мышки и запекает, высоко вскидывая ноги:

Авраам, Авраам, дедушек ты наш!

Ицок, Ицок, старушек ты наш!..

Эпилог второй (простодушный)

Внутренний монолог Кима Волошина. Ранним августовским вечером он сидит на берегу речки Бейсуг и предаётся бесплодным размышлениям о превратностях своей странной судьбы. Солнце клонится к закату, от речки пованивает, комары массами выходят на прием пищи, но ни один не приближается к бесу.

Хорошо было богам. Зевсу, например. Выпил, закусил, трахнул молнией кого надо, грохнул громом где надо и обратно выпивать и закусывать. Даже промашки им с рук сходили. Кормит это Геба отцовского орла и проливает, руки-крюки, громокипящий кубок, как нерадивая лахудра кастрюлю со щами на коммунальной кухне. Ну и ухмыляется — так-де все и было задумано... Ее бы в мои сапоги! А здорово было бы, кабы опрокинула она этот самый кубок папочке Зевсу на бороду! Он бы доченьке показал небо с овчинку...

Да, боги нынче повывелись. И я при всей своей мощи

никакой не бог. Бедный разум мой человеческий, не поспевает он за этой мощью. С другой стороны, можно было бы и гордиться. В моем лице создан новый юридический прецедент. Во всем мире (и у богов тоже) принцип какой? Устанавливается преступление, и за него следует наказание. Сто тысяч лет этот принцип действовал, и тут возник я и его перевернул. Я не устанавливаю преступление. Доказательством преступления является моя кара. Казнен — значит, злоумышлял. Лишен разума — значит, преступил. В штаны навалил — значит, намеревался причинить ущерб Киму Волюшину...

Но мне от этого радости мало, вообще только душевная смута. Во-первых, злоумышление злоумышлению рознь, а наказания — какие попало. Вон та девчонка Таську по снегу валяла, шалость детская, невинная... И погибла. А эти, что сговаривались меня ракетами ушутить, всего лишь поносом отделались. Правда, больше не сговаривались и, надо полагать, другим сговариваться заказали...

Чу! Ну вот, еще кому-то досталось. И крепко досталось, упокой грешную душу его, Господи... Интересно, за что это я его так? Досадно, что не всегда дано мне это знать. А впрочем, что-то, наверное, вроде инстинкта сохранения разума. Наверное, знай я все, с ума бы сошел от ужаса и злости. Много, много их, и сильны они, и все против меня... Но я хоть и один, но сильнее их всех, я для них дьявол, источник всех зол... Они сами создали дьявола, а теперь норовят загнать его в преисподнюю. Интересно, хоть это-то они соображают? Нет, по-моему. Просто как эти комары: толкуются вокруг, крови жаждут, а приблизиться не смеют...

Ладно, если хотят жить, пусть научатся вертеться. Пусть привыкают к сосуществованию с дьяволом. Хотят мира — будет им мир, а к войне я готов всегда. И не о них моя забота. Васька, Васенька, Василек мой, сыночек. Так-то все вроде хорошо. Люсенька здорова, Таська уже и слышит, и говорит довольно внятно. Васька розовый и резвый, лихо ползает по комнате, смеется-заливается, когда его к потолку подбрасываешь... И лезть к ним я отучил. Два раза лезли, вспоминать противно. А может, и больше двух раз... Да, пока все вроде хорошо. Но боязно мне, боязно, Ким Сергеевич!

Ведь Васька — моя плоть и кровь. Люся рожать боялась. Что, если перешло к нему от меня все это? Нет, не боязно мне, а страшно. Бесовское отродье. Мать манной кашей пич-

кает — злоумышление. Тут же удар — и конец. Сестренка на прогулке в лужу не пускает — злоумышление. Удар — и конец. А удар по матери или по Таське — это моментально мой ответный удар. Мощь моя, как всегда, намного опередит мой бедный разум... Нет, страшно мне, страшно. А может быть, обойдется? Господи, глупо ведь наделять младенца такими силами!

Вот опять. Еще кто-то попался. Летят сегодня, как мошара на огонь. Знают же, как у меня: напавшего — истреби. И все равно летят...

Точно это вырвалось из безумной души знаменитого японца: неужели никого не найдется, кто бы задушил меня, пока я сплю?

Эпилог третий (стандартный)

Без даты. Без географии.

Машина вынеслась на взгорок, и полковник Титов резко затормозил и выключил двигатель. Впереди, шагах в полутора-раста, посередине проселка зияла глубокая яма, окаймленная бугристым ободом из застывшей стекловидной массы. Из ямы еще поднимался сероватый пар и несло химической вонюю.

— Термофугас?.. — то ли вопросительно, то ли утвердительно проговорил Хайтауэр.

— И все-то вы знаете, полковник, — огрызнулся Титов.

— Еще бы не знать... Вы же его с нашего слизали.

Не сводя глаз с ямы, Хайтауэр выбрался из машины, извлек из заднего кармана плоскую флягу и отхлебнул. Полковник Плотник тоже вылез и остановился рядом.

— Оставьте глоток, полковник, — попросил он.

Хайтауэр, не глядя, сунул флягу в его протянутую руку.

— Все, как будто, — произнес он, вытирая ладонью губы.

— Да, бес умер, — отозвался Титов.

— И давно пора, — рассеянно сказал Плотник и тоже вытер губы. Протянул флягу Титову. — Будете, полковник?

Титов помотал головой. Плотник вернул флягу Хайтауэру. Тот, по-прежнему не спуская глаз с ямы, снова приложился.

Изувеченные, наголо ободренные деревца по сторонам ямы курились сизыми и белыми дымками, потрескивало не-

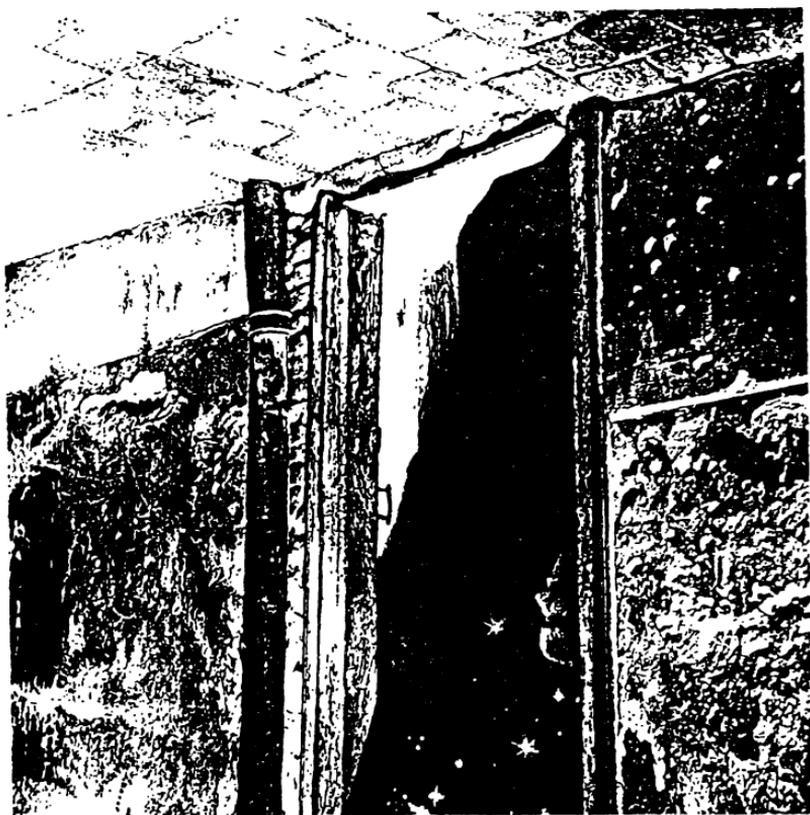
видимое на солнце пламя. Налетел порыв ветра, и одно из деревьев с шумом рухнуло поперек проселка. Все вздрогнули. Плотник вдруг шагнул в сторону, нагнулся и поднял из травы какую-то черную тряпицу. Тряпица тоже слегка дымилась — неширокая полоска черного бархата.

— Да, — произнес Плотник. — Конец, и Богу слава. И вовремя, вовремя, друзья мои. Мы в этом маленьком дельце уже увязли по самое «не балуйся». А теперь все шито-крыто. И никто не узнает, где могилка его.

Титов оторвал взгляд от ямы и посмотрел на небо. Небо было синее, по нему лениво ползли снежного цвета облачка. Хорошее небо. Отменная погода. И прекрасный пейзаж. Только вот яма смердит... и откуда вдруг взялось здесь столько ворон? Гляди-ка, десятки, сотни налетели! И еще летят... и не каркают, сволочи, вот что странно... Э, ерунда. Все в порядке. Конец, и Богу слава, хотя я и атеист, кажется...

И тут что-то мигнуло в огромном пространстве. И их не стало. Всех троих. Только валялась в траве полоска черного бархата. Но вскоре и она исчезла.

Москва. Июль 1990 — апрель 1991

повесть

**Подобности жизни
Никиты Воронцова**

— Это не мысли, — отвечает художник, — это мимолетные настроения. Вы сами видели, как они рождались и как исчезали. Такими мыльными пузырями, как эти настроения, можно только удивлять и забавлять глупых ребятнишек, вроде вашей милости.
Д.И.Писарев

Холостяцкий междусобойчик

Так случилось, что дождливым июньским вечером одна тысяча девятьсот семьдесят восьмого года на квартире довольно известного в Отделе культуры ЦК писателя Алексея Т. загремел телефонный звонок. Взявши трубку, Алексей Т. к удовольствию своему обнаружил, что звонит стариннейший его приятель, ныне уже следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. Между ними произошел примерно следующий разговор.

После обмена обычными, не очень пристойными приветствиями, восходящими к студенческим временам, Варахасий спросил:

— Твои еще на юге?

— Через неделю возвращаются, — ответил Алексей. — А что?

— А то! Я своих баб тоже в Ялту отправил. Три часа назад. Может, повидаемся? Холостяцкий междусобойчик, ты да я. Тряхнем стариной?

— Прямо сейчас?

— А чего ждать? Случай-то какой!

Алексей Т. оглянулся на распахнутое окно, за которым с низкого от туч неба лило, плескало и рушилось.

— Случай — это, конечно, да, — сказал он. — Только льет же ливня... И в доме у меня хоть шаром покати, а магазины уже...

— Ни-ни-ни, — закричал Варахасий. — У меня все есть! Гони прямо ко мне! И не бойсь, не растаешь...

Так они сошлись на кухне в уютной трехкомнатной квартире в Безбожном переулке, и раскрыты были консервы (что-то экзотическое в томате и масле), и парила отварная картошка, и тонкими лепестками нарезана была салями финского происхождения, и выставлены были две бутылки «Пшеничной» с обещанием, что ежели не хватит, то еще кое-что найдется... Что еще надо старым приятелям? Так это в жилу иногда приходится — загнать жен с детишками на лазурные берега, а самим слегка понежиться в асфальтово-крупноблочном раю.

После первой об этом поговорили писатель Алексей Т. с мокрыми волосами и в варахасинском халате на голое тело и следователь Варахасий Щ. в шортах и распахнутой рубашечке, умиленно поглядывая друг на друга через стол под плески и прочие водяные шумы снаружи.

После второй, опустошив наполовину банку чего-то в томате и обмазывая маслом картофелину, Алексей Т. объявил, что вообще-то большинству людей вполне довлест девятнадцатый век и даже восемнадцатый, а двадцатый век им непонятен и ужасен, они его просто не приемлют. Проглотив картофелину, он даже высказал предположение, будто бамовцы, что бы там ни говорилось, в сущности, в глубине души движутся теми же побуждениями, что казаки Ермака Тимофеевича и Семена Дежнева.

Хлопнули по третьей, и Варахасий признал, что в какой-то степени готов с этим согласиться. Он предложил взять хотя бы его тещу. Старуха пережила первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, разруху и голод, затем террор, затем Великую Отечественную и так далее. Она принадлежит к поколению, принявшему на себя всю тяжесть чудовищного удара двадцатого века. И конечно же, как ей понимать и как ей не ужасаться? Но с другой стороны...

После четвертой Варахасий предложил проиллюстрировать свою мысль наглядным примером и включил роскошный цветной телевизор, установленный на специальной подставке в углу кухни. По-видимому, давали что-то вроде концерта зарубежной эстрады. Выступали немцы. Дюжина девиц в чрезвычайно сложно устроенных бюстгальтерах и в длинных панталонах с кружевами ниже колен размахивала ягодицами вокруг клетчатого молодого человека, распевавшего про любовь... Ах, это немецкое, неизбывное со времен Бисмарка, нагло-благонамеренное! Вертлявые девицы в панталонах и клетчатые пошляки, а за ними — мрачная харя под глубокой железной каской. Абахт! И выпученные солдатские зенки, как у кота, который гадит на соломенную сечку.

Алексей Т. зарычал от ненависти, и Варахасий торопливо выключил телевизор. Он признал, что этот пример неудачен, и открыл вторую бутылку. Но все равно, упрямо сказал он, много есть людей, которые живут и мыслят категориями двадцатого века, и таких становится все больше с каждым днем, и число их с приближением конца двадцатого века увеличивается по экс... экспо... в общем, в геометрической прогрессии.

(«По экспоненте, — выговорил наконец он, разливая по пятой. — Черт, я совсем нить потерял. О чем бишь мы?»)

Держа перед собой стопку, как свечу, Алексей Т. мрачно провозгласил, что самое омерзительное в мире — это культ силы. Именно поэтому отвратителен оккупант. Шайка хулиганов, напавшая на улице на незащитного прохожего, — это те же оккупанты. За их погибель! В утешение ему Варахасий сейчас же рассказал, как была ликвидирована хулиганская группа, долгое время бесчинствовавшая в Сокольниках, а Алексей Т., чтобы не ударить лицом в грязь, поведал Варахасию, как одного сотрудника Иностранной комиссии уличили в краже бутылок с банкетного стола.

Неудержимо надвигалась меланхолия, и после шестой Алексей Т. попросил Варахасия спеть. Варахасий отказываться не стал, спеть ему давно уже хотелось. Он сходил в кабинет за старой своей, испытанной семиструнной и сказал, усаживаясь поудобнее:

— Спою тебе новую. Месяц назад в компании один адвокат знакомый ее пел. Очень мне понравилась. Она по-украински, но все почти понятно. Вот послушай...

И он запел негромко низким приятным голосом:

Поспишаймо
Здалека в тот край,
До умиють
Вично нас чэкаты...
До б не був ты, дружэ,
До б не був ты, дружэ,
Пам'ятай, пам'ятай:
Журавли — и ти лэтять до хаты!
Мы всэ ридшэ
Пышэмо лысты
И витаем
Поспихом из святом.
А лита за нами,
А лита за нами —
Як мосты, як мосты,
По якым нам бильше не ступаты...

Странно хороша была эта песня, и чудилось в ней некое колдовство, но и слух у Варахасия был отменный, и гитара его звенела томительно-вкрадчиво, да и водяные шумы на дворе вроде бы попритихли. Алексей Т. кашлянул и попросил:

— Еще разок, пожалуйста...

Варахасий, усмехаясь, потянулся было к нему с бутылкой, но он помотал головой, накрыл свою стопку ладонью и повторил:

— Еще разок...

И спел Варахасий еще разок, а затем опять взялся за бутылку и взглянул на приятеля вопросительно, но Алёксей Т. опять помотал головой и сказал:

— Пока не надо. Давай лучше чайком переложим.

Варахасий отложил гитару и поставил на плиту чайник. У Алексея же Т. стояли в глазах слезы, он хрипловато прокашлялся и произнес сдавленным голосом:

— Как это верно... «А лита за нами — як мосты, по яким нам бильше не ступаты...» И как это грустно, в сущности...

И ощутилось беспощадно, что им уже катит за пятьдесят и не вернуть больше молодой уверенности, будто все лучшее впереди, и пути их давно уже определились до самого конца, и изменить пути эти может не их вольная воля, а разве что мировая катастрофа, а тогда уже конец всем мыслимым путям. Грустно, конечно. Но с другой стороны — было время брать, настало время отдавать...

— Нэ журысь, — ласково сказал Варахасий. — Давай я лучше тебе твою любимую спою.

И спел он любимую и еще одну любимую, и «Кони привередливые» спел и «Подводную лодку», и спел «По смоленской дороге» и «Ваше благородие, госпожу Разлуку».

Потом они надувались крепчайшим чаем (оба признавали только крепчайший), и Алексей Т. рассказал о своих последних приключениях в отечественной литературе. Это было его сладостно-больное место, его радость и страданье, сго боевой конек, и он азартно орал:

— Какого черта? Всякий чиновник-недолитератор будет мне указывать, о чем надо писать, а о чем не надо! Я сам знаю в сто раз больше него, а чувствую, может быть, в миллион... Ну, думаю, погоди, сукин ты сын! И написал в ЦК, в Отдел культуры...

Варахасий слушал, подливая в чашки. Ему было интересно и несколько смешно. Когда Алёксей замолчал, отдуваясь, он покачал головой и проговорил, как всегда:

— Да, брат, кипучая у тебя жизнь, ничего не скажешь.

На что Алёксей Т., как всегда, проворчал:

— Я бы предпочел, чтобы она была не такой кипучей.

Приятель помолчал. Было уже изрядно за полночь, в

доме напротив не светилося ни одно окно. Ливень унялся, и небо как будто очистилось. Алексей Т. вдруг произнес со спазмой в горле:

— «А лита за намы — як мосты, по яким нам бильше не ступаты».

Варахасий быстро взглянул на него, а он вздохнул прерывисто и промокнул глаза рукавом халата. Тогда Варахасий сказал:

— Слушай, литератор, ты еще спать не хочешь?

Алексей Т. слабо махнул рукой:

— Какое там — спать...

— Ты трезвый?

Алексей Т. прислушался к себе — выпятил губы и слегка свел глаза к переносице.

— По-моему, трезвый, — произнес он наконец. — Но это мы сейчас поправим...

Он потянулся было к водке, но Варахасий его остановил.

— Погоди, — сказал Варахасий Щ., следовательно городской прокуратуры. — Это успеется. Сперва я хочу кое-что тебе показать.

Он вышел, ступая неслышно босыми ногами, из кухни и через минуту вернулся с красной конторской папкой. Такие папки были знакомы писателю Алексею Т. — фабрика «Восход», ОСТ 81-53-72, арт. 3707 р, цена 60 коп., белые тесемки. Алексей Т. встревоженно проговорил:

— Ты что — тоже в писательство ударился? Так это я лучше дома, на свежую голову...

— Не-ет, — отозвался Варахасий, развязывая белые тесемки. — Тут другое, любопытнее. Вот, взгляни.

Он извлек из папки и протянул приятелю общую тетрадь в черной клеенчатой обложке весьма неопрятного вида. Алексей Т. принял тетрадь двумя пальцами.

— Это что? — осведомился он.

— Ты погляди, погляди, — сказал Варахасий.

Черная клеенка обложки была покрыта пятнами весьма противного на вид блесоватого налета, впрочем, совершенно сухого. Алексей Т. поднес тетрадь к носу и осторожно понюхал. Как он и ожидал, тетрадь пахла. Точнее, попахивала. Черт знает чем, прелью какой-то.

— Да ты не вороти морду-то, — уже с некоторым раздражением сказал Варахасий. — Литератор. Раскрывай и читай с первой страницы.

Алексей Т. вздохнул и раскрыл тетрадь на первой стра-

нице. Посередине ее красовалась надпись печатными буквами противного сизого цвета: ДНЕВНИК НИКИТЫ ВОРОНЦОВА. Тетрадь была в клеточку, и буквы были старательно и не очень умело выведены высотой в три клетки каждая.

Алексей Т. перевернул страницу. Действительно, дневник. «2 января 1937 года. С сегодняшнего дня я снова решил начать дневник и надеюсь больше не бросить...» Чернила блеклые. Возможно, выцветшие. Почерк аккуратный, но неустоявшийся, как у подростка. Писано тонким стальным перышком. Алексей Т. сказал недовольно:

— Слушай, это, конечно, интересно — дневник мальчишки тридцать седьмого года, но не в два же часа ночи!

— Ты читай, читай, — напряженным каким-то голосом произнес Варахасий. — Там всего-то семь страничек...

И Алексей Т. стал читать с видом снисходительной покорности, подувая через губу, однако на третьей уже странице, на середине примерно ее, дуть перестал, задрал правую бровь и взглянул на Варахасия.

— Читай же! — нетерпеливо прикрикнул Варахасий.

На седьмой странице записи, точно, кончились. Алексей Т. полистал дальше. Дальше страницы шли чистые.

— Ну? — спросил Варахасий.

— Не вижу толка, — признался Алексей Т. — Это что — записки сумасшедшего?

— Нет, — сказал Варахасий, усмехаясь. — Никита Воронцов не был сумасшедшим.

— Ага, — сказал Алексей Т. — Тогда я, пожалуй, прочту еще разок.

И он стал читать по второму разу.

Дневник Никиты Воронцова

Запись, вероятно, пером «рондо», повернутым слегка влево, почерк аккуратный, но неустоявшийся, подросточий, чернила порыжели:

«2 января 1937 года. С сегодняшнего дня я снова решил начать дневник и надеюсь больше не бросить. С утра Серафима и Федя взяли Светку и уехали куда-то к Федеиным родственникам. Я вызвал своего лучшего друга Микаэла Хачатряна, и мы играли сначала в «Бой батальонов». Потом пошли гулять, играли в снежки. Микаэл неосторожно попал мне в лицо и чуть не разбил мне очки. Гуляли до обеда,

потом пошли к Микаэлу и пообедали. После обеда заперлись у него в комнате и спорили о девочках. Микаэл сказал, что останется всегда верен Сильве Стремберг, а я признался ему, что влюбился теперь в Катю Михановскую. Микаэл сказал, что мало ли что, Катя ему тоже нравится, потому что она белокурая и красивая, но он все равно будет любить Сильву, что бы с нею не случилось, а иначе получается предательство. Мы поругались, и я ушел домой. Сейчас я один дома и начал вести дневник. Впредь обязательно надо вести дневник.

3 января 1937 года. Вчера наши вернулись поздно, Федя был сильно выпивши, Серафима ругалась, а Светка хныкала и спала на ходу. Утром Серафима с Федей ушли на работу, а я до десяти часов валялся в кровати и читал «Крышу мира». Здорово написано. Я бы и дальше читал, но проснулась Светка и заняла, что хочет есть. Мы встали, позавтракали, и она ушла к подружкам. Я еще почитал немного, но потом мне стало скучновато, и вдруг пришел Микаэл. Он сказал, что вчера погорячился. Короче, мы помирились. Честно признаться, я очень люблю Микаэла. Он мой лучший друг. Мы пошли гулять и договорились, что запишемся в секцию бокса, но никому об этом не скажем, а в один прекрасный день встретим Мурзу с его фашистами, и пусть над ними смилуется Бог! После обеда растопил печку и рассказывал Светке страшные истории. Свет я нарочно не включал. Очень смешно, как она боится, а все равно просит, чтобы дальше рассказывал.

4 января 1937 года. Утром хотел опять поваляться и почитать, но Светка поднялась в восемь часов, будто и не каникулы вовсе. Пришлось вставать и кормить ее. В сердцах дал ей подзатыльник. Сколько раз зарекался!

Она ведь не ревет, только губы выпятит и смотрит на тебя круглыми глазами. Я этого не могу перенести. Пришлось рассказать ей сказку, да еще взять с собой гулять, а после гуляния взять с собой к Микаэлу. Что тут было! Сусанна Амовна, мама Микаэла, как закудахтала над нею, как принялась ее причесывать, оглаживать, пичкать разными вкусными вещами, хоть святых выноси. Впрочем, нам же было лучше. Удалось и в шахматы сразиться, и разобраться в наборе «Химик-любитель», который вчера купил Микаэлу отец. Завтра будем делать опыты.

.....

Запись, вероятно, тем же пером «рондо», но без поворота, твердые печатные буквы, те же порожелые чернила:

“проба проба проба

“никак мне не мрется

“кого вверх, кого вниз, а меня опять назад, начинай все сначала

“Я умру 8 (восьмого) июня 1977 (семьдесят седьмого) года в 23 часа 15 минут по московскому времени,

.....
Запись тем же пером, торопливая скоропись с брызганьем и царапаньем бумаги, те же рыжис чернила:

“Сашка Шкрябун (лето 41, с родителями в Кисв, без вести)

“Борис Валкевич

“Сара Иосифовна

“Костя Шерстобитов (ранен на Друти, июнь 44; женился на Любаше из Медведкова, осень 47)

“Гришка-Кабанчик, сапер

“мл. л-т Сиротин

“серж. Писюн

“Громобоев, трус

“с бородавкой на веке, руч. пул. († под Болычовом)

“Фома, запасливый, с полным сидором

“санинструктор Марьяна († на Рузе под Ивановом)

“комбат Черета († у Ядромина?)

“чистюля наводчик (Ильин? Ильмин? Илькин?)

“Капитонов (в 55 начальником цеха)

“Стеша (умрет сын, самоубийство, проследить)

“Бельский, бездымная технология, патент (несколько формул, наспех набросанный чертеж)

“Тосович, каратэ

“Верочка Корнессва, она же Воронцова, она же Нэко-тян

.....
Снова твердые печатные буквы теми же порыжелыми чернилами:

“Бесполезно. Память.

“Я воскресну 6 (шестого) сентября 1937 (тридцать седьмого) года в ночь на седьмое в постели. Вниманис! Не суетиться! Лежа неподвижно, досчитать до ста, затем перевернуться на живот, свесить голову через край кровати, разинуть рот и сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, высунув язык.

“Светкина кровать по левую руку, Фсдя с Серафимой через коридор.

.....

Запись тупым карандашом, огромные буквы вкривь и вкось, едва разборчиво:

“Новый год, Новый год

“Интересно, Гурченко уже родилась?

“Черные косы, задумчивый взгляд

“Сексуально-алкоголические эксцессы в пятнадцать лет

“Ах, какой ты! Ой, что ты! Ой, куда ты! Ой, зачем ты! Ай! Ох!

“Воронцов! Прекрати болтовню!

“Три пятнадцать, шесть двенадцать, и Светке на эскимо.

“Ай-яй-яй, Галина Родионовна!

“Неточность. В прошлый раз было: если можно, я у вас еще немного посижу, Галина... А нынче прямо: ты как хочешь, а я у тебя останусь. Впрочем, и тогда остался, и нынче остался. И в позапрошлый раз, кажется, тоже. Сходимость вариантов.

“А в это время Бонапарт, а в это время Бонапарт переходил границу!

“Ай-яй-яй, Галина Родионовна!

.....
Запись отличными черными чернилами, явно авторучка:

“21 августа 1941 года. Дневник прячу в обычное место до 46-го.

“На Западном фронте опять без перемен.

“Да помилуй же меня хоть на этот раз! Что за охота тебе так со мной играть!

.....
Запись скверным стальным перышком, скверные лиловые чернила:

“9 апреля 1946 года. Осталась еще целая жизнь, 31 год. Поживем!

“Гришу-Кабанчика, сапера, раздавило танком под Истрой. И семья его вся погибла, отдавать медальон некому.

“Федя, как всегда, убит в 42-м при отступлении от Харькова. Серафима высохла, одни мощи остались. А Светка вымахала в красивейшую кобылу».

Умертвие на проспекте Грановского

Алексей Т. закрыл тетрадь и осторожно положил ее на край стола.

— Странная манера, — рассудительно произнес он. — Что это может значить — «убит, как всегда»? Слушай, это не мистификация?

— Нет, — ответил Варахасий. — А тебя только это удивляет?

— Н-нет, конечно... Слушай, ты уверен, что это не мистификация?

— Уверен. К сожалению, уверен.

— Почему же — к сожалению? — удивился Алексей Т.

— А потому, дорогой, что я не литератор, а следователь прокуратуры, и я не люблю в жизни неразрешимых задачек.

Приятели помолчали. За окном сделалось совсем светло, небо очистилось над домом напротив и стало бледно-голубым. И тихо было, тихо отчетливой тишиной июньской белой ночи.

— Ладно, — сказал Алексей Т. — Ты своего добился. Ты меня поразил. Можешь быть доволен. Теперь, если позволишь, по порядку. Можно вопросы?

— Изволь, — сказал следователь городской прокуратуры Варахасий Щ. — Любые. Даже такие, на которые мне не ответить.

Невооруженным взглядом было видно, что он доволен. Алексей Т. собрался с мыслями.

— Так, — произнес он. — Во-первых. Кто такой этот Никита Воронцов? Или нет, расскажи сначала, как эта тетрадочка попала в прокуратуру. Так будет интереснее.

— Изволь, — согласился Варахасий и рассказал.

Поздно вечером восьмого июня прошлого года на проспекте Грановского произошло убийство. Свидетели, пенсионерка имярек и пожилой артист имярек же, прогуливавшие собак неподалеку, описали это происшествие так. На тротуаре под окнами одной из шестнадцатипятиэтажных громадин пятеро великовозрастных молодых людей возились с мотоциклом. Мотоцикл ревел ужасно, и уже в окна стали высовываться и возмущенно кричать полуголые граждане и гражданки, и уже свидетели, по их словам, совсем собралось было подойти к этим молодым людям и попенять им за нарушение тишины и спокойствия, как вдруг к мотоциклетной компании подошел откуда-то пожилой мужчина в белом полотняном костюме и с тростью и что-то сказал. Наверное, по поводу шума, который производила компания. Сейчас же все пятеро великовозрастных молодых людей угрожающе сомкнулись вокруг пожилого человека. Как там у них шло толковище — свидетели не слышали, грохот мотоцикла все заглушал. Они увидели только, как пожилой человек упер трость в грудь одного из

молодых людей, особенно напиравшего на него, последовал обмен неслышными репликами, после чего пожилой человек опустил трость, а молодой человек развернулся и с большой силой толкнул его кулаком в лицо. Тут, как нарочно, мотоцикл замолк. Опрокинутый толчком пожилой человек прямо, как палка, упал навзничь, и в наступившей тишине было отчетливо слышно, как его голова с треском ударилась о край тротуара. На этом, собственно, все и кончилось. Великовозрастные мерзавцы постояли с полминуты в нерешительности, а затем, убедившись, что жертва их не двигается, без слов кинулись врассыпную, за исключением одного, который замешкался у злосчастного мотоцикла. Через минуту бешено терзасмый мотоцикл завелся, и оставшийся тоже умчался прочь. Только тогда остолбеневшие от неожиданности и ужаса свидетели одновременно подбежали к пожилому человеку. Он лежал на асфальте вытянувшись, раскинув руки, с широко раскрытыми глазами. Он был мертв. И только тогда подслеповатая пенсионерка опознала в убитом соседа по подъезду, жившего в двухкомнатной квартире на шестнадцатом этаже.

— Это был... он? — полуутвердительно произнес Алексей Т., постучав пальцами по дневнику.

— Да, это и был Никита Сергеевич Воронцов, — сказал Варахасий. — Любопытная подробность, курьез, если хочешь. Свидетельница показала, что ее собака, королевский пудель Кинг, за несколько минут до происшествия скулила и рвалась на поводке, тянула хозяйку к месту будущей трагедии. А свидетель, напротив, вспомнил, что его собака, беспородная дворняга Агат, точно так же тянула хозяина прочь. Но это, конечно, к делу не относится.

— Мерзавцы, — проговорил жаждущий возмездия Алексей Т. — Но их хоть поймали?

— В ту же ночь, — охотно ответил Варахасий. — И они тут же раскололись. Все-таки не закоренелые преступники, а так, скверно воспитанные болваны... Может быть, тебя еще что-нибудь интересует?

— Прости, пожалуйста, — спохватился Алексей Т. — Продолжай.

— Ну-с, вот, — продолжал Варахасий. — Дело это дали мне, я тогда еще работал в том районе...

Дело представлялось ясным, как стеклышко. Показания свидетелей и смертельно перепуганных дружков обвиняемого полностью совпадали с показаниями самого обвиняемого, размазывавшего огромным кулаком сопли и слезы по пере-

кошенной от горя и ужаса небритой морде. Неосторожное убийство, статья 106 УК РСФСР, до трех лет лагерей или до двух лет исправработ. Оставалось выполнить некоторые формальности.

Поскольку убитый жил один, Варахасий, как положено, прежде всего произвел осмотр его квартиры на предмет опи- си вещей, обстановки и прочего. При осмотре, между про- чим, обнаружилось кое-что, убитому явно не принадлежа- щее: в прихожей — женские туфельки и тапочки тридцать четвертого размера; в ванной — кокетливый женский хала- тик на крючке, духи, лосьоны и разная женская дребедень на подзеркальной полке; в спальне — пара женских ночных сорочек. Но самое важное — в одном из запертых на ключ ящиков письменного стола, погребенный под пластинами удо- стоверений, дипломов, свидетельств, орденских книжек и прочих важных документов, оказался вот этот самый днев- ник в наглухо заклеенном конверте из плотной бумаги. Там же, у стола, Варахасий бегло проглядел, а затем дважды внимательно прочел содержимое этой припахивающей пле- сенью тетрадки, снова уложил ее в конверт и сунул к себе в портфель.

Он опечатал квартиру и вернулся в районную прокура- туру. На столе у него уже лежало заключение медэксперти- зы. Варахасий прочел и охнул. Ясное как стеклышко дело замутилось. Упав от сильного толчка в лицо, Никита Серге- евич Воронцов действительно ударился затылком о край тротуара и проломил себе череп, и это действительно могло послужить причиной мгновенной смерти, если бы не одно обстоятельство. А именно: даже толчок в лицо (в правую скулу, великовозрастный болван был левшой), не говоря уже об ударе головой о бетонную закраину, имел место по крайней мере через пять-шесть секунд после наступления клинической смерти Воронцова. Великовозрастный болван ударил уже мертвого.

— Как же так? — пораженно проговорил Алексей Т. — Если я правильно тебя понял, Воронцов же стоял...

— Ну и что же, что стоял? Умер, но не успел упасть. Такое ли еще бывает! Не в этом дело...

— А отчего он умер?

— Не помню, — нетерпеливо сказал Варахасий. — В заключении было сказано, но я уже забыл... Что-то врод- е острой сердечной спазмы. Не в этом дело, я тебе го- ворю.

— Да-да, прости. Продолжай, пожалуйста.

— Продолжаю. Ты представляешь себе мое положение?

— Очень даже представляю. Одно дело — если человека сбили с ног, он упал и убился. И совсем другое дело — если ударили мертвеца. Тоже, конечно, некрасиво, но есть ли это преступление? Так?

Варахасий хохотнул.

— Приблизительно, — сказал он. — Короче говоря, мне предстояла неинтереснейшая и зануднейшая писанина. За нее я и взялся, не теряя ни секунды драгоценного времени. И вот, когда я дошел до кругленького такого периода... м-м... «Сопоставляя показания свидетелей и заключение медэкспертизы, можно достаточно уверенно утверждать, что клиническая смерть наступила в 23 часа 15 минут...»

— Постой-постой! — вскричал Алексей Т. и схватил со стола тетрадь. — Когда, ты говоришь, это произошло?

— Восьмого июня прошлого года, одна тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, — ответил, ухмыляясь, Варахасий.

Алексей Т. отыскал в тетради нужную страницу и прочел вслух спертым голосом:

— «Я умру восьмого июня тысяча девятьсот семьдесят седьмого года в двадцать три часа пятнадцать минут по московскому времени».

— Вот и я тогда точно так же схватился за эту самую тетрадь, — произнес Варахасий. — Небезынтересно, правда?

— Еще бы! Ну, а дальше что?

— Дальше... Что ж, я — служака хороший, у меня от начальника секретов нет. Показал я эту тетрадочку на пробу прокурору. Все было, как я и ожидал: «Подделка, умышленный, случайное совпадение, не морочь мне голову, что, у тебя дел других нет?» И я решил попытаться размотать эту загадку на свой страх и риск. В частном, так сказать, порядке, но с сугубым использованием служебного положения.

— Правильно! — восторженно выдохнул Алексей Т.

— Правильно или неправильно — не знаю. Но было, было у меня такое ощущение, словно бы открывается дельце это в такую бездну, куда еще ни один человеческий глаз не заглядывал. А начал я, сам понимаешь, с биографии покойного.

Биография Никиты Сергеевича Воронцова

Никита Сергеевич Воронцов родился в Москве в тысяча девятьсот двадцать третьем году. Родители его умерли, когда ему было три года, и он остался на руках у старшей сестры (по первому браку отца) Серафимы, которой исполнилось тогда двадцать лет, работницы завода «Серп и молот» (бывший завод Гужона). И добрая, видно, девушка была эта Серафима: хотя трехлетний пацан здорово осложнял ее жизнь, она его не сбывала в приют, а отдала в ясли, а потом, когда подрос, в очаг при заводе.

Год спустя Серафима вышла замуж за Федора Кривоногова, работавшего в одном с нею цехе, а еще три года спустя у них родилась дочка Светлана. Судя по всему, Никита племянницу любил, и с Федором у него тоже были отличные отношения.

Семейство занимало две комнаты в огромном кирпичном доме на Андроньевской, в коммунальной квартире невероятных по нашему времени размеров. Там до сих пор еще проживают двое стариков, которые помнят и Серафиму с Федором, и Никиту, и Светлану, однако выяснить у них о Никите что-либо определенное не удалось: слишком все перемешалось в их бедной памяти за прошедшие бурные годы.

В сороковом году Никита окончил десятилетку, но, хотя учился прекрасно и едва только не натянул на «золотой аттестат», учиться дальше не пожелал, а поступил он на славный завод «Серп и молот», под начало к Феде, который к тому времени сделался уже мастером.

Тут и война разразилась.

Никита сразу же пошел добровольцем. Воевал он, видимо, прекрасно, себя не жалел: два ранения, контузия, орден Славы, три Красные Звезды, две медали «За отвагу». Кончил войну в Мукдене...

(— Где-где? — переспросил Алексей Т.

— Ну, в Шэньяне, — объяснил Варахасий Щ.

— Где это?

— Да в Китае же! В Маньчжурии!

— А-а-а... Да-да, конечно. Прости...)

В середине сорок шестого года Никита демобилизовался и вернулся на родную Андроньевскую. Дела там были плохи. Федор был убит. Серафима держала у себя какого-то хмыря-майора из военной комендатуры и изрядно попивала. Светлана связалась с шайкой то ли воров, то ли бандитов.

Никита, не тратя времени даром, первым делом снова поступил на завод в свой старый цех, быстро там освоился, затем осмотрелся в семье и молча ринулся в бой. Сначала он жестоко избил хмыря-майора, помыкавшего Серафимой, как служанкой. Могли быть изрядные неприятности, но майор был семейным и партийным и дело замял. Вскоре он, сославшись на распоряжение начальства, вернулся на казарменное положение, а потом и вовсе слинял начисто. И горько же, должно быть, попрекала Никиту несчастная Серафима!

Впрочем, может быть, и не так уж горько, потому что Никита вплотную занялся племянницей. И удалось ему управиться с племянницей, отлучить ее от опасных дружков и всякими правдами и неправдами устроить ее на завод учетчицей — школу-то она бросила еще в сорок четвертом, едва-едва вытянув семилетку.

Но все это подробности, может быть, пока и излишние.

В сорок седьмом году Никита поступил на вечерний в Московский институт стали, в пятьдесят втором закончил и был назначен в свой цех сменным инженером.

В пятьдесят пятом году умерла от инфаркта Серафима. Через год Светлана вышла замуж и завербовалась на Север. Никита Воронцов остался один. Здесь уместно будет сказать, что он как был, так и остался до конца дней своих холостяком. Судя по некоторым данным, не по вине женщин.

А еще через год он перевелся с «Серпа и молота» в один из номерных институтов. В семьдесят втором году он получил квартиру на проспекте Грановского и покинул старое гнездо на Андроньевской.

Поздно вечером 8 июня 1977 года он умер. В возрасте пятидесяти четырех лет.

— И все? — несколько разочарованно спросил Алексей Т.

— Все, если не считать подробностей, — ответил Варахасий. — Хочешь взглянуть на него?

— Хочу, конечно...

Варахасий вынул из красной папки и протянул приятелю фотографию. Это была стандартная фотокарточка шесть на девять. Обыкновенное, ничем, пожалуй, не примечательное лицо пожилого мужчины. Залысый лоб, редящие волосы, зачесанные аккуратно назад. Несколько запавшие глаза, полуприкрытые набрякшими веками. Резкие складки по сторонам сухого, плотно сжатого рта. Гладко

выбрит. Что еще? Уши слегка оттопырены. Серый пиджак поверх черного глухого свитера. Положительно, обыкновенный человек...

— Жаль, глаз почти не видно, — произнес Алексей Т., возвращая фотографию.

— Ага, — откликнулся Варахасий. — Вот-вот. Именно что жаль...

— А что?

— Как выразилась одна дама, глаза у Никиты Сергеевича были страшные, мудрые и тоскливыс. И другие люди, кто его знал, утверждают в один голос, что взгляд у него был странный... Правда, хоть и в один голос, но в разных выражениях.

— Так, — сказал Алексей Т. — Понятно. А теперь валяй все подробности.

Уже рассвело, небо стало пронзительно-синим, и на верхние этажи дома напротив пали розовые отсветы восходящего солнца.

Подробности о Никите Воронцове

— Как я тебе уже доложил, — сказал Варахасий Щ., — я решил попытаться разгадать эту загадку и принялся за дело по всем правилам нашего искусства. Я побывал в воснкомате, на заводе «Серп и молот», в номерном этом институте, изучил его биографию, можно сказать, доскональнейшим образом, и представь себе, не оказалось в ней решительно ничего, что бы пролило хоть какой-то свет на странности в дневнике. То есть он действительно выступил со своей частью на фронт в конце августа сорок первого, действительно воевал к западу от Москвы, а через три года переправлялся через Дуть... и пять лет назад вместе с неким Бельским получил авторское свидетельство на какую-то там бездымную технологию... Но к разгадке это меня не приблизило ни на шаг.

Что ж, бывает. Приспело время заняться ближайшим окружением нашего героя, друзьями, родственниками, знакомыми и так далее. Выяснением подробностей его частной и даже интимной жизни. Как честный человек, признаю, что, строго говоря, я не имел на это права, но мертвым не больно, а остановиться я уже не мог. Чужал, чужал я, что за загадочкой этой кроется что-то грандиозное, чуть ли не глобальное... Впрочем, сам увидишь и будешь судить.

Я опросил около двадцати человек. Большинство из них ничего интересного не сообщили. Хороший был мужик, компанейский парень, специалист отличный, такой милый, добрый мужчина... все в таком духе. Умел и любил выпить; анекдоты рассказывал — обхохочешься; нередко перед начальством держал мазу за обиженных; такого-то чуть ли не из-под суда вытащил; такому-то чуть ли не из самого ВЦСПС путевку в спецсанаторий для ребенка выбил... ничего не боялся... ничего для себя не требовал... хорошему своему приятелю публичную оплеуху влепил за хамство старухе технологу... Ну, кое-кого потискивал, не без этого... Словом, ангел, и именно во плоти. Вышел я, кстати, и на некоего Бобкова, в прошлом инструктора-самбиста, а ныне пьяницу с оскорбленно-брезгливой физиономией. Никита Сергеевич занимался у него в середине пятидесятых и был у него лучшим учеником. Как Бобков выразился, «с ним, с Никитой, хоть бы и навоз есть, все прямо изо рта выхватывал, такой был парень».

И лишь пять человек дали мне поистине ценные сведения — впрочем, увы, только усугубившие загадку. Если, конечно, по-прежнему относиться к ней с точки зрения здравого прокурорского смысла.

(Варахасий извлек из своей красной папки несколько листков бумаги, скрепленных могучей канцелярской скрепкой.)

Вера Фоминична Самохина, в девичестве Корнеева, 46 лет, химик-технолог, сослуживица Воронцова по номерному институту, познакомилась с ним в пятьдесят восьмом году.

Валентина Мирленовна Самохина, дочь Веры Самохиной, 24 года, работник Патентной библиотеки, познакомилась с Воронцовым в семьдесят четвертом году и стала его любовницей.

Светлана Федоровна Паникеева, в девичестве Кривоносова, 47 лет, домашняя хозяйка, племянница Воронцова.

Микаэл Григорович Хачатрян, 54 года, капитан 1-го ранга в отставке, школьный друг Воронцова.

И наконец, Константин Пантелеевич Шерстобитов, 55 лет, рабочий Мытищинского машиностроительного завода, фронтовой друг Воронцова, познакомился с ним в сорок втором году в запасном полку.

Ну-с, так вот. Все беседы я вел под магнитофон и после, конечно, за ненадобностью стирал, но записи бесед с этой пятеркой сохранил, даже сделал извлечения из них, — то,

что показалось мне наиболее интересным. Крутить записи подряд займет слишком много времени, так что давай я прочитаю тебе извлечения, а где нужно — прокомментирую. Согласен?

(Алексей Т. торопливо закивал, показывая, что да, он согласен, налил в стопки водку, опрокинул свою и запил остывшим часм, после чего произнес севшим голосом:

— Давай, читай...)

— Ладненько, — произнес Варахасий, тоже опрокинул свою и тоже запил остывшим часм. — Будем читать. Начнем с Веры Фоминичны Самохиной. Меня прямо-таки вытолкнула на нее та запись в дневнике, помнишь? «Вечерочка Корнеева, она же Воронцова, она же Нэко-тян»... Читаю:

— «Познакомились мы на какой-то вечеринке. Не помню уже сейчас, то ли чей-то день рождения был, то ли праздник какой-то... Шутка сказать, четверть века прошло! Зато как сейчас помню, что он сидел за столом почти напротив и смотрел на меня не отрываясь. Это я краем глаза видела, что он смотрит не отрываясь, а как на него взгляну, он уже и глаза успел опустить... Ну, мне было тогда двадцать шесть, что ли, мужики меня вниманием не обходили, но все равно было лестно... Потом, когда стол отодвинули и стали танцевать, он меня пригласил, и вот тут я впервые взглянула ему прямо в глаза. Меня словно током ударило... Нет-нет, не подумайте, ничего такого женско-мужского. У него глаза были какие-то такие... страшные, мудрые будто и тоскливые, что ли... То есть глаза-то у него были обыкновенные, серо-зеленые, но так он глядел... Я сразу решила: нет, это рыцарь не моего романа. Вообще-то он был весел, говорил интересно, острил довольно удачно, а кое-кто прямо на шею ему вешался... Впрочем, в глаза мы больше друг другу не заглядывали.

— Ваш муж тоже был на этой вечеринке?

— Н-нет... Нет-нет, он с Валькой остался, она тогда совсем малышка была, годика три... или четыре... Так вот что самое странное тогда случилось. Я устала, да и опьянела сильно, и присела отдохнуть на диван. И сейчас же ко мне подсел Воронцов. Сел рядом, как сейчас помню, руки на коленях сложил и негромко говорит мне, на меня глядя: «Вы не беспокойтесь, Вера Фоминична, с гландами у вас все обойдется благополучно». Я так глаза и вытаращила. С гландами у меня действительно с самого детства не в порядке, последние годы я все собиралась оперироваться, да не реша-

лась, но ему-то откуда про это знать? Я его спрашиваю: «Откуда вы знаете про мои железы?» Вот тут он ко мне наклонился и говорит чуть ли не шепотом: «Я о вас, Вера Фоминична, еще и не то знаю. Например, что есть у вас очаровательная родинка на...» И называет, простите, местечко на теле, которое и родному мужу не часто показываешь... Я обмерла, рот разинула, не знаю, то ли пощечину ему дать, то ли еще что, а он встал и ушел. Совсем ушел с вечеринки...

— Но родинка есть?

— В том-то и дело, что есть... И на том самом месте!

— И с железами благополучно обошлось?

— Прекрасно обошлось. Хотите верьте, хотите нет, но я как-то сразу бояться перестала и буквально через неделю пошла на операцию. И все вышло как по маслу... Скажите, товарищ следователь, вот вы, я вижу, Воронцовым и после смерти занимаетесь. Вы тоже думаете, что он был вроде как бы колдун или ясновидец?

— А сами вы как думаете, Вера Фоминична? Я ведь его живого в глаза не видел, а вы с ним худо-бедно почти два десятка лет бок о бок в одном учреждении, наверняка общались, разговаривали. У вас какое сложилось впечатление?

— Не знаю даже, что сказать... Сказать правду, мы больше и не общались никогда. Разве что по работе. А так встретимся в коридоре или в буфете — «здравствуйте», «привет», — только и всего. Хотя, конечно... Действительно, два десятка лет прошло, чего только не случилось за это время, многое забылось, а я его на той вечеринке как сейчас вижу.

— И он с тех пор так ни разу с вами и не заговорил?

— Ни разу. Наверное, чувствовал...

— Что?

— Да ведь боялась я его, товарищ следователь! Как чумы боялась. Как дети буку боятся. Когда Валька рассказала мне, что сошлась с ним, я неделю тряслась от горя и страха. Сейчас смешно вспомнить, но рвалась даже заявить в партком, в милицию, еще Бог знает куда. Хорошо еще, что муж меня удержал. Здорово бы это получилось: старый злодей совратил бедную девочку, а бедной девочке двадцать третий год миновал...

— Кстати, а как Валя восприняла смерть Воронцова?

— Вы знаете, удивительно спокойно. Ни слова, ни слезинки... Возможно, не так уж и любила.

— Возможно... Скажите, Вера Фоминична, вас никогда не прозывали таким словечком — Нэко-тян?

— Нэко-тян? Нет, впервые слышу. Что это такое?

— Это слово японское. «Кошечка» значит.

— Кошечка... Меня мама в детстве звала Кошечка...»

.....

— Вот все по Самохиной, — сказал Варахасий. — Впечатляет?

— Впечатляет, — проговорил Алкссей Т — Интересно, где это была у нсе родинка?

— Пошляк, — с отвращением сказал Варахасий.

— Извини. Я пошутил. Читай дальше.

Варахасий пошелестел бумагами.

— А дальше у нас пойдет дочка Самохиной, — сказал он. — Валентина Мирленовна. Очаровательная особа, доложу я тебе. Ну-с, с нею я беседовал с первой, она сама вышла на меня — с просьбой вернуть ее вещи, оставшиеся на квартире у Воронцова. Тут мы и побеседовали. Читаю:

— «Как мы с ним познакомились? Очень просто и вообще-то довольно случайно. В октябре... нет, в ноябре прошлого года начальство приказало мне срочно отрецензировать справочник по австрийской системе патентования. А я по-немецки ни в зуб ногой, в институте учила английский, но это было первое мне серьезное задание на работе, да и самолюбие играло. Ну, обложилась словарями, поползла по тексту, день корплю, другой, и все на первой странице... Нет, думаю, ничего у меня так не выйдет. Стала думать, что делать. Перебрала всех друзей и знакомых — как назло, никого с немецким. Кто с английским, кто с испанским, один даже с эсперанто, а с немецким ни одного. Тогда решила я подключить родителей: может быть, у них есть кто-нибудь. Вышла к ним, а у мамы — помнится, была суббота — гости, две пары из ее института. Так и так, говорю, товарищи, помогите бедному ребенку, срочно нужен знаток немецкого языка. Да ничего проще, кричат, у нас Воронцов отлично немецкий знает, Никита Сергеевич... И тут же дядя Ссва достает записную книжку и даст мне его домашний телефон. Мама было на дыбы, не смей, дескать, беспокоить человека, но они ее заговорили, что Воронцов — мужик добрый, что ему ничего не стоит и прочее. Ну, а я — в прихожую, к телефону. Позвонила, назвалась, сказала, по какому делу вторгаюсь в его домашний покой. Он помолчал несколько секунд и очень спокойно, негромко так сказал: «С удовольствием помогу вам, Валя. Я свободен, можете

приехать хоть сейчас...» — и продиктовал адрес. И я тут же к нему поехала.

— И помог он вам?

— Не помог — сам все сделал. Когда я два дня спустя после работы к нему поехала, как мы условились, рецензия была готова — напечатана в двух экземплярах, все честь по чести. Я его благодарить, а он головой покачал и сказал: «Не надо, Валя, это я в своих интересах, чтобы нам с вами сегодня не работать, а шампанское пить...» И глаза у него были в тот момент необыкновенные — грустные и какие-то сияющие, я таких ни у кого еще не видела. Наверное, в тот момент я в него и влюбилась. Что ж, я — человек решительный. Прямо при нем сняла трубку и позвонила домой, что буду ночевать у подруги.

— Любовь с первого взгляда, так сказать...

— Это что, ирония?»

(Варахасий прервал чтение.)

— Я уже доложил тебе, — сказал он, — что эта девица оказалась очаровательной особой. И говорила она со мной охотно, словно только и ждала случая выговориться. А когда я сострил насчет любви с первого взгляда, лицо ее исказило бешенство. То есть это я говорю — исказило, на самом деле оно осталось прекрасным.)

— «Это что — ирония?»

— Какая уж тут ирония, Валентина Мирленовна, избави Бог...

— Вы его не знали... Да и никто его не знал, даже самые близкие приятели. Одна только я знала, потому, наверное, что он был первым в моей жизни мужчиной. Я его любила без памяти. Хотя с самого того вечера знала, чувствовала, что ненадолго мне это счастье...

— Он вам сказал, что скоро умрет?

— Ерунда! Не мог он мне этого сказать. Он был здоров, он был совершенно здоров и невыразимо нежен... Мать никогда не была со мной так нежна, как он. Только однажды...

— Что?

— Незадолго до... Ну, недели за две до смерти он вдруг сказал мне ни с того ни с сего, ночью, я уже задремала... Громко и отчетливо сказал: «Скоро нам расставаться», а я спросила сквозь дремоту: «Почему?» И он ответил: «Потому что тебе дальше, а мне обратно, Нэко-тян...»

— Простите... как он вас назвал?

— Нэко-тян. Он меня так называл иногда. Когда-то он

был в Маньчжурии и влюбился там в одну японочку, и она научила его так се называть. Ласкательное прозвище. Нэко-тян. Мне очень нравилось, когда он так меня называл...»

— Теперь у нас пойдет мужчина, — сказал Варахасий. — Константин Пантелеевич Шерстобитов, бывший однопольчанин Воронцова. Рассказал он много любопытного, и много чего я из его рассказов выписал, но всего читать не стану, а прочитаю только небольшой отрывочек. Слушай.

— «Вот там-то, за Друтью, меня и накрыло. Друть мы с ходу перескочили, а как на обрыв выперлись — трах-бах, и ничего не помню. Очнулся уже в санбате. Полноги как не бывало, мозжит — сил нет, лью слезы, а что поделаешь? Ладно. И вот за час, как меня в тыл отправлять, является Никитка. Живой-здоровый, весь в пыли, рот до ушей, левая рука на перевязи, тоже его зацепило, но легонько, остался в строю. Как уж он ко мне прорвался — не знаю, не скажу. Ну, торопливо перекинулись о том о сем, оказывается, комбата у нас опять убило, поцеловались на прощанье, а затем сует он мне в руку сложенную бумажку и говорит мне: ты, говорит, как я тебе написал здесь, так и сделай, да не забудь, говорит, а то после Победы сам тебя найду и, несмотря, что ты теперь инвалид, рыло на сторону сворочу по старой дружбе. И убежал. Ну, развернул я бумажку, читаю. Сейчас уже не помню в точности, как там было написано, лет-то много прошло, но смысл был вот какой. Чтобы осенью в сорок седьмом году, когда буду жениться на Любаше из Медведкова, чтобы непременно позвал на свадьбу. Во как.

— И что вы тогда подумали, Константин Пантелеевич?

— Что подумал... Я тогда ни о какой Любаше ни из какого Медведкова слыхом не слыхал. Первое, что я тогда подумал, — что Никита таким способом просто подбодрить меня хочет: ничего, дескать, жизнь продолжается, ты и без ноги мужик хоть куда, не тушуйся, после войны встретимся... Но потом вспомнил всякие с ним случаи, ну, что я вам уже рассказал, и знаете, товарищ следовательно, скрывать не стану, повеселел. А потом, пока по госпиталям валялся, все это, признаться, как-то подзабылось. И записку ту я где-то затерял, и помучиться порядком пришлось, мне ведь еще две операции делали... Словом, вспомнил я об этом только через четыре года, летом сорок седьмого.

— Расскажите, пожалуйста.

— Расскажу. Это интересно получилось. Я уже работал

на Мытищинском. Раз задержался я в мастерских допоздна, халтурку одну работал, а дело в конце августа было, вечера уже темные, да еще дожди все время шли. Ну, ковыляю я себе домой, а темнотища, а грязища, а вся улица — ухаб на ухабе! И тротуар деревянный, с войны не чиненный. И загремел я в какую-то ямину. И культей своей прямо тычком в землю. Света Божьего невзвидел. Сижу, подняться не могу, только постанываю. И вдруг нежный такой надо мной голосок: «Вы что, гражданин, расшиблись?» Смотрю — рядом у калитки платьице белеется. «Расшибся, — говорю, — девушка, да и как не расшибиться, когда вы у своего дома волчьих ям нарыли, а у меня всего одна нога!» Короче, помогла она мне подняться, завела в свою комнатуньку, усадила на кушетку, захлопотала. И между прочим говорит: улица, говорит, здесь и верно нехорошая, только, говорит, это дом не мой, я здесь только комнату снимаю, а живу, говорит, я в Медведкове. А звать, спрашиваю, как? Люба меня зовут. Во! У меня в голове словно молния ахнула — разом все припомнил.

— И женились?

— Конечно, женился. Куда деваться? Да и то сказать: тридцать лет живем душа в душу, двух сыновей вырастили.

— Воронцова на свадьбу позвали?

— Еще бы! Разыскал через адресный стол, он где-то на Большой Андроньевской тогда жил, я потом у него был раза два... Сидел, сидел он у меня на свадьбе... Тут только вот какая штука получилась. Накануне как нам в загс идти, я рассказал сдуру Любаше всю эту историю...

— Почему же — сдуру?

— Получилось, что сдуру. На свадьбе Люба все к нему присматривалась и вроде как бы поживалась, что ли... Он, правда, ничего, наверное, такого не заметил. Веселый был, расцеловал нас, выпивал хорошо, закусывал, «горько» кричал... Только спустя какое-то время зашел у нас с Любой о нем разговор, и она мне говорит: если, говорит, ты меня любишь, держись от него подальше. Я страшно удивился. Почему? — говорю. У него, говорит, глаз нехороший, злоеющий. Я ее на смех поднял, застыдил, рассердился даже, однако она — ни в какую. Твердит одно: если, дескать, меня любишь... Ну, что с ней поделаешь? Тайком от нее встретился я с Никиткой несколько раз, да так и разошлись наши дорожки...»

.....
Алексей Т. снова взял дневник и отыскал запись: «Костя

Шерстобитов (ранен на Друти, июнь 44; женился на Любаше из Медведкова, осень 47)».

— Заурядный случай ясновидения, — саркастически пробормотал он и снова положил дневник на стол. — Читай дальше.

— Дальше, — сказал Варахасий, — у нас с твоего позволения пойдет еще один мужчина. Капитан 1-го ранга в отставке Микаэл Грикорович Хачатрян, друг детства Воронцова. Читаю:

— «Значит, умер Никита... Ай, как люди вокруг мрут! Вот и мама у меня умерла недавно. Правда, ей под восемьдесят уже было... Жаль Никиту, очень жаль. Из мужской части мы с ним в нашем классе всего двос, пожалуй, в живых оставались, остальных всех война съела... Так вам о нем в школьные годы? Гм... А позвольте полюбопытствовать, зачем это вам?

— Меня, собственно, интересует, не замечались ли вами в характере, повадках, высказываниях школьника Никиты Воронцова какие-либо странности, несообразности... ненормальности даже?

— Гм... Пожалуй, Никита действительно был в какой-то мере странный парнишка. Гм... Мы с ним большие приятели, что называется, водой не разольешь, но, говоря откровенно, я его иногда побаивался. Держался он как-то слишком по-взрослому, слишком навтыяжку, если вы понимаете, что я хочу сказать, слишком сдержанно. А если уж расходился, то это у него получалось просто даже страшно.

— Боюсь, я не совсем улавливаю...

— Поясню на паре примеров. Гм... Вот была у нас в школе такая шпанистая компания, человек десять хулиганов под предводительством некоего Гришки-Мурзы. Не знаю, чем мы с Никитой им не понравились, но принялись они нас бить. Где ни встретят, там бьют. Завтраки отнимали, карманные деньги, шапки срывали и закидывали куда-нибудь... Сами знаете, как это у подростков бывает. Первобытная жестокость. Гм... Мы с Никитой года два это терпели, а то и три. Не ябедничали, конечно, да и бесполезно было ябедничать. И вот однажды встречаются они нас на дороге из школы и принимаются за дело. Обычно мы как? Кое-как прикрываемся, стараемся проскочить поскорее и во все лопатки удрать. И вдруг Никита разворачивается и выдает самому Гришке-Мурзе прямой в переносицу. Мне даже хруст слышался, клянусь Богом. Это было со-

вершено неожиданно, и они оцепенели. А Никита уже одного бьет ногой в пах, другого хватает за волосы и с треском ударяет мордой о подставленное колено, третьего еще как-то. Гм... Они опомнились и набросились на него всем скопом, обо мне забыли, а я совершенно, знаете ли, ополоумел, в глазах темно, и ору нечленораздельно на всю улицу. Они здорово тогда избили Никиту, но и сами потсрпели урон... К счастью, сбегались прохожие. Гм... Да. И вот после этого дня Никита стал сам подстергать их поодиночке и избивать. Я иногда присутствовал. Это было ужасно. Это было... Это было невероятно жестоко, умело и, я бы сказал, по-деловому. То есть он дрался не так, как обыкновенно дерутся мальчишки, — не стремился оскорбить ударами, унижить, просто показать свое превосходство. Гм... Он как бы работал. Начал он прямо с Мурзы. Напал на него в школьной уборной и всю перемену деловито и страшно его обрабатывал. Все эти мальчишеские правила — «до первой крови», «под дых не бить», «ножку не подставлять», «лежащего не трогать» — все это он игнорировал. Уже через минуту несчастный Мурза валялся на кафельном полу и хрипел, а Никита трудился над ним и кулаками, и башмаками, и по-всякому. Мы оцепенели от ужаса, никто не решался вмешаться, даже старшеклассники. Клянусь Богом, такую ледяную жестокость я видел потом только в кино, в гангстерских фильмах!»

(Тут Варахасий опять прервал чтение.

— Поразительно, — произнес он, усмехаясь, — как цепко держится мальчишка даже в пожилых мужиках! Полковник в отставке, на шестом десятке, а раздухарился так, что мне вчуже страшно стало. Глаза выкатил, руками размахивает, вскочил, ногами показывает, как наш Никита пинками этого Мурзу угощал... Долго он в таком роде повествовал, мы на этом останавливаться не будем, тут и так все ясно, а перейдем к следующему пункту. Продолжаю.)

— «Понятно, Микаэл Грикорович. Ну, а другой пример?

— Какой — другой?

— Вы обещали пояснить на паре примеров. Один вы привели. А второй?

— Гм... Второй пример... Только я вас прошу понять, что тут у меня скорее впечатления, своими, так сказать, глазами я почти ничего не видел. Гм... Одним словом, с какого-то времени я стал замечать, что Никита необычайно смело ведет себя с девочками. Вы знаете, как обычно подростки в

четырнадцать-пятнадцать лет: и хочется, и колется... подсмотреть там, похихикать, а самого то в жар, то в холод, и вообще по большей части одни лишь мечтания бесплодные. Так вот, Никита вдруг обнаглел до крайней степени. И я почти уверен, что случилось у него что-то с одной нашей одноклассницей...

— Понятно. Микаэл Грикорович, вот вы сказали — «какого-то времени». А поточнее не припомните?

— Помню. И скажу вам совершенно точно. У Никиты случился приступ мозгового расстройства. Вообще-то он был парень здоровый, не болезненный, а тут вдруг слег, потерял память, в сильном жару несколько дней пролежал. Голову он застудил, что ли... или ударился... Не помню уже сейчас. И все эти, как мы их с вами называем, странности начались у него вскоре после этой болезни.

— И когда это случилось?

— Помню совершенно точно. В седьмом классе, в зимние каникулы. Я это помню потому, что во время этих каникул мы с ним начали увлекаться химией. Я-то в восьмом классе к ней поохладел и ударился в электротехнику, а Никита так химиком и остался...

— Кто такая Галина Родионовна?

— Галина Родионовна? Гм... Не помню что-то...

— Это тоже может быть из ваших школьных лет.

— А! Галина Родионовна! Да-да-да, как же! Учительница была у нас такая, англичанка, пришла к нам прямо из института. Между прочим, Никита английский знал просто в совершенстве...»

.....
Алексей Т. бросил на стол дневник и сказал устало:

— Кто там у тебя еще остался?

— Осталась у нас последняя фигура, — отозвался Варахасий Щ. — Светлана Федоровна Паникеева, в девичестве Кривоносова, племянница нашего Воронцова и его единственная наследница.

— И было там что наследовать?

— Как же! Библиотека после него осталась неплохая, мебель... из одежды кое-что... Если ты помнишь, в свое время она вышла замуж и уехала с мужем на Север, а в начале шестидесятых они вернулись, обремененные огромными деньгами и целым выводком детишек. Ну-с, она оказалась незатейливая, простоватая, хотя, доложу тебе, в свои сорок семь годочков еще очень и очень... Ладно, это, конечно, в сторону, а прочитаю я тебе сейчас свою одну ма-

ленькую выдержку, самую интересную, как мне представляется.

— Валяй. Слушаю.

— «А что ему дано было будущее знать, так я это еще девчонкой поняла. Он меня любил, Никита, жалел очень и играл, бывало, со мной, и книжки читал мне, и пел, когда я болела... Я часто в детстве болела. И вот песни он мне пел иной раз такие, каких тогда ни от кого услышать было нельзя, а услышала я их снова уже взрослой и много позже войны. «Эх, дороги, — он пел, — пыль да туман», «Черного kota», «Вы слышите, грохочут сапоги»... И про войну он досконально знал, что она будет, и когда, и какая будет. Вот, помню, поет он мне свою любимую, я ее тоже очень любила, хотя и мало понимала, конечно... Пост это он: «Ах, война, что ж ты сделала, подлая...» И тут папа входит к нам. А Никита ни при ком не любил петь, только мне, но не остановился, до конца спел. Папа дослушал и говорит: «О чем ты поешь, Никитка?» Он отвечает: «О войне, Федя, о войне пою». — «О какой такой войне?» — «А о той, что в будущем году начнется, и многие на ней голову сложат». — «Эх, типун тебе на язык», — папа говорит. А я гляжу, Никита на него глядит, и в глазах слезы...»

.....
Алексей Т. досмотрел, как складываются в папку скрепленные скрепкой листки и общая тетрадь в заплесневелой клеенчатой обложке, и перевел взгляд на окно. За окном царило яркое солнечное утро.

— Ну, как это тебе? — спросил Варахасий Щ., завязывая белые тесемки.

— А тебе? — спросил Алексей. — Размотал задачку?

— Есть у меня, есть кое-какие мысли, скрывать не стану...

Алексей Т. скривился насмешливо:

— Ясновидящий? Путешественник по времени?

— Не-ет, ясновидящий — это, брат, что... Это банальщина. Вот путешественник — это уже ближе к делу.

— Не с чего, так с бубен.

— А давай подискутируем, — предложил Варахасий Щ. — Если ты не устал, конечно.

— Давай, — согласился Алексей Т. — Только сначала прикончим эту благодать.

И он потянулся за бутылкой, в которой оставалось еще стопки на две, а то и на все три.

Дискуссия

Если тщательно сопоставить все данные (рассуждал Варахасий Щ.), то рисуется парадоксальная картина, а именно: Никита Сергеевич Воронцов прожил неопределенное множество жизней. В романтической литературе известны персонажи, прожившие несколько жизней, — достаточно вспомнить хотя бы джек-лондоновского Скитальца, который в своей смирительной рубахе носился из эпохи в эпоху, как страдающий поносом из сортира в сортир. Красиво, спору нет. Случай же с Никитой Воронцовым совсем иного рода. Про него точней будет сказать, что не множество жизней он прожил, а прожил он одну и ту же жизнь множество раз. И судя по всему, было это достаточно тяжело, тоскливо и утомительно. Недаром, недаром поется в старинной песенке (слова народные): «Лучше сорок раз по разу, чем за раз все сорок раз»...

Да, Никита Воронцов действительно был путешественником по времени, только не по своей воле и в весьма ограниченных пределах. И выглядело это следующим образом. Воронцов благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года. В 23 часа 15 минут по московскому времени некая сила останавливает его сердце, а сознание мгновенно переносит на сорок лет назад, в ночь на 7 января тридцать седьмого года, где оно внедряется в мозг Воронцова-подростка, причем внедряется со всем опытом, со всей информацией, накопленными за прожитые сорок лет, напрочь вытесняя, между прочим, все, что знал и помнил Воронцов-подросток до этой ночи. Далее, Воронцов снова благополучно доживает до вечера 8 июня семьдесят седьмого года, и снова та же самая неведомая сила убивает его тело и переносит его сознание, обогащенное, кстати, опытом и информацией новых сорока лет... и так далее, и так далее.

И так повторялось с ним неопределенное, может быть, и неисчислимое множество раз. Возможно, тысячу и одну жизнь прожил Никита Воронцов. Возможно, в последних своих жизнях он уже давно забыл, когда это произошло с ним впервые. А возможно, впервые это никогда и не происходило... (Только не надо недоуменно разводиться руками и закатывать глаза: наука как форма человеческого воображения умеет, конечно, много гитик, но натура умеет этих гитик в неисчислимое множество раз больше.)

Следует принять во внимание, что в подробностях все

эти его жизни совпадать, конечно, не могли. Слишком много случайностей возникает в каждой жизни, слишком много ситуаций выбора и вариантов ситуаций в микро-сциумах. Скажем, в одной жизни Воронцов мог жениться на Вере, в другой — на Клеопатре, в третьей — на Розе, а в четвертой он мог вообще от этого дела воздержаться и дать себе отдых от семейных тягот. Допускается даже, что когда-то его одолела тоска и он повесился еще до войны, а когда-то его разорвало на куски вражеским снарядом, а когда-то он погиб в авиационной катастрофе задолго до своего срока. Но когда бы и при каких обстоятельствах ни прерывалась его жизнь, он неизменно возвращался в ночь на 7-е января тридцать седьмого года и заново начинал очередное сорокалетие.

Нет смысла задаваться вопросом (продолжал Варахасий Щ., подняв толстый указательный палец), как и почему все это происходило и почему именно с Воронцовым. Наука эти высоты еще не превзошла и превзойдет, надо думать, не в ближайшие дни. Ибо речь здесь идет о природе времени, а время — это такая материя, в которой любой из нас не менее компетентен, чем самый великий академик. Возможно, гипотеза, предложенная им, Варахасием Щ., и не соответствует действительному положению дел в мироздании, но пусть кто-нибудь попробует ее опровергнуть! В частности, совершенно не имеет смысла закатывать пустые глаза, шевелить губами и загибать пальцы. Пустое это дело — пытаться представить себе, как соотносились бесчисленные реальности Никиты Воронцова с нашей единственной реальностью. Мы имеем здесь дело, вне всякого сомнения, с высшими, нам еще неизвестными проявлениями диалектики природы, человеческий мозг к ним пока не приспособлен, особенно мозг довольно рядового литератора, так что нечего тут напрягаться, а то, не дай Бог, пупок развяжется. Надлежит просто принять как данность: Никите Воронцову выпало много раз проходить мостами, «по яким нам бильше не ступаты...».

Тут Алексей Т. прервал приятеля. Он осведомился, случайно ли именно сегодня его угостили этой прекрасной песней.

Варахасий Щ. заверил, что это вышло совершенно случайно.

Тогда Алексей Т. запахнул халат, встал и заговорил. Он сказал, что не станет притворяться, будто странные подробности жизни Никиты Воронцова не произвели на него

впечатления. Не собирается он отрицать и того обстоятельства, что гипотеза Варахасия Щ. поражает смелостью и необычностью. Будучи всего лишь довольно рядовым литератором, он, Алексей Т., готов тем не менее дать гарантию, что эта гипотеза вознесет следователя городской прокуратуры Варахасия Щ. на самую вершину научного Олимпа и усадит его там в аккурат между Эм Ломоносовым и А Эйнштейном.

С другой стороны (продолжал Алексей Т.), тщательное сопоставление всех данных позволяет выработать и гипотезу совершенно иного толка. Варахасий Щ. не станет притворяться, будто странные подробности жизни Никиты Воронцова нельзя сочинить для поражения приятелей и особенно студенточек-юристочек. Не будет Варахасий отрицать и того обстоятельства, что современным криминалистам ничего не стоит изготовить заплесневелую тетрадочку и исписать в ней несколько страничек выцветшими чернилами. И как довольно рядовой, но все же литератор, он, Алексей Т., готов дать гарантию, что эта затея вознесет следователя городской прокуратуры Варахасия Щ. на какой-нибудь отрог литературного Олимпа и усадит его там в аккурат между Бэ Мюнхгаузеном и Кэ Прутковым.

Сказавши это, Алексей Т. сел, закинув ногу на ногу, и посмотрел на приятеля с наивозможнейшей снисходительностью.

Варахасий Щ. несколько раз задумчиво кивнул. Затем он сморщился и почесал за ухом. И затем он заговорил.

— Изложено недурно и убедительно, — произнес он. — Наличествует здоровая ирония. Неплох и слог. Особенно мне понравилось местечко между Мюнхгаузеном и Прутковым. А?

— Ну, это я преувеличил, — поспешно сказал Алексей. — В пылу полемики, так сказать. Они, конечно, до такой зауми не опускались.

— Зауми? — удивился Варахасий. — Видать, не знаешь ты, что такое настоящая заумь. Но вам бы все попроще бы. Как это ваш брат расписывает: «Васятка сунул ногу в отцовский сапог и загромыхал на двор. Аришка выпорхнула из отхожего места с визгом: «Го-го-го! Трактора ишшо гранулировать почву под озимые стартовали, а вы все чикаетесь!»

— Ломоносов! — огрызнулся Алексей Т.

— От такого слышу, — хладнокровно парировал Варахасий Щ. — Фэ Абрамов.

Приятели помолчали. Потом Алексей Т. сердито буркнул:

— Дай сюда дневник.

Он перебрал две-три страницы и углубился в чтение. Варахасий прибрал со стола и принялся мыть посуду.

— Чайник поставить? — спросил он.

Алексей не ответил.

— Чайник, говорю, поставить? — гаркнул Варахасий.

Тогда Алексей захлопнул дневник, бросил его на стол и крепко потер ладонями лицо.

— Сядь и послушай, — сказал он коротко.

Варахасий вернулся к столу, и Алексей, глядя поверх его головы припухшими от бессонной ночи глазами, начал:

«ИНТЕРВЬЮ, ДАННОЕ СКИТАЛЬЦЕМ ПО ВРЕМЕНИ Н.ВОРОНЦОВЫМ ПИСАТЕЛЮ И ЖУРНАЛИСТУ АЛЕКСЕЮ Т.

— Скажите, что вы испытываете при воскрешении?

— Боль. А потом несколько дней тоску и ужас.

— Почему же тоску и ужас?

— Потому что всякий раз впереди война, вселенское злодейство, вселенские глупости, и через все это мне неминуемо предстоит пройти.

— Неминуемо? Всякий раз?

— Да. Это обстоятельства капитальные, они составляют неперемный фон каждой жизни.

— А вы никогда не пытались их предотвращать? Кого-либо предупреждать, писать письма, выступать где-нибудь?

— Было когда-то. Очень давно, тысячу лет назад, должно быть. Помню уже довольно смутно. Нет, ничего не получалось. Приходилось даже кончать самоубийством. Один раз сгнил в концлагере. Три раза меня расстреляли, а однажды убили прямо на улице железными прутьями, минут десять убивали, было очень мучительно. «Ведь ясновидцев — впрочем, как и очевидцев, — во все века сжигали люди на кострах...» А я был в одном лице и ясновидец, и очевидец. Нет, что один человек ничего не может, это я всегда знал, но иногда просто не выдерживал.

— Понятно. Это об обстоятельствах, как вы выражаетесь, капитальных. Но в обычных, житейских... Я бы, например, если бы знал заранее, своего отца спас. Просто в тот день не выпустил бы его из дому, запер бы в квартире.

— Бесполезно. Житейские обстоятельства обычно в каждой жизни складываются по-разному. У вас с отцом что случилось?

— Попал под грузовик.

— Ну, а в другой жизни этот грузовик с вашим отцом не встретился бы. Либо минутой раньше проехал, либо позже, а то и вообще еще за месяц до того разбился бы и пошел в металлолом. Я в прошлой жизни на Верочке Корнеевой женился, а в этой встретился с нею, когда она уже замуж вышла и дочку родила.

— Но родинка у нее...

— А родинка, видимо, возникает из обстоятельств тоже капитального плана, разве что не политических.

— Простите, мы отвлеклись. Значит, в личном плане никого ни о чем нельзя предупредить, удержать от гибельного, предотвратить несчастье?

— Бесполезно. Судите сами. Я предупреждаю Федю, мужа своей сестры Серафимы, что его убьют под Харьковом. Что же ему делать, дезертировать? Проситься на другой фронт? Пустить себе пулю в лоб назло предсказанию? Я уже не говорю о том, что его убивают под Харьковом только в последних пяти моих жизнях, а за двести лет до этого он регулярно умирал совсем другой смертью.

— Это, наверное, тяжкое бремя — бессильное знание.

— Правда. Порой я ощущаю его как невыносимое. Бывает, очень хочется умереть по-настоящему, как другие...

— Но ведь есть и радости в вашем положении!

— Да, конечно, и могу заверить, что никто из вас не радуется своим радостям так, как я своим.

— Если можно, расскажите подробно.

— Не буду я подробно. Все равно вы не поймете.

— Вино, любовь, путешествия?

— Это наслаждения, а не радости. Наслаждения у нас с вами одни и те же. Радости разные.

— Скажите, это не случайно, что вы перед смертью не уничтожили свой дневник?

— Нет. И не случайно, как я обставил свою смерть.

— Вы хотите сказать...

— Мой дневник должен был попасть в руки не к моей преподобной курице-племяннице, а к следователю городской прокуратуры Варахасию Щ.

— Благодарю вас. До встречи в нашей следующей жизни».

.....
— Как это тебе? — произнес Алексей Т. самодовольно.

— Чрезвычайно неровный слог, — отозвался Варахасий Щ. — Тотчас видно, что не человек писал. Начнет так, как

следует, а кончит собачиной. Впрочем, все же се глас не мальчика, но мужа. Если бы ты почаще...

Бог знает, какой совет собирался дать Варахасий своему приятелю, но тут затренькал дверной звонок. Варахасий вышел в прихожую и вернулся, разворачивая телеграмму.

— «Доехали устроились благополучно, — прочитал он вслух, — целуем любимого мужа папочку Саша Глаша Даша».

Варахасий сладко зевнул и потянулся.

— Вот и прекрасно, — сказал он. — Пошли спать. Постелю тебе в кабинете, не возражаешь? Славно, однако, что сегодня не работать. И междусобойчик получился на славу, как ты находишь?

— На славу, — согласился Алексей.

Он тоже сладко зевнул и вдруг захлопнул рот, стукнув зубами. Он весь сотрясся.

— Знаешь, — произнес он хриплым шепотом, — по мне так лучше к чертям в ад, чем обратно...

Варахасий промолчал. Может быть, он не расслышал.

Содержание

- 5 *Б.Стругацкий.*
Краткая история одного псевдонима
- 10 ЭКСПЕДИЦИЯ В ПРЕИСПОДНЮЮ
10 Часть первая. Погоня в космосе
66 Часть вторая. Операция «Итай-итай»
134 Часть третья. Иван, сын Портоса
- 208 ДЬЯВОЛ СРЕДИ ЛЮДЕЙ
- 300 ПОДРОБНОСТИ ЖИЗНИ
НИКИТЫ ВОРОНЦОВА
- 300 Холостяцкий междусобойчик
305 Дневник Никиты Воронцова
308 Умертвие на проспекте Грановского
313 Биография Никиты Сергеевича Воронцова
315 Подробности о Никите Воронцове
327 Дискуссия

С. Ярославцев

Я 71 Дьявол среди людей. — М.: «Текст», 1995. — 336 с.

Атос, Портос и Арамис отправляются в космос — сражаться с врагами человечества. Простой русский парень становится чем-то вроде дьявола и может убивать и уродовать людей мыслью, па расстоянии. И последний сюжет: человек живет в кольце времени — раз за разом он возрождается в 1937 году и раз за разом умирает в 1977-м — в одно и то же время, с точностью до минуты. Таковы три повести, вошедшие в сборник. Первая — очень веселая и смешная, две другие — трагические и, пожалуй, пугающие.

ISBN 5-7516-047-9

ББК 84 P7-4

С. Ярославцев

ДЬЯВОЛ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Редактор Н.Гуве

Художественный редактор В.С.Любаров

ЛР № 063402 от 26.05.94

Подписано в печать 26.06.95. Формат 84x108/32. Усл.печ.л. 17,64.
Уч.-изд.л. 19,00. Тираж 20000 экз. Изд. № Ф178. Заказ № 3409.

Издательство «Текст»,
125190 Москва, а/я 89

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати.
127018 Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И КНИГОТОРГОВЦЕВ!

**КНИГА С.ЯРОСЛАВЦЕВА —
ОДНА ИЗ ЧЕТЫРНАДЦАТИ,
КОТОРЫЕ ВМЕСТЕ СОСТАВЛЯЮТ
ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
АРКАДИЯ И БОРИСА СТРУГАЦКИХ**

**ЭТОТ КОМПЛЕКТ, А ТАКЖЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
СТАНИСЛАВА ЛЕМА
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ЦЕНТРЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ТЕКСТ»**

**ТАМ ЖЕ:
ПОЛНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ПЛАНАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА,
НАЛИЧИИ КНИГ И ЦЕНАХ**

**НОВЫЕ КНИГИ «ТЕКСТА»
И ДРУГИХ ИЗДАТЕЛЬСТВ**

**ПОДПИСКА НА СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ГЕРБЕРТА УЭЛЛСА**

**Адрес Информационного центра:
125183 Москва, проезд Черепановых, 56
телефон (095) 156-86-70
Представитель в Санкт-Петербурге:
телефон (812) 356-80-29**

Атос, Портос и Арамис отправляются в космос —
сражаться с врагами человечества.

Простой русский парень
становится чем-то вроде дьявола и может убивать
и уродовать людей мыслью, на расстоянии.
И последний сюжет: человек живет в кольце времени —
раз за разом он возрождается в 1937 году
и раз за разом умирает в 1977-м —
в одно и то же время, с точностью до минуты.
Таковы три повести писателя С.Ярославцева.
Сам же писатель... Как вы узнаете из предисловия,
это Аркадий Стругацкий.

